

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 4 • 2020

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Машкевич И.М., Орлов В.Н., Антопян Е.А., Зайцев О.А.

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Машкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Асташинов Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОВ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Саренбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Абшилова Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат Российской Федерации (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сергей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антопян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исмахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрли Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильашенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркрян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия, г. Орел)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОВ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петраши Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права, научный сотрудник ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Тунавичев Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюгова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОВ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Туреунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шнико Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОВ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Помощники выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Овчинникова Елизавета Олеговна, редактор-переводчик (Россия, г. Москва)

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2020. — № 4

М.: ООО «Издательство Проспект», 2020. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 07.09.2020 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-4-208

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 4 • 2020

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.

Verleger:

Prospekt

Der Chefredakteur:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rechtsanwalt, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Vereidigter Rechtsanwalt der Russischen Föderation (Jekaterinburg, Russland)

Avetisian Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademienmitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Ityashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

steriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskow, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladivostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossov Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuravtsov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupancevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Iustinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolyskyj Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovskiy Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Verfassungs- und Völkerrecht der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistenten:

Prihodko Natalia Yuryevna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Lehrerin am Lehrstuhl für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands "Bolshevo", Mitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Redakteurin-Übersetzerin (Moskau, Russland)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62 E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2020. — Nr. 4
Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2020. — 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbescneigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 01. Februar 2018.

Am 07.09.2020 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-4-208

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 4 • 2020

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonian E.A., Zaitsev O.E.

Publisher:

Prospekt

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Ural Federal District of Russia, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisyan Sergiy Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalalir Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal and Criminal Executive Law at Nyzhnyy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhnyy Novgorod (Nyzhnyy Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebilja Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhsky Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and International Law at the National University of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's Assistants:

Prikhodko Natalia Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Bolshevo", Member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Ovchinnikova Elizaveta Olegovna, Editor-Translator (Moscow, Russia)

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2020. — No. 4

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2020. — 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 07.09.2020. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-4-208

СОДЕРЖАНИЕ

Трибуна ВУЗА. КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Потапенко Сергей Викторович,
Лупарев Евгений Борисович*
Современная юридическая наука
в Кубанском государственном университете.....7

*Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,
Потапенко Сергей Викторович*
Примирительные процедуры в российском уголовном
процессе: проблемы правового регулирования и
тенденции совершенствования законодательства..... 13

*Коняхин Владимир Павлович,
Князькина Анастасия Константиновна*
Нормативные предписания международного
уголовного права: понятие, виды, структура 21

Костенко Роман Валерьевич
В начале пути цифровизации российского уголовного
судопроизводства 28

*Лозовский Денис Николаевич,
Руденко Александр Викторович*
Особенности расследования преступлений, связанных
с хищением денежных средств при продаже
автотранспортных средств в автосалонах..... 34

*Прохоров Леонид Александрович,
Прохорова Марина Леонидовна*
Помилование в России: проблемы применения
(в свете протокола совместного совещания Управления
Президента РФ и представителей органов исполнительной
власти Южного федерального округа)..... 39

Семенцов Владимир Александрович
Провокация преступления в оперативно-розыскной
деятельности 45

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Кузнецов Александр Павлович
Обязательные работы в современном российском
законодательстве: уголовно-правовое исследование54

*Серебрянникова Анна Валерьевна,
Лебедев Максим Владимирович*
Уголовное право в эпоху цифровых технологий 65

Дубов Егор Игоревич
Социально-экономическая и правовая
обусловленность криминализации «коллекторской»
деятельности в России 70

КРИМИНОЛОГИЯ

Мацкевич Игорь Михайлович
Вспомнить все о транснациональных преступных
организациях: криминологический очерк.....76

Овчинникова Елизавета Олеговна
Лингвистическая регуляция общества:
опыт германии по профилактике экстремизма 103

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В ГЕРМАНИИ

Хелльманн Уве
Борьба с финансированием терроризма
как задача мирового сообщества..... 109

Штаге Диана

Борьба с подделкой лекарственных средств
в Европейском союзе и Германии..... 113

Терзикаян Саргис

Европейское распоряжение об осуществлении
предварительного расследования
по уголовным делам..... 118

ЦИВИЛИСТИКА, ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

Редникова Татьяна Владимировна
Меры адаптации к климатическим изменениям:
совершенствование экологического законодательства
Российской Федерации в свете присоединения
к Парижскому соглашению по климату..... 122

Устюкова Валентина Владимировна
Дискуссионные проблемы реорганизации
крестьянского (фермерского) хозяйства 128

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

*Гольцер Татьяна Александровна,
Сорокина Кристина Анатольевна*
Криминологический анализ неисполнения
обязанностей по воспитанию
несовершеннолетнего 134

Митрофанов Никита Владиславович
Коррупция в российском высшем образовании 140

Молчанова Виктория Андреевна
Киберпреступность в сфере каршеринга
как новая угроза современности..... 148

Ринов Роберт Беккович
Торговля несовершеннолетними 155

*Таранков Олег Игоревич,
Порошкина Татьяна Сергеевна*
Проблема безопасности при использовании
биометрических данных граждан 159

РЕЦЕНЗИЯ

Михайлов Валентин Иванович
Рецензия на монографию «Новые направления
развития уголовного законодательства в зарубежных
государствах: сравнительно-правовое исследование» /
В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв.
ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М.: Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации;
ООО «Юридическая фирма контракт», 2019. 424 с. 165

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 180

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 182

ABOUT THE AUTHORS..... 184

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER..... 186

ANNOTATIONS AND KEYWORDS..... 197

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ
СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»..... 207

INHALT

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT. DER STAATLICHEN KUBAN-UNIVERSITÄT

Potapenko S.V., Luparev E.B.
Die moderne Rechtswissenschaft an der Staatlichen
Kuban-Universität..... 7

Adigezalova G.I., Potapenko S.V.
Schlichtungsverfahren im Russischen Strafprozess:
Probleme der rechtlichen Regulierung und Trends bei der
Entwicklung von Gesetzgebung 13

Konyakhin V.P., Knyazkina A.K.
Die Normativvorschriften des internationalen Strafrechts:
Konzept, Arten, Struktur 21

Kostenko R.V.
Am Anfang des Weges der Digitalisierung des russischen
Strafverfahrens..... 28

Lozovsky D.N., Rudenko A.V.
Die Merkmale der Untersuchung von Straftaten im
Zusammenhang mit Geldmittelentwendung beim Verkauf
von Fahrzeugen in Autohäusern 34

Prokhorov L.A., Prokhorova M.L.
Die Begnadigung in Russland: Probleme bei der
Anwendung (im Lichte des Protokolls der gemeinsamen
Sitzung des Präsidialamtes der Russischen Föderation
und der Vertreter der Exekutivbehörden des Südlichen
Föderalen Bezirkes) 39

Sementsov V.A.
Provokation des Verbrechens in der operativen und
Suchtätigkeit 45

STRAFSRECHT

Kuznetsov A.P.
Zwangsarbeit in der modernen russischen Gesetzgebung:
strafrechtliche Forschung..... 54

Serebrennikova A.V., Lebedev M.V.
Strafrecht im digitalen Zeitalter 65

Dubov E.I.
Sozioökonomische und rechtliche Konditionierung der
Kriminalisierung der Tätigkeit der Schuldbetreibung in
Russland..... 70

KRIMINOLOGIE

Matskevich I.M.
Denken Sie an alles über Transnationale kriminelle
Organisationen: ein kriminologisches Essay 76

Ovchinnikova E.O.
Linguistische Regulierung der Gesellschaft: Deutschlands
Erfahrung in der Prävention von Extremismus..... 103

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN: REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN IN BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND

Hellmann U.
Bekämpfung der Terrorismusfinanzierung als Aufgabe der
Internationalen Staatengemeinschaft..... 109

Stage D.
Die Bekämpfung von Arzneimittelfälschungen in der
Europäischen Union und in Deutschland..... 113

Terzikyan S.
Die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen..... 118

ZIVILISTIK, ENERGETIK UND UMWELTRECHT

Rednikova T.V.
Anpassungsmaßnahmen an den Klimawandel:
Verbesserung der Umweltgesetzgebung der Russischen
Föderation im Lichte des Beitritts zu den Pariser
Klimaabkommen 122

Ustyukova V.V.
Die kontroversen Fragen der Reorganisation der
Bauernwirtschaft 128

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

Goltser T.A., Sorokina K.A.
Kriminologische Analyse der Nichterfüllung von
Verantwortlichkeiten für die Erziehung eines
Minderjährigen 134

Mitrofanov N.V.
Korruption in der russischen Hochschulbildung 140

Molchanova V.A.
Cyberkriminalität im Carsharing als neue Bedrohung der
Moderne 148

Rinov R.B.
Handel mit Minderjährigen 155

Tarankov O.I., Poroshkina T.S.
Das Problem der Sicherheit bei der Nutzung von
biometrischen Daten der Bürger 159

BUCHBESPRECHUNG

Mikhailov V.I.
Die Rezension zur Monographie "Neue Richtungen für
die Entwicklung der Strafgesetzgebung in ausländischen
Staaten: eine rechtsvergleichende Studie" / V.Yu.
Artemov, I.S. Vlasov, N.A. Golovanova U.A.; Herausgeber:
N.A. Golovanova, S.P. Kubanetsev. Moskau: Das Institut für
Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung
der Russischen Föderation; Anwaltskanzlei Vertrag, 2019.
424 S. 165

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 182

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 186

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG
VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN
UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT
VERBAND DER KRIMINALISTEN
UND KRIMINOLOGEN 207

CONTENTS

PRESENTATION OF THE UNIVERSITY. KUBAN STATE UNIVERSITY

Potapenko S.V., Luparev E.B.
Modern legal science at Kuban State University..... 7

Adigezalova G.I., Potapenko S.V.
Conciliation procedures in Russian criminal process:
Problems of legal regulation and trends in improving
legislation..... 13

Konyakhin V.P., Knyazkina A.K.
Legal norms of international criminal law: concept, types,
structure..... 21

Kostenko R.V.
At the beginning of digitalization of Russian criminal
court proceedings..... 28

Lozovsky D.N., Rudenko A.V.
Features of investigation of crimes related to theft of
funds when selling motor vehicles in car dealerships..... 34

Prokhorov L.A., Prokhorova M.L.
Pardon in Russia: Problems of implementation (in the
light of the minutes of the joint meeting of the
Office of the President of the Russian Federation and
representatives of Executive authorities of the Southern
Federal District)..... 39

Sementsov V.A.
Provocation of a crime in operational-search activity..... 45

CRIMINAL LAW

Kuznetsov A.P.
Compulsory works in modern Russian legislation:
criminal law research..... 54

Serebrennikova A.V., Lebedev M.V.
Criminal law in the Digital Age..... 65

Dubov E.I.
Socio-economic and legal conditionality of
criminalization of debt collection activity in Russia..... 70

CRIMINOLOGY

Matskevich I.M.
Remember all about transnational criminal
organisations: a criminological essay..... 76

Ovchinnikova E.O.
Linguistic regulation of the society: Germany's
experience in preventing extremism..... 103

FOREIGN REPRESENTATION OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS: FOREIGN REPRESENTATION OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN GERMANY

Hellmann U.
Combatting Terrorist Financing as a task for the
International Community..... 109

Stage D.
Combatting counterfeit pharmaceuticals in the European
Union and in Germany..... 113

Terzikyan S.
The European Investigation Order in criminal matters..... 118

CIVIL LAW, ENERGETIC AND ENVIRONMENTAL LAW ZIVILISTIK, ENERGETIK UND UMWELTRECHT

Rednikova T.V.
Adaptation measures to climate change: improving the
environmental legislation of the Russian Federation in
the light of joining the Paris Climate Agreement..... 122

Ustyukova V.V.
Controversial issues of the peasant farm economy
reorganization..... 128

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Goltser T.A., Sorokina K.A.
Criminological analysis of non-fulfillment of duties of
upbringing of a minor..... 134

Mitrofanov N.V.
Corruption in Russian higher education..... 140

Molchanova V.A.
Cybercrime in the car-sharing as a new present threat..... 148

Rinov R.B.
Trafficking in minors..... 155

Tarankov O.I., Poroshkina T.S.
The problem of security when using biometric data of
citizens..... 159

BOOK REVIEW

Mikhailov V.I.
Review of the monograph "New Directions of the
Development of Criminal Legislation in Foreign
Countries: comparative law research" / V.Yu. Artemov,
I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, etc; Executive editors
N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev; Moscow, The
Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation; Law Firm
Contract, 2019. 424 p. 165

ABOUT THE AUTHORS 184

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 197

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC
ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING
IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS
AND CRIMINOLOGISTS".....207

Трибуна вуза. Кубанский государственный университет

Современная юридическая наука в Кубанском государственном университете

Потапенко Сергей Викторович,
Лупарев Евгений Борисович

Цель: в статье рассмотрены вопросы развития направлений научных исследований как отдельных ученых, так и научных коллективов на юридическом факультете Кубанского государственного университета. Проиллюстрировано сочетание фундаментальной юридической науки с практической деятельностью правоприменительных органов, а также обозначены перспективы приращения научного знания в условиях активно меняющихся общественных отношений.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, статистический метод.

Выводы. В результате исследования авторы приходят к выводам о том, что разнообразные по своему содержанию и направленности исследования правового регулирования общественных отношений в современный период в Кубанском государственном университете хотя и протекают в рамках общероссийских тенденций развития юридической науки, обладают целым рядом отличительных особенностей, связанных с формированием новых, самобытных направлений исследований. Кроме того, подчеркивается, что сформировавшиеся на юридическом факультете Кубанского государственного университета научные школы отвечают вызовам времени, выходят на уровень международного научно-взаимодействия.

Научная и практическая значимость. Обоснованные в статье выводы и предложения направлены на повышение эффективности координационного взаимодействия при осуществлении научных исследований как в Российской Федерации, так и в системе международного научно-взаимодействия.

Ключевые слова: Кубанский государственный университет, юридический факультет, научные школы, направления научных исследований.

За 100-летнюю историю Кубанского государственного университета в нем сложились различные по своей направленности и содержанию векторы научных исследований. Не является исключением и юридический факультет, на котором уже на протяжении более, чем 60-лет формируются и развиваются научные школы в рамках различных отраслей права. В этой связи уместно заметить, что за весь период деятельности факультета его преподавателями было издано свыше 3 тысяч научных работ, в том числе 168 монографий. Кроме того, в течение 2015–2020 гг. опубликовано 26 научных статей, индексируемых в системах Web of Science и Scopus, а также 248 статей в изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки России.

Одним из основоположников юридической науки в Кубанском государственном университете по праву считается профессор А.А. Хмыров. Его теория косвенных доказательств послужила началом существования научного направления в криминалистике и науке уголовного процесса, поддерживаемого в настоящее время учениками А.А. Хмырова, докторами юридических наук О.В. Гладышевой, В.Г. Ульяновым, И.А. Николаичуком [14], А.В. Руденко [17]. Так сложилось, что криминалистика и уголовно-процессуальная наука долгие годы определяла тренд научных исследований в Кубанском государственном университете, что было вызвано потребностями времени, да и собственно первоначальной

Ученый совет юридического факультета КубГУ.

1 ряд (слева направо): М.Ю. Хорошенькова, Е.Б. Лупарев, В.П. Коняхин, С.В. Потапенко, Л.В. Шенникова, И.М. Хиль, Н.В. Огородникова.
 2 ряд (слева направо): О.Н. Малиновский, И.С. Кич, М.Л. Прохорова, В.А. Семенцов, Л.Е. Калинина, А.В. Руденко, С.В. Рудакова, Г.Э. Адыгезалова, В.А. Латынцева, М.П. Малютин, Е.В. Беловолова, Г.А. Маркосян, Р.М. Дзидзоев
 (26 июня 2020 г.)

целью создания факультета — подготовкой квалифицированных кадров для правоохранительных органов.

Стремительность изменения общественно-политической ситуации в стране и мире поставила юридический факультет Кубанского государственного университета перед новыми вызовами в развитии юридической науки. Потребовалось развитие на качественно новом уровне теоретических, государственно-правовых, цивилистических исследований при сохранении потенциала криминалистической, уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки.

На 8 кафедрах юридического факультета осуществляются следующие направления научных исследований:

1. «Политические и правовые системы: история и современность»; «Проблемы правового плюрализма в теории и практике» (кафедра теории и истории государства и права);

2. «Конституционное право и муниципальное право: актуальные проблемы развития и взаимодействия» (кафедра конституционного и муниципального права);

3. «Концептуальные основы теории административных правоотношений» (кафедра административного и финансового права);

4. «Гражданско-правовое регулирование: проблемы эффективности» (кафедра гражданского права);

5. «Актуальные проблемы гражданского и арбитражного процесса, международного, трудового и экологического права» (кафедра гражданского процесса и международного права);

6. «Уголовная политика в сфере противодействия преступности: пути оптимизации» (кафедра уголовного права и криминологии);

7. «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности» (кафедра уголовного процесса);

8. «Криминалистические проблемы борьбы с преступностью» (кафедра криминалистики и правовой информатики).

В настоящее время в рамках указанных направлений осуществляют свою научно-исследовательскую деятельность 155 преподавателей. Из них 26 —доктора и 98 — кандидаты наук; 19 — профес-

соров и 55 – доцентов; 7 – заслуженных юристов РФ, 2 – заслуженные работника высшей школы РФ, 10 – почетные работники высшего профессионального образования РФ, 20 – заслуженные юристы Кубани, 2 – академика негосударственных академий наук и 1 академик иностранной академии наук.

Современные общетеоретические исследования представлены работами *С.А. Жинкина* по проблематике эффективности права [7], *Г.Э. Адыгезаловой* по вопросам истории политических и правовых учений [1]. Историко-правовая наука долгое время была представлена трудами *В.В. Момотова*, ныне Секретаря Пленума Верховного Суда РФ, Председателя Совета судей РФ [13].

Представители теории государства и права вносят свой существенный вклад и в развитие науки конституционного права. Работы профессора *Р.М. Дзидзоева*, который по своей научной специальности является теоретиком права, широко известны в конституционно-правовой науке [3].

С теоретическими и государственно-правовыми исследованиями тесно связано направление научных изысканий в сфере административного и финансового права. Основоположником данного направления современных научных исследований на юридическом факультете стал профессор *Е.Б. Лупарев* с работами по теории административных правоотношений [10], по теории административно-правовых споров [11]. *А.Н. Жеребцов* ведет активные исследования по проблематике миграционного права [5]. *М.Б. Добробаба* является признанным специалистом в вопросах служебного права [4].

Интересно заметить, что представители данной отраслевой науки внесли весомый вклад и в развитие общей теории права. Широкую известность получили исследования *Е.Б. Лупарева*, *М.Б. Добробабы* и *Т.В. Мокиной* по общей теории публичных правоотношений [12] и работы *А.Н. Жеребцова* по теории публично-правовых обязанностей [6].

Гражданско-правовая наука представлена в трудах профессоров *С.В. Потапенко* и *Л.В. Щенниковой*. *С.В. Потапенко* сосредоточил свое внимание на проблематике гражданско-правовых аспектов защиты чести, достоинства и деловой репутации и вопросах судебной системы РФ [15]. *Л.В. Щенникова* – признанный специалист по проблематике общей части гражданского права и проблематике нотариальной деятельности [20].

Уголовно-правовая наука представлена фундаментальными работами профессоров *В.П. Ко-*

ныхина [8], *Л.А. Прохорова*, *М.Л. Прохоровой* [16] и их учеников. Достаточно сказать, что на кафедре уголовного права и криминологии уже сформировалась и успешно функционирует собственная научная школа «Институциональные основы уголовного права» (руководитель – профессор *Коняхин В.П.*), основными направлениями которой являются «Концептуальные основы построения уголовного права РФ» (профессор *Коняхин В.П.*); «Институт назначения наказания: законодательный и правоприменительный аспекты» (профессор *Прохоров Л.А.*); «Институт уголовной ответственности за преступления против общественной безопасности» (профессор *Прохорова М.Л.*). В контексте указанной школы только за последние 10 лет были подготовлены и защищены 2 докторские диссертации *М.С. Жука* (научный консультант – профессор *Коняхин В.П.*) и *А.М. Максимова* (научный консультант – профессор *Прохоров Л.А.*), а также 17 кандидатских диссертаций.

Наука уголовного процесса представлена исследованиями *О.В. Гладышевой* [2], *В.А. Семенцова* [2;18], *В.Г. Ульянова* [19], *Р.В. Костенко* [9]. Научная школа уголовного процесса в Кубанском государственном университете существует в тесной взаимосвязи с криминалистической наукой, основоположником которой в вузе, как уже говорилось по праву выступает *А.А. Хмыров*.

Нельзя не сказать о том, что развитие научных исследований протекает в рамках в том числе научных грантов, финансируемых отечественными научными фондами: «Комплексные административные правоотношения в системе публичных правоотношений» (*Е.Б. Лупарев*); «Модернизация концепции административного оспаривания в России» (*Е.Б. Лупарев*); «Иностранные граждане и организации как участники административного судопроизводства» (*Е.Б. Лупарев*); «Честь, достоинство и деловая репутация казаков Кубанского казачьего войска как объекты судебной защиты от диффамации» (*С.В. Потапенко*); «Институализация гражданской активности в условиях российской политической реальности» (*М.М. Курячая*); «Формирование подходов к систематизации российского медицинского законодательства» (*Е.В. Епифанова*, *Е.Б. Лупарев*); «Принципы вещно-правового регулирования и эффективность их реализации» (*Л.В. Щенникова*); «Правовые механизмы обеспечения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы: проблемы формирования» (*М.Б. Добробаба*); «Реализация принципа

социальной направленности вещно-правового регулирования (на примере социального узурфрукта) (Л.В. Щенникова).

Научная работа невозможна без возможности публикации учеными своих достижений. Понимание этого привело к созданию в Кубанском государственном университете 2 юридических научных журналов: «Юридический вестник Кубанского государственного университета» и «Очерки новейшей камералистики».

Журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» (главный редактор — доктор юридических наук, профессор С.В. Потапенко, заместитель главного редактора — доктор юридических наук, профессор Е.Б. Лунарев, ответственный секретарь — кандидат юридических наук, доцент А.В. Швец) стал первым более чем за 60 летнюю историю юридического факультета изданием, включенным в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В редакционный совет журнала входят 27 ученых-юристов КубГУ и других ведущих вузов: Г.Э. Адыгезалова, доктор юридических наук, доцент (КубГУ); А.Т. Боннер, доктор юридических наук, профессор (МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина); О.В. Гладышева, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); Мешко Горазд, доктор права, профессор (Мариборский университет (Республика Словения)); А.В. Гусев, доктор юридических наук, доцент (Краснодарский университет МВД России); М.Б. Добробаба, доктор юридических наук, доцент (КубГУ); Р.М. Дзидзоев, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); А.Н. Жеребцов, доктор юридических наук, доцент (Краснодарский университет МВД России); С.А. Жинкин, доктор юридических наук, доцент (КубГУ); В.П. Камышанский, доктор юридических наук, профессор (КубГАУ им. И.Т. Трубилина); Е.Ю. Киреева, доктор юридических наук, профессор (РАНХиГС при Президенте РФ); В.П. Коняхин, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); Р.В. Костенко, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); Д.Н. Лозовский, доктор юридических наук, доцент (КубГУ); Х.К. Нгуэн., доктор права, доцент (Юридический университет г. Хо Ши Мин (Социалистическая Республика Вьетнам)); Л.А. Нудненко, доктор юридических наук, профессор (РАНХиГС при Президенте РФ); А.Н. Позднышов, доктор юридических наук, профессор (Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)); И. Прание-

стис доктор права, профессор (Вильнюсский университет (Литовская Республика)); Л.А. Прохоров, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); М.Л. Прохорова, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); А. Пищ, доктор права, профессор (Белостокский университет (Республика Польша)); Ю.А. Попова, доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия); А.В. Руденко, доктор юридических наук, доцент (КубГУ); В.А. Семенов, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); В.Л. Слесарев, доктор юридических наук, профессор (МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина); Сreto Ного, доктор права, профессор (Республика Сербия); Ю.Н. Стариков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет); Л.В. Щенникова, доктор юридических наук, профессор (КубГУ); В. Шмейкал, доктор права, доцент (Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)).

Журнал «Очерки новейшей камералистики» (главный редактор доктор юридических наук, профессор Е.Б. Лунарев) включен в базу Российского индекса научного цитирования и публикует исследования в области теории государственного управления, административного и финансового права, а также смежных юридических наук

Помимо этого, ведущие ученые юридического факультета являются членами редакционных коллегий и редакционных советов более, чем 20 научных журналов, включенных в перечень рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки России.

Важным направлением научной деятельности, являются организация и проведение на базе факультета за последние 10 лет 8 международных, 9 всероссийских, 23 межвузовских научных и научно-практических конференций. Среди конференций, имеющих международный и всероссийский статус, стоит отметить следующие:

«Актуальные вопросы спортивного права в преддверии XXII Олимпийских зимних игр и XI Параолимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» (г. Краснодар, 16–17 апреля 2011 г.)

«Экология и уголовное право: поиск гармонии» (г. Геленджик, 6–9 октября 2011 г.);

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение» (г. Геленджик, 2–3 октября 2015 г.);

«Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность» (г. Краснодар, 2–4 июня 2016 г.)

«Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)» (г. Краснодар, 13–14 декабря 2019 г.);

«Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности» (г. Краснодар, 23 марта 2019 г.);

«I Хмыровские криминалистические чтения» (г. Краснодар, 13 декабря 2017 г.);

«II Хмыровские криминалистические чтения» (г. Краснодар, 12–13 декабря 2018 г.);

«III Хмыровские криминалистические чтения» (г. Краснодар, 12 декабря 2019 г.);

«Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность» (г. Краснодар, 8 июня 2019 г.)

«Диалоги о частном праве на Юге России» (г. Краснодар, 28 февраля 2020 г.).

Подводя итог, важно подчеркнуть, что современные исследования ученых юридического факультета Кубанского государственного университета протекают в контексте сочетания свободы научного творчества с приоритетными направлениями научно-технического развития Российской Федерации. Мы верим, что факультет и в будущем сохранит лучшие традиции кубанской научной школы и продолжит вносить свой весомый вклад в приращение юридических научных знаний как на общероссийском, так и на международном уровнях.

Литература

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. 268 с.
2. Гладышева О.В., Потапенко С.В., Семенцов В.А. Уголовно-процессуальные средства обеспечения имущественных и личных неимущественных прав. Краснодар, 2020.
3. Дзидзоев Р.М. Институт импичмента в России. М.: Юрлитинформ, 2010. 216 с.
4. Добробаба М.Б. Служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения (административно-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2017. 412 с.
5. Жеребцов А.Н. Миграционно-правовые режимы: теория и практика административно-правового регулирования: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спец. для системы Гарант, 2014. 263 с.
6. Жеребцов А.Н. Общая теория публично-правовой обязанности. М.: Пресс, 2013. 403 с.
7. Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 371 с.
8. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 346 с.
9. Костенко Р.В., Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2018. 147 с.
10. Лупарев Е.Б. Административные правоотношения. М.: Изд-во НП «Евразийская акад. административных наук», 2013. 229 с.
11. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 245 с.
12. Лупарев Е.Б., Добробаба М.Б., Мокина Т.В. Общая теория публичных правоотношений. М.: Юрлитинформ, 2011. 280 с.
13. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М.: Зерцало-М, 2003. 415 с.
14. Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, 2000. 360 с.
15. Потапенко С.В., Даниелян А.С. Судебное правотворчество в контексте правовой системы России: проблемы теории и практики. Краснодар: КубГУ, 2018. 152 с.
16. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Профилактика наркотизма: (проблемы теории и практики). Краснодар: Изд-во Кубанского соц.-эконом. ин-та, 2003. 9 с.
17. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания. М.: Проспект, 2013. 274 с.
18. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2017. 254 с.
19. Ульянов В.Г., Евсеенко В.Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2017. 138 с.
20. Щенникова Л.В. Проблемы вещного права. М.: Норма, 2016. 205 с.

References

1. *Adygezalova G.E.* Sotsiologicheskaya yurisprudentsiya SShA v XX veke: formirovanie doktriny, razvitie i sovershenstvovanie pravoporyadka [Sociological jurisprudence of the USA in the XX century: formation of doctrine, development and improvement of law and order]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tseñtr-Press Publ., 2012. 268 p. (In Russian)
2. *Gladysheva O.V., Potapenko S.V., Sementsov V.A.* Ugolovno-protsessual'nye sredstva obespecheniya imushchestvennykh i lichnykh neimushchestvennykh prav [Criminal procedural means of ensuring property and personal non-property rights]. Krasnodar, 2020. (In Russian)
3. *Dzidzoev R.M.* Institut impichmenta v Rossii [Institute of impeachment in Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 216 p. (In Russian)
4. *Dobrobaba M.B.* Sluzhebno-deliktnye distsiplinarnye pravootnosheniya (administrativno-pravovoe issledovanie) [Service-tort disciplinary legal relations (administrative and legal research)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 412 p. (In Russian)
5. *Zherebtsov A.N.* Migratsionno-pravovye rezhimy: teoriya i praktika administrativno-pravovogo regulirovaniya: Monografiya [Migration and legal regimes: theory and practice of administrative and legal regulation: Monograph]. The 2nd edition. Moscow, Garant Publ., 2014. 263 p. (In Russian)
6. *Zherebtsov A.N.* Obshchaya teoriya publichno-pravovoi obyazannosti [General theory of public-legal obligation]. Moscow, Press Publ., 2013. 403 p. (In Russian)
7. *Zhinkin S.A.* Psikhologicheskie problemy effektivnosti prava [Psychological problems of law effectiveness]. Saint Petersburg, Yurid. tseñtr Press Publ., 2009. 371 p. (In Russian)
8. *Konyakhin V.P.* Teoreticheskie osnovy postroeniya obshchei chasti rossiiskogo ugolovnogo prava [Theoretical bases of construction of the General part of the Russian criminal law]. Saint Petersburg, Yurid. tseñtr Press Publ., 2002. 346 p. (In Russian)
9. *Kostenko R.V., Nemira S.V.* Dostovernost' zaklyucheniya eksperta v ugolovnom protsesse [Reliability of expert opinion in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 147 p. (In Russian)
10. *Luparev E.B.* Administrativnye pravootnosheniya [Administrative legal relations]. Moscow, 2013. 229 p. (In Russian)
11. *Luparev E.B.* [General theory of administrative and legal dispute]. Voronezh, Izd-vo NP "Evraziiskaya akad. administrativnykh nauk" Publ., 2003. 245 p. (In Russian)
12. *Luparev E.B., Dobrobaba M.B., Mokina T.V.* Obshchaya teoriya publichnykh pravootnoshenii [General theory of public relations]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2011. 280 p. (In Russian)
13. *Momotov V.V.* Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv. [Formation of Russian medieval law in the IX–XIV centuries]. Moscow, Zertsalo-M, 2003. 415 p. (In Russian)
14. *Nikolajchuk I.A.* Sokrytie prestuplenij kak forma protivodejstvija rassledovaniju [Concealment of crimes as a form of counteraction to investigation]. Diss. ... dokt. jurid. Nauk, 2000. 360 p. (In Russian)
15. *Potapenko S.V., Danielyan A.S.* Sudebnoe pravotvorchestvo v kontekste pravovoi sistemy Rossii: problemy teorii i praktiki [Judicial lawmaking in the context of the legal system of Russia: problems of theory and practice]. Krasnodar, KubGU Publ., 2018. 152 p. (In Russian)
16. *Prokhorov L.A., Prokhorova M.L.* Profilaktika narkotizma: (problemy teorii i praktiki) [Drug Prevention: (problems of theory and practice)]. Krasnodar, Izd-vo Kubanskogo sots.-ekonom. in-ta Publ., 2003. 9 p. (In Russian)
17. *Rudenko A.V.* Soderzhatel'naya logika dokazyvaniya [Substantive logic of proof]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 274 p. (In Russian)
18. *Sementsov V.A.* Sledstvennye deistviya v dosudebnom proizvodstve [Investigative actions in pre-trial proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 254 p. (In Russian)
19. *Ulyanov V.G., Evseenko V.E.* Taina v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva [Mystery in pre-trial stages of criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. (In Russian)
20. *Schennikova L.V.* Problemy veshchnogo prava [Problems of real law]. Moscow, Norma Publ., 2016. 205 p. (In Russian)

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,
Потапенко Сергей Викторович

Цель: процесс институализации альтернативных способов разрешения юридических конфликтов наблюдается в российской юридической практике и в деятельности правотворческих и правоприменительных органов. Опыт расширения применения примирительных процедур на протяжении последнего десятилетия демонстрирует необходимость их внедрения в уголовный процесс. Деятельность примирителей не только снизит нагрузку на суды общей юрисдикции, но и позволит более качественно осуществлять уголовное преследование, минимизировать деструктивные последствия конфликта между потерпевшим и подозреваемым.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, статистический метод, формально-юридический метод, системный метод.

Выводы. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что сложились предпосылки для интеграции примирительных процедур в российский уголовный процесс. Анализ правового регулирования примирения в иных отраслях процессуального права, а также данные статистики, позволяют определить возможные варианты внесения изменений в уголовно-процессуальные нормы Российской Федерации.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование обозначает и развивает сложную и практически значимую проблему институализации примирительных процедур уголовного процесса: медиации, судебного примирения и иных вариантов примирения. Автор обосновывает необходимость введения и детального нормативного закрепления процедур примирения, правового статуса примирителей в уголовном процессе, ссылаясь на направления государственной политики в указанной сфере, на тенденции развития процессуального права и на недостаточную эффективность существующих в российском праве способов разрешения юридических конфликтов, направленных на их предотвращение и оптимальное завершение.

Ключевые слова: юридический конфликт, уголовно-процессуальный конфликт, уголовное преследование, примирение, медиация, медиатор, примиритель, восстановительное правосудие, судебное примирение, альтернативные способы разрешения споров, уголовное дело частного обвинения, внесудебные процедуры.

Правовое развитие современного российского государства идет по пути институализации и дальнейшей правовой регламентации альтернативных способов разрешения юридических конфликтов. Отрасль конфликтологии, которая изначально формировалась на стыке социологии и психологии, с конца XX в. получила активное развитие

в юриспруденции, когда был создан Центр конфликтологии РАН, организованный в 1991 г. по инициативе вице-президента Российской академии наук, известного правоведа, криминолога и конфликтолога Владимира Николаевича Кудрявцева. Под его редакцией вышел ряд значимых с точки зрения отечественной науки работ

(Юридическая конфликтология (М., 1994), Юридическая конфликтология: сферы и механизмы (М., 1994), Юридические конфликты: процедуры разрешения (М., 1995) [1, с. 213–214].

Несмотря на то, что в настоящее время Центр конфликтологии находится на стадии ликвидации по данным официального сайта РАН (См.: *Центр конфликтологии РАН* // URL: http://www.ras.ru/win/DB/show_org.asp?P=oi-861.ln-ru (дата обращения: 09.03.2020)), научные исследования в области юридической конфликтологии уже носят масштабный характер и охватывают не только теоретические юридические науки, но и отраслевые. Более того научные изыскания уже воплощаются в юридической практике, так как в правовых нормах нашли отражение научные идеи и концепции.

Судебное разбирательство является одним из самых радикальных способов разрешения юридических конфликтов, характеризующихся конфликтным поведением сторон со стратегией соперничества. Данная стратегия поведения в конфликте относится к наименее продуктивным (по сравнению, например, с компромиссом, сотрудничеством).

Потерпевшие, как правило, являются инициаторами уголовного судопроизводства по совершенным в отношении них преступным деяниям. Цель потерпевших добиться уголовного наказания преступника и реального возмещения причиненного преступлением вреда [6, с. 252–261]. На практике возмещение ущерба, причиненного преступлением, позитивно учитывается во всех континентально-европейских юрисдикциях при назначении наказания (См.; *Freund G., & Carrera E. G. (2006). Strafrechtliche Wiedergutmachung und ihr Verhältnis zum zivilrechtlichen Schadensersatz. Zeitschrift Für Die Gesamte Strafrechtswissenschaft, 118(1)* // URL: <https://doi.org/10.1515/zstw.2006.003> (дата обращения: 07.04.2020)).

Вместе с тем последнее обстоятельство легло в основу распространившейся с начала 70-х годов XX века в странах англо-саксонского права Концепции восстановительного правосудия [9, с. 359–417], нацеленной, в первую очередь, на реальное возмещение жертвам преступления причиненного им вреда. Концепция восстановительного правосудия основана на том, что преступление – это не только нарушение закона, направленное против государства, но и прежде всего нарушение прав жертвы, личности. В парадигме восстановительного правосудия основным компонентом является не наказание, а примирение правонарушителя с жертвой и возмещение ущерба [4, с. 43].

О необходимости содействовать примирению сторон в судопроизводстве в целях сокращения количества рассматриваемых судами дел и улучшения качества отправления правосудия указано в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (86) 12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды, принятой в 1986 г. (См.: *Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды»* (Вместе с «Примерами не относящихся к судопроизводству вопросов, от решения которых должны быть избавлены судьи в некоторых странах, с учетом конкретных особенностей каждой страны») (Принята 16 сентября 1986 г. на 399-м заседании представителей министров) // СПС «КонсультантПлюс»). Здесь предложено в качестве одной из основных задач возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии судебного процесса.

С сентября 2018 г. в России на уровне распоряжения Правительства РФ также закреплено понятие «восстановительное правосудие» как «новый подход к отпращиванию правосудия, направленный, прежде всего, не на наказание виновного путем изоляции его от общества, а на восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя» (См.: *Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»* // СПС «КонсультантПлюс»).

Таким образом, восстановительное правосудие представляет собой одну из форм разрешения конфликтов, альтернативную уголовному судопроизводству, направленную на возмещение ущерба жертве и примирение ее с преступником.

Хотя для многих людей открытый судебный процесс кажется более надежным, по сравнению, например, с медиацией, способом разрешения возникшего спора. Люди рассчитывают на помощь адвоката, полагая, что этот юрист использует свои юридические знания для решения их проблемы. Однако, сторонам конфликта следует

знать, что суды перегружены, а это влечет за собой длительные сроки рассмотрения не только гражданских, но и уголовных дел (например, дел частного обвинения).

В условиях сегодняшнего дня судебная власть активно взаимодействует со средствами массовой информации с целью формирования позитивного общественного мнения о судебной системе, повышения уровня доверия населения к судебной власти. Соответственно, судебное рассмотрение предполагает гласность как гражданского, так и уголовного процесса. При этом публичным достоянием может стать негативная информация не только о подсудимом, но и о потерпевшем, что может испортить его репутацию, особенно если это публичный человек.

Суд, как известно, непосредственно в процедуре медиации не участвует, даже тогда, когда медиация проводится в ходе уголовного процесса. Поэтому процедура медиации не носит гласный характер. Медиатор — не судья, он является не властным субъектом, а помощником, посредником между сторонами, он знает, как помочь сторонам погасить конфликт между ними, удовлетворив интересы обеих сторон.

Для снижения уровня конфликтности в обществе, ориентированном на ценности правового государства и гражданского общества, неизбежно обращение теории и практики к внесудебным процедурам разрешения споров (конфликтов). Это подтверждается актами, определяющими направления государственной политики.

Так, в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (*одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.*) упоминается, что развивающееся российское законодательство предусматривает широкое внедрение альтернативных методов разрешения спора (переговоры, посредничество, примирение и т.п.), которые в значительной степени восприняты из других правопорядков. При этом до 2010 г. указанные внесудебные процедуры, по сути, не были детально регламентированы, присутствовали лишь некоторые упоминания о них в нормативно-правовых актах.

Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная

ответственность» направлено на внедрение инновационных для Российской Федерации механизмов предупреждения и разрешения конфликтов с участием детей и подростков, реагирования на правонарушения. При этом закрепляются медиативно-восстановительные способы и процедуры, дается определение понятия «восстановительного правосудия» как нового подхода к отправлению правосудия, суть которого не в наказании виновного путем изоляции его от общества, а в восстановлении материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, причиненного потерпевшим, а также обществу и государству; в осознании и заглаживании вины; в восстановлении отношений; в ресоциализации правонарушителя.

В Методических рекомендациях по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций), содержащихся в Письме Минобрнауки России от 26 декабря 2017 г. № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций» ставится задача регламентации и организации взаимодействия образовательных организаций с территориальными службами примирения/медиации для их привлечения к проведению процедур медиации и программ восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в рамках воспитательной деятельности. В данном случае примирение и медиация отождествляются, что, на наш взгляд, является неверным, так как медиация — это лишь одна из примирительных процедур.

В Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в целях развития дружественного к ребенку правосудия предусматриваются «развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия; организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении».

Российское процессуальное законодательство в духе идеи расширения применения альтернативных способов урегулирования конфликтов претерпело определенную трансформацию. Если процессуальные кодексы в общем упоминали о возможности примирения сторон, о мировом соглашении, то с 2009–2010 годов наблюдаются существенные изменения. Первоначально необходимость в изменениях возникла в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г.

№ 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

В результате Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ были внесены существенные изменения в кодификационные акты. В Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее КАС РФ) появились новеллы, связанные с определением перечня примирительных процедур, среди которых названы переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение (ст. 137.3). Перечень примирительных процедур не является исчерпывающим. Ст. 137 указывает на принципы примирения: добровольность, сотрудничество, равноправие и конфиденциальность. В то же время ч. 1 ст. 137 определяет, что примирение может касаться только прав и обязанностей сторон как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон.

В гражданском процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве первоначально упоминалось только примирение (без конкретизации процедуры) и его возможный результат — мировое соглашение, утверждаемое судом. С появлением Закона о медиации Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) закрепляется процедура медиации. Так, согласно ст. 150 при подготовке дела к судебному разбирательству судья «принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства». А уже с помощью Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ ст. 150 вновь подверглась редактированию, в результате чего появилась обязанность судьи разъяснять существо и преимущества примирительных процедур, а также право сторон обратиться к судебному примирителю. В этом случае суд утверждает его кандидатуру. В ст. 153.3 ГПК РФ перечислены примирительные процедуры по аналогии со ст. 137.3 КАС РФ. Глава 14.1 ГПК РФ посвящена примирительным процедурам. В ч. 2 ст. 153.1 указаны те же принципы, что и в ст. 137 КАС РФ, но в отличие от КАС РФ нет условий, ограничивающих применение примирительных процедур, кроме руководства судьей интересами сторон и задачами судопроизводства.

Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ также были внесены изменения и в Ар-

битражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Глава 15 практически повторила главу 14.1 ГПК РФ указанием тех же примирительных процедур и принципов примирения.

Тем же законом от 26 июля 2019 г. были дополнены полномочия Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который теперь утверждает Регламент проведения судебного примирения, а также на основе предложений кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских) военных судов, арбитражных судов формирует и утверждает список судебных примирителей. И завершением процесса реформирования становится принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения».

Таким образом, если до 2010 года продвижение идей внесудебного урегулирования конфликтов (споров) с помощью примирительных процедур носило фрагментарный, стихийный характер, то в настоящее время мы видим последовательное реформирование, целью которого является не только повышение качества правосудия за счет снижения загруженности судов, но и гармонизация отношений в обществе, развитие их в русле сотрудничества и взаимодействия.

Уголовный процесс не был до настоящего времени затронут активным внедрением примирительных процедур, хотя, как было уже указано, идеи восстановительного правосудия уже начинают получать оформление (пока только в отношении малолетних преступников). Примирение сторон в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ред. от 27.12.2019, с изм. от 30.01.2020) (далее УПК РФ) упоминается лишь в двух статьях: ст. 20 и ст. 25.

Согласно ст. 25 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Согласно ст. 20 прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон возможно по делам частного обвинения, которые возбуждаются только по заявлению потерпевшего, его законного

представителя (за исключением случаев с лицами, которые в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы).

Соответственно для примирения сторон в уголовном процессе требуется соблюдение ряда условий: во-первых, уголовное дело о совершении преступления небольшой или средней тяжести; во-вторых, уголовное дело о совершенном преступлении должно быть либо делом частного обвинения (ч. 1 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» и ст. 128.1 «Клевета»), либо делом публичного обвинения; в-третьих, уголовное дело не должно быть делом частно-публичного обвинения; в-четвертых, лицо должно примириться с потерпевшим и загладить причиненный вред, как моральный, так и материальный; в-пятых, наличие заявления потерпевшего или его законного представителя. Некоторые авторы предлагают свою трактовку примирения, указывая, что подозреваемый или обвиняемый должны признать свою вину, а потерпевший должен простить виновное лицо [2, с. 26]. Однако, на наш взгляд, это слишком расширительное толкование уголовно-процессуальных норм. Ни в УК РФ, ни в УПК РФ не сказано о признании вины и о прощении. Не вызывает сомнения тот факт, что примирение сторон иногда может представляться сторонам взаимовыгодным для обеих сторон конфликта: потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого).

Для потерпевшего создается возможность добровольного возмещения причиненного вреда, что означает возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. При этом способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим (См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»). Для подозреваемого или обвиняемого прекращение уголовного дела в связи с примирением, хоть и является прекращением дела по нереабилитирующему основанию, однако позволяет избежать судимости, которая, по его мнению, реально ему грозит.

Примирение может происходить как при самостоятельном участии конфликтующих сторон, так и с привлечением третьих лиц, что не позволяет согласиться с мнением А.В. Гравицкого

и М.М. Коблевой, что медиация и примирение являются тождественными понятиями [2, с. 27].

Таким образом, примирение сторон может быть просто взаимовыгодным способом прекращения конфликта между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым). В то же время согласно ст. 25 УПК РФ суд, следователь или дознаватель не обязаны, а вправе прекратить уголовное дело, а значит все-таки они должны убедиться в обоюдном и осознанном желании сторон прекратить дело в связи с примирением, а также в добровольности примирения. Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, подтверждая эту идею, указывает: «При разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности судам следует также учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» (См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»).

Появление в российском уголовном законодательстве нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением сторон свидетельствует о развитии более гуманных и вместе с тем действенных способов разрешения конфликтов, порождаемых преступлением. Правоприменительная практика показывает, что примирение с потерпевшим является эффективным инструментом современной уголовной политики.

Примирение с потерпевшим по делам публичного обвинения предусмотрено в двух кодифицированных актах: УК РФ (ст. 76) и УПК РФ (ст. 25). Согласно ст. 25 УПК РФ по определенным категориям дел следователь на стадии предварительного расследования и суд на стадии судебного разбирательства в случае примирения сторон вправе прекратить уголовное дело. Эта норма относится к случаям, если лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред (ст. 76 УК РФ). Кроме того, УК РФ содержит составы частного обвинения, по которым уголовные дела могут начаться не иначе как по заявлению потерпевшего (три со-

става – ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ). По таким делам при примирении сторон дело прекращается в обязательном порядке.

Согласно буквальному толкованию ст. 76 УК РФ для того, чтобы лицо было освобождено от уголовной ответственности по рассматриваемому нами основанию, необходимо одновременное наличие двух обязательных (хотя и недостаточных) условий: его примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда потерпевшему [3, с. 346–357].

Как отмечают Д.В. Гордеюк и А.Ю. Беспалов, примирительные процедуры в уголовном судопроизводстве представлены не только примирением потерпевшего с подозреваемым (обвиняемым или подсудимым), но и процедурами, схожими с примирением сторон: назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судом по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора (ст. 25.1 УПК РФ); заключение досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым, обвиняемым и органами следствия, органами дознания (гл. 40.1 УПК РФ) [7, с. 82–106].

Тем не менее УПК РФ нуждается в дальнейшем редактировании с целью четкой регламентации примирительных процедур в уголовном процессе. Особого внимания требует согласование различных правовых институтов путем упорядочения уголовного процесса с административным и гражданским процессами. Процедуры медиации и судебного примирения, которые были внедрены в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, на наш взгляд, необходимо интегрировать в УПК РФ.

Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в редакции уже не упоминавшегося Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ закрепляет, что закон о медиации распространяется на «отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений». По сравнению с первой редакцией перечень споров был расширен, что позволяет уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения отнести к «иным публичным правоотношениям». Что ка-

сается судебного примирения, то утвержденный регламент упоминает, что он разработан для реализации положений КАС РФ, АПК РФ, ГПК РФ, однако это не исключает возможность введения института судебного примирения и в уголовный процесс.

В уголовном процессе необходимо регламентировать примирительные процедуры как для досудебной стадии (уголовное преследование), так и для судебной. Это будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства, связанному с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

В настоящее время процедура примирения, применяемая судом, следователем или дознавателем, может иметь место на обеих стадиях. На наш взгляд, на досудебной стадии для ряда составов преступлений (например, для дел частного обвинения, а также по преступлениям, посягающим прежде всего на права и законные интересы конкретного лица) может оказаться эффективной медиация.

Как отмечает О.А. Малышева, «изучение российской правоприменительной практики показывает, что именно органы предварительного расследования главным образом обеспечивают возмещение обозначенного вреда» [5, с. 20]. При этом около 80% потерпевших не получают материального возмещения и моральной компенсации за причиненный преступлениями вред [8, с. 53–55]. Согласно данным судебной статистики за 2018 г. сумма ущерба от преступления, определенная по судебному акту, составляет 32 млн руб., сумма ущерба, присужденная к взысканию – 21,8 млн руб., сумма по исполнительным листам, выданным взыскателям – 7,6 млн руб., а сумма ущерба, признанная судом (мировым судьей) погашенной до вынесения судебного акта, составила примерно 7,3 млн руб. (См.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ / Данные судебной статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 25.03.2020)). Все это свидетельствует о необходимости проведения работы по разрешению конфликта между потерпевшим и преступником (вина которого еще не доказана в суде) отдельным лицом, обладающим профессиональными навыками примирителя, в том числе медиатора. Ведь следователь, как и дознаватель (орган дознания), отнесен уголовно-процессуальным законом к стороне обвинения, и должен в случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных

в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), т.е. на них возложена обязанность уголовного преследования. Закон закрепляет три вида участников судопроизводства: суд, сторона обвинения и сторона защиты. Задача примирения сторон в уголовном процессе прямо не ставится ни перед одним из участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, тенденции развития современного законодательства, связанного с внесудебными процедурами урегулирования юридических споров, требуют введения в раздел II УПК РФ еще одной главы, касающейся примирителей (в том числе медиаторов), как участников уголовного судопроизводства.

Процедура примирения в том виде, в котором она имеет место в действующем УПК РФ, предположительно осуществляется адвокатами, которые не всегда могут быть заинтересованы в конструктивном прекращении конфликта на ранней стадии. Кроме того, техника осуществления адвокатской деятельности существенно отличается от техники примирителя или медиатора. Адвокат ориентирован на максимальную защиту одной стороны конфликта, он руководствуется в данном случае стратегией соперничества в конфликтном поведении. На наш взгляд, предложение сторонам обратиться к медиатору могло бы оказаться более эффективным. Но тут возникает проблема возможного давления медиаторов (которые, согласно закону, осуществляют свою деятельность в саморегулируемых организациях медиаторов) на стороны. Вероятно, целесообразно предусмотреть ведение реестра медиаторов, специализирующихся на разрешении конфликтов между потерпевшим и подозреваемым в уголовном деле. Развитие института медиации и введение его в уголовный процесс может потребовать создание самостоятельной нормативной

базы, регламентирующей деятельность медиатора по аналогии с адвокатурой.

Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и (как институт гражданского общества) не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Организация медиаторов также может выступить как профессиональное сообщество медиаторов и институт гражданского общества, не входящий в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Данная организация, как и адвокатура, может действовать на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия медиаторов.

Что касается судебных стадий уголовного процесса, то здесь возможна разработка регламента для судебного примирения в уголовном процессе, который потребует тщательной и детальной проработки. Введение в уголовный процесс фигур посредника (медиатора) и судебного примирителя неизбежно поставит перед законодателем многочисленные вопросы по определению их места в уголовном процессе, их правового статуса. Возникнет проблема необходимости распространения на них института адвокатской тайны. Тем не менее, на наш взгляд, в ближайшем будущем произойдет интеграция примирительных процедур в уголовный процесс. Это объективно обусловлено тенденциями развития гражданского общества, необходимостью повышения качества правосудия, важностью восстановления отношений и прав сторон на основе сотрудничества и взаимодействия, стремлением снижения напряженности в конфликтах, а также уже начавшимся в этом направлении реформированием законодательства.

Литература

1. *Адыгезалова Г.Э.* Основные понятия социологической юриспруденции: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 249 с.
2. *Гаврицкий А.В., Коблева М.М.* Возможности медиации в уголовном процессе // *Мировой судья.* 2019. № 7. С. 26–29.
3. *Договор как общеправовая ценность: монография / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко и др.* М.: Статут, 2018. 381 с.
4. *Карнозова Л., Максудов Р., Флямер М.* Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // *Российская юстиция.* 2000. № 11. С. 42–44.
5. *Мальшева О.А.* К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // *Российский следователь.* 2019. № 7. С. 20–24.
6. *Потапенко С.В.* К вопросу о правовой природе, понятии и внутренней структуре гражданского иска в российском уголовном процессе // *Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 252–261.

7. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др. Москва: Проспект, 2018. 128 с.
8. Тутынин И.Б. Предложения по совершенствованию организации применения мер процессуального принуждения имущественного характера // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 53–55.
9. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process. *Yale Law Journal*, 1970, vol. 79, pp. 359–417.

References

1. Adygezalova G.E. Osnovnye ponyatiya sociologicheskoy yurisprudencii: Monografiya [Basic concepts of sociological jurisprudence: Monograph]. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t Publ., 2017. 249 p. (In Russian)
2. Gavrickij A.V., Kobleva M.M. Vozmozhnosti mediacii v ugovnom processe [Possibilities of mediation in criminal proceedings]. *Mirovoj sud'ya [Justice of the Peace]*, 2019, no. 7, pp. 26–29. (In Russian, abstract in English)
3. Dogovor kak obshchepравovaya cennost': Monografiya [Contract as a general legal value: Monograph]. V.R. Avhadeev, V.S. Astashova, L.V. Andrichenko. Moscow, Statut Publ., 2018. 381 p. (In Russian)
4. Karnozova L., Maksudov R., Flyamer M. Vosstanovitel'noe pravosudie: idei i perspektivy dlya Rossii [Restorative Justice: Ideas and prospects for Russia]. *Rossiyskaya yusticiya [Russian Justice]*, 2000, no. 11, pp. 42–44. (In Russian)
5. Malysheva O.A. K voprosu o celesoobraznosti primeneniya instituta primireniya storon organami predvaritel'nogo rassledovaniya [On the issue of suitability of using the institute of conciliation of parties by the preliminary investigation authorities]. *Rossiyskij sledovatel' [Russian Investigator]*, 2019, no. 7, pp. 20–24. (In Russian, abstract in English)
6. Potapenko S.V. K voprosu o pravovoj prirode, ponyatii i vnutrennej strukture grazhdanskogo iska v rossijskom ugovnom processe [On the issue of the legal nature, concept and internal structure of a civil suit in the Russian criminal procedure]. In *Sudebnaya reforma v sovremennoj Rossii: rezul'taty, problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii [Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects: Materials of the international scientific practical conference]*. Ed. A.V. Semencov. Krasnodar, Kubanskij gos. un-t Publ., 2020, pp. 252–261. (In Russian)
7. Primiritel'nye procedury v grazhdanskom, ugovnom i administrativnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: Nauchno-prakticheskoe posobie [Conciliation procedures in civil, criminal and administrative proceedings of the Russian Federation: a scientific and practical guide: Textbook]. YU.F. Bespalov, A.YU. Bespalov, D.V. Gordeyuk. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 128 p. (In Russian)
8. Tutynin I.B. Predlozheniya po sovershenstvovaniyu organizacii primeneniya mer processual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo haraktera [Proposals for improving the organization of the use of measures of procedural coercion of a property nature]. *Rossiyskaya yusticiya [Russian Justice]*, 2015, no. 5, pp. 53–55. (In Russian)
9. Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or a Third «Model» of the Criminal Process. *Yale Law Journal*, 1970, vol. 79, pp. 359–417.

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СТРУКТУРА

Коняхин Владимир Павлович,
Князькина Анастасия Константиновна

Цель: разработка логически завершенной и внутренне непротиворечивой концепции о сущностных признаках, понятии, видах и структуре нормативных предписаний международного уголовного права, которая не только восполнила бы известный доктринальный пробел, но и стала бы основой для определения путей дальнейшей оптимизации научных исследований в этом направлении.

Методология: общенаучный диалектический, а также частно-научные методы познания — системно-структурный, логико-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и конкретно-социологический.

Выводы: сформулированы дефиниции норм и нормативных предписаний международного уголовного права, осуществлена их классификация в зависимости от способа регулирования и доминирующей цели легального закрепления, определена структура таких нормативных предписаний и выделены особенности образующих ее элементов.

Научная и практическая значимость. Полученные результаты расширяют и углубляют теоретические представления о понятии, классификации и структуре нормативных предписаний международного уголовного права. Эти результаты, по сути, одна из первых попыток экстраполяции базовых положений общей теории права на специфическую «материю» международного уголовного права.

Прикладная ценность полученных выводов заключается в возможности их использования в законотворческой деятельности в процессе имплементации нормативных предписаний международного уголовного права в российское национальное законодательство. Они могут быть использованы в учебном процессе в юридических вузах страны при преподавании курсов уголовного и международного уголовного права, а также в работе по повышению квалификации сотрудников судебной и правоохранительной систем.

Ключевые слова: международное уголовное право, норма, нормативное предписание, виды нормативных предписаний, способ регулирования, доминирующая цель, структура нормативных предписаний, гипотеза, диспозиция, санкция.

Приступая к рассмотрению вопроса о понятии нормы (нормативного предписания) международного уголовного права, следует, прежде всего, отметить, что методологической основой для его решения служат соответствующие базовые положения общей теории права [1, с. 81–118; 2, с. 31–81; 3, с. 569–584; 4, 115–130; 5, с. 371–386; 6, с. 242–249] и результаты ранее проведенных авторских профильных исследований в данной области [7, с. 176–253; 8, с. 196–269].

Экстраполируя их на международное уголовное право, можно резюмировать следующее. Понятие

«норма» или «нормативное предписание» в международном уголовном праве с известными оговорками можно признать эквивалентными. При прочих равных условиях удобнее использовать указанные понятия в «тандеме». При этом понятие «норма» целесообразнее употреблять для обозначения виртуальной (логической) нормы, а «нормативное предписание» — для обозначения реальной нормы, отраженной в той или иной структурной единице текста соответствующей международной конвенции. Изложенное позволяет сформулировать следующие дефиниции анализируемых понятий.

Нормативное предписание международного уголовного права — это закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи, части статьи или статьи конвенции структурный элемент (субэлемент) *нормы международного уголовного права, который содержит* описание наиболее общих и (или) специфических признаков конкретных преступлений по международному уголовному праву и наказаний либо иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных за их совершение.

Норма международного уголовного права — это совокупность (система) нормативных предписаний, регламентирующих поведение участников общественных отношений, связанных с совершением преступления по международному уголовному праву и назначением за него наказания либо иной меры уголовно-правового характера. *В том, что нормы международного уголовного права — это результат согласования и взаимообусловленности волеизъявлений двух или более государств (участников договорных отношений), и состоит их главное отличие от норм внутригосударственного права.*

По способу регулирования нормативные предписания международного уголовного права подразделяются на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

Управомочивающие нормативные предписания, как правило, закрепляются в Общей части международного уголовного права и наделяют участников регламентируемых ими отношений субъективными правами. Другими словами, они указывают на возможность активного использования предоставленных ими дозволений. Например, п. «с» ч. 1 ст. 31 Римского статута Международного уголовного суда от 7 июля 1998 г. (далее для краткости — Римский статут), предоставляет любому лицу право на необходимую оборону («самозащиту»), если «это лицо действовало разумно для защиты себя или другого лица или, в случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу». Сходным, по сути, является и нормативное предписание о праве на причинение вреда в состоянии крайней необходимости («вынужденной ответной реакции»), которое закреплено в п. «d» ч. 1 ст. 31 Римского статута.

Обязывающие нормативные предписания обязывают субъекта уголовно-правовых отношений

к тому или иному виду активного поведения и реализуются в форме исполнения либо применения. Их главными адресатами преимущественно выступают должностные лица международных или национальных судебных и правоохранительных органов. К примеру, согласно ст. II Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., в случае совершения какого-либо из указанных преступлений, положения Конвенции «применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающим их совершение». Аналогичное нормативное предписание зафиксировано и в ч. 1 ст. 78 Римского статута: «При определении меры наказания Суд в соответствии с Правилами процедуры и доказывания принимает во внимание такие факторы, как тяжесть преступления и личность осужденного».

Близки к обязывающим, но не сводятся к ним **запрещающие нормативные предписания**, которые характерны прежде всего для Особенной части международного уголовного права. Они возлагают на субъекты уголовно-правовых отношений обязанность пассивного поведения — воздержания от совершения определенных действий — и реализуют требования международных конвенций. Такие нормативные предписания формулируются по-разному, в зависимости от того, к кому они обращены — к физическим лицам или представителям правоприменительных органов. В первом случае запреты выражаются косвенно, путем упоминания о неблагоприятных последствиях их несоблюдения. Иллюстрацией этому может служить ст. IV Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г.: «лица, совершающие геноцид, ... подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по Конституции правителями, должностными или частными лицами».

Во втором случае запреты получают прямую форму словесного воплощения. Так, в ч. 1 ст. 20 Римского статута установлено, что «никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано судом».

По доминирующей цели легального закрепления нормативные предписания международного уголовного права дифференцируются на декларативные, дефинитивные, деколлидирующие, регулятивные, охранительные и поощрительные.

Декларативные нормативные предписания (служат, главным образом, интегративно-мировоззренческой цели. В них находят свое непосредственное воплощение, объективируются основные принципы международного уголовного права, т.е. руководящие идеи, начала, стратегические задачи (мировоззренческий момент) всей остальной совокупности его предписаний (интегративный момент). Обладая наивысшей степенью обобщенности, декларативные предписания определяют общие границы поведения своих адресатов, применяются через все конкретизирующие их нормы, «задают тон» уголовно-правовому регулированию, составляя его концептуальную основу. Так, в ст. 20 Римского статута провозглашается *принцип* справедливости – *non bis in idem* (нельзя дважды за одно и то же), а в ст. 22 и 23 – принцип законности: *nullum crimen, nullum poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе).

Дефинитивные нормативные предписания подчинены, прежде всего, **закрепительно-ограничительной** цели, поскольку в них фиксируются основные понятия международного уголовного права и тем самым устанавливаются общепланетарные пределы уголовно-правового регулирования. Дефинитивные нормативные предписания устанавливают легальные определения тех или иных понятий международного уголовного права и играют роль своего рода «трафаретного указателя», с помощью которого обеспечивается единообразие в понимании и применении многих других уголовно-правовых предписаний. В качестве примера можно привести п. «b» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.: ««серьезное преступление» означает преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания». Сюда же нужно причислить и п. «e» Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.: ««доходы от преступления» означают любое имущество, приобретенное или полученное, прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления».

Деколлидирующие нормативные предписания нацелены на преодоление противоречий и несогласованностей, возникающих в ходе реализации всех остальных нормативных предписаний международного уголовного права. Одни из них

(*пространственные*) призваны «погасить» возможные конфликты между предписаниями, входящими в состав норм, действующих в разных территориальных сферах. Примером может служить нормативное предписание, предусмотренное ст. 95 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.: «военные корабли пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага». Другие нормативные предписания (*темпоральные*) направлены на устранения противоречий между предписаниями, составляющими нормы, действующие в разных временных интервалах. В качестве иллюстрации можно привести ст. 11 Римского статута: «Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу Статута» (п. 1). «Если же какое-либо государство становится участником Статута после его вступления в силу, Суд может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу Статута для этого государства, если только это государство не сделает заявление согласно пункту 3 статьи 12» (п. 2). Будучи «метанормами», «фактором самосохранения» правовой системы, «регулятором при выборе закона», деколлидирующие нормативные предписания международного уголовного права применяются опосредованно, отвечая на вопрос, какое из коллидирующих предписаний (норм) нужно применять в конкретной ситуации.

Регулятивные нормативные предписания направлены, в первую очередь, на упорядочение, организацию тех общественных отношений (главных и субсидиарных), которые имеют непосредственное значение для международного уголовного права. Они составляют самую многочисленную группу нормативных предписаний, закрепленных в Общей части международного уголовного права. Например, ст. 32 Римского статута регламентирует правила освобождения от уголовной ответственности при наличии ошибки в факте или ошибки в праве, а ст. 33 – при наличии приказа начальника или предписания закона.

Охранительные нормативные предписания преследуют в качестве ведущей цель защиты, охраны международного правопорядка в целом либо отдельных сфер такого правопорядка. Статус охранительных, в частности, принадлежит, прежде всего, подавляющему большинству нормативных предписаний Особой части международного уголовного права, которые устанавливают ответственность за конкретные преступления. Кроме

того, сюда нужно отнести целый ряд нормативных предписаний Общей части последнего, которые:

1) формируют содержание карательного (а не процедурного) элемента отдельных видов наказания (см., например, ст. 77 Римского статута, предусматривающую конкретные виды основных и дополнительных наказаний);

2) указывают на недопустимость тех или иных вариантов поведения своих адресатов, подлежащих учету в качестве отягчающих обстоятельств (см., например, ч. 5 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ от 20 декабря 1988 г., которая включает в число вариантов такого поведения: совершение преступления организованной группой, применение насилия или оружия, должностное положение виновного лица, вовлечение или использование несовершеннолетних и др.);

3) призывают своих адресатов к борьбе с преступными посягательствами путем использования права на необходимую оборону либо крайнюю необходимость (п. «с», «d» ч. 1 ст. 31 Римского Статута), а также на задержание лица, совершившего преступление (п. 2 ст. 2 Конвенции СЕ о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.).

Поощрительные нормативные предписания посвящены, главным образом, стимулированию позитивного поведения со стороны лиц, совершивших (совершающих) международное преступление или преступление международного характера путем частичного или полного их освобождения от соответствующих тягот и лишений. Такие предписания встречаются как в Общей, так и в Особенной частях международного уголовного права. Например, ст. 1 Рекомендации Rec (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» от 24 сентября 2003 г. устанавливает, что условно-досрочным освобождением признается освобождение лица, отбывающего лишение свободы, раньше назначенного срока с наложением на данное лицо с учетом особенностей его личности обязанностей, которые оно должно соблюдать после освобождения. Сюда же следует отнести и предписание ст. 26 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., согласно которой: «Каждое государство-участник принимает надлежащие меры для того, чтобы поощрять лиц, которые участвуют или участвовали в организованных преступных группах, к:

а) предоставлению информации, полезной для компетентных органов, в целях расследования и доказывания в связи с такими вопросами, как:

i) идентификационные данные, характер, членский состав, структура, местонахождение или деятельность организованных преступных групп;

ii) связи, в том числе международные связи, с другими организованными преступными группами;

iii) преступления, которые совершили или могут совершить организованные преступные группы;

б) предоставлению фактической, конкретной помощи компетентным органам, которая может способствовать лишению организованных преступных групп их ресурсов или доходов от преступлений». Кроме того, согласно п. 2 и 3 ст. 26 названной Конвенции, каждое государство-участник рассматривает вопрос о том, чтобы предусмотреть возможность смягчения, в надлежащих случаях, наказания обвиняемого лица, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, охватываемым Конвенцией, а также возможность предоставления иммунитета от уголовного преследования лицу, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с преступлением, охватываемым Конвенцией.

Переходя к анализу *структуры* нормативных предписаний международного уголовного права, следует сразу отметить, что она варьируется в зависимости от их принадлежности к его Общей или Особенной частям. Первые содержат в себе гипотезу и диспозицию, вторые — диспозицию и санкцию.

Гипотеза нормативных предписаний Общей части определяет условия и сферу применения нормы международного уголовного права, описывает ее субъектный состав, а также юридические факты, порождающие регулируемые ею общественные отношения.

Исходя из конструкции, различаются простые и сложные (*альтернативные* и *кумулятивные*) гипотезы. Особенность простых гипотез заключается в том, что действие нормативного предписания ставится в зависимость от одного условия или фактического обстоятельства. Такая гипотеза представлена, например, в ст. 11 Римского статута: Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений (*диспозиция*), совершенных после даты вступления в силу Статута (*гипотеза*). Сложные гипотезы предполагают зависимость от нескольких условий (фактических обстоятельств). При этом альтернативная гипотеза связывает применение нормы международного уголовного

права с наличием одного из двух или нескольких условий, а кумулятивная — сразу с совокупностью условий либо фактических обстоятельств. *Альтернативную* гипотезу содержит, к примеру, ст. 5 Конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г., которая связывает право государства — участника Конвенции осуществлять свою юрисдикцию в отношении захвата заложника, если преступление совершено (*гипотеза*): а) на его территории или на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в этом Государстве; б) любым из его граждан или, если указанное Государство считает это целесообразным, лицами без гражданства, которые обычно проживают на его территории; с) для того чтобы заставить это Государство совершить какой-либо акт или воздержаться от его совершения; d) в отношении заложника, который является гражданином указанного Государства, если это Государство считает это целесообразным. *Кумулятивную* гипотезу содержит ст. 28 Римского Статута, согласно которой военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда (*гипотеза*): i) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и ii) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

В зависимости от степени определенности гипотезы нормативных предписаний Общей части международного уголовного права дифференцируются на определенные и относительно-определенные. В предписании с определенной гипотезой прямо указываются условия его реализации. Например, согласно ст. 26 Римского статута, Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, (*и далее гипотеза*) не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления. Относительно-определенная гипотеза хотя и называет условия действия соответствующего нормативного предписания, но

предоставляет правоприменителю возможность решать в каждом отдельном случае вопрос о наличии или отсутствии этих условий. Так, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 31 Римского статута, лицо не подлежит уголовной ответственности, если (*гипотеза*) в момент совершения им деяния, это лицо страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или сообразовывать свои действия с требованиями закона.

Диспозиция представляет собой центральной структурный элемент, «ядро», «сердцевину», нормативных предписаний Общей и Особенной частей международного уголовного права. Они устанавливают должные (возможные) варианты поведения участников уголовно-правовых отношений, причем в нормативных предписаниях Особенной части традиционно указываются запрещенные варианты такого поведения (т.е. данные варианты поведения устанавливаются от противного).

В зависимости от способов изложения информации диспозиции бывают простыми (назывными), описательными и ссыльными. Простая диспозиция всего лишь называет вариант поведения, не раскрывая его содержания. Применительно к Особенной части международного уголовного права назывные диспозиции ограничиваются лишь констатацией преступности конкретного деяния без расшифровки содержания его признаков. Например, ст. 4 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 г. устанавливает, что: «Каждое государство-участник принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы насильственное исчезновение квалифицировалось в качестве правонарушения в его уголовном праве». Описательная диспозиция, напротив, конкретизирует соответствующие признаки преступления. Так, в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. пиратство определяется как:

«а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту;

ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом;

с) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусматриваемого в подпункте «а» или «б».

Крайне редко в международном уголовном праве встречаются и *отсылочные* диспозиции. Например, в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. указывается, что терроризмом является какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к Конвенции.

В зависимости от количества предусмотренных вариантов поведения диспозиции нормативных предписаний Общей части международного уголовного права подразделяются на простые и сложные. Простые диспозиции формулируют один вариант поведения, связанный с наступлением условий, предусмотренных в гипотезах соответствующих предписаний. Такая диспозиция представлена, например, в ч. 1 ст. 12 Римского статута, согласно которой ошибка в факте является основанием для освобождения от уголовной ответственности (*диспозиция*), только если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления. Сложные диспозиции (альтернативные и кумулятивные) устанавливают два или более вариантов поведения. При этом альтернативные диспозиции предполагают выбор одного из перечисленных вариантов поведения, а кумулятивные — двух и более вариантов поведения, одновременно осуществляемых при наличии соответствующих юридических фактов. *Альтернативная* диспозиция содержится в ч. 1 ст. 77 Римского статута, которая предоставляет суду возможность назначить одну из следующих мер наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного в ст. 5 Статута: «а) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, которое не превышает максимального количества в 30 лет, или б) пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении».

Кумулятивная диспозиция содержится в ч. 2 ст. 77 Римского статута, которая управомочивает Суд,

помимо лишения свободы, назначить: «а) штраф в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания; и б) конфискацию доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба для прав *bona fide* третьих сторон».

Применительно к нормативным предписаниям Особенной части международного уголовного права в простых диспозициях элементы составов преступлений формулируются *одномерно*. В частности, ст. 1 Дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ, от 12 января 1998 г. предусматривает посягательство на *один объект* (достоинство человека), *одно деяние* (вмешательство с целью создания человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу), *одну* (умышленную) *форму вины и одного* (общего) *субъекта* этого преступления.

В сложных диспозициях составы преступлений формулируются (хотя бы на уровне одного их элемента) *многомерно*. При этом диспозиции, предусматривающие составы с альтернативно указанными признаками, предполагают выбор одного из них. Например, ст. 2 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. устанавливает преступность: 1) содержания дома терпимости или 2) управления им или 3) сознательного финансирования дома терпимости. Таким образом, объективная сторона данного преступления характеризуется рядом *альтернативных действий*, совершение хотя бы одного из которых уже является достаточным для привлечения лица к ответственности.

Санкция — это структурный элемент нормативного предписания Особенной части международного уголовного права, устанавливающий неблагоприятные последствия в случае нарушения предусмотренного его диспозицией правила поведения, связанного с несвершением конкретного преступления.

Проведенный анализ указанных санкций свидетельствует о том, что они по своей сути являются отсылочными. Как правило, в них лишь в самой общей форме провозглашается наказуемость или указывается степень наказуемости того или иного преступного деяния. Как исключение, в отдельных из них лишь упоминается конкретный вид (например, лишение свободы — ст. 36 Единой конвенции о наркотических средствах от 30 марта

1961 г.) либо виды наказаний (например, личный арест, штраф – ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г.), но без расшифровки их сроков и размеров. В любом случае конструирование санкции в окончательном и полном варианте делегируются внутринациональному законодателю каждого из государств – участников соответствующей конвенции.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юрид. лит-ра, 1975. 263 с.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит-ра, 1982. 359 с.
3. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Зерцало, 2004. 800 с.
4. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
5. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрайт, 2019. 578 с.
6. *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 521 с.
7. *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 346 с.
8. *Коняхин В.П., Жук М.С.* Структура уголовного права // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. 2: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 649 с.

References

1. *Alekseev S.S.* Struktura sovetskogo prava [Structure of Soviet law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 263 p. (In Russian)
2. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya prava. [General theory of law]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Yurid. lit. Publ. Moscow, 1982. 359 p. (In Russian)
3. *Marchenko M.N.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 800 p. (In Russian)
4. *Syrykh V.M.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2012. 704 p. (In Russian)
5. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Ed. V.K. Babaev. Yurait Publ., 2019. 578 p. (In Russian)
6. *Lazarev V.V. Lipen' S.V.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 521 p. (In Russian)
7. *Konyakhin V.P.* Teoreticheskiye osnovi postroeniya Obschey chasti rossiyskogo ugovolnogo prava [Theoretical principles of the construction of general part of Russian criminal law]. St-Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2002. 346 p. (In Russian)
8. *Konyakhin V.P., Zhuk M.S.* Struktura ugovolnogo prava [Structure of criminal law]. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs v 10 t. T. 2: Sistema, istochniki i struktura ugovolnogo prava. Printsipy ugovolnogo prava [Criminal law. Common part. Pre-step. Academic course in 10 vols. 2: System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law]. Ed. N.A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 649 p. (In Russian)

В НАЧАЛЕ ПУТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Костенко Роман Валерьевич

***Цель:** в настоящей статье рассматривается проблема цифровизации российского уголовного судопроизводства, показан успешный опыт некоторых стран в этой области, а также констатируется, что, к сожалению, российский законодатель пока не торопится с цифровизацией уголовного судопроизводства.*

***Методология:** диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод.*

***Выводы.** В результате исследования автор приходит к выводам об обоснованности скорейшего перехода российского уголовного судопроизводства к цифровизации, к современным цифровым технологиям, поскольку внедрение этих технологий будет способствовать достижению главной цели правосудия при рассмотрении и разрешении уголовно-правового конфликта — установление справедливости для всех.*

***Научная и практическая значимость.** Обоснованные в статье выводы и предложения направлены на повышение эффективности осуществления российского уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** цифровизация уголовного судопроизводства, электронное уголовное дело, цифровые технологии в уголовном процессе.*

Современные научные разработки, посвященные проблеме цифровизации российского уголовного судопроизводства, свидетельствуют о ее значимости и важности для совершенствования законодательства и правоприменительной практики. В рамках настоящего исследования предполагается обобщить основные концептуальные подходы в указанной проблематике, которые были уже обозначены автором ранее в предыдущих публикациях [1; 2; 3].

На наш взгляд, цифровизацию уголовного судопроизводства необходимо рассматривать как переход на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел. Во все времена общество мечтало построить справедливую, прозрачную и удобную уголовную юстицию, которая в короткие сроки разрешала бы конфликтные ситуации, возникающие между гражданами, обществом и государством. Именно внедрение электронных технологий, как представляется, будет способствовать достижению главной

цели правосудия при рассмотрении и разрешении уголовно-правового конфликта — установление справедливости для всех.

Переход к цифровизации уголовного процесса приведет к сокращению коррупции. Цифровой формат установит дисциплину в уголовном процессе, поменяет сознание сотрудников судебных и правоохранительных органов, позволит завоевать доверие к ним общества и граждан.

Прозрачность оцифрованного уголовного процесса только усилит гарантии защиты прав, сделает его более доступным. Также будет устранен ненужный документооборот, что позволит снизить нарушения, связанные с ведением и учетом уголовных дел. Экономия средств на бумагу — это только самая маленькая выгода от цифровизации уголовного процесса. К этому можно добавить существенную экономию средств на почтовые расходы. Например, надзирающим прокурорам не будет необходимости истребовать уголовные дела, затрачивать на это драгоценное время. Они смогут в режиме онлайн отслеживать всю работу

следователя и сразу же реагировать, если заметят нарушения.

Цифровой уголовный процесс будет обеспечивать быстроту правосудия, сократится время ожиданий. Сегодня на расследование и рассмотрение уголовных дел уходят многие месяцы, а то и годы, что справедливо вызывает обоснованное недовольство граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства.

Цифровизация уголовного процесса позволит отбросить волокиту, так как необходимые справки и согласования можно будет получить в электронном виде, не выходя из кабинета, а также исключить факты утери и фальсификации материалов.

Цифровизация открывает большие возможности и практически не имеет недостатков. Обеспечив максимальную безопасность и прозрачность судебных процессов, снизив нагрузку на специалистов правоохранительной системы, разгрузив бумажные архивы, сэкономив значительные денежные средства, перевод делопроизводства в электронный формат осуществит главное – повысит доверие граждан к правоохранительной и судебной системам в целом.

Сейчас за основу предстоящей цифровизации российского уголовного процесса можно взять передовой международный опыт.

Так, наиболее «продвинутой» в этом отношении страной является Сингапур, где судопроизводство полностью осуществляется без бумажных носителей.

Летом 2013 г. правительство Великобритании представило программу реформирования системы уголовного правосудия под названием «Swift and Sure Justice» («Правосудие быстрое и неотвратимое»), в основе которого – максимальная диджитализация судебного процесса, или удаленное заседание суда в режиме телеконференции. Первый «виртуальный суд» прошел в мировом суде Бирмингема – самом загруженном в стране, и был признан удачным. Такие изменения являются частью планов по модернизации судов, на которую было выделено 1 млрд. фунтов стерлингов. В частности, реформа позволит потерпевшим и свидетелям участвовать в судебных заседаниях, в том числе в перекрестных допросах, по видеосвязи. Таким образом, им удастся избежать психологических травм, вызванных личной встречей с преступником. Кроме того, по мнению экспертов, дистанционное участие позволит потерпевшим лучше вспомнить обстоятельства рассматриваемых событий. Более того, британские судьи смогут выносить приговоры по Skype и Facetime, то есть принимать в онлайн-режиме решения о заключе-

нии подсудимого под стражу, а также выносить приговоры.

В Саудовской Аравии расследование большинства дел заканчивается в течение двух дней. В этой стране перешли на электронные уголовные дела несколько лет назад, при этом сократили сроки расследования на 80 процентов. В частности, Генеральный прокурор Саудовской Аравии может через информационную систему отслеживать ход расследования дел.

Необходимо также изучать наработки и других стран, достигших в этих вопросах существенных результатов. Среди них Южная Корея, Грузия, Армения, Литва, Эстония и другие.

В качестве одного из успешных примеров в области цифровизации уголовного процесса можно привести опыт Казахстана. Это государство поставило перед собой амбициозную цель – в 2018 г. оцифровать весь уголовный процесс. Определенные наработки для реализации поставленной цели уже имелись. В 2011–2012 гг. в Казахстане была внедрена электронная регистрация всех заявлений и сообщений о преступлениях (КУЗ), с 2015 г. заработал Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР). Сегодня регистрация в нем служит началом уголовного процесса. В 2016 г. Генеральной прокуратуры Казахстана без дополнительных затрат из бюджета разработана программа «Е-уголовное дело». Программа охватывает все стадии уголовного процесса: от регистрации преступления, его расследования и до исполнения приговора. Как отмечается, «Е-уголовное дело» имеет только положительные характеристики (См.: Айтубаев А. Что даст «Электронное уголовное дело» // Кызылординские вести // URL: <http://kzvesti.kz/news/22185-что-даст-электронное-уголовное-дело.html> (дата обращения: 08.04.2020)). По мнению специалистов, а) не будет фальсификаций уголовного дела, они не будут теряться; б) позволит избавиться от ненужной бумажной волокиты; в) с переходом на электронный формат дела будут расследоваться быстрее. В программе около 100 шаблонов процессуальных документов. Санкцию суда можно получить в электронном виде; г) усилится аналитика. Каждое дело будет рассматриваться более тщательно и появится возможность формировать единую практику по стране; д) потерпевший, обвиняемый, а также адвокат смогут в любое время в онлайн-режиме посмотреть, как расследуется дело; е) начнет работать модуль электронных обращений. Если стороны будут жаловаться на действия следователя, то прокурор может сразу же проверить его действия онлайн

(См.: URL: <http://kzvesti.kz/news/22185-что-доставляет-электронное-уголовное-дело.html> (дата обращения: 08.03.2020)). Программа имеет высокую степень защиты от несанкционированного доступа к материалам уголовного дела посторонних лиц, в том числе и администраторов системы. Доступ к материалам дела будет исключительно у следователя, который ведет дело, и прокурора. При этом особое внимание уделено информационной безопасности новых систем. В частности, все действия сотрудников «логируются» и их невозможно удалить из системы. Пилотный проект «Е-уголовное дело» был запущен в нескольких регионах Казахстана. В настоящее время в пилотном режиме в шести областях Казахстана в электронном формате расследуется более 400 дел. Также в Казахстане в перспективе планируется все кабинеты допросов в органах уголовного преследования оборудовать видекамерами. Постоянное онлайн-транслирование следственных действий с выходом отдельного канала в прокуратуру позволит предотвратить факты недозволенных методов ведения следствия, в том числе пытки. Оснащаться видеорегистраторами будут и сотрудники, которые выезжают на задержание, проводят изъятие вещественных доказательств. Усиливается роль и дежурных прокуроров в зданиях ОВД. Их кабинеты оборудуются необходимыми информационными базами. Без направления уголовных дел в прокуратуру они на месте будут изучать все обстоятельства, незамедлительно реагировать на нарушения (См.: Кожамкулов М. Цифровизация: прозрачно и эффективно / Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/novosti/stati/cifrovizaciya-prozrachno-i-effektivno> (дата обращения: 08.03.2020)).

Согласно ст. 42-1 «Формат уголовного судопроизводства» УПК Казахстана, уголовное судопроизводство в Республике Казахстан ведется в бумажном и (или) электронном форматах. Лицо, ведущее уголовный процесс, по своему усмотрению может вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление. В случае невозможности дальнейшего ведения уголовного судопроизводства в электронном формате лицо, ведущее уголовный процесс, переходит на бумажный формат, о чем выносится мотивированное постановление (См.: URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 09.03.2020)).

Разработка и принятие нормативных правовых актов по вопросам ведения уголовного судопро-

изводства в электронном формате возлагается на Генерального Прокурора Республики Казахстан (ч. 6 ст. 58 УПК Казахстана).

В соответствии со ст. 42-1 и с ч. 6 ст. 58 УПК Казахстана, разработана «Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате», которая была утверждена приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 (См.: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 09.03.2020)).

Инструкция определяет порядок ведения уголовного судопроизводства в электронном формате на стадии досудебного расследования.

Ведение электронного судопроизводства заключается в осуществлении досудебного расследования в электронном формате, в том числе путем ввода электронного документа либо вложения PDF-документа в ИС ЕРДР на основании принятых должностным лицом процессуальных решений и действий, а также заполнения необходимых реквизитов электронных информационных учетных документов, подписываемых ЭЦП (далее – электронные формы). Порядок заполнения необходимых реквизитов электронных форм определяется Правилами приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований, утвержденными приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 (См.: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744> (дата обращения: 09.03.2020)).

Таким образом, анализ передового опыта Республики Казахстан в области перехода к цифровизации уголовного процесса позволяет сделать вывод о том, что применение цифровых технологий решает достаточно многие проблемные аспекты реализации уголовно-процессуальной деятельности, способствует созданию нового современного типа информационного правосудия.

Вместе с тем, следует констатировать, что Российская Федерация находится лишь в самом начале пути по внедрению и реализации цифрового уголовного судопроизводства. В настоящее время предлагается концепция «государство-как-платформа», основой которой является идея о создании комплексной организационно-технической инфраструктуры для предоставления необходимых населению услуг, а также для обеспечения деятельности системы государственного управления» (См.: URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53425> (дата обращения: 10.03.2020)). Как отмечает С.В. Власова, «уголовное правосудие –

одна из сфер государственного управления, где населению, бизнесу оказывается услуга в виде защиты от преступности. В принципе вполне возможно его интегрирование в общую для организации (государства) информационную среду. С большой вероятностью можно ожидать в ближайшей перспективе создание общей платформы оказания государственных услуг, которая будет включать в себя и «электронное правосудие» по уголовным делам» [4].

За перенос существующей модели уголовно-судопроизводства в цифровую плоскость уже выступает ряд процессуалистов, которые предлагают перейти на электронный документооборот, создать электронный аналог «уголовного дела», дублировать процессуальные действия и решения в электронном виде [5; 6].

Как справедливо указывает О.С. Капинус, «действующие информационные системы и сервисы Генеральной прокуратуры Российской Федерации, других государственных органов, системы информационного обмена правоохранительных органов, информационно-аналитические системы Верховного Суда Российской Федерации служат предпосылкой для создания электронного уголовного дела. Благодаря такой технологии взаимодействие между участниками уголовного процесса должно осуществляться в рамках единой виртуальной среды, а не простого обмена информацией между отдельными базами данных. Вместе с тем при воплощении в жизнь этой концепции возникают сложности, связанные с отсутствием общепризнанного международного стандарта построения системы электронных документов, которые образуют уголовное дело. Несмотря на то, что технические решения данной проблемы уже реализованы на практике, они носят разобщенный характер и не связаны едиными стандартами представления и хранения информации» [7, с. 8].

Более того, приходится констатировать, что российский законодатель пока не торопится с цифровизацией уголовного судопроизводства. УПК РФ по-прежнему сохраняет письменную (бумажную) модель, прежде всего, досудебного производства по уголовному делу. В таких условиях, на наш взгляд, инициатива по разработке и принятию нормативных правовых актов по вопросам ведения уголовного судопроизводства в электронном формате должна быть возложена на Генеральную прокуратуру Российской Федерации. Однако, к примеру, «Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской

Федерации до 2025 года», утвержденная Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627, не предполагает, к сожалению, в ходе своей реализации переход на электронное уголовное дело, декларируя лишь, что в период 2018–2020 гг. будет внедрена система мониторинга и учета цепочки всех возможных решений, принятых по сообщению о происшествии (преступлении), начиная от его регистрации до вынесения приговора суда, а также контроля передачи уголовных дел между субъектами Российской Федерации (См.: *Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 / Доступ по ссылке <https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf> (дата обращения: 10.03.2020)*).

В последствии в ходе неизбежной реализации цифрового досудебного уголовного процесса все решения прокурора на предварительном расследовании будут в электронной форме. Для обеспечения надзора за законностью уголовного преследования прокурор будет иметь доступ к материалам электронных уголовных дел посредством обращения в единый модуль электронного уголовного дела. Это позволит обеспечить незамедлительное информирование прокурора о принимаемых по электронному уголовному делу процессуальных решениях органов дознания и предварительного следствия, а также упростит для прокурора процедуру проверки законности, обоснованности, согласования и утверждения процессуальных решений органов, ведущих уголовный процесс. В таком случае полагаем, что полномочия прокурора, предусмотренные ч. 2 ст. 37 УПК РФ, могли бы быть реализованы путем ввода электронных документов или вложения PDF-документа в модуль электронного уголовного дела, а также заполнения необходимых реквизитов электронных форм. В дальнейшем направление прокурором электронного уголовного дела в суд производилось бы посредством его интеграции с автоматизированной информационно-аналитической системой судебных органов, например, с Государственной автоматизированной системой РФ «Правосудие» (ГАС «Правосудие») или с Комплексной информационной системой судов общей юрисдикции (КИС СОЮ), проект создания которой успешно завершён и функционирует в Москве уже в настоящее время. КИС СОЮ весьма эффективно зарекомендовал себя

в Москве и вскоре может быть тиражирован в масштабах всей страны, о чем говорят как эксперты, так и сотрудники судебной системы (См.: *Ишмуратова Л. Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела // URL: http://ejustice.cnews.ru/articles/2016-10-18_lyubov_ishmuratova_elektronnoe_pravosudie_sdelaet_sudoproizvodstvo (дата обращения: 12.03.2020)). В частности, В. Ермолов отмечает, «важнейшим инструментом КИС СОЮ является «Электронное дело», которое представляет собой электронное хранилище всех текущих дел. Каждое электронное дело имеет свой уникальный номер в централизованной базе данных, что позволяет сотрудникам аппаратов судов и самим судьям ограничиться запросом в поисковике интерфейса подсистемы вместо продолжительного поиска информации в бумагах дела. Принципиально*

важным преимуществом КИС СОЮ является его техническая структура. Главное, что различные программные компоненты реализованы независимо друг от друга: отдельно интерфейс, репозиторий для хранения документов и еще ряд сервисов. Это радикально снижает риски поломки системы и сводит практически к нулю вероятность взлома. Более того, такая архитектура «Электронного дела» гарантирует возможность оперативного масштабирования: при необходимости можно нарастить отдельные компоненты, чтобы удовлетворять потребности пользователей по нагрузке, количеству хранимых документов и другим показателям» (См.: *Ермолов В. Электронное правосудие от Верховного суда: промежуточные итоги // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20170817/279794915.html (дата обращения: 12.03.2020)).*

Литература

1. *Костенко Р.В.* Современное состояние цифровизации российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–19 апреля 2019 г., Краснодар. Краснодар: изд-во Краснодарского ун-та МВД России, 2019. С. 139–142.
2. *Костенко Р.В.* Ведение уголовного судопроизводства в электронном формате в Республике Казахстан // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 44–51.
3. *Kostenko R.V.* Digitization: Problems of Use and Protection of Information in Criminal Proceedings // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT, 2019, pp. 395–401.
4. *Власова С.В.* К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.
5. *Качалова О.В., Цветков Ю.А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
6. *Зуев С.В., Никитин Е.В.* Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11 № 3. С. 587–595.
7. *Капинус О.С.* Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4 (66). С. 5–10.

References

1. *Kostenko R.V.* Sovremennoe sostojanie cifrovizacii rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva [Current state of digitalization of Russian criminal proceedings]. In *Ugovolnoe sudoproizvodstvo Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii 18-19 aprelya 2019 g. Krasnodar* [Criminal proceedings in Russia: current state and prospects of development: Materials of the all-Russian scientific and practical conference on April 18-19, 2019 Krasnodar]. Krasnodar, izd-vo Krasnodarskogo un-ta MVD Rossii Publ., 2019, pp. 139–142. (In Russian)
2. *Kostenko R.V.* Vedenie ugovolnogo sudoproizvodstva v jelektronnom formate v Respublike Kazahstan [The conduct of criminal proceedings in electronic format in the Republic of Kazakhstan]. *Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Law Gazette of the Kuban State University], 2019, no. 1, pp. 44–51. (In Russian, abstract in English)
3. *Kostenko R.V.* Digitization: Problems of Use and Protection of Information in Criminal Proceedings. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*, 2019, pp. 395–401. (In English)

4. *Vlasova S.V.* К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности [Toward adjusting the criminal procedural mechanism to digital reality]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminalist's library. Scientific journal]*, 2018. № 1, pp. 9–18. (In Russian)
5. *Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства [Electronic Criminal Case as a Tool for Development of Criminal Proceedings]. *Rossiiskoe pravosudie [Russian Justice]*, 2015, no. 2, pp. 95–101. (In Russian)
6. *Zuev S.V., Nikitin E.V.* Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем [Information technologies in solving criminal procedure problems]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 587–595. (In Russian, abstract in English)
7. *Kapinus O.S.* Цифровизация деятельности органов прокуратуры: настоящее и будущее [Digitalization of the Prosecutor's office: Present and Future]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor general's office]*, 2018, no 4 (66), pp. 5–10. (In Russian)

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОДАЖЕ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В АВТОСАЛОНАХ

Лозовский Денис Николаевич,
Руденко Александр Викторович

Цель: проанализировать деятельность по расследованию преступлений, связанных с хищением денежных средств при продаже автотранспортных средств в автосалонах.

Методология: анализ, системно-структурный метод, ситуационный подход, обобщение.

Выводы. Преступления исследуемой категории характеризуются высокой степенью латентности, поскольку маскируются под гражданско-правовые отношения. Условиями успешной деятельности по доказыванию хищений денежных средств при продаже автотранспортных средств в автосалонах являются правильная организация всего процесса расследования, своевременное назначение судебных экспертиз, эффективное взаимодействие с оперативными подразделениями МВД России, постоянный взаимный обмен информацией между следователями и оперативными сотрудниками, согласованное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, качественное исполнение поручений следователя, непрерывное, полное и всестороннее исследование обстоятельств уголовного дела.

Научная и практическая значимость определяется возможностью использования материалов данной статьи в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов в ходе расследования хищений денежных средств при продаже автотранспортных средств в автосалонах; в учебном процессе при преподавании методик расследования отдельных видов преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, хищение денежных средств, продажа автомобилей, расследование, способ совершения преступлений, тактика производства следственных действий, отдельные следственные действия.

Среди различных видов мошенничества в отдельную категорию можно выделить хищение денежных средств при продаже автотранспортных средств в автосалонах. В последнее время данные преступления приобрели довольно массовый характер.

Рост числа мошенничеств, их латентность, групповой характер, появление новых способов совершения мошенничества с использованием цифровых технологий, с одной стороны, и ненадлежащая криминалистическая деятельность субъектов по их раскрытию, расследованию и предупреждению – с другой, диктуют необходимость осуществления разработок по созданию новых

научных положений и основанных на них рекомендаций по эффективному раскрытию и расследованию мошенничеств, совершенных группой лиц, в рамках укрупненной базовой криминалистической методики [1, с. 227].

Для того чтобы раскрыть и расследовать «организованное» мошенничество, следователь должен четко понимать и верно оценивать ту обстановку, в которой этот процесс начинается и протекает. Каждый этап его деятельности характеризуется такой совокупностью обстоятельств и условий, которая определяет индивидуальность хода расследования. Однако наряду со своеобразием описываемых явлений и процессов существуют

общие элементы, обусловленные их повторяемостью [2, с. 45].

По итогам проведенного анализа уголовных дел нами выявлены следующие особенности совершения хищения денежных средств при продаже автотранспортных средств в автосалонах.

Как правило, для осуществления преступной деятельности соучастники создают и регистрируют на подставных лиц ряд юридических лиц либо получают под свой контроль уже существующие фирмы. Открывают от имени подконтрольных обществ расчетные счета в различных банках, подыскивают и арендуют подходящие для организации автосалонов помещения и автостоянки, придают им соответствующий вид, приобретают для продажи автотранспортные средства, которые выставляют в автосалонах, заключают с банками через ряд брокерских фирм соглашения об организации в автосалонах кредитования покупателей, организуют необходимую рекламу в средствах массовой информации и исполняют в созданных автосалонах роли сотрудников – менеджеров различного уровня, кассиров, сотрудников «колл-центра», кредитных менеджеров, руководителей подразделений автосалона.

Преступления совершаются следующим образом. Лицо, желающее купить автомобиль или обменять свой автомобиль с доплатой на новый в порядке программы «трейд-ин», находит в средствах массовой информации объявление или рекламу контролируемого соучастниками автосалона, предлагающего к продаже автомобиля по весьма привлекательным ценам, значительно ниже среднерыночных. Позвонив по указанному в объявлении или рекламе телефонам, потенциальный покупатель связывается с сотрудником «колл-центра» автосалона, который в ходе разговора полностью подтверждает низкие цены и условия продажи интересующего покупателя автомобиля, предлагает другие привлекательные варианты, всеми возможными способами убеждает собеседника в прозрачности сделок, солидности и добросовестности компании, приглашает посетить автосалон для покупки автомобиля.

Телефонный разговор проходит в «живой» манере и не вызывает у обратившегося никаких подозрений. После такого общения с «колл-центром» покупатель прибывает в автосалон, его встречает сотрудник («встречающий менеджер»), который демонстрирует выставленные и предлагаемые к продаже новые и подержанные автомобили, рассказывает об их комплектации, подтверждает низкие цены и привлекательные условия прода-

жи, сообщает о возможности оформить непосредственно в автосалоне банковский кредит для покупки автомобиля, а в случае сделки по программе «трейд-ин» также оценивает автомобиль покупателя, который тот хотел бы с доплатой обменять на новый. Как правило, желаемого автомобиля в автосалоне не оказывается, но покупателю объясняют, что именно такой автомобиль имеется на другой стоянке автосалона, и предлагают подождать некоторое время, пока его доставят. Согласившись, покупатель, увлеченный выгодными для него ценой и условиями продажи, вынужден ждать в автосалоне несколько часов, иногда целый день, пока доставят нужный ему автомобиль. После нескольких часов ожидания утомленному покупателю предлагается оформить необходимые документы.

При этом, в случае необходимости, менеджер провожает покупателя в «кредитный отдел» автосалона, где «кредитный менеджер» предлагает тому ряд кредитных продуктов различных банков и оформляет кредит для приобретения автомобиля. Полученные в кредит денежные средства для покупки автомобиля покупатель в свое владение не получает. При оформлении автокредита реализуется один из этапов мошенничества, когда кредитный менеджер под предлогом того, что в ходе согласования банк в любом случае снизит сумму кредита, предлагает запросить у банка гораздо большую, чем необходимо, сумму кредита, которая впоследствии перечисляется банком непосредственно на счета контролируемых преступниками организаций.

При оформлении сделки в течение короткого времени на подпись покупателю представляется ряд документов, в том числе многостраничных и выполненных мелким шрифтом – по два экземпляра предварительного договора купли-продажи, кредитной заявки-договора (в случае оформления кредита), договора купли-продажи старого автомобиля (в случае сделки «трейд-ин»), актов приема-передачи и других документов. В качестве организации-продавца в договорах соучастники указывают любое из подконтрольных им обществ с ограниченной ответственностью, зарегистрированных на подставных лиц, изготовляя при этом подписи от имени их руководителей и проставляя отписки соответствующих печатей. При изучении и подписании документов менеджер автосалона, продолжая обманывать покупателя, дает ему пояснения по документам, отвечает на вопросы, дополнительно подтверждая и убеждая покупателя в действительности ранее оговоренных

с ним низкой цены и выгодных для покупателя условий продажи автомобиля. Последний, утомленный длительным ожиданием, желая как можно скорее совершить сделку и покинуть автосалон на купленном автомобиле, доверяет словам и пояснениям менеджера и не может достоверно оценить предлагаемые ему документы, в лучшем случае, проверяет указанную в договоре цену, сведения о приобретаемом автомобиле и личные данные.

После подписания документов менеджер под различными предлогами («для дальнейшего оформления», «выпуска купленной автомашины со стоянки автосалона») забирает все экземпляры, а также предлагает покупателю передать деньги в кассу.

После передачи денег, а также перечисления банком на подконтрольный соучастникам расчетный счет суммы кредита, в случае его оформления, встречающий менеджер провожает покупателя к так называемому «подписанту», которого представляет в качестве старшего менеджера автосалона. Последний предлагает покупателю заключить окончательный договор купли-продажи и доплатить для завершения и совершения сделки значительную сумму денег. В ответ на возмущение покупателя о том, что он уже расплатился с автосалоном и выплатил указанную в договоре сумму, старший менеджер указывает на впечатанные втайне от покупателя в свободные места подписанного им «согласованного листа» условия, согласно которым покупатель должен также выплатить автосалону «торговую наценку» и «комиссию автосалона», составляющих до 35–50% от стоимости приобретаемого автомобиля, с учетом которых общая его стоимость значительно превышает среднерыночную.

При этом на ошарашенного и утомленного ожиданием покупателя оказывается психологическое давление. Вежливое отношение к нему со стороны сотрудников автосалона резко меняется на критическое и требовательное, желание покупателя отказаться от сделки и его просьбы вернуть переданные деньги пресекаются всеми участвующими в «обработке» потерпевшего сотрудниками автосалона, категорически настаивающими на том, что сделка уже заключена, совершена, и деньги могут быть возвращены только с удержанием крупной неустойки либо по решению суда – после длительной судебной тяжбы и также с удержанием крупной суммы в качестве неустойки. В определенных случаях, при общении с покупателем без свидетелей, дело доходит и до угроз физической расправы.

В результате таких переговоров обманутый покупатель, передавший свои деньги и (или) автомашину соучастникам, вынужден по их предложению либо приобрести за переданную сумму более дешевый автомобиль, либо выплатить требуемые с него денежные средства. При этом покупатель, не имеющий таких денег, вынужден оформить в автосалоне кредит либо написать долговую расписку и оставить соучастникам в залог паспорт транспортного средства до выплаты окончательной суммы. Ранее составленные предварительный договор купли-продажи и другие документы соучастниками уничтожаются, составляется окончательный договор купли-продажи автомобиля, а от покупателя также истребуется расписка об отсутствии у него претензий к автосалону и его сотрудникам.

Такие преступления характеризуются высокой степенью латентности, поскольку маскируются под гражданско-правовые отношения, и часто даже сами обманутые покупатели считают бессмысленным обращаться в правоохранительные органы, так как по результатам совершения сделки купли-продажи автомобиля у обеих сторон остаются оформленные документы – договоры, где указаны условия, на которых покупатель якобы согласился приобрести товар и передать автосалону свои деньги и (или) свой автомобиль по программе «трейд-ин».

Следует отметить, что такая убежденность потерпевших в бесполезности обращения за помощью к правоохранительным органам в значительной мере подкрепляется существующей практикой работы по таким обращениям в органах внутренних дел. Проверка по заявлениям ограничивается получением объяснений потерпевших, приобщением копий документов, на основании чего выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления и наличием признаков гражданско-правовых отношений. В ходе выезда сотрудников полиции на место совершения преступления объяснения отбираются также у работников или представителей автосалонов, что не изменяет результата проверки. Уголовные дела по таким обращениям возбуждаются крайне редко [3, с. 34].

Обращение потерпевших с иском в гражданские суды также не влечет восстановления их прав и возмещение ущерба. Несмотря на то, что судами принимаются решения в пользу истцов, поскольку договоры купли-продажи заключаются от имени фирм, зарегистрированных на подставных лиц, на расчетных счетах данных фирм денежных средств

не имеется, по адресам регистрации фирмы их учредители и руководители отсутствуют, а судебные приставы в ходе исполнительного производства розыском этих лиц практически не занимаются, решения судов о взыскании с них денежных средств не исполняются.

В качестве положительного примера раскрытия и выявления исследуемой категории преступлений может служить следующее уголовное дело по факту совершения преступным сообществом, состоящим из 22 человек, хищений денежных средств граждан России и ближнего зарубежья в автосалонах г. Москвы путем мошенничества и последующей легализации похищенных денежных средств.

В рамках указанного уголовного дела в автосалонах одновременно было произведено задержание находящихся там соучастников, а также обыски, в ходе которых изъяты многочисленные предметы и документы, имеющие значение для расследования, в том числе компьютерная техника, печати различных фирм, множество договоров купли-продажи, документов на автомобили, телефонов, находящихся в личном пользовании участников сообщества.

В местах совершения преступлений обнаружены и задержаны 6 активных членов преступного сообщества, действовавших под видом сотрудников автосалонов, а также организатор и непосредственный руководитель – Т.

В ходе проведенных неотложных следственных действий, таких как допросы, опознания и очные ставки собраны достаточные доказательства, свидетельствующие о причастности к совершению преступления задержанных лиц и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу основных участников (впоследствии данная мера пресечения изменена судом на домашний арест, что позволило двоим обвиняемым скрыться от следствия, объявлен их розыск).

В ходе расследования, по каждому совершенному преступлению в отношении потерпевшего,

заявление которого имелось в уголовном деле, путем проводимых допросов, опознаний, очных ставок устанавливались все соучастники, начиная от «встречающего менеджера», «кассира» до «подписанта». С целью установления среднерыночной цены приобретенного потерпевшим автомобиля проведены автотовароведческие экспертизы. В случае наличия оригиналов заключенных договоров проведены почерковедческие экспертизы.

При предъявлении обвиняемым собранных по делу доказательств большинство из них дали признательные показания. В ходе расследования два ранее неустановленных участника преступного сообщества явились с повинной.

Кроме этого, одним из доказательств по уголовному делу является допрос специалиста-лингвиста, который изучив договоры купли-продажи, используемые мошенниками в автосалоне, обнаружил грамматические опечатки и словестные обороты, затрудняющие понимание текста и подтверждающие умысел соучастников на обман покупателей.

В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий задержан активный участник преступного сообщества К. Благодаря своевременному проведению обыска в его жилище, следствием изъяты мобильные телефоны и компьютерная техника. В дальнейшем анализ детализации телефонных переговоров по изъятым у К. мобильным телефонам позволил следствию доказать связь между участниками группы.

Эффективное расследование стало возможным благодаря надлежащему взаимодействию всех заинтересованных подразделений и служб, своевременному использованию информационных массивов МВД России, внимательному изучению детализаций телефонных соединений обвиняемых, анализу информации, содержащейся в электронных почтовых ящиках и компьютерной технике, а также применению современных экспертных исследований.

Литература

1. Щербаченко А.К. Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3 (90). С. 222–229.
2. Анненков С.И. Типичные следственные ситуации, возникающие по уголовным делам о мошенничестве // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1 (11). С. 44–48.
3. Варданян А.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: монография. Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. 150 с.

References

1. *Shcherbachenko A.K.* Kriminalisticheskaya klassifikatsiya moshennichestv, sovershennykh gruppoi lits, kak osnova formirovaniya bazovoi metodiki ikh raskrytiya i rassledovaniya [Criminalistic classification of frauds committed by a group of persons as the basis for forming the basic methodology for their disclosure and investigation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 3 (90), pp. 222–229. (In Russian)
2. *Annenkov S.I.* Tipichnye sledstvennye situatsii, vznikayushchie po ugovnym delam o moshennichestve [The typical investigative situations arising on criminal cases about fraud]. *Problemy ugovnogo protsessa, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy [Problems of criminal procedure, criminalistics and forensic expertise]*. 2018, no. 1 (11), pp. 44–48. (In Russian, abstract in English)
3. *Vardanyan A.V.* Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya moshennichestva v sfere strakhovaniya: Monografiya [Features of the initial stage of investigation of fraud in the insurance industry: Monography]. Irkutsk, VSI MVD of Russia Publ., 2016. 150 p. (In Russian)

ПОМИЛОВАНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ (В СВЕТЕ ПРОТОКОЛА СОВМЕСТНОГО СОВЕЩАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Прохоров Леонид Александрович,
Прохорова Марина Леонидовна

Цель: в статье рассмотрены вопросы применения института помилования в Российской Федерации, в том числе в свете положений протокола совместного совещания представителей Управления Президента РФ и представителей территориальных органов прокуратуры, исполнительной власти Южного федерального округа. Выявлены наиболее сложные проблемы и дискуссионные аспекты его реализации. Предложены меры по повышению эффективности этого института на основе результатов краткого анализа работы комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов РФ.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, статистический метод.

Выводы. В результате исследования авторы приходят к выводам об обоснованности существования института помилования как проявления гуманизма, милосердия к преступнику, прощения его государством; о целесообразности проявления большего доверия к решениям, принимаемым комиссиями по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации, так как они основываются на серьезном анализе характера и степени общественной опасности совершенного преступления, изучении характеристики осужденного до совершения преступления, во время отбывания наказания, установлении уровня его исправления в результате воспитательных мероприятий, проводимых администрацией исправительного учреждения; а также о необходимости более эффективного осуществления деятельности по адаптации помилованных лиц.

Научная и практическая значимость. Обоснованные в статье выводы и предложения направлены на повышение эффективности реализации института помилования в Российской Федерации.

Ключевые слова: помилование, амнистия, ходатайство осужденного, социальная адаптация, прощение преступника, исправление осужденных, пенитенциарная система, отбывание наказания, карательная политика, уголовная политика, эффективность института

Предваряя рассмотрение по существу актуальных вопросов применения института помилования в Российской Федерации, заметим, что настоящая статья является продолжением исследования означенной проблемы, и прежде осуществлявшегося авторами, поэтому в ней использованы материалы из ранее опубликованных ими работ по сходной тематике (См.: Прохоров Л.А., Прохо-

рова М.Л. Институт помилования в России: пути совершенствования правового регулирования // Научный вестник Южного федерального округа. 2007. № 1. С. 4–10; Прохоров Л.А. Помилование: особенности исторического развития и точки соприкосновения с правосудием // Мировой судья. 2008. № 5. С. 19–24; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Комиссия по вопросам помилования в системе субъектов со-

циальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // *Российский следователь*. 2008. № 22. С. 35–37; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Дефицит милосердия как проблема в современном обществе и роль комиссий по вопросам помилования в его снижении // *Вестник Академии знаний*. 2013. № 1. С. 210–214; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Институт помилования в России: некоторые результаты практики его реализации в 2002–2017 гг. и вопросы ее совершенствования // *Российский следователь*. 2018. № 7. С. 44–48.).

Управление Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан 22 мая 2019 г. в г. Ростове-на-Дону провело координационное совещание с сотрудниками аппарата полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе, территориальных органов прокуратуры, исполнительной власти округа. На повестке дня стоял вопрос о мерах по совершенствованию работы комиссий по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа. По итогам работы был принят протокол совместного с Управлением Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан координационного совещания по вопросам помилования от 22 мая 2019 г. № А52-2150-29.

Необходимо подчеркнуть, что этому совещанию предшествовала ставшая предметом обсуждения на страницах СМИ встреча известной правозащитницы Л.М. Алексеевой с Президентом РФ В.В. Путиным, во время которой она критически оценила действующий с 2002 г. порядок реализации института помилования в России, приведя соответствующие статистические показатели работы региональных комиссий. Так, за пять лет до принятия Указа Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (далее — Указ Президента РФ № 1500) (с 1996 по 2001 гг.) в России были помилованы 36901 осужденных, а за время действия этого Указа (с 2002 по 2017 гг.), т. е. за 15 лет, — 890 осужденных. При этом основной упрек был обращен в адрес комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Федерации, члены которых, заняв, по выражению Л.М. Алексеевой, «хлебные места», забыли об идее милосердия. Оставив на ее совести последние слова (тем более что их автор почил в Бозе), лишь подчеркнем следующие моменты: а) члены комиссий выполняют свои обязанности на общественных началах; б) процесс реализации указа Президента предполагает три

этапа (решение комиссии, постановление главы администрации (губернатора) субъекта Федерации, указ Президента РФ). Это совершенно исключает корыстную заинтересованность членов комиссий, занявших «хлебные», якобы, места.

В то же время приведенные статистические показатели применения института помилования действительно настораживают. К сожалению, отмеченная Л.М. Алексеевой тенденция ограничения применения помилования лиц, обратившихся к Президенту РФ с прошением о милосердии, имеет место с самого начала реализации Указа № 1500 и до настоящего времени. Так, в 2002 г. региональные комиссии по помилованию рассмотрели 8 тыс. прошений осужденных, обращенных к Президенту РФ. При этом они поддержали 1100 прошений, однако из этого числа были помилованы всего 182 человека (16,4%). В 2003 г. региональные комиссии по помилованию рассмотрели 4,5 тыс. прошений, поддержали 1000 из них, но были помилованы только 228 человек (22,8%). Следовательно, большое число осужденных, рекомендованных комиссиями к помилованию, что поддержали и главы администраций субъектов Федерации, вычеркивались из списка на стадии подготовки проекта указа Президента РФ (См.: Витебская Т., Гритчин Н., Демченко В., Турьялай С. *Воля Ваша* // *Известия*. 2003. 13 сентября.).

Сокращение числа Указов Президента РФ о помиловании конкретных осужденных и соответствующих статистических показателей работы региональных комиссий по вопросам помилования носило волнообразный характер. Так, при оценке статистических данных, прежде всего, следует обратить внимание на то, что, например, в 2010, 2011 гг. имела место особая активность осужденных и, соответственно, администраций исправительных учреждений по реализации права на помилование, наблюдалось существенное увеличение числа прошений, рассмотренных комиссиями. Как представляется, эта тенденция была обусловлена, во-первых, надеждой на милосердие вновь избранного Президента страны; во-вторых, проводимым в России реформированием уголовно-исполнительной системы, смягчением карательной практики.

К сожалению, тенденция сокращения числа Указов Президента РФ о помиловании в последующие 2008–2019 гг. получила еще большую выраженность. При этом нельзя не обратить внимания на некоторое снижение внимания администрации Президента РФ к организации деятельности комиссий по вопросам помилования. Так, на начальном этапе в 2002 г. в Москве

было проведено Всероссийское совещание председателей комиссий по вопросам помилования, в 2003 г. проведены аналогичные совещания на территории округов. В 2007 г. в Калининграде в последний раз состоялось Всероссийское совещание председателей комиссий по вопросам помилования [1, с. 19–24]. Впоследствии подобные организационные мероприятия уже не проводились. И это несмотря на то, что за прошедшие с означенного момента 13 лет были внесены существенные коррективы во все отрасли законодательства и направления реализации уголовной политики, а равно произошли изменения и в общественно-политической жизни общества. По нашему мнению, эти обстоятельства свидетельствуют о целесообразности обобщения опыта работы комиссий по вопросам помилования и принятия соответствующих рекомендаций.

Необходимо особо отметить, что тенденция существенного сокращения числа Указов о помиловании лиц, совершивших преступление, нарушение сроков прохождения материалов региональных комиссий в администрации Президента РФ в определенной степени *девальвирует саму* идею помилования и выхолащивает концепцию реализации соответствующего института, закрепленную Указом Президента РФ № 1500. Это также не способствует и укреплению авторитета главы соответствующего субъекта Федерации и комиссии, поддерживающих ходатайство осужденного о помиловании [2, с. 4]. Однако самое основное заключается в том, что сложившееся положение существенно умаляет роль главы государства в принятии акта милосердия, прощения преступника. Но, тем не менее, анализ работы комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации, несмотря на отмеченные недостатки, свидетельствует о жизненности новой концепции реализации института помилования, регламентированного Указом Президента РФ № 1500 [3].

Как известно, институт помилования зиждется на идее, что «преступник доступен чувству раскаяния, жалости, угрызания совести, а государство не может игнорировать эти проявления человеческой природы, не может забывать, что возбуждение раскаяния составляет одно из желаемых последствий уголовной кары» [4, с. 496–497]. Именно этот постулат и предопределил многовековую историю помилования, причем не только в России, но и во всем мире. Основным юридическим предназначением помилования, как неоднократно отмечалось криминалистами ранее, является *примирение безжизненного закона с жизненными требованиями преступного деяния, согласования*

меры ответственности с индивидуальными особенностями данного преступления. Помилование, милость к падшим, оступившимся свидетельствует не о слабости, а о духовной силе общества, о его способности и желании помочь этим людям вернуться к нормальной жизни. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф.М. Достоевского, что «об уровне цивилизации народа можно судить, когда открываешь ворота его тюрем». Помилование всегда признавалось не только целесообразным, но и справедливым актом, уменьшающим дефицит милосердия в обществе, то есть готовности помочь кому-нибудь или простить кого-либо из сострадания, человеколюбия [5, с. 356]. Идеи милосердия заложены в религиозных постулатах, их привносили и привносят в сознание народа деятели литературы и искусства, работники просвещения. Возможность помилования преступивших запретную черту была заложена и в первых правовых актах большинства государств.

К сожалению, для современного этапа развития общества и в мировом, и внутригосударственном масштабах характерны тенденции обострения конфликтных ситуаций, дефицита толерантности, милосердия. Видимо, именно они обусловили необходимость акцентирования внимания в послании Президента РФ на такие постулаты, как нравственные авторитеты, моральные основы для созидания, моральный авторитет государства. Речь шла о примерах добродетелей – милосердия, взаимопомощи, нравственных запретах, психологических связях, которые создают атмосферу в обществе и которых так не хватает нам (*См.: Дондурей Д. О дефиците духовных скреп // Российская газета. 2012. 14 декабря.*). Нельзя не отметить, что толерантность становится все менее привлекательной и во всем мире. В самых благополучных европейских странах заметно укрепились шовинистские, антагонистические настроения. Даже в Швеции, ранее считавшейся образцом толерантности в государственном масштабе, почти ежедневно в газетах затрагивают проблему экстремизма, жестокости, национального и социального противостояния (*См.: Федякина А. Толерантность сходит на нет // Российская газета. 2012. 11 июля.*).

Реализация института помилования, кроме решения проблемы его применения как такового, о чем шла речь ранее, поднимает и крайне важные вопросы адаптации помилованного лица. Без их решения благие намерения, выраженные в отношении последнего, станут кирпичиками, которыми «вымощена дорога в ад».

Начало адаптации помилованного лица (впрочем, как и всех освобождаемых из мест лишения

свободы) связано с очень важным этапом – выходом на свободу, что предполагает:

– обеспечение за счет осужденного или благотворительного фонда лица одеждой не просто по сезону, а отвечающей тенденциям моды (особенно для женщин);

– выяснение, встречает ли кто-то освобождаемое лицо (особенно для женщин), а для иногородних – обеспечение доставки на вокзал, приобретение билета;

– устройство ребенка в детские учреждения, оказание помощи в оформлении детских пособий.

При проведении опроса помилованных и осужденных, подавших прошение о помиловании, нами были выявлены наиболее трудно решаемые проблемы: 23% опрошенных волновало возвращение в семью; 30,7% высказали желание вернуться на прежнюю работу, но опасались, что их не примут; 30,7% не имели жилья и в этом (вполне обоснованно) усматривали серьезную проблему; 84,7% называли в качестве основной трудности поиск работы.

В названном ранее протоколе совместного координационного совещания (п. 1.7) закреплено требование оказывать меры социальной поддержки помилованным осужденным с целью их скорейшей адаптации после отбытия наказания. Это положение обусловлено тем, что подавляющее большинство таких лиц волнует проблема трудоустройства, во-первых, по причине отсутствия у них востребованной профессии, во-вторых, как следствие предвзятого отношения к бывшим осужденным. Сложность предстоящей жизненной ситуации, в которой должен оказаться освобождаемый из мест лишения свободы человек, дополняют ослабление супружеских отношений, распад семьи. В этот самый непростой период выхода на свободу, наверное, главное не оставить освободившегося один на один с его проблемами, чтобы у него не сформировалось мнение, что в местах лишения свободы комфортнее (там вся жизнь распланирована, отсутствует необходимость постоянно думать о дне грядущем).

С особой остротой перед социумом стоит проблема – осужденная мать, в том числе помилованная, и ребенок.

В подобной ситуации на первый план выступает задача повышения эффективности мер по социальной адаптации лиц, как освобожденных от дальнейшего отбывания наказания, так и находящихся в исправительных учреждениях.

В условиях сложившейся ситуации применительно к реализации Указа Президента РФ № 1500 на страницах печати предпринимается попытка

определенным образом оправдать действия чиновников, самостоятельно корректирующих решения региональных комиссий по вопросам помилования. Например, член комитета Госдумы по гражданскому и уголовному законодательству Ю. Синельщиков объяснял столь скромное число Указов о помиловании осужденных тем, что эти решения являются исключительными, так как помилование не может носить массовый характер, должно применяться только при наличии чрезвычайных обстоятельств, потому что за каждым актом милосердия стоит конкретный человек, учитывается тяжесть деяния, исправился осужденный или нет. Согласно позиции фракции Госдумы «Единая Россия», помилование – это исключительная мера, а массовое освобождение предусматривает амнистия (См.: *Кашеварова А., Теслова Е. За год помиловано пять человек // Известия. 2013. 27 декабря.*)

Эта позиция представляется малоубедительной, служа лишь оправданием для лиц, подготавливающих списки проектов указа по конкретным лицам для Президента РФ. При этом следует иметь в виду, что «исключительность», на которую ссылаются депутаты, не абстрактна. В уголовном праве она базируется на конкретных основаниях: это характер и степень общественной опасности совершенного преступления, характеристика осужденного до совершения преступления, во время отбывания наказания, уровень его исправления в результате воспитательных мероприятий, проводимых администрацией исправительного учреждения. Юристам хорошо известно, что эти же критерии положены в основу принятия, например, решения об амнистии осужденных, которая, кстати, в российском дореволюционном, а равно и в зарубежном уголовном праве нередко рассматривалась и рассматривается в качестве частного случая более широкого понятия «прощения» или помилования [4, с. 358].

В связи с этим возникает вопрос, почему при реализации решения Государственной Думы об амнистии количество освобождаемых от наказания преступников в десятки тысяч больше, чем помилованных. В качестве примера можно привести печально известную амнистию 1953 г., проведенную в связи со смертью И. Сталина. Негативные последствия имели место и при реализации постановления Государственной Думы Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № 398-III ГД «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В ст. 2 постановления было предусмотрено освобождение от наказания в виде лишения свободы

независимо от назначенного срока награжденных орденами или медалями СССР либо Российской Федерации и инвалидов I или II групп, а также больных туберкулезом, отнесенным к I или II группе диспансерного учета. Освобождению от наказания перечисленные категории лиц подлежали независимо от тяжести совершенных ими преступлений. Данная позиция амнистии позволяла реально освободить от наказания около 3000 тысяч убийц, бандитов, похитителей людей, лиц, совершивших тяжчайшие преступления в области экономики. Поэтому 28 июня 2000 г. Государственная Дума приняла дополнительное постановление, которым внесла поправку в анализируемый акт об амнистии. Она уже не распространялась на лиц, совершивших перечисленные в постановлении об амнистии тяжкие и особо тяжкие преступления. В этой поправке было определено, что она не может быть обращена на тех, кто уже освобожден от наказания в связи с ошибочным предписанием амнистии. Названная амнистия была одной из самых массовых. В соответствии с ней из мест лишения свободы было освобождено 188,1 тыс. осужденных, сокращены сроки лишения свободы 43,6 тыс. осужденным, освобождены от отбывания или исполнения иных видов наказаний 399,2 тыс. осужденных. В отношении 37,3 тыс. лиц были прекращены уголовные дела. Аналогичные тенденции имели место и при амнистии, проведенной по поводу 100-летия Октябрьской революции, когда из мест лишения свободы были освобождены почти 34 тысячи осужденных, из следственных изоляторов вышли 7813 человек. Всего же под амнистию попали 231558 человек. Результатом этих амнистий было существенное осложнение криминальной ситуации в стране, к чему и привела пресловутая «массовость» освобождения от уголовного наказания.

Складывается довольно странная ситуация, когда тысячи осужденных по коллективному правовому акту (амнистии) оказались достойными для освобождения от наказания, но не могли быть помилованы Президентом РФ. И это при условии, что институт помилования в социально-правовом отношении более широк, более общественно полезен и гуманен по сравнению с институтом амнистии. Тот же Ю. Синельщиков отмечал, что институт помилования способствует исправлению осужденных, в отличие от амнистии, которую стоит применять только на переломных для государства этапах. Более того, в процессе помилования принимают участие более тысячи авторитетных граждан — членов комиссий по вопросам помилования. Комиссия имеет возможность обобщить

и представить губернатору, Президенту РФ объективный материал, характеризующий персонально каждого осужденного.

Кроме рассмотрения прошений о помиловании, Указом Президента № 1500 на комиссии возложены задачи по обеспечению систематического контроля за условиями содержания осужденных, внесению предложений, направленных на повышение эффективности деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Пункт 5 отмеченного ранее протокола совместного координационного совещания Администрации Президента РФ рекомендует территориальным органам ФСИН России принять дополнительные меры, направленные на разъяснение осужденным порядка представления ходатайств о помиловании и разработку рекомендаций по социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

Наряду с рассмотрением материалов, связанных с помилованием конкретных осужденных, комиссии по вопросам помилования должны проводить большую разъяснительную работу по порядку реализации Указа Президента РФ № 1500 и оформлению документов, уделять внимание и проблемам социальной адаптации помилованных лиц. Среда, в которую возвращается помилованное лицо, не всегда благоприятна для его исправления. Этим и вызваны обращения в комиссию помилованных с просьбами о трудоустройстве, получении жилья, решении иных социальных проблем. По каждому из них заводятся наблюдательные дела, прослеживается их жизнь после освобождения из исправительного учреждения, оказывается содействие в трудоустройстве, пенсионном обеспечении. Многие помилованные — это женщины, имеющие малолетних детей и, что еще более трагично, — детей, которые «отбывали вместе с ними наказание», т. е. находились в доме ребенка при колонии. Поэтому в названном протоколе совместного совещания Администрации Президента РФ и представителей территориальных органов 2019 г. содержится пункт, согласно которому материалы в отношении осужденных, относящихся к социально незащищенным группам (несовершеннолетним, многодетным и др.), должны подлежать рассмотрению в приоритетном порядке (п. 1.5). Возвращение к нормальной жизни — это процесс комплексный, который должен начинаться еще в местах лишения свободы и не прекращаться после освобождения. Поэтому на координационном совещании 2019 г. принято решение изучить возможность разработки государственных программ (подпрограмм), направленных на повышение эффективности деятельности государственных органов по вопросам

социальной адаптации лиц, отбывших наказание (п. 1.8 протокола).

Деятельность комиссий по вопросам помилования осуществляется и в иных, не традиционных и, на первый взгляд, не свойственных ей формах (организация доставки гуманитарной помощи в дом ребенка при исправительной колонии, оказание иной помощи, в том числе финансовой, администрации домов ребенка в приобретении оборудования и имущества и др. (п. 1.7 протокола).

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о несомненной социальной полезности института помилования и роли комиссий по вопросам помилования, способствующих реализации Президентом РФ его высокой миссии – миловать осужденных преступников. Поэтому привлечение граждан к реализации института помилования обуславливает необходимость более внимательного

отношения администрации Президента к принятым комиссией по вопросам помилования положительным решениям (которых и так единицы) и объяснения оснований отказов по ним. В этой связи заместитель начальника Управления Президента РФ по вопросам помилования Г.М. Гурова в свое время отмечала: «Члены образованных в субъектах Российской Федерации комиссий обоснованно воспринимают свое назначение как высокую честь и доверие Президента страны и своей активной деятельностью создали условие для того, чтобы помилование, как конституционная функция Президента России, стало составной частью гражданского общества» (См.: *Материалы Координационного совещания по обобщению опыта работы комиссии по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации Южного федерального округа. Краснодар, 2003.*).

Литература

1. Прохоров Л.А. Помилование: особенности исторического развития и точки соприкосновения с правосудием // *Мировой судья*. 2008. № 5. С. 19–24.
2. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Институт помилования в России: пути совершенствования правового регулирования // *Научный вестник Южного федерального округа*. 2007. № 1. С. 4–10.
3. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Комиссия по вопросам помилования в системе субъектов социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // *Российский следователь*. 2008. № 22. С. 35–37.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

References

1. Prokhorov L.A. Pomilovaniye: osobennosti istoricheskogo razvitiya i tochki soprikosnoveniya s pravosudiyem [Clemency: features of historical development and points of contact with justice]. *Mirovoi sud'ya [Justice of the peace]*, 2008, no. 5, pp. 19–24 (In Russian)
2. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Institut pomilovaniya v Rossii: pu-ti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya [Institute of pardon in Russia: ways to improve legal regulation]. *Nauchnyi vestnik yuzhnogo federal'nogo okruga [Scientific quarterly of South Russia federal district]*, 2007, no. 1, pp. 4–10. (In Russian)
3. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Komissiya po voprosam pomilovaniya v sisteme sub'yektov sotsial'noy adaptatsii lits, osvobozhdayemykh iz mest lishe-niya svobody [Commission on pardon in the system of subjects of social adaptation of persons released from places of deprivation of liberty]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2008, no. 22, pp. 35–37. (in Russian)
4. Tagantsev N.S. Russkoye ugovolnoye pravo. Chast' Obshchaya [Russian criminal law. Part General]. Vol. 2. Tula, Avtograf Publ., 2001. 800 p. (in Russian)
5. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p. (in Russian)

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Семенцов Владимир Александрович

Цель: процессуальное, криминалистическое и уголовно-правовое осмысление запрета на провокацию преступления в оперативно-розыскной деятельности с учетом судебной практики Европейского Суда по правам человека, Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

Методология: анализ, сравнение, обобщение, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Провокация преступления в ОРД определяется как действия ее субъектов, несовместимые с этой деятельностью. Утверждается, что провокация исключается, если преследуется цель решение задач ОРД, при наличии законных оснований, а умысел объекта оперативно-розыскных мероприятий должен сформироваться независимо от деятельности оперативных сотрудников.

Научная и практическая значимость. Исследование провокации в ОРД как метода борьбы с преступностью выявило определенные тенденции в судебной практике, обусловленные правовыми позициями, позволило вскрыть наиболее характерные недостатки в деятельности органов ОРД, увлекающихся заданными параметрами раскрываемости преступлений, и наметить пути их устранения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, провокация преступления, мероприятия, противоправность, правовые позиции, судебная практика.

Оперативно-розыскная деятельность – эффективное средство получения информации о подготавливаемых и совершенных преступлениях, легальное использование которой в сфере уголовного судопроизводства обеспечивает достижение его назначения. Специфика оперативно-розыскной деятельности, особенно ее конфиденциальность, вызывает необходимость установления при проведении оперативно-розыскных мероприятий усиленных гарантий прав участников и иных лиц, включая прямой законодательный запрет на провокацию преступления, сущность которой состоит в стремление сделать невиновного человека виновным.

Правовой основой для исключения провокации из оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации служат предписания ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. от 2 августа 2019 г. № 311-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности» (СЗ

РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.), где в качестве меры соблюдения прав и свобод человека и гражданина содержится прямой запрет органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ОРД), выполнять действия, не совместимые с этой деятельностью: подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Такого рода действия именуется провокацией, хотя в законе не названы ее способы, а лишь в общей форме устанавливается направленность подобного противоправного поведения.

В.А. Галушко и А.С. Малахова справедливо отмечают, что в судебной практике представители защиты в 69% случаев ставят вопрос о провокационности действий субъектов ОРД и привлечении участников оперативно-розыскных мероприятий к ответственности за провокацию, соучастие в преступлении, превышение полномочий [3, с. 31–35].

Впервые провокация преступления как обстоятельство, устраняющее виновность лица, была признана в США, где выработана доктрина, согласно которой полицейская провокация делится на «правомерную» и «неправомерную». К последней относятся только ситуации, когда сотрудник правоохранительных органов (лицо, оказывающее им содействие) с целью возбуждения уголовного преследования активно побуждает объект к совершению преступления, которое тот не намеревался совершить. В этом случае действия агента рассматриваются как «вовлечение в ловушку» и объявляются противоправными [4, с. 13–16].

Р.Г. Налбандян пишет: «Американская практика квалификации провокаций по критерию “допустимая” (правомерная) и “недопустимая” (неправомерная) была заимствована Германией. Допустимой провокацией преступления признается та провокация, которая ставит перед собой задачу разоблачения подозреваемого в совершении преступления, которое он бы совершил и без провокации. В этом случае цель провокации заключается в создании таких условий совершения преступления, в которых представляется возможным его документирование и добывание необходимых доказательств. Недопустимой признается та провокация, под воздействием которой лицо принимает решение о совершении преступления. Любопытен тот факт, что судебные органы этой страны расценивают допустимую провокацию как смягчающее обстоятельство, поскольку спровоцированное преступление совершается под контролем правоохранительных органов, следовательно, общественная опасность при совершении такого преступления сводится к минимуму» [6, с. 11–12].

С.Н. Радачинский обосновывает идею «правомерной провокации», когда она является единственным и наиболее эффективным средством обнаружения преступного замысла, предотвращения совершения более тяжких преступлений, раскрытия уже совершенных преступлений и предлагает дополнить уголовный кодекс новой нормой «Правомерная провокация», закрепив ее в ст. 39.1 УК РФ, как обстоятельство исключающее преступность деяния [8, с. 64–69].

Однако, предложение С.Н. Радачинского о придании «правомерной провокации» статуса обстоятельства, исключающего преступность деяния, «не вписывается, — пишет А.В. Савинский, — в общепринятую догму уголовного права и вряд ли может быть поддержанным» [9, с. 23–38].

С целью отграничения правомерной организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий от провокации обратимся в нашем ис-

следовании к судебной практике Европейского Суда по правам человека (далее — Европейского Суда или ЕСПЧ), Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

Европейским Судом было сформулировано определение полицейской провокации в ряде его решений. Например, в деле «Раманаускас против Литвы» (*Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2008 г., жалоба № 74420/01*) полицейская провокация имела место при участии сотрудников полиции и агентов, действующих по их указаниям, которые «не ограничивали себя расследованием преступной деятельности в пассивной форме», а применяли «воздействие такого характера, которое провоцирует совершение преступления и которое в ином случае не было бы совершено, с целью установления преступления, то есть получения доказательства и возбуждения уголовного преследования».

Европейский Суд в своей практике разработал не только само понятие «полицейской провокации», но и систему критериев, позволяющих выявить ее признаки в конкретном деле, с констатацией нарушений прав человека в связи с провокационным характером оперативно-розыскной деятельности, в числе ключевых из которых следует указать следующие:

1) провокация определяется как процессуальный дефект, исключающий справедливое правосудие, с признанием все же возможности применения провокации, но только в том случае, если она не заканчивается назначением уголовного наказания;

2) допустимость (по внутреннему законодательству) использованных методов проведения оперативного мероприятия, но при условии соблюдения предусмотренных процедур и наличия законного права симулировать преступление;

3) создание желания совершить преступление в результате действий органа, имеющего право оперативно-розыскной деятельности, или его агента, но с прямым запретом активной провокации, и лишь путем пассивного наблюдения, вплоть до момента, когда становится очевидно, что лицо совершает преступление независимо от агента;

4) отсутствие равенства между правом государства получать и использовать в оперативных целях информацию от негласных источников и тайных агентов, с одной стороны, и использованием данной информации в качестве доказательств при окончательном обвинении лица в совершении преступления, с другой стороны.

Здесь уместно будет напомнить, что 30 марта 1998 г. Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, подтвердив тем самым свою приверженность принципам гуманизма и демократии, а также готовность пересмотреть целый ряд законодательных актов, противоречащих положениям Конвенции.

Именно решение Европейского Суда по жалобе Г.А. Ваньяна о его привлечении к уголовной ответственности и последующем осуждении в результате совершения сотрудниками органов внутренних дел провокации преступления (*Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99)*) вызвало необходимость 24 июля 2007 г. дополнить ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» положениями, запрещающими «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация); фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности».

Несмотря на состоявшееся решение законодателя о дополнении Закона об ОРД указанными выше предписаниями, на практике провокация как метод борьбы с преступностью по-прежнему имеет место, когда оперативные сотрудники настолько увлекаются служебными интересами и заданными параметрами раскрываемости, что применяют способы, которые нарушают права человека, поскольку фактически порождают своими действиями совершение преступлений.

Проиллюстрируем это с использованием постановления Европейского Суда по делу Носко и Нефедова от 30 октября 2014 г., инициированного на основании двух жалоб (№ 5753/09 и 11789/10) против Российской Федерации, поданных соответственно 30 декабря 2008 г. и 25 января 2010 г. Учитывая схожесть обстоятельств дел ограничимся в нашем исследовании изложением фактов по жалобе А.В. Носко, признавшей получение денег в обмен на обязательство оказать определенные услуги, но утверждавшей, что приняла деньги лишь по побуждению сотрудников полиции и ни при каких других обстоятельствах этого бы не сделали.

Как установлено судом, в полицию г. Заречный Пензенской области поступили конфиденциальные оперативные данные о причастности заявительницы к незаконному получению денег за выдачу и продление поддельных больничных листов. 19 ноября 2007 г. было принято решение о проведении оперативного эксперимента для документального подтверждения незаконной

деятельности заявительницы. Полиция предложила А. участвовать в операции в качестве своего агента. Согласившись помочь полиции провести оперативный эксперимент по расследованию взяточничества, А. позвонила своему знакомому Х., сослуживцу и бывшему товарищу по группе в медицинском институте заявительницы, сообщив ему, что нужен больничный лист с указанием уважительной причины для того, чтобы остаться дома на период проведения косметического ремонта в квартире.

20 ноября 2007 г. А. и Х. явились по месту работы Носко и Х. попросил заявительницу выдать А. больничный лист. С собой А. имела 2 000 р. наличными и записывающее устройство, выданное ей ранее полицией. А. передала Х. 500 р. за посреднические услуги, а также 500 р. для передачи заявительнице, которая выдала больничный лист. 23 ноября 2007 г. А. вновь явилась по месту работы заявительницы, и та продлила больничный лист, получив 500 р., которые положила в карман своего халата.

26 мая 2008 г. Зареченский городской суд Пензенской области удовлетворил ходатайство прокурора об отказе в предъявлении заявительнице обвинений в отношении эпизода от 20 ноября 2007 г. за отсутствием доказательств, но признал заявительницу виновной в получении взятки 23 ноября 2007 г. и вынес приговор в виде 3 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года. 6 августа 2008 г. Пензенский областной суд рассмотрел кассационную жалобу по делу заявительницы и оставил приговор в силе, отклонив заявление о провокации, посчитав, что сотрудники полиции имели достаточные основания для проведения оперативного эксперимента, поскольку располагали данными, уличающими заявительницу, согласно которым та имела преднамеренный умысел принять взятку.

Однако Европейский Суд в своем постановлении отметил, с учетом прецедентной практики оперативные эксперименты необходимо проводить пассивно, не побуждая заявителя к совершению преступления при помощи таких средств, как проявление инициативы по установлению контакта с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или зывание к чувству сострадания заявителя.

Согласно выдержкам из протокола судебного заседания, представленным заявителем, ни А., ни сотрудник полиции, ответственный за проведение операции, не рассказали, что ранее заявитель принимала взятки. Следовательно, информация, полученная из анонимного источника, являлась

единственным основанием для проведения секретной операции и, в таком случае, ее было необходимо соответствующим образом проверить. Из этого следует, что полиция приступила к проведению оперативного эксперимента 20 ноября 2007 г. сразу после получения уличающей информации, без должного подтверждения полученных сведений. Кроме того, основываясь на показаниях сотрудника полиции о том, что А. принимала участие в подобных операциях ранее и ее показания сомнению не подвергались, суд пришел к выводу, что А. регулярно сотрудничала с полицией, ее участие в оперативном эксперименте с заявителем неслучайно, и этот факт не опровергался.

Суд также отметил, что полиция направила А. не непосредственно к заявителю, а к бывшему товарищу заявителя по группе в медицинском институте и ее давнему сослуживцу. Привлекая Х. к оперативному эксперименту и поместив заявителя в необычную неформальную обстановку, полиция, как минимум, в некоторой степени, рассчитывала на доверие заявителя к данному человеку и ее готовность помочь коллеге.

Указанные обстоятельства позволили Европейскому Суду усомниться в правомерности оперативного эксперимента с самого начала, когда заявительница подвергалась риску провокации со стороны полиции, что в совокупности нарушило ее право на справедливое судебное разбирательство. А.В. Носко потребовала 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, но Европейский Суд посчитал запрашиваемую сумму чрезмерной и произведя оценку на справедливой основе, присудил заявительнице 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Вполне закономерно, что в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» было подчеркнуто, что «правовые позиции Европейского Суда, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов».

Однако согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «О проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части

четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» решения Европейского Суда должны исполняться с учетом верховенства Конституции Российской Федерации и только если они ей не противоречат.

В отечественном праве провокация преступления сама по себе не криминализована, за исключением провокации взятки или коммерческого подкупа, предусмотренных ст. 304 УК РФ. Диспозиция указанной нормы позволяет считать провокацией попытку передачи (передачу) денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно лицу, указанному в ч. 1 ст. 200.5 УК РФ, без его согласия, либо когда оно прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения, в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления (*Пункт 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г. № 59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»*).

При этом в п. 34 того же Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24 декабря 2019 г. № 59) разъясняется, что указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», свидетельствуют о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено, а потому не могут расцениваться как уголовно наказуемое деяние в связи с отсутствием в содеянном составе преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Вместе с тем, вне сферы уголовно-правовой регламентации остаются такие виды действий, определяемых как провокация кражи, мошенничества, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и др. В связи с этим заслуживает внимания предложение А.Д. Назарова о дополнении гл. 7 УК РФ ст. 34-1, с определением там провокации преступления как вовлечение

другого лица в совершение преступления с целью возбуждения против него уголовного преследования [5, с. 13–14], хотя «в большинстве стран континентальной системы права вопросы провокации рассматриваются исключительно в процессуальном аспекте, не затрагивая материальное право» [2, с. 107].

Согласно толковому словарю русского языка одно из значений слова «провокация» объясняется как «подстрекательство с какой-нибудь целью» [1, с. 827], поскольку провокация близка по своей правовой природе подстрекательству, но отличается от него конечной целью и задачами, которые преследуют соответственно подстрекатель и провокатор. Дело в том, что провокатор, в отличие от подстрекателя, заведомо не заинтересован в совершении преступления, а наоборот, преследует цель его выявления и раскрытия и передаче исполнителя в руки правосудия. Провокация как форма злоупотребления правом может быть совершена только умышленно. Лицо должно осознавать, что вызывает у другого лица решимость совершить конкретное противоправное действие (преступление), при этом заведомо зная, что в иной ситуации, без его воздействия (подстрекательства, склонения, побуждения) объект оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) не склонен к их совершению и не мог совершить.

Современная следственная и судебная практика с традиционно обвинительным уклоном (де-факто) к возможности провокации преступления относится скептически, тем более, что до сих пор нет четкости в определении допустимых пределов реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений, отсутствуют единые подходы по вопросу об отличии оперативного сопровождения от провокации, когда отслеживаются преступное поведение фигуранта оперативно-розыскных мероприятий, его связи и др. с помощью негласных сил и средств оперативно-розыскной деятельности.

Способами провокации могут быть любые формы воздействия на сознание объекта ОРМ, не парализующие его волю, – уговор, подкуп, убеждение, поручение, распоряжение, просьба, угроза или иная форма воздействия. Безусловно, такого рода действия представляются недопустимыми и в силу их противоправности ОРД не образуют.

Вместе с тем, в литературе обосновывается, что отдельные ОРМ могут содержать элементы провоцирующего поведения, например: 1) *проверочная закупка* предполагает совершение сделки, предметом которой могут выступать предметы и ве-

щества, оборот которых запрещен, совершаемой при наличии договоренности между ее участниками; 2) *оперативное внедрение* имеет целью не только сбор разведывательной информации, но и конспиративное участие в решении задач оперативно-розыскной деятельности или негласном содействии их решению; 3) *оперативный эксперимент* может содержать элементы провокации взятки или коммерческого подкупа [11, с. 56].

Провокация исключается, если оперативно-розыскные мероприятия преследуют цель решение задач ОРД, проводятся при наличии законных оснований, а умысел объекта ОРМ должен сформироваться независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений или лиц, оказывающих им содействие.

Согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (с изм. от 16 мая 2017 г. № 17) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» «результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Данные положения корреспондируют позиции ЕСПЧ, который исключает провокацию в том случае, если объект специального расследования (ОРД) был готов и согласен совершить преступление и без вмешательства негласных агентов (*Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации», жалоба № 53203/99*). Европейский суд считает, что поведение сотрудников полиции не являлось незаконным и произвольным, когда оба заявителя публично рекламировали свои услуги по ремонту компьютеров, предоставив номера своих телефонов, а полицейские под легендой покупателей позвонили им на указанные в объявлениях номера телефонов и попросили установить некоторые компьютерные программы. После данного звонка было куплено или скачано из интернета нелегальное про-

граммное обеспечение, а из аудиозаписи разговоров следует, что заявители открыто сообщили секретным агентам о том, что данные программы являются нелегальными (*Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 марта 2015 г. по делу «Волков и Адамский против России»*, жалобы № 7614/09 и 30863/10).

Проведение *проверочной закупки* предметов, оборот которых ограничен либо реализация которых запрещена, допускается на основании постановления, утвержденного соответствующим руководителем органа, осуществляющего ОРД (ч. 5 ст. 8 закона об ОРД). Вынесение постановления преследует цель обеспечить неприкосновенность участников сделки, поскольку сам факт ее осуществления может подпадать под признаки состава преступления и граница между его наличием и отсутствием определяется прежде всего по субъективной стороне. Действия участников ОРМ, разрешенные законом об ОРД и выполненные с соблюдением его требований, исключают наличие признаков преступления.

На основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, проводится и *оперативное внедрение*. В постановлении должны обосновываться: 1) необходимость проведения указанного ОРМ; 2) тактический замысел мероприятия; 3) роль и задача внедряемого лица; 4) линия поведения; 5) меры по обеспечению его безопасности и конспирации, а также другие данные, подтверждающие правомерность и допустимость действий участника.

Исходя из этого, дается оценка и решается вопрос об отсутствии в действиях внедренного лица как провокации, так и признаков преступления, поскольку, например, сам факт участия в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), устойчивой вооруженной группе, банде (ч. 2 ст. 209 УК РФ) или в преступном сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ) образует признаки оконченного состава преступления. Однако участие в них внедренного лица не является преступлением, поскольку не причиняет вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям и не создает угрозы причинения такого вреда, является допустимым с точки зрения закона (предусмотрено Законом об ОРД) и направлено на защиту общественных интересов, а не во вред им.

Соответствующее постановление является юридическим основанием для проведения *оперативного эксперимента*, в рамках которого моделируются определенные условия, благоприятствующие решению задач оперативно-розыскной деятельности. Представляется, что вынесение по-

становления и его утверждение у руководителя органа, осуществляющего ОРД, необходимо только в том случае, если опытные действия предполагают активную форму поведения объекта ОРМ и направленность его действий на совершение преступления, а также проведение этого ОРМ с использованием предметов, средств и веществ, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен.

Причем действия участников ОРМ по активизации поведения объекта мероприятия (например, обсуждение вопроса о передаче предмета взятки в более удобное время для проведения ОРМ), обнаружившего преступные замыслы, направлению его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение (ориентирование преступника на объект, который заранее подготовлен для задержания с поличным и обеспечение при этом безопасного проведения ОРМ), не образуют провокации преступления и соучастия в нем.

При проведении ОРМ представляется недопустимым создание таких условий, при которых объект мероприятия лишен возможности избирательности поведения. Недопустимо и побуждение к преступным действиям или вовлечение другого лица в определенное преступление с целью его дальнейшего разоблачения, если у такого лица отсутствовал умысел на совершение преступления. Инициатива на совершение преступления должна исходить только от объекта ОРМ, а не от должностных лиц оперативно-розыскного органа или лиц, оказывающих им содействие.

При провокации инициатива получения предмета взятки либо наркотических средств соответствующим субъектом исходит от самих сотрудников, а при оперативном эксперименте или проверочной закупке она должна исходить от лица, могущего быть субъектом преступлений. В соответствии с данным критерием для признания ОРМ (проверочной закупки или оперативного эксперимента) правомерным необходимо, чтобы еще до принятия решения о его проведении у соответствующих органов имелось обоснованное предположение о том, что лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления. Решая данный вопрос, суд должен изучить причины, лежащие в основе проведения оперативного мероприятия, и поведение властей, проводивших его.

Чтобы лучше понять, каким образом власти могут убедительно и доказательно продемонстрировать наличие достаточных оснований для проведения оперативных мероприятий, с тем чтобы эта информация была проверяема в судебном за-

седании, обратимся к постановлению Европейского Суда по делу «Банникова против России» от 4 ноября 2010 г.

В своем решении по данному делу Европейский Суд учел, что к моменту проведения в отношении заявительницы проверочной закупки с участием сотрудника Б., действующего в качестве покупателя, в распоряжении ФСБ уже имелись записи переговоров заявительницы с С., поставщиком наркотиков, о проводимой сделке. В ходе этих переговоров упоминалось об «обстоятельствах предыдущих продаж наркотиков, остатках непроданных наркотиков, появлении новых клиентов и перспективах проведения других совместных сделок». При этом в судебном разбирательстве были исследованы записи этих переговоров, а сотрудник ФСБ Б., участвовавший в проведении проверочной закупки, в суде дал показания в ходе перекрестного допроса. Европейский Суд согласился с выводом российского суда о том, что полученные доказательства с уверенностью позволили прийти к выводу о намерении заявительницы продавать наркотики.

В то же время проверочная закупка на основании лишь рапорта оперативного сотрудника признана Верховным судом Российской Федерации провокацией, поскольку сам по себе рапорт о том, что лицо занимается сбытом наркотических средств, ни чем иным не подтвержденный, не может служить достаточным основанием для вывода о совершении преступления – незаконного сбыта наркотиков без вмешательства оперативного сотрудника (*Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 46-Д 13-23 от 5 ноября 2013 г. по надзорной жалобе осужденного Р.Ш. Гайнанова о пересмотре приговора Похвистневского районного суда Самарской области от 19 августа 2011 г., кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 19 октября 2011 г. и постановления президиума Самарского областного суда от 21 марта 2013 г.*). Дело в том, что согласно ст. 6 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации правоохранительных органов.

Т.В. Трубникова пишет: в оперативно-розыскной деятельности встречаются ситуации повторного (иногда многократного) проведения «проверочных закупок» у одного и того же лица. Поэтому отечественная судебная практика была вынуждена выработать свое отношение по вопро-

су о допустимости такого рода деятельности и возможности использования результатов повторных «проверочных закупок» в доказывании [10, с. 46].

В Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (*утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.*) разъяснено, что «проведение повторного оперативно-розыскного мероприятия, также очередной проверочной закупки у одного и того же лица, должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями, и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность», а при отсутствии новых оснований суд «должен признать доказательства, полученные в результате такого мероприятия, недопустимыми» [7].

Причем очевидно, что вопрос об обоснованности и мотивированности повторного оперативно-розыскного мероприятия актуален не только для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, но и иных категории преступлений.

Подводя итог проведенному исследованию отметим, что провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности представляет собой действия ее субъектов, не совместимые с этой деятельностью, связанные с подстрекательством, склонением, побуждением в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

Европейским Судом по правам человека разработано не только понятие «полицейской провокации», но и определена система критериев, позволяющих выявлять ее признаки в конкретном деле. Именно правовые позиции Европейского Суда вызвали необходимость закрепления в ч. 8 ст. 5 закона об ОРД положений, запрещающих подстрекательские действия. Однако на практике провокация как метод борьбы с преступностью по-прежнему имеет место в деятельности оперативных сотрудников, увлекающихся служебными интересами и заданными параметрами раскрываемости преступлений.

Не вписывается в общепринятую догму уголовного права идея «правомерной провокации», признаваемой допустимой к применению отдельными учеными для разоблачения подозреваемого в преступлении, если ставится задача разоблачения подозреваемого в совершении преступления,

которое он бы совершил и без провокации. В отечественном праве провокация преступления не криминализована, за исключением провокации взятки или коммерческого подкупа, когда без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на получение взятки не возник бы и преступление не было бы совершено. В то же время вне сферы уголовно-правовой регламентации остаются иные виды действий, определяемых как провокация.

Способы провокации – любые формы воздействия на сознание объекта оперативно-розыскных мероприятий, не парализующие его волю, – угрозы, подкуп, убеждение, поручение, распоряжение, просьба, угроза или иная форма воздействия.

Оперативно-розыскные мероприятия могут содержать элементы провоцирующего поведения (проверочная закупка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент и др.), но действия их участников по активизации поведения объекта мероприятия, обнаружившего преступные замыслы, направление его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение, не образуют провокации преступления и соучастия в нем. В случае необходимости проведения повторного оперативно-розыскного мероприятия оно должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями, а при их отсутствии полученные в результате такого мероприятия доказательства должны признаваться недопустимыми.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1268 с.
2. Волкова И.А. Провокация преступления в контексте отдельных институтов общей части УК РФ // Закон и право. 2020. № 1. С. 106–108.
3. Галушко В.А., Малахов А.С. Провокация при проведении оперативного эксперимента // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 31–35.
4. Додонов В.Н. Провокация преступления с позиции современного уголовного права // Вестник Академии. Научно-практический журнал Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3 (5). С. 13–16.
5. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 152 с.
6. Налбандян Р.Г. Провокация преступлений: позиция Европейского суда по правам человека // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 11–13.
7. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.
8. Радачинский С. Провокация как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2009. № 2. С. 64–69.
9. Савинский А.В. О соотношении оперативного эксперимента, провокации и обстоятельств, исключающих преступность деяния // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. Вып. 3 (21). С. 23–38.
10. Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12 (96). С. 44–52.
11. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. комментарий / под ред. А.С. Бахты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2014.

References

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: okolo 60 000 slov [The Big explanatory dictionary of the Russian language: about 60,000 words]. Ed. D.N. Ushakov. Moscow, AST: Astrel Publ., 2009. 1268 p. (In Russian)
2. Volkova I.A. Provokatsiya prestupleniya v kontekste otdel'nykh institutov obshchei cha-sti UK RF [Provocation of a crime in the context of separate institutions of the General part of the criminal code of the Russian Federation]. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*, 2020, no. 1, pp. 106–108. (In Russian, abstract in English)

3. Galushko V.A., Malakhov A.S. Provokatsiya pri provedenii operativnogo eksperimenta [Provocation during an operational experiment]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*, 2016, no. 3 (62), pp. 31–35. (In Russian)
4. Dodonov V.N. Provokatsiya prestupleniya s pozitsii sovremennogo ugovnogo prava [Provocation of a crime from the position of modern criminal law]. *Vestnik Akademii. Nauchno-prakticheskii zhurnal Akademii General'-noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the R.F. Prosecutor general's office]*, 2008, no. 3 (5), pp. 13–16. (In Russian)
5. Nazarov A.D. [Provocations in operational and investigative activities]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 152 p. (In Russian)
6. Nalbandian R.G. Provokatsiya prestuplenii: pozitsiya Evropeiskogo suda po pravam chelo-veka [Provocation of Crimes: Stand of the European Court of Human Rights]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [The penal system: law, economy, management]*, 2016, no. 1, pp. 11–13. (In Russian, abstract in English)
7. Obzor sudebnoi praktiki po ugovnym delam o prestupleniyakh, svyazan-nykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh, sil'nodeistvuyushchikh i yadovitykh veshchestv (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 27 iyunya 2012 g.) [Review of judicial practice in criminal cases of crimes related to illicit trafficking in drugs, psychotropic, potent and poisonous substances (approved by the Ministry of Justice of the Russian Federation). By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 27, 2012]. In *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]*, 2012, no. 10. (In Russian)
8. Radachinsky S. Provokatsiya kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya [Provocation as a circumstance precluding the commission of an act]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*, 2009, no. 2, pp. 64–69. (In Russian)
9. Savinsky A.V. O sootnoshenii operativnogo eksperimenta, provokatsii i obstoyatel'-stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya [On the ratio of operational experiment, provocation and circumstances excluding criminality of the act]. *Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal procedural and criminalistic readings]*, 2018, issue 3 (21), pp. 23–38. (In Russian)
10. Trubnikova T.V. Otgranichenie provokatsii ot pravomernogo operativno-rozysknogo meropriyatiya v praktike ESPCh i sudov RF [Delineation of provocation from lawful operational search measures in the practice of the ECHR and the courts of the Russian Federation]. *Ugolovnyi protsess [Criminal proceedings]*, 2012, no. 12 (96), pp. 44–52. (In Russian)
11. Federal'nyj zakon «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti»: nauch.-prakt. kommentarij [Federal law “On operational search activity”: Scientific practical comment]. Ed. A.S. Bakht. The 2nd ed. Moscow, Department of state service and personnel of the Ministry of internal Affairs of Russia Publ., 2014. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Кузнецов Александр Павлович

Цель: провести уголовно-правовое исследование обязательных работ как вида уголовного наказания.

Методология: сравнительно-правовой, логико-юридический, системно-структурный методы.

Выводы. В системе наказаний обязательные работы занимают особое место и являются важнейшим его видом, составляют реальную альтернативу лишению свободы: снижают уровень уголовно-правовой репрессии; относятся к менее затратному виду наказаний; позволяют минимизировать негативные последствия отбывания наказания для осужденного.

Сущностно-содержательная характеристика уголовного наказания в виде обязательных работ включает в себя комплекс законодательных мер, направленных на лишение и ограничение прав, законных интересов, возлагаемых на осужденного в процессе отбывания наказания.

Научная и практическая значимость статьи заключается в раскрытии сущностных особенностей обязательных работ как вида уголовного наказания, позволяющих переоценить социальное, правовое и экономическое их содержание. Демонстрация концептуальных признаков обязательных работ открывает новые горизонты в дальнейшем осмыслении и развитии обязательных работ, входящих в систему современных видов наказаний.

Ключевые слова: обязательные работы, наказание, уголовная политика, государство, превенция.

История отечественного уголовного законодательства неотделима от становления и развития Российского государства, его государственных институтов. Уголовное законодательство, преодолевая возникающие препятствия и противоречия, требует постоянного поиска решения сложных теоретико-практических задач (в том числе в области повышения результативности противодействия преступности). Эффективность противодействия преступности во многом зависит от организации деятельности по применению уголовного закона, качества сформулированных уголовно-правовых предписаний, создания непротиворечивой системы уголовных запретов, включающих в себя криминализацию и декриминализацию, пенализацию и депенализацию. В данных условиях особенно остро возникает проблема создания системы наказаний, позволяющей обеспечить реализацию принципа экономии репрессии, максимальной

индивидуализации уголовной ответственности, гуманизации уголовной политики, изменения судебно-следственной практики.

В системе наказаний обязательные работы занимают особое место и являются важнейшим его видом, составляют реальную альтернативу лишению свободы: снижают уровень уголовно-правовой репрессии; относятся к менее затратному виду наказаний; позволяют минимизировать негативные последствия отбывания наказания для осужденного. Обязательные работы как вид наказания могут назначаться только в качестве основного вида наказания в случаях, предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РФ (ст. 45 УК РФ), или в порядке назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ). Если суд придет к убеждению о назначении обязательных работ ниже низшего предела, чем это предусмотрено санкцией статьи Особенной

части УК РФ, то наказание не может быть назначено менее 60 часов, а для несовершеннолетних – менее 40 часов.

Законодатель в Раздел III «Наказание» Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года включил ст. 49 «Обязательные работы» и изложил ее в следующей редакции:

1. Обязательные работы заключаются в выполнении осужденными в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяется органами местного самоуправления.

2. Обязательные работы устанавливаются на срок от 60 до 240 и отбываются не свыше 4 часов в день.

3. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются ограничением свободы или арестом. При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока ограничения свободы или ареста из расчета один день ограничения свободы или ареста за 8 часов обязательных работ.

4. Обязательные работы не назначаются лицам, признанными инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет, женщинам, достигшим 55-летнего возраста, мужчинам, достигшим 60-летнего возраста, а также военнослужащим, проходящим военную службу по призыву.

Однако, несмотря на положительную очевидность, предусмотренную в первоначальной редакции УК РФ 1996 года, наказание в виде обязательных работ стало применяться только с 2005 г. (См. *О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ (в ред. от 28.12.2004): федеральный закон от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 3.*)

Объясняется это тем, что Федеральным законом от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (См. *О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.*) в ст. 4 установлено наказание в виде обязательных работ, которые вводятся в действие федеральным законом или федеральными законами после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации по мере создания необходимых условий для его исполнения, но не позднее 2001 г.

Принятое решение поставило в зависимость замену обязательных работ ограничением свободы, арестом в случае злостного уклонения, осужденного от введения их в действие. Однако данное законодательное решение осталось не исполненным и Федеральным законом от 13 декабря 2001 г. срок введения наказания в виде обязательных работ был продлен до 2004 г. (См. *О внесении изменений и дополнений в федеральные законы «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» и «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»: федеральный закон от 10 января 2001 г. № 4-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 130.*), но и при этом до конца 2005 г. они не были введены.

Одновременно с этим за указанное время законодатель неоднократно вносил изменения в каждую из четырех частей ст. 49 «Обязательные работы». Часть 3 статьи 49 УК РФ, предусматривающая замену обязательных работ более строгим видом наказания, менялась трижды. В первоначальной редакции она излагалась следующим образом: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются ограничением свободы или арестом». При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные работы, учитывается при определении срока ограничения свободы или ареста из расчета один день ограничения свободы или ареста за 8 часов обязательных работ.

Вместе с тем принятое законодательное решение не позволило устранить все возникающие проблемы замены обязательных работ другими видами наказаний. Продолжая совершенствовать указанную статью, законодатель Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» перечень наказаний, которые могли заменить обязательными работами, дополнил наказанием в виде лишения свободы. Такой подход объясняется тем, что заменяющие обязательные работы наказания в виде ограничения свободы и арест не применялись, реально их могли заменить только лишением свободы.

В дальнейшем законодатель Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ дополнил ч. 3 ст. 49 новым видом наказания – принудительными работами и сформулировал ее редакцию следующим образом: «В случае злостного уклонения, осужденного от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы. При этом время, в течение которого осужденный отбывал обязательные ра-

боты, учитывается при определении срока принудительных работ или лишения свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ» (См. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.*).

Изменению подверглись сроки обязательных работ: в первоначальной редакции обязательные работы установлены на срок от 60 до 200 часов, в последующей редакции верхний предел повышен до 480 часов. Редакционным корректировкам подверглись и другие части статьи.

Процедура реализации указанного вида наказания, его имплементация в уголовно-правовую систему было связано с определенными трудностями, с принятием федеральных законов отсрочкой их ведения в связи с отсутствием необходимых условий для их исполнения [1].

Повышение эффективности и результативности исполнения обязательных работ зависит от четкого качественного изложения правовых предписаний сущностно-содержательных признаков и характерных особенностей, практического применения от фактической оценки структурного расположения.

Сущностно-содержательная характеристика уголовного наказания в виде обязательных работ включает в себя комплекс законодательных мер, направленных на лишение и ограничение прав, законных интересов, возлагаемых на осужденного в процессе отбывания наказания.

Характерной особенностью обязательных работ служит то, что уголовный закон не связывает их с категоризацией преступлений. Однако, как показала практика, они применялись, как правило, за совершение преступлений небольшой и средней тяжести (99%) [2, с. 65]. Вместе с тем, законодатель допускает возможность назначения обязательных работ и без установленного порядка. Подтверждением этому служит правоприменительная практика, согласно которой обязательные работы назначаются, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления. Применение обязательных работ за подобные преступления нельзя признать целесообразным исходя из содержания указанных видов наказаний. В таких случаях вряд ли можно реализовать принцип справедливости и равенства граждан перед законом при назначении наказания, определяемого в часах (обязательные работы) и в годах (лишение свободы) до десяти лет и более.

Активное применение обязательных работ способствовало их законодательной регламентации в статьях Особенной части УК РФ. В первоначальной редакции УК РФ они содержались в 59 статьях Особенной части (66 санкциях). В последней редакции, количество обязательных работ значительно возросло, и они предусматриваются в 130 статьях Особенной части УК в виде наказания (199 санкций).

Исследование судебной практики применения уголовного наказания в виде обязательных работ показало стабильный рост в общей массе осужденных к обязательным работам. С 2007 по 2010 г. к обязательным работам было осуждено 245 935 человек, с 2011 по 2014 г. — 316 758 человек, с 2015 по 2018 г. — 472 494 человека. В отношении несовершеннолетних осужденных к обязательным работам наблюдается некоторое снижение назначения данного вида наказания. С 2007 по 2010 г. к обязательным работам было осуждено 29 440 несовершеннолетних, с 2011 по 2014 г. — 23 291 несовершеннолетний, с 2015 по 2018 г. — 18 292 несовершеннолетних (См. *Статистика Уголовное судопроизводство. URL: <https://stat.anu-npesc.pf//stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.09.2019)*).

Приведенные статистические показатели свидетельствуют о том, что суды активно применяют данный вид наказания, не связанный с изоляцией от общества. Вместе с тем ряд авторов высказывают мнение об ошибочности включения обязательных работ в систему наказаний, их неэффективности не только с экономической, но и с превентивной стороны. «Ученые, выступающие за внедрение в практику обязательных работ, по их мнению, живут по законам экономической жизни социалистического государства» [3, с. 145].

Трудно согласиться с высказанной аргументацией, со ссылкой на проведенный автором опрос респондентов, который не учитывает социальную значимость данного вида наказания: обязательные работы являются альтернативным видом наказания, не связанным с изоляцией от общества; процесс их исполнения не прерывает устоявшиеся социальных связей осужденного с привычной для него жизненной средой; не требует дальнейшей ресоциализации и адаптации после отбытия наказания. В конечном итоге реализация данного наказания позволяет достичь целей уголовного наказания [4].

Вместе с тем, несмотря на объективную очевидность и востребованность обязательных работ в уголовно-правовой доктрине однозначного мнения не сложилось. Некоторые ученые выска-

зывают мнения в отношении непродуманного структурного расположения обязательных работ в системе наказаний, обращая при этом особое внимание на недостаточно оправданное расположение обязательных работ в системе наказаний, что повышает их карательный потенциал. По их мнению, наказание в виде обязательных работ в системе уголовных наказаний относится к более тяжким видам наказания по отношению к лишению специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград и менее тяжким — по сравнению с исправительными работами (ст. 44 УК РФ) [5, с. 67–68]. Другие ученые высказывают критические замечания в отношении обязательных работ, полагая при этом, что такое законодательное решение не отличается юридико-техническим совершенством: оно ограничивает сферу применения обязательных работ, завышает общий карательный уровень данного наказания. Разместив в структуре наказания обязательные работы на четвертое место, законодатель, таким образом, признал их более строгим наказанием по отношению с другими и исключил возможность его применения в качестве дополнительного наказания. В данном случае, очевидно, что даже при самой поверхностной оценке карательных свойств обязательные работы являются более мягким видом наказания [6].

Обращает на себя внимание то, что ряд исследователей высказывают категорические суждения об ошибочности включения обязательных работ в систему наказания. По мнению А. Трахова, изучение истории и опыта применения зарубежного уголовного законодательства позволяет заявить, что обязательные работы, ... в рыночных отношениях, которые сложились в России реальной перспективы в борьбе с преступностью не имеют» [7, с. 48]. И.Л. Петрухин считает, что обязательные работы вряд ли вообще нужны и их исполнение зачастую бывают сопряжены с умалением чести и достоинства личности осужденных [8, с. 42]. В свою очередь, С.Н. Бударов полагает, что «невозможно фактически привить правонарушителю социально полезные навыки непосредственно в условиях изоляции от общества, негативные морально-нравственные, психологические и физические ее последствия криминальной профессионализации и принятия криминальной субкультуры, ... реально приводящей к последствиям, в действительности проявляющемуся соответствующим образом социальной адаптации ее реинтеграции ...» [9, с. 113].

В данном случае нельзя признать высказанную точку зрения верной, так как по своему

содержанию труд обладая общественно экономическими качествами реально выступает средством исправления осужденных и не может негативно влиять на личность, его права, честь и достоинство. По мнению, С.В. Милюкова обязательные работы позволят занять определенную часть осужденных, привить их к общественно полезному труду и одновременно с этим получить значительный экономический эффект и направить его на благо законопослушного населения [10, с. 31].

Эффективность социальной сущности наказания определяется степенью карательного воздействия на лицо, совершившее преступление. В обязательных работах карательное содержание находит свое закрепление в приговоре, выраженной отрицательной оценке поведения виновного со стороны государства, в установленной регламентации их исполнения и заключается в выполнении обязательных бесплатных общественно полезных работ, включающих специфические признаки. К их числу следует отнести:

1. *Конституционные ограничения, связанные с исполнением обязательных работ.* Положения ст. 10 УИК РФ ограничивают конституционные права осужденного на свободу выбора места работы и вида труда, его добровольность, вознаграждение за труд, возможности использовании права на отдых. Например, А.И. Коробеев, характеризуя обязательные работы, отмечает, что «Пенитенциарное воздействие этого вида наказания на осужденного связано, прежде всего, с теми лишениями и ограничениями, которые он претерпевает процессе его исполнения: увеличение продолжительности рабочего дня за счет сокращения времени отдыха, безвозмездность труда, его тяжелый, не престижный характер, психологический дискомфорт, связанный с судимостью и т.п.» [11, с. 88]

1. *Ограничения на свободу выбора места работы и вида труда.* Осужденный к обязательным работам привлекается к отбыванию наказания не позднее 15 дней со дня поступления в уголовно-исполнительную инспекцию соответствующего распорядка суда с копией приговора (определение, постановление). Уголовно-исполнительная инспекция обязана поставить осужденного на учет и по согласованию с органами местного самоуправления определить объект и вид работы. Исполнение обязательных работ осуществляется на объектах подведомственных органам местного самоуправления. Последние совместно с уголовно-исполнительными инспекциями, исходя из наличия объектов, с учетом личных качеств

осужденного, определяет конкретный вид общественных работ, имеющих социальное значение и не требующих особой квалификации, которые могут выполняться любым трудоспособным человеком.

В процессе отбывания наказания осужденный обязан: соблюдать трудовую дисциплину, правила внутреннего распорядка организации, где он отбывает наказание, добросовестно относиться к труду, работать на объектах определяемых уголовно-исполнительной инспекцией, отработать установленный судом срок обязательных работ, информировать уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места жительства или места основной работы, являться по ее вызову.

Согласно ч. 2 ст. 16 УИК РФ наказание в виде обязательных работ исполняется уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденного. Законодатель не конкретизирует данного положения, не привязывает его к месту фактической регистрации либо к другим обстоятельствам. Полагаем, что местом жительства следует признавать именно место проживания осужденного, позволяющего исполнять обязательные работы на объектах, расположенных в этих пределах без каких-либо значительных материальных затрат к месту исполнения наказания.

2. Ограничение права на отдых. Наказание в виде обязательных работ исполняется непрерывно в течении всего срока, который исчисляется в часах. Предоставление очередного ежегодного отпуска по основному месту работы осужденного не приостанавливает исполнение наказания в виде обязательных работ. Осужденный к обязательным работам не имеет права на отпуск во время отбывания наказания.

3. Ограничение получения вознаграждения за труд. Осужденный к обязательным работам выполняет их на безвозмездной основе. Данное наказание заключается в том, что осужденный бесплатно выполняет общественно-полезную работу в свободное от основной работы или учебы время.

В этом случае традиционно к постоянно выполняемой работе осужденного на различных предприятиях, учреждениях, определяемая органами местного самоуправления, добавляется общественно-полезная социально-востребованная бесплатная работа. Установленные конституционные ограничения следует признать оправданными и не противоречащими закону, так как позволяют, не изолируя лицо от общества, достичь цели наказания: восстановить социальную справедливость и предупредить совершение новых преступлений.

II. Уголовно-правовые ограничения, связанные с исполнением обязательных работ

1. Обязательные работы в общей системе наказаний. В ст. 44 УК РФ законодатель обязательные работы в системе наказаний поставил на четвертое место. Подобное структурное размещение свидетельствует о завышении общего карательного потенциала данного вида наказания, а также о том, что штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, являются более строгими видами наказания, что, конечно же, не соответствует действительности.

2. Субъекты, определяющие отбывание обязательных работ. В соответствии со ст. 49 УК РФ и ст. 25 УИК РФ вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Органы местного самоуправления, исходя из хозяйственной потребности, составляют список объектов и перечень выполняемых на них работ. Законодатель внес изменения в УИК РФ в части регулирования и исполнения отбывания наказания в виде обязательных работ (*СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.*). В частности, устанавливалось, что обязательные работы отбываются только на предприятиях, подведомственных органам местного самоуправления, так как они выполняются исключительно на безвозмездной основе без каких-либо перечислений денежных средств в соответствующий бюджет.

Уголовно-исполнительная инспекция исполняет наказание в виде обязательных работ, ведет учет осужденных, разъясняет порядок и условия отбывания наказания, осуществляет контроль за их поведением, организует и проводит воспитательную работу, предупреждает преступления и иные правонарушения лицами, состоящими на учете и др.

3. Обязательные работы как самостоятельный вид наказания. Уголовное наказание в виде обязательных работ – это специфическая мера государственного принуждения, которая назначается только за совершенное деяние, запрещенное уголовным законом, и представляет собой официальное порицание от имени государства виновного лица. В соответствии со ст. 45 УК РФ обязательные работы применяются только в качестве основного вида наказания и назначаются исключительно по приговору суда от имени Российской Федерации. Обязательные работы связаны

с определенными лишениями и ограничениями в правах и свободах виновного лица и по своей правовой природе являются личными реализуемыми методами принуждения.

4. *Назначение обязательных работ в порядке исполнения.* Согласно законодательному регламенту наказание по общему правилу может назначаться только в тех случаях, когда оно предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ. Вместе с тем, законодатель допускает исключение из установленных правил без соблюдения условий и назначает при этом более мягкого наказания. К их числу следует отнести: назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ); при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ); при применении амнистии наказание заменяется более мягким видом (ст. 84 УК РФ); при помиловании наказание заменяется более мягким видом (ст. 85 УК РФ); при замене штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты (ч. 5 ст. 46 УК РФ). Таким образом, современный российский законодатель в сформулированных положениях позволяет суду по всем статьям назначать наказание в виде обязательных работ [12, с. 23].

Если при рассмотрении дела суд придет к выводу о необходимости назначения наказания в виде обязательных работ ниже низшего предела, чем это указано в санкции соответствующей данной статьи Особенной части УК РФ, то при указанных обстоятельствах суд не может назначить наказание менее 60 часов, а для несовершеннолетнего — менее 40 часов.

По мнению некоторых ученых, не существует каких-либо особых технико-юридических препятствий для возможного закрепления обязательных работ в качестве дополнительного вида назначения, в частности, при условном осуждении к лишению свободы, строго соблюдая принцип индивидуализации при назначении и исполнении наказания [13, с. 125].

Исполнение обязательных работ в свободное от основной работы или учебы время. В уголовно-исполнительном законодательстве не дается определение общественно полезного труда, не раскрываются общие признаки труда как средства исправления. Исправительное воздействие обязательного труда осуществляется путем реализации комплекса мер, направленных на его привлечение к целесообразной, сознательной трудовой деятельности. В соответствии с международными принципами организации труда общественно-полезный труд является одним из основных средств

исправления осужденного в виде обязательного труда. В различных международных актах указывается, что: «на заключенных следует возлагать полезную работу достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день» [14, с. 19]; «труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент исправительного и административного воздействия, профессиональной подготовки» (См.: *Европейские пенитенциарные правила: рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы (принята 11 января 2006 г. на 952-м заседании представителей министров)* из информационного банка «Международное право» (документ опубликован не был). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2019)).

По мнению Н.Г. Осадчей, «общественно полезный труд является основным средством исправлением осужденных к обязательным работам. Использование труда связано с его социальной природой — быть материальной основой воспитания личности. Посредством труда происходит воспитание осужденного в духе уважения к интересам общества, развитием трудовых навыков, таких качеств, как дисциплинированность, добросовестность, уважение к закону» [15, с. 15].

Трудовая деятельность позволяет привить осужденному понимание важности и значимости общественно полезного труда, сформировать профессиональные навыки и убеждения, что только честный труд может служить источником удовлетворения материальных и духовных потребностей как его самого, так и всего общества, развить у осужденного физические и трудовые способности, направленные на повышение дисциплинированности, ответственности, добросовестности.

Содержательная сущность данного признака заключается в том, что общественно-полезные работы выполняются осужденным в свободное от основной работы или учебы время, что является важным условием, позволяющим существенно ограничивать право лица на отдых, свободное распоряжение своим личным временем. Более того, использование отпуска по основному месту работы не освобождает его от выполнения обязательных работ, а время отбывания наказания не включается в трудовой стаж.

1. *Невозможность условно-досрочного освобождения от обязательных работ.* В статье 49 УК РФ дан исчерпывающий перечень лиц, которые могут освобождаться условно-досрочно. Условно-досрочное освобождение относится к уголовно-

правовым мерам и применяется судом к лицам, отбывающим наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части; принудительных работ, лишения свободы, пожизненного лишения свободы. В ч. 1 ст. 93 условно-досрочное освобождение может применяться к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, но только осужденными к лишению свободы (выд. авт.). Изложенные выше положения позволяют сделать вывод о том, что законодатель не предусматривает условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде обязательных работ.

В доктринальных источниках высказывают предложения о возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде обязательных работ [9, с. 27].

2. *Невозможность назначения наказания определенной категории лиц.* В первоначальной редакции в ч. 4 ст. 49 УК РФ содержался запрет на назначение наказания инвалидам первой и второй группы; беременным женщинам; женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет; женщинам, достигшим 50-летнего возраста; мужчинам, достигшим 65-летнего возраста, а также военнослужащим проходящим военную службу по призыву.

Продолжая совершенствоваться уголовно-правовую норму, законодатель Федеральным законом от 8 декабря 2008 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (См. *О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2008 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.*) внес существенные изменения в редакцию данной статьи и изложил ее следующим образом: «Обязательные работы не назначаются инвалидам первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву».

При назначении наказания в виде обязательных работ суд должен учитывать состояние здоровья осужденного. Охрана здоровья осужденного относится к важнейшей стратегической цели реформирования уголовно-исполнительной системы, поэтому осужденный имеет гарантированное Конституцией Российской Федерацией право на охрану своего здоровья (См. *Об основных направлениях охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.*)

Данное законодательное решение свидетельствует о расширении круга субъектов, которым может быть назначено наказание в виде обязательных работ, и предоставляет правоприменителю широкие законодательные возможности использования альтернативных лишению свободы видов наказаний [13, с. 125].

В контексте реализации данного признака следует отметить, что согласно ст. 49 УК РФ обязательные работы выполняются в свободное от основной работы или учебы время. Подобная законодательная формулировка исключает назначение наказания в виде обязательных работ неработающим лицам. Однако, как показала практика, суды в Российской Федерации игнорируют данное законодательное положение и назначают наказание в виде обязательных работ лицам, не имеющим постоянной работы. В научных исследованиях приводится пример, согласно которому только в 2005 г. суды более чем в 40% случаев устанавливали наказание неработающим гражданам, что противоречит закону. В сложившейся ситуации осужденный к обязательным работам, не имеющий ее, лишается средств к существованию, в связи с этим повышается вероятность совершения осужденным нового преступления [16, с. 57].

3. *Запрет на назначение обязательных работ условно.* В части 1 статьи 73 УК РФ содержится запрет на применение к обязательным работам условного осуждения. К осужденному к данному виду наказания не применяется положение ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение отбывания наказания» и ст. 80 УК РФ «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Таким образом, обязательные работы в системе наказаний являются единственным видом наказания, которые нельзя назначать условно. В уголовно-правовой доктрине отмечалась нелогичность законодательного решения, и оно подвергалось обоснованной критике исходя из смысла законодательных положений, закрепленных в ч. 1 ст. 80 УК РФ, в которой определялось, что замена неотбытой части обязательных работ более мягким наказанием невозможна.

4. *Назначение обязательных работ лицам, не достигшим 18-летнего возраста.* Современное уголовное законодательство несовершеннолетними признает лиц, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Установленные относительно-определенные возрастные границы (пределы) предполагают, что несовершеннолетние, совершившие престу-

пления, способны осознавать социально-значимые происходящие события, предвидеть их общественную опасность и наступление последствий своего противоправного поведения.

Уголовная ответственность несовершеннолетних имеет свою специфику, сформулированную в ч. 1 ст. 89 УК РФ и определяемую тем, что суд при назначении наказания должен учитывать не только характер и степень общественной опасности, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания, но и условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Такой подход позволяет индивидуализировать наказание, отдавая предпочтение менее строгому виду наказания, как правило, не связанного с лишением свободы, позволяющего достичь цели наказания.

Несовершеннолетним, совершившим преступление, обязательные работы назначаются на срок от 40 до 160 часов и заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, исполняются в свободное от учебы или основной работы время. Учитывая возрастные особенности, продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до 15 лет не может превышать 2 часов в день, а лицам в возрасте от 15 до 16 лет – 3 часов.

Практика применения уголовного законодательства показывает, что суды допускают грубейшие ошибки в назначении наказания в виде обязательных работ.

Приговором районного суда г. Омска деяния П. были квалифицированы по ч. 1 ст. 161 УК РФ, и ей было назначено наказание в виде обязательных работ на срок до 200 часов. Судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда своим определением допущенную ошибку устранила, назначенное наказание снижено до 80 часов (См. Определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 7 февраля 2013 г. № 22-390 // Судебная практика по уголовным делам: [подготовлено Омским областным судом для системы «КонсультантПлюс»]).

Содержание закрепленных предписаний показывает, что несовершеннолетний обязан выполнить соразмерную по его физическим силам и возможностям работу. Более того, исполняемая работа не должна причинять вред здоровью несовершеннолетнему, отвечать требованиям гигиены и безопасности и не препятствовать процессу обучения.

Законодатель в ч. 3 ст. 49 УК РФ определил, что в случае злостного уклонения, осужденного

от отбывания обязательных работ они заменяются принудительными работами или лишением свободы. Однако в ч. 7 ст. 53¹ УК РФ установлено положение, согласно которому принудительные работы несовершеннолетним не назначаются. Аналогичная ситуация складывается в отношении замены обязательных работ лишением свободы: в ч. 6 ст. 88 УК РФ содержится запрет на осуждение определенной категории несовершеннолетних к лишению свободы, в частности, несовершеннолетних осужденных, совершение в возрасте до 16 лет преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также остальных несовершеннолетних осужденных, совершивших преступление небольшой тяжести впервые.

В соответствии с абз. 2 п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», Верховный суд РФ подтвердил, что положения ч. 3 ст. 49 УК РФ не применимы к тем категориям несовершеннолетних, которым в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ не может быть назначено наказание в виде лишения свободы [17, с. 212].

При назначении наказания суд должен учитывать положение в ст. 265 Трудового кодекса РФ, в котором устанавливается запрет на использование труда до восемнадцати лет на работах с вредными, опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами, материалами эротического содержания).

Положения, сформулированные в трудовом законодательстве, основываются на международных актах, в частности, в Конвенции Международной организации труда № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» содержатся предписания, запрещающие применение детского труда на работах, которые по характеру и условиям, где они выполняются, могут причинить вред здоровью, безопасности или нравственности [18].

Перечень работ, на которых запрещается применение труда работников в возрасте до 18 лет, установлен и другими многочисленными нормативно-правовыми актами (См. *Об утверждении*

Норм предельно допустимых нагрузках для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную: постановление Министерства труда РФ от 7 апреля 1999 г. № 7 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 19 июля 1999 г. № 29; Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет: постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 // СЗ РФ. 2000. № 10. Ст. 1131.)

Выводы

1. Законодатель в систему наказаний включил обязательные работы как альтернативный вид наказания, не связанный с изоляцией от общества, тем самым реализовал принцип экономии репрессии, материализовал на практике гумани-

стические начала уголовно-правовой политики и уголовно-исполнительной.

2. Карательное содержание обязательных работ в виде наказания заключается в определенных ограничениях, регламентированных законом, позволяющим достичь цели исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

3. Сущностно-содержательные признаки обязательных работ включают в себя: исполнение обязательных работ в свободное от основной работы или учебы время; конституционные ограничения; ограничения на свободу выбора места работы и вида труда, права на отдых, получение вознаграждения за труд; невозможность условно-досрочного освобождения; назначение наказания определенной категории лиц; запрет на назначение наказания условно.

Литература

1. *Бородин А.А.* Трудоустройство осужденных к наказанию в виде обязательных работ // Российский следователь. 2010. № 1. С. 36–38.
2. *Иванов А.Л.* Замена обязательных работ более строгим видом наказания (ч. 3 ст. 49 УК РФ): закон и практика применения // Государственная служба и кадры. 2016. № 1. С. 65–67.
3. *Евлов Н.Д.* Обязательные работы как один из видов наказаний за неосторожные преступления // Общество и право. 2011. № 2. С. 144–148.
4. *Караганова Б.Г.* Наказание в санкциях уголовного закона: соотношение, судебная практика. Ростов н/Д: Изд-во СКНУ В, 2003. 198 с.
5. Уголовно-исполнительное право России: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2015. 522 с.
6. Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. СПб.: СПб ГКА, 2007. 325 с.
7. *Трахов А.* Бессистемная система наказаний в УК РФ // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 48–49.
8. *Петрухин И.Л.* Новый уголовный кодекс: проблемы наказания // Уголовное право. 1999. № 3. С. 40–44.
9. *Бударов С.Н.* Перспектива уголовного наказания в виде обязательных работ // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции. Опыт и перспективы: сб. материалов международной конференции. М.: PRI, 2002. 212 с.
10. *Милуков С.В.* Российская система наказаний. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. 48 с.
11. Российское уголовное право: курс лекций / Т.А. Бушуева, Ю.В. Голик, А.И. Коробеев [и др.]; науч. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 602 с.
12. *Тонков В.Е.* Некоторые вопросы назначения наказания в виде исправительных работ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 23–25.
13. *Сутурин Н.А.* К вопросу о признаках наказания в виде обязательных работ // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 122–127.
14. Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (утверждены ООН 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным советом на 994-м пленарном заседании 31 июля 1957 г.) // Советская юстиция. 1992. № 2.
15. *Осадчая Н.Г.* Обязательные работы как новый вид наказания в Российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 23 с.
16. *Грушин Ф.В.* Состояние и перспективы развития уголовных наказаний в виде обязательных и исправительных работ в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 2. С. 56–58.

17. *Рарог А.И., Бимбинов А.А.* Сб. постановлений Пленума Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 625 с.
18. *Сутурин М.А.* Обязательные работы в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 22 с.

References

1. *Borodina A.A.* Trudoustroistvo osuzhdennykh k nakazaniyu v vide obyazatel'nykh rabot [Employment of persons sentenced to compulsory works]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator]*. 2010, no. 1, pp. 36–38. (In Russian)
2. *Ivanov A.L.* Zamena obyazatel'nykh rabot bolee strogim vidom nakazaniya (ch. 3 st. 49 UK RF): zakon i praktika primeneniya [Replacing compulsory works with a more severe form of punishment (part 3 of article 49 of the Criminal Code): law and practice]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry [Civil Service and Personnel]*. 2016, no. 1, pp. 65–67. (In Russian)
3. *Evloev N.D.* Obyazatel'nye raboty kak odin iz vidov nakazanii za neostorozhnye prestupleniya [Compulsory works as a form of punishment for reckless crimes]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2011, no. 2, pp. 144–148. (In Russian)
4. *Karaganova B.G.* Nakazanie v sanktsiyakh ugovnogo zakona: sootnoshenie, sudebnaya praktika [Punishment in the sanctions of the criminal law: correlation, judicial practice]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNU V Publ., 2003. 198 p. (In Russian)
5. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Osobennaya chast': uchebnyk dlya akademicheskogo bakalavriata [Criminal executive law of Russia. Special part: Textbook for academic baccalaureate]. In 2 vls. Vol. 2. Editor V.E. Eminov, V.N. Orlov. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow, Izdatel'stvo Yurait Publ., 2015. 522 p. (In Russian)
6. Entsiklopediya ugovnogo prava. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie [Encyclopedia of criminal law. Criminal responsibility and punishment]. Vol. 8. Editor Malinin. Saint-Petersburg, SPb GKA Publ., 2007. 325 p. (In Russian)
7. *Trakhov A.* Bessistemnaya sistema nakazanii v UK RF [Unsystematic system of punishments in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya [Russian Justice]*, 2000, no. 9, pp. 48–49.
8. *Petrukhin I.L.* Novyi ugovnyi kodeks: problemy nakazaniya [New penal code: problems of punishment]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 1999, no. 3, pp. 40–44. (In Russian)
9. *Budarov S.N.* Perspektiva ugovnogo nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot [The prospect of criminal punishment in the form of compulsory works]. *Razvitie al'ternativnykh sanktsii v rossiiskoi ugovnoi yustitsii. Opyt i perspektivy: Sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii [Development of alternative sanctions in the Russian criminal justice system: Collection of materials of the international conference]*. Moscow, PRI Publ., 2002. 212 p. (In Russian)
10. *Milyukov S.V.* Rossiiskaya sistema nakazanii [System of punishment in Russia]. Saint-Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. yurid. in-ta General'noi prokuratury RF Publ., 1998. 48 p. (In Russian)
11. Rossiiskoe ugovnoe pravo: Kurs lektsii [Russian criminal law: Course of lectures]. *T.A. Bushueva, Yu.V. Golik, A.I. Korabev [and others.]*. Editor A.I. Korabev. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1999. 602 p. (In Russian)
12. *Tonkov V.E.* Nekotorye voprosy naznacheniya nakazaniya v vide ispravitel'nykh rabot [Some issues of sentencing in the form of corrective labour]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Criminal Executive System: Law, Economics, Management]*. 2009, no. 6, pp. 23–25. (In Russian)
13. *Suturin N.A.* K voprosu o priznakakh nakazaniya v vide obyazatel'nykh rabot [On the question of signs of punishment in the form of compulsory works]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian Law Herald]*, 2010, no. 2 (49), pp. 122–127. (In Russian)
14. Minimal'nye standartnye pravila v otnoshenii obrashcheniya s zaklyuchennymi (utverzhdeny OON 30 avgusta 1955 g., odobreny Ekonomicheskim i Sotsial'nym sovetom na 994-m plenarnom zasedanii 31 iyulya 1957 g.) [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held at Geneva in 1955, and approved by the Economic and Social Council by its resolutions 663 C (XXIV) of 31 July 1957 and 2076 (LXII) of 13 May 1977)]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1992, no. 2. (In Russian)

15. *Osadchaya N.G.* Obyazatel'nye raboty kak novyi vid nakazaniya v Rossiiskom ugovnom zakonodatel'stve [Compulsory works as a new type of punishment in Russian criminal legislation]. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Rostov-on-Don, 1999. 23 p. (In Russian)

16. *Grushin F.V.* Sostoyanie i perspektivy razvitiya ugovnykh nakazanii v vide obyazatel'nykh i ispravitel'nykh rabot v Rossiiskoi Federatsii [Status, perspectives and development of compulsory work as penal punishment in the Russian Federation]. *Ugovno ispolnitel'noe pravo [Criminal Executive Law]*, 2007, no. 2, pp. 56–58. (In Russian)

17. *Rarog A.I., Bimbinov A.A.* Sbornik postanovlenii Plenuma Verkhovnykh Sudov SSSR, RSFSR i RF po ugovnym delam [Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Courts of the USSR, RSFSR and the Russian Federation on criminal cases.]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 625 p. (In Russian)

18. *Suturin M.A.* Obyazatel'nye raboty v otnoshenii nesovershennoletnikh [Compulsory works for minors]. Avtoref. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Tomsk, 2011. 22 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Серебренникова Анна Валерьевна,
Лебедев Максим Владимирович

Цель: проанализировать основные тенденции, связанные с цифровизацией уголовного права по наиболее обсуждаемым направлениям, проанализировать и обобщить позиции исследователей относительно конструирования норм об ответственности за компьютерные преступления в отечественном уголовном законодательстве. Отразить основные сферы использования искусственного интеллекта в процессе квалификации преступлений и правоохранительной деятельности. Рассмотреть использование информационных технологий в образовательном процессе при подготовке специалистов для правоохранительных органов.

Методология: для целей настоящей статьи авторами были применены наряду с общенаучными методами: анализ, синтез, индукция, дедукция, также частно-научные: формально-юридический и диалектический методы.

Выводы. В результате проведенных исследований авторы приходят к выводу, что достижения последних лет в области цифровых технологий создали не только целый ряд новых проблем с преступностью, но и способствовали предупреждению, выявлению, расследованию, уголовному преследованию и наказанию за преступление. Однако многие вопросы, связанные с их использованием в уголовном праве, так и остались нерешенными. Сегодня перед наукой уголовного права стоит задача разработки модели системного обновления отечественного уголовного законодательства, эффективность которой напрямую зависит от способности законодателя воспринимать тенденции в области информационных технологий и вызовов преступности.

Научная и практическая значимость. Представлен авторский взгляд на актуальную в уголовно-правовой науке проблему. Результаты произведенного исследования и сформулированные в настоящей статье выводы могут быть использованы в учебном процессе при изучении наук уголовно-правового цикла в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: цифровые технологии, уголовное право, квалификация преступлений, искусственный интеллект, цифровизация, компьютерные преступления.

Преобразующий эффект цифровых и коммуникационных технологий, оказываемый на современное общество, все сильнее привлекает внимание исследователей-правоведов по всему миру. С момента появления рабочих станций для персональных компьютеров в начале 1980-х гг., запуска глобальной сети Интернет в 1991 г. до настоящего времени проведено множество исследований в области уголовного права, в которых отмечается, что цифровизация является катализатором трансграничной преступной деятельности [3, с. 32].

С другой стороны, развитие цифровых технологий помогает эффективно противодействовать

преступности. В криминалистике и уголовном процессе все чаще используются базы данных, аккумулирующие доказательства по уголовным делам, происходит алгоритмизация и автоматизация многих процессов и даже применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в принятии процессуальных решений. Цифровые технологии активно используются в процессе преподавания учебных дисциплин уголовно-правового цикла при подготовке сотрудников правоохранительных органов и судей.

Составы компьютерных преступлений в отечественном законодательстве закреплены не только в главе 28 УК РФ, а рассредоточены по всей его

Особенной части. Представляется, что понятием «компьютерные преступления» охватываются любые общественно опасные деяния, в которых может быть задействован ИИ, а также любые информационные технологии и вытекающие из их использования возможности. В качестве примеров, можно привести как давно известные всем преступления (хакерские вирусные преступления, атаки типа «отказ в обслуживании», интернет-мошенничества, онлайн-угрозы, распространение цифровых изображений детской порнографии, хищение конфиденциальной информации в сети Интернет), так и совсем новые виды деяний, не нашедших отражения в уголовном законе (неправомерные действия с использованием технологии замены лица, оборот денежных суррогатов и др.).

Относительно вопроса конструирования уголовно-правовых запретов в условиях цифровизации, мнения исследователей разделились на две противоположные группы. Одни авторы предлагают криминализацию преступлений с использованием цифровых технологий осуществлять фрагментарно, путем введения соответствующих изменений в общие составы преступлений [8]. Многие исследования в этой области по-прежнему сосредоточены в первую очередь на правоохранительной деятельности и расследованиях, законодательной базе и мотивации киберпреступников, часто в контексте индивидуальных и «рациональных» теорий преступников, которые стремятся объяснить технологии всего лишь как инструмент для совершения других, давно известных уголовному праву преступлений [4, с. 54]. Другие исследователи выделяют компьютерные преступления в обособленную группу, обосновывая необходимость в системном решении данной проблемы, поскольку невозможно приспособление Особенной части УК РФ к условиям информационного общества путем конструирования «виртуальных копий», «цифровых двойников» традиционных уголовно-правовых запретов [9].

В отечественной уголовно-правовой доктрине активно обсуждаются вопросы, связанные с приобретением ИИ самостоятельного правового статуса. Ученые признают ИИ сложной, искусственно созданной программно-аппаратной системой, способной воспринимать и анализировать информацию, а также, к самообучению [6, с. 43]. Достаточно серьезное внимание в юридической науке уделяется вопросу рисков и неопределенностей, связанных с использованием ИИ [7, с. 102]. Отдельные исследователи считают, что уже сейчас ИИ находится на таком уровне, что в РФ необходимо принять специальный кодифицированный акт в области робототехники [2, с. 53].

По нашему мнению, в настоящее время рассмотрение ИИ в качестве субъекта преступления может повлечь за собой только негативные последствия, поскольку злоумышленники будут использовать роботов в своих преступных целях, оставаясь при этом безнаказанными. Однако, если физический носитель ИИ будет полностью независим от человека в своих действиях и решениях, приобретет способность к осмыслению своего поведения, оценке его возможных последствий, можно будет рассуждать об уголовной ответственности такого субъекта.

Возрастание роли информационных технологий и потенциальная возможность их использования в процессе принятия юридически значимых решений, сформировало в юридической науке оживленную полемику относительно того, может ли ИИ провести правильную квалификацию действий виновного лица и назначить наказание, соответствующее степени общественной опасности содеянного, цели которого в конечном счете будут достигнуты.

Исследования в области применения ИИ в квалификации преступления проводятся во многих государствах. Так, еще в 1996 г. группой исследователей Московского государственного университета им. М.Ю. Ломоносова была создана компьютерная программа оценки преступлений, совершенных с использованием оружия [5, с. 54]. Представляется, что разработка таких алгоритмов имеет перспективы в будущем, однако необходимо привлечение передовых специалистов, в области теории и практики уголовного права. Алгоритм квалификации преступления возможно построить по дедуктивному принципу путем ответов на вопросы, которые будут отсекают лишние по содержанию понятия.

Однако, как известно, сфера действия уголовного права изобилует оценочными признаками. Коллизии в квалификации деяния при крайней необходимости свидетельствуют о том, что в настоящее время люди сами до конца не определились с ценностными приоритетами, не говоря уже о том, способен ли решить этот вопрос ИИ. Уже сейчас, наряду с крайней необходимостью, в уголовном законе требуется норма о вынужденном альтернативном вреде.

Аналогичный вопрос возникает в литературе и практике относительно квалификации действий при необходимой обороне. На законодательном и доктринальном уровне провозглашается приоритет человеческой жизни над общественными отношениями в области собственности. Действительно, на практике причинение тяжкого вреда

здоровью или смерти лицу, которое пыталось тайно или открыто похитить чужое имущество, как правило квалифицируется как превышение пределов необходимой обороны. Однако существуют прецеденты, когда ответные действия против посягательств на имущество, повлекшие тяжкий вред здоровью или смерть, расцениваются как правомерные (например, действия инкассаторов при посягательстве на имущество банка). Здесь обоснованным является вопрос о том, каким образом в аналогичном случае поступит ИИ.

Не менее важными в контексте настоящего исследования являются вопросы о возможности уголовно-правовой оценки ИИ малозначительного деяния, назначения наказания, не связанного с лишением свободы, определении необходимости условного осуждения и т.д.

Представляется, что вопрос о дееспособности и возможности использования ИИ в квалификации преступлений неразрывно связаны между собой. Именно возможность осознания ИИ своих собственных действий свидетельствует о возможности квалификации им противоправного поведения людей.

Именно поэтому, мы согласны с многими исследователями, высказывающими мнение о возможности сосуществования ИИ и человеческого усмотрения в процессе принятия решений о квалификации преступления [10, с. 178]. По крайней мере, в современных условиях, других конструктивных решений обозначенной проблемы мы не видим.

Современная криминологическая наука до сих пор не выработала теорий, которые бы однозначно могли заранее предугадать совершение преступления конкретным лицом. Прогнозный (перспективный) анализ — это сложный процесс, в котором используются большие объемы данных для прогнозирования и формулирования потенциальных результатов. В сфере уголовного права эта работа в основном принадлежит органам внутренних дел, практикующим и другим специалистам, которые должны приобретать опыт в течение многих лет.

С помощью ИИ объемы информации о праве и правовом приоритете, социальной информации и средствах массовой информации могут использоваться для выработки решений, выявления преступных организаций, а также прогнозирования и выявления людей, подвергающихся риску от преступных посягательств. Ученые, работающие при поддержке Исследовательского центра проблем регулирования робототехники и ИИ (См.: *Робоправо. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного ин-*

теллекта // URL: <http://robopravo.ru/> (дата обращения: 03.03.2020)), разрабатывают вычислительные подходы к толкованию и интерпретации, которые потенциально могут повысить скорость и качество распознавания устной речи, полученной в результате использования технических средств аудиозаписи в уголовном процессе. Исследователи выдвигают гипотезу о том, что компьютерная программа может автоматически распознавать определенные типы утверждений, которые играют наиболее важную роль в юридической интерпретации. Цель состоит в том, чтобы разработать проверенную концепцию экспертной системы для поддержки правовой позиции и выполнять ее автоматически для квалификации преступлений.

Искусственный интеллект также способен анализировать большие объемы информации, имеющей уголовно-правовое значение, для прогнозирования возможного преступного рецидива. Существующие автоматизированные поисковые системы содержат огромные массивы информации, анализ которой потенциально может предсказать риск повторного совершения преступления лицами, скрывающимися от правосудия.

Искусственный интеллект может также помочь выявить потенциальных пожилых жертв корыстного и бытового насилия. Зарубежные исследователи Центра наук о здоровье Университета Техаса в Хьюстоне, США использовали алгоритмы ИИ для анализа виктимизации пожилых людей [1, с. 7]. Алгоритмы могут определять жертву, преступника и объективные факторы, способствующие финансовой эксплуатации и другими формами жестокого обращения с пожилыми людьми. Они также могут различать «чистую» финансовую эксплуатацию (когда действия виновного состоят только в изъятии имущества) от «гибридной» финансовой эксплуатации (когда при финансовой эксплуатации в отношении жертвы применяется физическое насилие или иные действия, унижающие человеческое достоинство). Исследователи надеются, что эти алгоритмы данных могут быть преобразованы в программные комплексы, чтобы сотрудники правоохранительных органов могли надежно определить вероятность возникновения финансовой эксплуатации и быстро предотвратить преступную деятельность (См.: *Exploring Elder Financial Exploitation Victimization at the University of Texas Health Science Center at Houston, NIJ award number 2013-IJ-CX-0050* // URL: <https://nij.ojp.gov/funding/awards/2013-ij-cx-0050> (дата обращения: 04.03.2020)).

Уголовное право, как учебная дисциплина активно развивается. На фоне глобального развития

транснациональной компьютерной преступности, правоохранительные органы все острее испытывают нужду в высококвалифицированных специалистах, способных эффективно использовать важнейшие достижения технического прогресса. Эффективность деятельности правоохранительных органов невозможна без использования информационно-правовых технологий. Обязательным элементом подготовки юристов по программам высшего и среднего образования, а также профессиональной переподготовки, стало использование электронных библиотечных систем (elibrary.ru, Юрайт, cyberleninka.ru), информационно-справочных систем (СПС «Консультант Плюс», «Гарант»), иных ресурсов сети Интернет (sudact.ru). Отдельную группу составляют технологии дистанционного обучения, которые постепенно внедряются в профильные учебные заведения правоохранительных органов.

Рассмотрев некоторые аспекты возможного применения цифровизации в юриспруденции, важно отметить, данное явление оценивается представителями различных сфер либо как не-

гативное явление, либо активно приветствуется. Юриспруденция и отрасль уголовного права с одной стороны также воспринимают внедрение в их сферу компьютерных технологий, с другой стороны призваны регулировать и ставить под охрану законные правоотношения в этой области, такие как интеллектуальные права в Интернете, киберпреступность и др. Цифровизация вызывает опасения у многих ученых в связи с тем, что компьютер в конечном счете заменит человека. Представляется, что на современном этапе невозможно применение ИИ в тех сферах, где требуется проявление творческой активности, свойственной поведению человека.

Относительно компьютерных преступлений, представляется, что на современном этапе перед наукой уголовного права стоит задача разработки модели системного обновления отечественного уголовного законодательства. Эффективность данного процесса, по нашему мнению, напрямую зависит от способности законодателя воспринимать тенденции в области информационных технологий и вызовов преступности.

Литература

1. *Christopher Rigano* Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // *National Institute of Justice Journal*, 2019, no. 280, pp. 1–10.
2. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // *Труды СПИИРАН*. 2017. № 6. С. 46–62.
3. *Афанасьев А.Ю.* Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2018. № 3 (38). С. 28–34.
4. *Гаврилова Ю.А.* Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // *Журнал российского права*. 2018. № 5. С. 54.
5. *Иногамова-Хегай Л.В.* Квалификация преступлений с использованием компьютерных технологий // *Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы XVI Международной научно-практической конференции*. М., 2019. С. 51–55.
6. *Камышанский В.П., Корецкий А.В.* Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // *Власть Закона*. 2019. № 1 (37). С. 42–50.
7. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
8. *Расолов И.М.* Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // *Юридический мир. Общероссийский научно-практический правовой журнал*. 2008. № 2 (134). С. 44–46.
9. *Рускевич Е.А.* О цифровизации Особенной части УК РФ // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. №1. С. 146–151.
10. *Щелконогова Е.В.* Уголовное право on-line: теория и практика цифровизации // *Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Д.В. Бахтеева*. 2019. С. 177–181.

References

1. *Christopher Rigano* Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs. *National Institute of Justice Journal*, no. 280, 2019, pp. 1–10.

2. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Iskusstvennyi intellekt i avtonomnye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike [Artificial intelligence and autonomous devices in legal context: on development of the first Russian law on robotics]. *Trudy SPIIRAN [Proceedings of SPIIRAS]*, 2017, no. 6, pp. 46–62. (In Russian, abstract in English)
3. Afanas'ev A. Yu. Iskusstvennyi intellekt ili intellekt sub"ektov vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: chto pobedit? [Artificial intelligence or intelligence of subjects of detection, disclosure and investigation of crimes: which will win?]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminalist's library. Scientific journal]*, 2018, no. 3 (38), pp. 28–34. (In Russian)
4. Gavrilova Yu.A. Pravoprimeritel'naya praktika: osobennosti smysloobrazovaniya [Law-Enforcement Practice: Specifics of Meaning-Making]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2018, no. 5, pp. 54. (In Russian)
5. Inogamova-Khegai L.V. Kvalifikatsiya prestuplenii s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologii [Qualification of crimes using computer technologies]. In *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Criminal law: development strategy in the XXI century: Materials of the XVI International scientific and practical conference]*, Moscow, 2019, pp.51–55. (In Russian)
6. Kamyshanskii V.P., Koretskii A.V. Ponyatie i pravovoi status nositelya iskusstvennogo intellekta [Definition and legal status of artificial intelligence carrier]. *Vlast' Zakona [Rule of law]*, 2019, no. 1 (37), pp. 42–50. (In Russian, abstract in English)
7. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law]*, 2018, Vol. 22, no. 1, pp. 91–109. (In Russian)
8. Rassolov I.M. Kiberprestupnost': ponyatie, osnovnye cherty, formy proyavleniya [Cybercrimes: concept, key characteristics, manifestations]. *Yuridicheskii mir. Obshcherossiiskii nauchno-prakticheskii pravovoi zhurnal [Legal world. All-Russian scientific and practical legal journal]*, 2008, no. 2 (134), pp. 44–46. (In Russian)
9. Russkevich E.A. O tsifrovizatsii OsobЕННОI chasti UK RF [On digitalization of a Special part of the Criminal Code]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 1, pp. 146–151. (In Russian, abstract in English)
10. Shchelkonogova E.V. Ugolovnoe pravo on-line: teoriya i praktika tsifrovizatsii [Criminal law on-line: theory and practice of digitalization]. In *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Technologies of the XXI century in law: Materials of the all-Russian scientific and practical conference]*. Ed. D.V. Bakhteev. 2019, pp. 177–181. (In Russian)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ «КОЛЛЕКТОРСКОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Дубов Егор Игоревич

Цель: доказать существование социально-экономической и правовой обусловленности криминализации деятельности по возврату просроченной задолженности.

Методология: анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Под социально-экономической и правовой обусловленностью криминализации деятельности по возврату просроченной задолженности следует понимать наличие совокупности взаимосвязанных явлений и фактов экономико-социально-правового и иного характера, подтверждающих необходимость повышения уровня контроля со стороны государства с помощью правовых инструментов, в том числе уголовно-правового типа. Выявлены проблемы «коллекторской» деятельности в различных областях общественных отношений, обуславливающие необходимость ее криминализации.

Научная и практическая значимость. Теоретико-правовой анализ позволил выявить значение социально-экономико-правовой обусловленности криминализации деяний в сфере возврата просроченной задолженности. Выявлены проблемы, заключающиеся в наличии правовой коллизии относительно вопроса передачи кредитной организацией третьим лицам персональных данных должника. Кроме того, была отмечена общесоциальная проблематика, касающаяся имеющих фактов «беспредельных» приемов возврата задолженности со стороны недобросовестных «коллекторов». В качестве экономических аргументов криминализации данной деятельности были выявлены факты о динамичном росте кредитования со стороны физических лиц, а также о том, что у одной трети заемщиков уровень дохода значительно меньше суммы ежемесячного платежа по кредиту. Все эти факты свидетельствуют о необходимости совершенствования уже существующих и создания новых норм, устанавливающих ответственность за преступные деяния, сопряженные с возвратом просроченной задолженности, выработки единых подходов к правовой оценке подобного рода посягательств, модернизации мер противодействия им.

Ключевые слова: социально-экономическая обусловленность, правовая обусловленность, криминализация, просроченная задолженность, «коллекторская» деятельность, кредит.

Стремительное и повсеместное развитие в мировом сообществе института кредитования не обошло стороной и Российскую Федерацию. Кредитная сфера отношений занимает одно из центральных мест в социально-экономическом сегменте российского сообщества. Заметим, что кредитная активность населения способствует росту благосостояния и общего уровня жизни граждан, помогает реализовать свой предпринимательский потенциал физическим и юридическим лицам, стимулирует производство и обо-

рот разнообразных товаров и услуг, в том числе и повышая на них спрос. Однако необходимо помнить, что важнейшим принципом любых кредитных отношений является возвратность. Этот факт демонстрирует «обратную сторону медали»: институту кредитования всегда и неизбежно сопутствует наличие просроченной задолженности. В этой связи остро встает вопрос, каким образом необходимо действовать кредитору, чтобы принцип реверсирования не нарушался и убытки от неуплаты по кредиту снижались до минимума?

Одним из таких способ является сотрудничество кредитной организации с так называемыми «коллекторскими агентствами» (компаниями), чья профессиональная деятельность направлена на возврат просроченной задолженности. Сам институт осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности в России развит недостаточно, имеет далеко небезупречную репутацию со стороны населения. Жестокие преступления в сфере взыскания долгов все чаще обсуждаются в средствах массовой информации (*В Новосибирской области в рамках расследования уголовного дела по факту разбойного нападения на семью, возбуждено еще одно уголовное дело по факту совершения насильственных действий сексуального характера // URL: <http://www.newsru.com/crime/05apr2016/collectr4rapensib.html> (дата обращения 15.09.2019)*). О необходимости вмешательства государства в процесс регулирования законной деятельности по возврату просроченной задолженности все чаще стали говорить и представители государственных органов, и бизнеса, и общественности.

Нельзя оставлять без внимания еще один немаловажный фактор, влияющий на отношения в сфере возврата просроченной задолженности. Он заключается в том, что общество диктует правила, по которым виден процесс стимулирования людей к потреблению новых материальных благ, при этом рекламируя такой образ жизни в обществе как единственно правильный. В это же время у большинства населения отсутствует желание поэтапного заработка материальных средств. Им не хочется тратить время на собственное обучение,

получение нужных знаний и навыков, которые бы способствовали дальнейшему росту благосостояния. Зачастую путь к успешной жизни у граждан видится через получение одномоментных займов, тогда как адекватно оценить возможности по выполнению своих кредитных обязательств получается далеко не у каждого [1, с. 920–924]. «Жизнь сегодняшним днем» порождает у граждан безответственное отношение к взятым на себя обязанностям по возвращению финансовых ресурсов, которые при этом забывают или просто легкомысленно относятся к вопросу, связанному с уплатой процентов кредитной организации за оказанные ей услуги.

Но основным фактором востребованности и процветания деятельности по возврату просроченной задолженности в России явился экономический кризис, сопровождающийся девальвацией национальной российской валюты, различными инфляционными процессами, падением производства и общим ухудшением уровня жизни граждан. Именно экономический кризис в итоге спровоцировал падение реальных доходов всего населения и, как следствие, волну неплатежей по кредитам.

Динамику кредитной активности физических лиц в нашей стране можно проследить, изучив следующие статистические данные, отражающие объем выданных кредитов банковскими организациями физическим лицам (см. рис. 1).

В 2016 г. произошел небольшой спад кредитной активности и общий объем кредитной задолженности граждан составил – 10 690 млрд руб., в 2017 г. [6, с. 283–285] составил – 11 100 млрд руб.,

Рис. 1

в 2018 г. — 14 901 млрд руб. — пока что рекордная цифра (См.: *О развитии банковского сектора РФ. Информационно-аналитический материал // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/14236/razv_bs_18.pdf (дата обращения: 12.11.2019))*). К слову, специалистами и экспертами банковского сектора прогнозируется, что по итогу 2019 г. рекорд будет снова побит, что свидетельствует о динамичном увеличении выдаваемых кредитов физическим лицам.

Согласно данным Центрального Банка РФ, объем просроченной задолженности, отраженной на балансах банковских организаций в нашей стране к 2019 г. снизился на 5,1 %. Так, в 2016 г. она составляла примерно 14 трлн руб., к 2017 г. около 15 трлн руб., в 2018 г. — примерно 12 трлн руб., а к 2019 г. около 9 трлн рублей.

При этом, рассматривая проблему всей просроченной задолженности граждан нашего государства, нельзя опираться лишь на эти статистические данные. Ведь для того, чтобы полностью отразить картину просроченных долговых обязательств населения России, необходимо понимать, что банковские организации вынуждены избавляться от «проблемных кредитов» путем их продажи организациям, профессионально специализирующимся на возврате просроченной задолженности. В данном случае речь идет о попытке взыскать долг в досудебном порядке; суммы долевой части таких кредитов также очень существенные. Кроме того, если дело доходит до суда, то в случае принятия положительного для кредитора судебного решения, обязанность по взысканию задолженности ложится на Федеральную службу судебных приставов (далее — ФСПП). По данным этой службы общая сумма просроченной задолженности, которая была передана банками судебным приставам в 2018 г., составила около 2 трлн. рублей. Также, в России отмечается стремительный рост микрофинансовой сферы. Облегченно-упрощенный способ получения денежных средств представляется для граждан очень удобным, однако пробелы законодательства позволяли организациям микрофинансового типа устанавливать огромные проценты к выданным денежным средствам, что приводило к увеличению общего объема просроченной задолженности. Отмеченный объем долговых обязательств граждан нашего государства подтверждает прежнюю необходимость вмешательства государства для контрольно-надзорной деятельности с проблематичными заемщиками.

Сам процесс возникновения долговых обязательств просроченного характера затрагивает важ-

нейшие сферы общественных отношений в области экономики, права и социума. В этой связи, для того чтобы прийти к выводу о необходимости или отсутствии надобности криминализации «коллекторской» деятельности, необходимо изучить проблемы и предпосылки социально-правового и экономического характера в этой области.

С.Г. Федоров в своих трудах высказывает мнение о том, что «социальные предпосылки» имеют прямую связь с такими понятиями как «социальная обусловленность», «общественная потребность», «внутренняя необходимость» [8, с. 140–143].

В уголовно-правовом научном сообществе тема социальной обусловленности криминализации деяний или появления уголовно-правовых запретов напрямую связана с вопросами уголовной политики [3, с. 46–50]. Проблематикой социальной обусловленности в области уголовно-правовых исследований занималось достаточно большое количество ученых. М.А. Сутурин в своих трудах отмечает, что рассматривать понятие «социальная обусловленность» необходимо как минимум в трех аспектах:

1. Потребность существования таких институтов, диктуемая обществом (наличие уголовно-правовой нормы в УК РФ).
 2. Ответственность общества за взятые на себя обязательства по исполнению и контролю наказания.
 3. Констатация обществом факта, что в настоящее время действующие институты (при их наличии) действуют малоэффективно [7, с. 63–65].
- Н.Б. Гулиева под социальной обусловленностью понимает имеющую место быть объективную необходимость по введению запретной нормы на определенное деяние (выраженное в двух возможных формах — действия и бездействия) под угрозой наказания или иных мер уголовно-правового характера [4, с. 151–155].

В свою очередь Э.С. Габидуллин рассматривает «общественную потребность» как составляющий элемент «социальной обусловленности» уголовной ответственности [2, с. 33–37]. По его мнению, в нее входит также три элемента:

- а) общественная потребность, внешне представляющая общественную опасность, в конкретном запрете;
- б) реально осознаваемую обществом опасность;
- в) участники общественных отношений по характеру поведению признаются виновными.

М.М. Долгиева в понятии «социальной обусловленности» отразила элемент «внутренней

необходимости», указав, что под «социальной обусловленностью» установления уголовной ответственности следует понимать совокупность важнейших общественных причин или предпосылок позволяющих криминализацию деяния считать допустимой, возможной, целесообразной, необходимой [5, с. 225–235].

Подводя итог теоретическому анализу вышеуказанных понятий, необходимо определиться с пониманием вопроса о социально-экономической и правовой обусловленности криминализации деятельности по возврату просроченной задолженности. По нашему мнению, под такой обусловленностью следует понимать наличие совокупности взаимосвязанных явлений и фактов экономико-социально-правового и иного характера, подтверждающих необходимость повышения уровня контроля со стороны государства с помощью правовых инструментов, в том числе уголовно-правового типа. Для доказательства существования обуславливающей реальности, предлагаем рассмотреть проблемы в сфере возврата просроченной задолженности в различных сферах общественных отношений:

Проблемы правового характера. Как одну из причин возможного социального напряжения можно отметить существование правовой коллизии по вопросу о правомерности передачи информации, которая содержит персональные данные должников, в случаях, когда банковская организация уступает право требования по кредитному договору «коллекторам». Проблема заключается в неоднозначной судебной и правоприменительной практике. Причина разногласий в том, что стороны в качестве своей аргументации, ссылаются на разные правовые акты. Те, кто считает эту операцию законной – основываются на положениях ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» (СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.) и ст. 819 Гражданского кодекса РФ, где не указано, что передача прав требования по просроченному или неисполненному обязательству возможна только кредитной организации. А также п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2017 г. № 17 (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета, № 156, 11.07.2012*) указывающего, что в самом кредитном договоре можно предусмотреть ситуацию, когда банк сможет передать право требования третьим лицам, которые не будут являться кредитной организацией.

Иной позиции придерживаются большинство правоприменителей, так как такую передачу прав чаще всего признают незаконной. Свою позицию они обосновывают тем, что «коллекторские» организации не являются субъектами банковской деятельности, поэтому и не могут заменить банк, как нового кредитора. У них отсутствует специальная лицензия для осуществления банковской деятельности. А в соответствии с ч. 1–2 ст. 1, п. 2 ч. 3 ст. 5 того же ФЗ «О банках и банковской деятельности» приобретение права требования исполнения обязательств – компетенция только кредитной организации. Также здесь идет нарушение Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.), где не прописана правовая возможность банка либо иной кредитной организации передавать право требования по кредитному договору лицам и организациям, не имеющим лицензии, о которой мы сказали ранее.

Долгое время деятельность по возврату просроченной задолженности не была узаконена, что привело к большому количеству негативных последствий, выраженных в социально-экономических проблемах государства. Только к 2016 г., был принят специальный законодательный акт, призванный урегулировать проблемные вопросы в этой сфере. Им стал Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»» (СЗ РФ. 2008. № 9. Ст. 817) (далее – ФЗ № 230).

Узаконивание «коллекторской» деятельности в рамках федерального законодательства было осуществлено в целях защиты прав кредиторов, поскольку действующий механизм взыскания долгов через систему судебных приставов не эффективен, так как не позволяет на практике взыскивать долги с неблагонадежных плательщиков, особенно находящихся в трудной жизненной ситуации. Население достаточно быстро осознало новую реальность и стало активно этим пользоваться. Это выражается в том, что граждане, понимая, что не смогут вернуть долг, все равно обращаются в различные кредитные учреждения за деньгами в долг под любые проценты. С появлением «коллекторских» агентств ситуация в корне изменилась. Применяя зачастую неоднозначные, с точки зрения закона, методы взыскания долгов представители указанных структур смогли довольно эффективно

обеспечить возврат даже сильно просроченных задолженностей. В этой связи, с одной стороны, кредиторы получили реальную возможность воздействовать на должников путем обращения в агентства по возврату просроченной задолженности, что позволило защитить их права. С другой стороны, деятельность представителей «коллекторских» организаций, использующих нередко неправомерные способы убеждения должников по возврату задолженности, привела к нарушению законных интересов и прав граждан — должников. Подобные нарушения имеют форму как «мелкого вредительства», например, многочисленные звонки на сотовый, домашний, рабочий и другие телефоны должника или заливание клеем дверных замков, так и крайние формы насилия.

Проблемы социального характера.

Способы, используемые так называемыми «черными коллекторами» при взыскании просроченной задолженности, привели к формированию социальной напряженности и даже страха у многих заемщиков. Они обеспокоены за жизнь и здоровье себя и своих близких. Совершение резонансных преступлений ведет к повышению недоверия граждан к государственным органам, которые, по их мнению, не всегда способны их защитить от произвола недобросовестных «коллекторских» организаций.

К примеру, в городе Ульяновске «взыскатели долгов» для того, чтобы добросовестно осуществить свою «профессиональную» деятельность, совершили зверское нападение на жилище должника, запросив бутылку с «коктейлем Молотова» в окно, в результате чего потерпевшим стал двухлетний ребенок, получив серьезные ожоги (См.: *Огненная гуена* // URL: <https://rg.ru/2016/01/29/kollektor.html> (дата обращения 10.10.2019)). В Екатеринбурге «коллекторы» совершили нападение на инвалида-ребенка за безнадежные долги родственников (См.: *Долги повесили на инвалида* // URL: <https://rg.ru/2017/04/10/reg-urfo/na-urale-protiv-kollektorov-vozbuzhdeno-delo-za-izbienie-shkolnika.html> (дата обращения 10.10.2019)). И это не единичные случаи из средств массовой информации (далее — СМИ).

Недостаточный уровень правовой грамотности большей части населения, участвующих в кредитных отношениях, относительно деятельности, связанной с возвратом просроченной задолженности. Многие заемщики не знают о наличии созданного государственного реестра, а также способов взаимодействия организаций, осуществляющих взыскание просроченной задолженности с должниками в соответствии с принятым ФЗ № 230.

Проблемы экономического характера. По словам министра экономического развития РФ М.С. Орешкина к 2021 г. в экономике страны произойдет негативный «взрыв» потребительского кредитования. Это связано с тем, что практически треть взятых гражданами и домохозяйствами нашей страны кредитов выдали таким заемщикам, чей ежемесячный доход ниже на 55–60% ежемесячного платежа по кредитным обязательствам (См.: *Орешкин предупредил о «взрыве» проблемы за кредитованности в 2021 году* // URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/07/2019/5d347a949a79472ff3ee9601> (дата обращения 16.10.2019)). Все это может привести к рецессии отечественной экономики, обвалу внутреннего валового продукта (далее — ВВП) на 3%, что в конечном итоге приведет к очередному экономическому кризису в России. Данная проблема напрямую свидетельствует о том, что в ближайшее время кредитные организации станут еще чаще избавляться от проблемных кредитов, путем продажи последних «коллекторским» организациям.

Для того чтобы минимизировать убытки от «проблемных» заемщиков, кредитные организации вынуждены повышать ключевую ставку по выдаче кредита, что ведет к снижению активности граждан в кредитно-финансовой сфере отношений. Данный факт можно признать в качестве серьезной социально-экономической проблемы.

Стоит отметить, что с принятием вышеупомянутого закона (ФЗ № 230) резонансных преступлений, совершаемых «коллекторами», стало меньше. Был создан специальный реестр юридических лиц, которые имеют право заниматься деятельностью по возврату просроченной задолженности. Государственный контроль за «коллекторской» деятельностью в России, осуществляет Федеральная служба судебных приставов России (далее — ФСПП России). Однако несмотря на то, что государство предприняло шаги для контроля и стабилизации отношений в этой сфере, мы считаем, что круг проблем, связанных с рассматриваемой темой, продолжает оставаться существенным. Их опасность заключается в том, что они имеют комплексный, глубинный характер, взаимосвязаны друг с другом.

На основании изложенного можно судить о необходимости совершенствования уже существующих и создания новых норм, устанавливающих ответственность за преступные деяния, сопряженные с возвратом просроченной задолженности, выработки единых подходов к правовой оценке подобного рода посягательств, модернизации мер противодействия им.

Литература

1. Боровченко А.О., Уксуменко А.А. Рынок кредитования физических лиц в России: современное состояние и проблемы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6-5. С. 920–924.
2. Габидуллин Э.С. Социальная обусловленность уголовной ответственности за организацию преступных сообществ (организаций) при совершении преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Российский следователь. 2017. № 19. С. 33–37.
3. Гамидов Р.Т. Социальная обусловленность уголовной наказуемости // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 6. С. 46–50.
4. Гулиева Н.Б. Социально-криминологическая обусловленность норм, характеризующих преступления против чести, достоинства и репутации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 151–155.
5. Долгиева М.М. Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 225–235.
6. Петросян С.Ю. Анализ состояния и динамики потребительского кредитования в России и тенденции его развития на современном этапе // Молодой ученый. 2017. № 24. С. 283–285.
7. Сутурин М.А. К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 63–65.
8. Федоров С.Г. К вопросу социальной обусловленности криминализации незаконного оборота наркотиков // Вестник РУК. 2018. № 3 (33). С. 140–143.

References

1. Borovchenko A.O., Uksumenko A.A. Rynok kreditovaniya fizicheskikh lits v Rossii: sovremennoe sostoyanie i problemy [The lending market for individuals in Russia: current state and problems]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International journal of applied and fundamental research], 2016, no. 6-5, pp. 920–924. (In Russian, abstract in English)
2. Gabidullin E.S. Sotsial'naya obuslovlennost' ugovnoyi otvetstvennosti za organizatsiyu prestupnykh soobshchestv (organizatsii) pri sovershenii prestuplenii terroristicheskogo kharaktera i ekstremistskoi napravlenosti [The social conditionality of criminal liability for the organization of criminal communities (organizations) in the commission of crimes of a terrorist nature and extremist orientation]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2017, no. 19, pp. 33–37. (In Russian)
3. Hamidov R.T. Sotsial'naya obuslovlennost' ugovnoyi nakazuemosti [Social conditionality of criminal liability]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Economic problems and legal practice], 2014, no. 6, pp. 46–50. (In Russian, abstract in English)
4. Gulieva N.B. Sotsial'no-kriminologicheskaya obuslovlennost' norm, kharakterizuyushchie prestupleniya protiv chesti, dostoinstva i reputatsii [Socio-criminological conditionality rules describing crimes against honor, dignity and reputation]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of the Omsk University], 2015, no. 4 (45), pp. 151–155. (In Russian, abstract in English)
5. Dolgieva M.M. Sotsial'naya obuslovlennost' vzniknoveniya ugovno-pravovykh zapretov narushenii, sovershaemykh v sfere oborota kriptovalyuty [The social conditionality of the occurrence of criminal law prohibitions of violations committed in the field of cryptocurrency circulation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law], 2018, no. 10, pp. 225–235. (In Russian)
6. Petrosyan S.Y. Analiz sostoyaniya i dinamiki potrebitel'skogo kreditovaniya v Rossii i tendentsii ego razvitiya na sovremennom etape [Analysis of the status and dynamics of consumer lending in Russia and the trends of its development at the present stage]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, no. 24, pp. 283–285. (In Russian)
7. Sutturin M.A. K voprosu o sotsial'noi obuslovlennosti ugovno-pravovoi normy [To the question of the social conditionality of the criminal law norm]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2005, no. 1, pp. 63–65. (In Russian)
8. Fedorov S.G. K voprosu sotsial'noi obuslovlennosti kriminalizatsii nezakonnoogo oborota narkotikov [On the issue of social conditioning of illegal drug trafficking criminalization]. *Vestnik RUK* [Vestnik of the Russian University of Cooperation], 2018, no. 3 (33), pp. 140–143. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНОЛОГИЯ

ВСПОМНИТЬ ВСЕ О ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель: проанализировать отличия и общие черты современных транснациональных преступных организаций, предложить к введению в научный оборот новые термины и понятия.

Методология: использованы исторический и диалектический методы, методы сравнительного анализа и методы понятийных связей.

Выводы.

1. Общих черт у современных транснациональных преступных организаций больше, чем различий.
2. Транснациональные преступные организации представляют глобальную опасность.
3. Международная кооперация транснациональных преступных организаций происходит значительно быстрее, чем складывается модель международного сотрудничества в противодействии их криминальной деятельности.
4. Следует ожидать появления новых и еще более опасных транснациональных преступных организаций, чем те, которые известны в настоящее время.

Научная и практическая значимость.

В статье предложена новая научная аббревиатура – ТНПО – транснациональная преступная организация, что поможет прибегнуть к экономии средств при описании рассматриваемых криминальных организаций.

Доказано, что все ТНПО строятся на основании единых принципов.

Главное в борьбе с ТНПО, как показывает опыт, подрыв их социальной базы, которая состоит в опоре на беднейшие слои населения и на продажность чиновников.

Ключевые слова: криминолог, организованная преступность, синдикат, картель, криминальный бизнес, наркоторговля, работоторговля, оружие, рэкет, коррупция, правоохранительные органы, профилактика.

Введение

О транснациональной организованной преступности мною говорилось в 2017 году. С определенными оговорками настоящую статью можно считать продолжением исследования этой темы [1]

Понятие транснациональной преступной организации в так называемой Палермской Конвенции ООН (См.: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности принята в Палермо резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. Ратифицирована Федеральным законом РФ от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ // Документ для Российской Федерации вступил в силу с 25 июня 2004 г. (СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 1684.))

дается через определение преступлений, которые носят транснациональный характер и совершаются участниками этих криминальных организаций (для краткости буду применять придуманную мною сокращенную аббревиатуру – ТНПО). Исходя из этого ТНПО – это криминальные организации, участники которых совершают преступления: а) более чем в одном государстве; б) хотя в одном государстве, но существенная часть подготовки, планирования, руководства преступлением проходит в другом государстве; в) хотя в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве

стве; г) хотя в одном государстве, но последствия преступления имеют существенное негативное значение для другого государства.

Для организованной преступности вообще и ТНПО в частности характерны придуманные мифы и легенды. По большей части эти мифы являются частью хорошо спланированной криминальной пропаганды, основная цель которой внушить обывателям одновременно страх и благоговение перед могуществом организованных преступников.

Например, одними из старейших являются обряды посвящения в члены якудзы. Обряд посвящения (инициация) заключалась в омовении из общей «священной чаши», что символизировало отречение новобранца от кровных родителей, роль которых теперь выполнял лидер якудзы и его заместители. Таким образом, после обряда посвящения между новым членом и лидером якудзы устанавливаются отношения отца и сына. От нового члена теперь требовалось беспрекословно подчиняться руководителю якудзы.

Известная кровавая традиция ампутации фаланги пальца также связана с процессом посвящения. Вновь принятый член якудзы тем самым демонстрирует свою искренность и самопожертвование. Позже фалангу пальца стали ампутировать для искупления провинности или как обряд выхода из якудзы.

При этом несмотря на кажущуюся самобытность ТНПО, действующих, скажем, в Италии, Японии, Китае, России или любой другой стране, все они не просто между собой связаны, но еще и оказывают перманентное влияние друг на друга. Так, криминальное влияние современных ТНПО на общую преступность в мире обусловлено специфическим воздействием на эти процессы итальянской организованной преступности, которая демонстрировала необыкновенную диверсификацию и мимикрию в зависимости от меняющейся экономической и политической конъюнктуры, а также наглядно доказала возможность экспансии собственных сил по всему миру. При этом следует говорить не только о непосредственном влиянии выходцев итальянской организованной преступности на организованную преступность в США, гораздо важнее влияние пропаганды методов и средств криминального ведения бизнеса, которые всячески насаждала итальянская организованная преступность и в результате распространила их на весь остальной мир.

Поэтому итальянская мафия, представляя собой европейскую модель организованной преступности, вместе с тем, имеет много общего

с известными старейшими преступными организациями, в числе которых прежде всего выделяются китайские триады и японские якудза.

Современные ТНПО имеют относительно недолгую историю. Пол Ланд полагает, что спусковым крючком для их моментального становления и скоротечного развития стала глобальная социальная, экономическая, культурная, экономическая и политическая катастрофа, которая называется – крах СССР [1, с. 12].

Одновременно с процессами (в основном негативного характера), которые сопровождали и до сих пор сопровождают распад Советского Союза, начали бурно развиваться процессы всеобщей глобализации при доминировании (весьма необыкновенном) одной страны (США), политические и экономические лидеры которой взяли на себя ответственность за будущее всего человечества.

Обеспечить хотя бы минимальный контроль за всем этим было совершенно невозможно, чем предсказуемо воспользовались, с одной стороны, наиболее активные люди из разных слоев общества в разных странах мира, которые стали получать максимально возможные прибыли (при этом максимально возможная прибыль всегда равна минимально возможному соблюдению правил, установленных в законе), а с другой стороны, преступники, для которых разрушенные границы между государствами одновременно разрушили все границы дозволенного.

Вполне закономерно при таких обстоятельствах возрождение в XXI в. работорговли и религиозных войн, что всего каких-то 30 лет казалось навсегда забытым для человеческого рода.

Общеизвестными и наиболее опасными считаются следующие транснациональные преступные организации: итальянские ТНПО, китайские триады, японская якудза, колумбийские наркокартели, американская организованная преступность, мексиканская организованная преступность.

Итальянские транснациональные преступные организации

В свою очередь среди итальянских ТНПО наиболее известной считается мафия. Мафия практически всегда ассоциируется с понятием «организованная преступность», и о ней рассказано достаточно подробно во многих, в том числе криминологических исследованиях, наиболее полным из которых является произведение Джона Дикки [2]. (Впрочем, к итальянской мафии можно вернуться отдельно, подготовив соответствующий материал).

Другими не менее опасными ТНПО итальянского происхождения являются неаполитанская

Каморра, калабрийская Ндрангета и апулийская Сакра Корона Унита.

Итальянским ТНПО присущи следующие общие черты: 1) романтизация и мистификация создания; 2) крайняя степень рационализации функционирования; 3) ориентация на беднейшие слои населения как социальную базу пополнения собственных рядов; 4) мнимая приверженность революционному движению XIX в.; 5) пассивный национализм; 6) культивирование родственных связей; 7) тотальная коррупция, кумовство и клановость; 8) подпольный характер деятельности и всеобщая конспирация; 9) пирамидальная структура, ориентированная на жесткую вертикаль подчинения с низу до верху; 10) внутренние противоречия, обусловленные борьбой за лидерство и за криминальные сферы влияния, приводящие к перманентным конфликтам.

Итальянские ТНПО считают себя естественными последователями героев освободительного движения за объединение Италии. Не случайно многие криминальные группировки в Италии сделали составной частью обрядов посвящения новых членов устные и письменные клятвы, в которых обязательным элементом стали упоминания Джузеппе Гарибальди, Джузеппе Мадзини, Альфонсо Ламармора и других видных деятелей освободительного движения. *(Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – итальянский революционер, полководец и политический деятель, лидер объединения Италии. Джузеппе Мадзини (1805–1872) – итальянский политик, юрист, философ, сыгравший важную роль в объединении Италии и движения за национальное освобождение и либеральные реформы. Альфонсо Ферреро Ламармора (1804–1878) – итальянский государственный и военный деятель, участник освободительных войн против Австрии.)*

Помимо этого, некоторые ТНПО, например, ндрангета считает, что своим происхождением организация обязана ни больше ни меньше испанским рыцарям Osso, Mastrosso и Sarcagnosso, которые решили отомстить за поруганную честь своей сестры. Они убили обидчика и были заточены в тюрьму на 29 лет 11 месяцев и 29 дней. Находясь в местах лишения свободы, рыцари разработали главное правило всех преступных организаций – закон омерты (omerta – круговая порука), по которому все предатели должны быть неминуемо наказаны самым суровым и беспощадным образом.

Расцвету криминального бизнеса итальянских ТНПО способствовала нестабильная политическая обстановка в стране в 1970-х годах, что привело к красному и черному террору. В Италии

какое-то время шла необъявленная гражданская война. Национальный фронт, опираясь на недовольство среднего класса и беднейших слоев населения, пропагандировал идеи неонацизма. С июля 1970 г. по февраль 1971 г. правительство Италии потеряло контроль над городом Реджо-ди-Калабрия, в котором фактически хозяевами положения были крайне правые радикалы, включая бизнесменов и поддерживавших их руководителей Ндрангеты. Впрочем, наибольшую силу и влияние получили леворадикальные движения, среди которых доминировали Красные бригады (Brigate Rosse). Необходимо отметить, что несмотря на левую революционную патетику Красных бригад, коммунистические лидеры Советского Союза и других стран советского блока официально выступали против них и всегда дистанцировались от террористических методов их деятельности. Между тем, в Красные бригады входило до 25 тысяч членов, что значительно превосходило численный состав итальянских ТНПО вместе взятых.

Борьба с крайне правыми и крайне левыми радикальными движениями нивелировала возможности правительства Италии. В условиях ослабления центральной власти, итальянская организованная преступность в некоторых частях страны стала фактически параллельной теневой околосударственной структурой, захватив и криминализовав целые отрасли экономики, в частности, строительство. При этом, в отличие от представителей крайне правых и крайне левых политических партий, итальянские ТНПО никогда не стремились к захвату власти. Для них целью была постоянная дестабилизация обстановки в стране и получение за счет этого возможностей для масштабных хищений государственных средств. Поэтому некоторые лидеры ТНПО входили в скандально известную масонскую ложу Пи-2 (Propaganda Due – P2), которую называли «государством в государстве» или теневым правительством Италии. Пи-2 активно участвовала в политической жизни не только Италии, но также Аргентины, Уругвая, Бразилии, что давало руководителям итальянских ТНПО громадные возможности для развития собственных международных криминальных связей. Считается, что в Пи-2 состояло не менее 44 членов парламента, 22 генерала Вооруженных сил и 12 генералов Корпуса карабинеров Италии.

Каморра. Каморра – от неаполитанского слова тогга (шайка, банда) – базируется на юге Италии в окрестностях Неаполя и представляет собой несколько относительно самостоятельных ОПГ, в которых действует принцип единоначалия.

Сами ОПГ каморры представляют собой жестко структурированные организации, с семейными и другими родственными связями, включая друзей детства, что приравнивается к семейно-родственным взаимоотношениям. Возглавляют каморру люди с определенным криминальным опытом, что не обязательно означает, что они когда-либо привлекались к уголовной ответственности. Единого центра руководства каморрой нет. Все зависит от силы и влияния того или иного клана. Поэтому в определенные моменты времени центр каморры перемещается с одной окраины Неаполя на другую. Таким образом, каморра состоит из различных кланов, у каждого из которых есть свой обособленный лидер.

Считается, что каморра возникла в XVIII веке. По одной из легенд каморра сложилась в результате незаконной деятельности тайных обществ испанцев, которые существовали в Италии еще в XVI веке. Как обычно, подобные легенды распространяются самими членами преступных сообществ для придания ТНПО романтического имиджа. В то же время современные криминальные виды деятельности каморры по странному стечению обстоятельств связаны с Испанией. Скорее всего, в реальной действительности каморра возникла в тюрьмах для защиты интересов заключенных в их взаимоотношениях с тюремной администрацией. В период Неаполитанского королевства каморра пользовалась покровительством монархистов. Более того, из представителей каморры монархисты вербовали шпионов и тайных наемных убийц. Такое заигрывание с каморрой объясняется тем, что она обеспечивала порядок в беднейших частях Неаполя, что отвечало интересам слабой власти испанской ветви династии Бурбонов.

После объединения Италии в 1871 г. государство было слабым, уровень экономического развития на юге и севере сильно отличался. Все это способствовало усилению каморры, что в свою очередь привело к первым попыткам интернационализации ее деятельности.

В конце XIX в. каморра попыталась самостоятельно начать работать в США, впрочем, без особого успеха. В конце концов, представители каморры влились составной частью в организованную преступность в США, став итальянской организованной преступностью США.

Впервые на официальном уровне о каморре заговорили в 1911 г. во время показательного судебного процесса по делу об убийстве Куоколо. Профессиональный вор-карманник Дженнаро Куоколо и его сожительница проститутка Мария Кутинелли были убиты в 1906 г. По данным поли-

ции, убийство было совершено каморрой на почве мести за несоблюдение обычаев криминального делового оборота. Спустя 5 лет после случившегося официальное руководство Неаполя инициировало начало судебного процесса над каморрой. На скамье подсудимых оказались лидеры некоторых ее кланов. В результате 12 июля 1912 г. всем им был вынесен обвинительный приговор. Многие руководители кланов каморры были осуждены на длительные сроки лишения свободы. Один из осужденных, Gennaro De Marinis, услышав приговор, покончил с собой прямо на скамье подсудимых. Политические руководители Неаполя торжествовали, но, как оказалось, совершенно напрасно. Подготовка к процессу и сам судебный процесс сопровождался многочисленными нестыковками и откровенными фальсификациями доказательств. На простых жителей Неаполя процесс не возымел должного эффекта, тем более что большая часть лидеров каморры осталась на свободе. Кроме того, жители бедных окраин Неаполя составляли социальную базу каморры, более того, в ее рядах были многие из их знакомых и даже соседей, представляющих беднейшие слои населения.

Таким образом, первые официальные попытки борьбы с каморрой не ослабили ее, а скорее наоборот, усилили и пополнили ее ряды новыми бойцами.

Каморра, как и другие итальянские ТНПО, благополучно пережила фашистскую диктатуру, войну и начала расцветать в послевоенное время, наживаясь на государственных подрядах на строительстве и незаконной криминальной деятельности, прежде всего, на торговле наркотиками.

Катализатором криминального обогащения каморры стало землетрясение, которое произошло 23 ноября 1980 г. Подземные толчки силой до 6,8 балла по шкале Чарльза Рихтера опустошили южную часть Италии. Погибло не менее 3000 человек, еще 3000 человек получили ранения и 20 тысяч человек остались без крова. На восстановление Неаполя были выделены громадные средства. Контролировать хаос без помощи каморры, по-видимому, оказалось невозможно. Значительная часть денег, таким образом, оказалась у каморры.

В настоящее время каморра состоит из более 100 различных ОПГ, в каждой из которых насчитывается в среднем по 500 человек.

Среди итальянских ТНПО каморра считается одной из самых жестоких. Представители каморры занимаются незаконной торговлей наркотиками, причем преимущественно кокаином. Кри-

минологи полагают, что каморра контролирует поставки кокаина по всей Европе, что свидетельствует о тесных связях каморры с наркокартелями из Латинской Америки. Поставки осуществляются через Испанию. В Секондильяно (*Secondigliano (um.)*) – пригород Неаполя) функционирует крупнейший в Европе рынок наркотиков.

Помимо наркотиков, каморра занимается неlegalной проституцией, работоторговлей и наиболее традиционным видом криминального бизнеса для ОПГ – рэкетом.

Как и другие ТНПО, каморра имеет прикрытие в виде многочисленных легальных компаний. Лидеры каморры официально числятся бизнесменами в сфере общественного питания (рестораны, многочисленные кафе, уличный fastfood), что помогает им быстро и без особого риска отмывать значительные объемы криминально нажитых доходов. Кроме того, каморра продолжает контролировать строительный бизнес, что позволяет вкладывать отмытые капиталы в официальную экономику и получать абсолютно чистую в экономическом и правовом смысле прибыль.

Каморру отличает высокий и эффективный уровень управления.

Во время полицейских облав на представителей каморры обычные неаполитанцы поддерживали бандитов, а не полицейских. Известны случаи, когда местные жители прямо выступали на стороне каморры. Они выстраивали живые цепи, не пуская полицейских в дома и даже на территорию целых кварталов, забрасывали полицейских мусором и поджигали полицейские машины.

Собственными криминальными методами каморра избавила Неаполь от уличной преступности. В городе можно было оставлять где угодно автомобили, скутеры и даже не запирают собственные квартиры. Все знали, что никто не посмеет ничего украсть. Если воровство все же случалось, то, во-первых, имущество быстро находили и возвращали законному владельцу и, во-вторых, воры бесследно исчезали.

Лидеры кланов каморры были живыми призраками. Все знали их по именам, но никто их не видел, или делал вид, что не видел. В то же время эти призраки были действительными хозяевами отдельных кварталов Неаполя.

В 2004 г. между кланами каморры разразилась одна из многочисленных междоусобных войн. Эту войну назвали – «*faida di Scampia*» (*вражда Скампии*). В ходе боевых столкновений в общей сложности было убито более 60 человек. В результате среди обычных неаполитанцев стало расти недовольство каморрой, что вылилось в массовые протесты.

Кроме того, за последнее двадцатилетие изменилась политическая ситуация в Италии. Поводом к этому послужили многочисленные политические скандалы, в которых политики и каморра оказались тесным образом связаны, что уронило доверие к каморре со стороны простых жителей, которые всегда относились к представителям каморры с пониманием и даже сочувствием, как выходцам из их социальной среды. Кроме того, очевидные успехи сотрудников правоохранительных органов в борьбе с мафией подняли их авторитет и престиж. 21 марта 2009 г. в Неаполе впервые прошла широкомасштабная демонстрация протеста жителей города против каморры. В демонстрации приняли участие свыше 100 тысяч человек.

В 2009 г. были проведены аресты наиболее известных и влиятельных руководителей каморры. Всего было арестовано около 30 лидеров организации. На этот раз обычные граждане поддержали полицейских и представителей власти.

Принципы деятельности каморры прослеживаются на примере одного из кланов, руководитель которого в свое время контролировал Секондильяно. Он сделал их безусловным правилом поведения: 1) честно распределяй прибыль; 2) если, кроме насилия, нет других методов, рано или поздно проиграешь; 3) убийство – это плохо, потому что привлекает к себе внимание; 4) живи скромно, одевайся скромно, не нарушай правила дорожного движения и никогда не носи с собой пистолет; 5) не принимай наркотики; 6) развлекайся на стороне и лучше всего с испанками и француженками; 7) если полиция обыскивает твой дом, сохраняй спокойствие, не дерзи, не говори лишнего; 8) в Секондильяно нельзя никого трогать, особенно чужих жен и дочерей; 9) в Секондильяно должен быть слышен только звук шелеста банкнот.

Особенностью деятельности каморры являлось то, что легальные и криминальные виды деятельности всегда перемешивались, так что невозможно было понять, где и как что работает, где совершаются преступления, а где происходит законная торговля. На тот или иной клан каморры трудились десятки легальных предпринимателей, которые никогда не признавались, что их бизнес контролируется организованной преступностью.

Взаимоотношения каморры с бизнесменами также строились на определенных принципах: 1) предпринимателям запрещалось спорить и враждовать между собой; 2) все споры решал лидер клана каморры; 3) запрещалось без специальной санкции действовать против других предпринимателей; 4) рядовым членам ОПГ за-

прещалось вмешиваться в деятельность предпринимателей; 5) запрещалось произносить вслух имя лидера клана каморры.

Международная деятельность каморры связана, прежде всего, с незаконной торговлей наркотиками. Каморра контролировала: а) поставки кокаина из Колумбии через Испанию; б) поставки героина из Афганистана через Турцию, Восточную Европу и Балканы; в) поставки гашиша из Марокко через Испанию.

Значительная часть наркотиков сбывалась в Неаполе на открытых верандах или пунктах быстрого питания. Оптовые партии отправлялись во Францию и Германию. Каморра контролировала едва ли не всех наркокурьеров, которых из-за тесных связей каморры с испанскими преступниками, называли – испанцами.

Кроме того, лидеры каморры осуществляли большие финансовые вложения из отмытых капиталов в обеспечение магазинов по всей Европе товарами повышенного спроса. При этом здесь также не обходилось без противоправных злоупотреблений, поскольку поставляемая продукция известных брендов была контрафактной. Более того, товары, произведенные в Китае и других странах Азии, заведомо стоившие недорого, выдавались за итальянские товары и продавались по завышенной цене.

Известно, что на деньги каморры приобретены десятки квартир в Неаполе для членов клана и для собственных целей лидеров клана, магазины во Франции и Нидерландах, предприятия, занимающиеся импортом изделий из натурального меха, а также изготовлением искусственного меха и производством постельного и нижнего белья.

Характерными чертами личности руководителя клана каморры являлись: 1) отсутствие сколько-нибудь серьезного образования; 2) психология лидера; 3) внутренняя готовность к насилию, вплоть до совершения убийства; 4) жажда наживы; 5) игромания.

Получая огромную прибыль (например, доходы одного из осужденных руководителей каморры составляли около 200 миллионов евро в год), эти люди продолжали совершать преступления. Хотя это не только не было необходимо, но противоречило элементарной предосторожности и простому здравому смыслу.

12 июня 2013 г. был арестован один из современных самых влиятельных лидеров каморры. Однако говорить о победе над каморрой, тем более о ее разгроме преждевременно. Общественное мнение неаполитанцев вновь повернулось в сторону каморры. Фотографии детей руководителя

одного из самых известных кланов каморры, которые арестованы и отбывают наказание вместе со своим отцом, все чаще украшают мобильные телефоны молодежи Неаполя [3].

Ндрангета. Ндрангета – (ndrangheta) от греческого ἀνδραγαθία – доблесть. Ндрангета базируется в Калабрии, которая считалась одной из самых бедных провинций Италии. (Калабрия – административная область Италии, расположенная в самой южной части Апеннинского полуострова).

Во времена сопротивления испанцам и позже австрийцам в Калабрии возникло движение бригантатто (brigantaggio). Строго говоря, это были шайки грабителей, которые пользовались молчаливой поддержкой населения, поскольку чаще нападали на иностранцев, чем на итальянцев. Затем от движения бригантатто отпочковалось движение пиччотерия (picciotteria), представители которого объявили, что они выступают против притеснения простых людей. Методы грабежей остались прежними, но часть похищенного иногда передавалась особенно бедствовавшим людям, и, главное, преступления против итальянцев больше не совершались. Объектами нападения были исключительно приезжие люди и те из местной аристократии, кто их поддерживал. В движение пиччотерия в массовом порядке вовлекалась молодежь, так что все окраины города Реджио стали состоять либо из членов ндрангеты, либо из тех, кто обслуживал деятельность преступников.

Город Реджио не является столицей Калабрии, но он является оплотом и главным центром ндрангеты. Согласно оценкам экспертов в Реджио действуют более 70 ндрин, в то время как в Калабрии их насчитывается всего чуть более 130.

О ндрангете в течение долгого времени совсем ничего не было известно. Никто не сопоставлял совершаемые в Калабрии преступления с организованной преступностью. Объясняется это тем, что члены ндрангеты давали обет молчания, и тем, что они одновременно входили в другие известные ОПГ, прежде всего, связанные с мафией. Поэтому многие преступления, совершаемые в действительности ндрангетой, приписывались мафии.

О ндрангете как самостоятельной криминальной организации стали говорить после 15 августа 2007 г., когда в Дуйсбурге в Германии в итальянском ресторане были убиты 6 человек. Все были из Калабрии, каждому был произведен контрольный выстрел в голову. На месте преступления была оставлена обожженная статуэтка святого, что символизировало показательный ритуальный характер жестокой расправы.

Современная ндрангета является одной из самых сильных ТНПО в мире. Доходы ндрангеты оцениваются в 47 млрд. евро в год. Ндрангета, как и все ТНПО, занимается криминальным и легальным бизнесом. В криминальную часть ее деятельности входит: а) прежде всего, незаконная торговля наркотиками, главным образом, кокаином, благодаря устойчивым связям с наркокартелями из Латинской Америки; б) подпольная торговля ядерными материалами, благодаря связям с ОПГ из стран Восточной Европы; в) отмывание незаконно полученных доходов. В легальный бизнес ндрангеты входит строительство, ресторанный бизнес, розничная, в том числе уличная, торговля. Известно, что отмываемые криминальные капиталы ндрангета вкладывала в небольшие предприятия и даже скупала акции крупных компаний. Часть капиталов хранится на счетах банков в Швейцарии и Бельгии.

Криминологи полагают, что через посредников ндрангета контролирует порты на Средиземном море, имеет виллы в том числе в Болгарии, инвестирует в туризм по всей Европе.

Наиболее тесными были связи ндрангеты с Колумбийским Медильинским международным наркокартелем, что позволяло торговать кокаином практически в неограниченных объемах. При этом после разгрома Медельинского наркокартеля ндрангета сумела быстро приспособиться к новым условиям, и если поставки кокаина сократились, то весьма незначительно. Более того, вскоре ндрангета начала сотрудничать с мощным мексиканским наркокартелем – Los Zetas.

Для ндрангеты существует только одно правило – правило зарабатывания больших денег. В 2000-х годах она не гнушалась сотрудничать с радикальной террористической организацией Autodefensas Unidas de Colombia (Объединенные силы самообороны Колумбии), вместе с которой они сумели организовать новые каналы незаконного оборота наркотиков и наводнили Европу тоннами кокаина.

Из-за особенностей функционирования ндрангеты, участники которой одновременно могут входить сразу в несколько ОПГ, в том числе формально конкурирующих с ней, эта организация превратилась в настоящую международную криминальную корпорацию.

Структура ндрангеты может быть представлена следующим образом.

1. *Ндрины*. Ндрины являются низовыми звеньями ндрангеты. Обычно ндрины состоят из членов одной семьи. Каждая ндрина обладает определенной независимостью и контролирует конкретную территорию. Возглавляет ндрину –

capubastuni, т.е. босс. Боссом ндрины бывают женщины. Правда, это может быть только в случае, если женщина является вдовой capubastuni, который либо убит, либо находится в местах лишения свободы. Известно, что ндрины функционируют не только в Калабрии, но и в тех странах, куда переселились итальянские эмигранты, в частности в Канаде, Австралии и Германии.

Численный состав ндрины нигде не определен, нередко такие организации состояли из всего лишь 2-3 человек.

2. *Локале*. Локале возникают в тех случаях, когда количество ндрин на определенной территории существенно возрастает и они начинают пересекаться между собой. В этом случае число членов локале, состоящих в различных ндринах, должно достигнуть не менее, чем 50 человек. Локале руководит глава, который имеет собственного бухгалтера, помощника и специального помощника. Помощник (mastro di giornata) осуществляет общую координацию и контроль за всеми видами деятельности ндрин, входящих в локале. Специальный помощник (saro-crimine) обеспечивает неукоснительное соблюдение всеми членами ндрин установленных предписаний и наказывает за их нарушение. В обязанности saro-crimine входит в том числе похищение людей с целью запугивания конкурентов и организация убийств.

Глава локале обеспечивает разрешение споров между ндринами.

3. *Санта*. В 1970-х годах было решено создать элитную организацию внутри ндрангеты. Ее называли La Santa и соответственно членов ндрангеты, которые в нее вошли, стали называть сантистами. Первоначально круг избранных сантистов состоял из жестко определенного числа участников – 33 человека. Новый сантист мог появиться только в случае чей-либо смерти. Позже правила смягчили. Но избранный круг сантистов при любых обстоятельствах должен отстаивать интересы санты, даже если они противоречат интересам ндрины, в которую входит сантист. В задачу санты входит установление новых полезных связей, прежде всего с зарубежными криминальными сообществами, укрепление коррупционной зависимости чиновников разного уровня, придумывание интеллектуальных схем ухода от ответственности, политические интриги. Характерным признаком санты являются различные ритуалы и посвящения при вхождении новых членов ндрангеты в круг избранных. Считается, что эти ритуалы были заимствованы из масонских обрядов. Санта во многом инициировала создание ложи Пи-2, о которой говорилось выше.

4. *Кримине*. Кримине была создана в 1990-е годы для урегулирования конфликтов между ндринами, а также между локале. Это своеобразная комиссия, в которую входят наиболее сильные лидеры ндрангеты. Члены кримине избирают на определенный срок руководителя. Решение главы кримине формально является обязательным для всех членов ндрангеты. Например, решением кримине вся Калабрия была поделена на 3 зоны влияния, которые были переданы соответствующим локале: La Piana, La Montagna, La Citta.

Между тем, ндрангета всегда отличалась, как говорилось, большой автономией ндрин, поэтому, во-первых, санта — это клуб избранных членов ндрангеты, который разрабатывает идеи, и, во-вторых, кримине дает предписания, которые носят сугубо рекомендательный характер.

Отсутствие строгой вертикали и единственного лидера является достоинством и недостатком ндрангеты. С одной стороны, это позволило ндрангете лучше других приспособиться к современным реалиям и постоянным изменениям, происходящим в политике и экономике и провести самую мощную колонизацию своих представителей по всему миру. С другой стороны, это порождает постоянные клановые войны, которые имеют собственное название — *faida* (кровная месть). Особенность *faida* заключается в том, что конфликты, начинающиеся из-за дележа криминальной добычи, затем неминуемо перерастают в войны за честь той или иной семьи. *Faida* длится годами и могут быть причиной полномасштабных боевых столкновений. Известны следующие подобные войны. Первая война произошла в 1974 г. и стала причиной гибели 300 человек. Вторая произошла — в 1985 г. и привела к гибели около 500 человек. Третья началась в 2008 г. и завершилась в 2013 г. благодаря вмешательству полицейских, которые в рамках борьбы с организованной преступностью по всей Италии, арестовали многих членов ндрангеты. В последней на сегодняшний день *faida* (войне) участвовало 9 локале, в результате чего погибло 25 человек.

В ндрангете большое внимание уделяется росту криминального профессионализма. С этой целью создана строго определенная иерархия обозначения каждого ее члена.

1. *Giovane d'onore*. Член ндрангеты по праву рождения. Обряд инициации (посвящения) в ндрангету проходит в 14 лет.

2. *Contrasto onorato*. Человек, пожелавший стать членом ндрины. Проходит через обязательный испытательный срок.

3. *Picciotto d'onore*. Боевая единица (солдат) ндрины, выполняющий все поручения вышестоящего руководства.

4. *Camorrista*. Начальник над солдатами. В небольших ндринах является боссом организаций.

5. *Sgarrista*. Переговорщик и сборщик дани.

6. *Santista*. Некий аналог российского криминального авторитета. Участвует в планировании криминального бизнеса. Входит в круг избранных санты.

7. *Vangelo o Vangelista*. Член ндрангеты, входящий в ее элиту. Участвует в заседаниях кримине.

8. *Quintino*. Лидер ндрангеты. Данный титул присваивается членам ндрангеты, прошедшим все ступени иерархической лестницы. *Quintino* имеют татуировку в виде пятиконечной звезды, которую никому кроме них иметь не позволено.

Члены ндрангеты никогда не идут на сделку с правосудием. Обусловлено это следующими причинами: 1) кровным родством ндрин; 2) династическими браками, что еще больше скрепляет родственные связи ндрангеты; 3) обрядами и ритуалами посвящения, которым придается сакральное значение; 4) законом омерты.

При инициации (посвящение) будущий член ндрангеты дает клятву, что будет служить своей ндрине верой и правдой до самой смерти. В ндрангету можно войти один раз, выйти из ндрангеты нельзя ни при каких обстоятельствах.

Закон омерты является обязательным составным элементом ндрангеты. Многие другие ОПГ и ТНПО позаимствовали это правило, как один из самых эффективных инструментов организации криминального бизнеса. *Omerita* представляет собой обет молчания, запрещающий обсуждать дела ОПГ с кем-либо, включая ближайших родственников и обязующий не вступать ни в какие контакты с полицией. Нарушители омерты должны быть убиты с особой показательной жестокостью. Среди всех ТНПО итальянского происхождения, члены ндрангеты являются наиболее последовательными в вопросах соблюдения правил омерты.

В свою очередь правила омерты состоят из следующих предписаний: 1) единственной причиной покинуть ндрангету является смерть; 2) члены ндрангеты подчиняются своему лидеру беспрекословно; 3) ничто не может помешать исполнению приказа руководителя ндрангеты; 4) никто не может вершить правосудие над ндрангетой, кроме нее самой; 5) тот, кто предал одного члена ндрангеты, предал всех; 6) предательство карается убийством предателя и всех его родственников; 7) под предательством, в том числе, понимаются любые

слова и любые действия во время следствия, на суде и в местах лишения свободы.

Одной из особенностей ндрангеты является активное участие ее лидеров в политической жизни страны. Объясняется это не политическими амбициями руководителей ндрангеты, а прагматическими интересами в завладении государственными тендерами в строительстве и в других отраслях экономики, которые активно финансируются за счет бюджетных средств. В то же время ндрангета являлась одним из тайных спонсоров ряда правых политических партий, выступавших против участия Италии в Европейском Союзе и даже за предоставление северным провинциям страны независимости под видом образования самостоятельного государства под названием Падания со столицей в Милане. Поддержка сепаратистских движений, скорее всего, является элементом поддержки популистского настроения среди итальянцев для того, чтобы рекрутировать в ндрангету новых членов.

В 1991 г. в Италии вступил в силу закон, который позволил пресечь массовое внедрение в различные местные органы управления людей, так или иначе связанных с ОПГ и ТНПО. В результате с 1991 по 2013 гг. было распущено и даже принудительно разогнано около 60 различных органов местного самоуправления.

Благодаря этому закону, а также активным действиям представителей правоохранительных органов, начиная с конца XX в. начались аресты членов и лидеров ндрангеты. Первый знаковый арест одного из влиятельных дельцов наркобизнеса в ндрангете произошел в 1998 г. В 2008 г. после 18-летнего розыска был арестован другой руководитель ндрангеты, который считался неприкасаемым. В 2010 г. арестовали старейшего руководителя ндрангеты, обеспечивавшего финансирование сепаратистских движений в Италии.

Борьба с ндрангетой происходит на международном уровне. В июле 2010 г. была проведена международная полицейская операция против ндрангеты, которая называлась — «Мета». В результате в Италии, США, Канаде и Австралии было арестовано более 300 участников ндрангеты, связанных с крупными предпринимателями и чиновниками соответствующих государств. В июле 2013 г. Управлением по борьбе с наркотиками при Министерстве юстиции США (Drug Enforcement Administration — DEA) был задержан новый недавно избранный глава ндрангеты. В сентябре 2013 г. в Нидерландах арестован еще один руководитель ндрангеты.

Одна из последних масштабных полицейских операций против ндрангеты происходила в 2017 г. и завершилась арестом более 110 человек.

К сожалению, утверждать о полном разгроме ндрангеты все еще очень рано. О силе и могуществе ндрангеты, как преступной организации, связанной с международным криминальным бизнесом и имеющей собственную сферу влияния практически по всему миру, говорит тот факт, что в 2014 г. папа Римский Франциск во время своего визита в Калабрию вынужден был заявить, что последователи ндрангеты будут отлучены от римско-католической церкви.

Сакра Корона Унита. Сакра Корона Унита (Sacra corona unita, сокращенно — SCU), переводится как «Объединенная священная корона». Базируется в Апулии. (Апулия — восточная область Италии, находящаяся на мысе Капо д'Отранто, недалеко от города Отранто на полуострове Салентина. Полуостров Салентина, в свою очередь находится в 80 км от берегов Албании, что имеет значение для понимания особенностей функционирования SCU). SCU основана в начале 1970 г. одним из руководителей каморры, пожелавшим расширить собственный криминальный бизнес и не делиться ни с кем полученными криминальными доходами.

Тайные руководители SCU находятся в Бари, где одновременно действуют несколько криминальных группировок несовершеннолетних преступников под общим условным названием «Сакра корона либера». Они формально не входят в SCU, но часто используются в интересах организации. Несмотря на молодость, эти группировки крайне жестоки.

Считается, что SCU смешала традиции каморры и ндрангеты. Первоначально SCU взяла под контроль производство вина и оливкового масла, после чего сфера криминального бизнеса стала стремительно расширяться: финансовое мошенничество, контрабанда оружием и незаконный оборот наркотиков.

Современная SCU состоит из примерно 50 кланов. Приблизительная численность всех членов криминальной организации 2000–2500 человек. Годовой криминальный оборот составляет 2 миллиардов евро.

Название организации содержит в себе набор ложно понимаемых ценностей и направлено на вовлечение в преступную деятельность прежде всего молодежи. Название организации имеет следующее двойное значение: а) священная или сакральная — это намек, что члены SCU прошли обряд тайного посвящения; б) корона (розария) —

это католическая вера и буквально понимаемые католические четки, что символизирует соединение членов организации в одну неразрывную цепь.

Обряд посвящения в SCU тщательно разработан и представляет собой череду последовательных действий, каждый элемент которых носит строго обязательный характер исполнения. В общем виде – это набор примерно одних и тех же клятв в верности до гроба. При этом существуют фиксированные ограничения, кто не может быть членом SCU в зависимости от возраста, пола, исповедуемой религии, и даже в зависимости от национальности, места рождения и роста претендента.

Структура SCU имеет свои особенности и состоит из следующих подсистем.

1. Уличные банды – *societa minore* (младшие участники). Уличные преступники начинают как *picciotti* (итальянский криминальный фразеологизм – малыш с обрезом) и проходят 40-дневное испытание.

2. Объединение уличных банд – *manovalanza* (мелкая сошка).

3. Крупная компания – *Societa Maggiore* (основное общество). Представляет собой иерархическую структуру, которая состоит из двух частей.

3.1. Объединения *Lo Sgarro* (смотрящие). Люди, входящие в эту подструктуру, убили не менее трех человек, выполняя указания руководителей SCU. Имеют право на создание подконтрольных им уличных банд.

3.2. Объединения *La Santa* (святой, неприкасаемый). Сюда входят приближенные к боссам SCU преступники. Получают символические знаки отличия: огнестрельное оружие, таблетки цианида, хлопок, носовой платок, лимон, иглу для прокола указательного пальца правой руки, а также сигарету (*spartenza*) как символический подарок, означающий окончательный разрыв с прошлой жизнью.

4. Тайное общество (*Societa Segreta*). Члены тайного общества проходят все этапы посвящения и входят в ядро криминальной организации, где принимаются все концептуальные решения.

5. Босс SCU. В этой ТНПО, как правило, руководитель один.

Структуре SCU соответствует иерархия ее членов.

1. Претендент (*picciotti* – сырой). Тот, кто изъявил желание вступить в SCU. В течение 40 дней проходит испытание.

2. Работник (*manovalanza*). Становится членом организации после первого обряда посвящения.

3. Старший участник (*societa maggore*).

4. Неприкасаемый или тот, кто имеет право на ошибку (*lo sgarro*). Для получения этого звания

необходимо безупречно работать в сфере криминального бизнеса SCU несколько лет и завербовать не менее 3 новых членов организации. Свидетельством признания заслуг *lo sgarro* является обряд посвящения второго уровня.

5. Евангелист (*evangelista*). Руководитель криминального клана.

6. Половинки (*meta*). Руководители нескольких криминальных кланов.

7. Медальоны (*medaglioni*). Руководители криминальных кланов, допущенные в тайный совет SCU, на котором принимаются решения. Медальоны проходят обряд посвящения третьего уровня.

SCU наиболее активно из всех итальянских ТНПО осуществляет международную криминальную кооперацию. Причем SCU сотрудничает с: 1) российскими криминальными группировками, куда входят все ОПГ из стран бывшего Советского Союза, включая Прибалтику; 2) албанскими криминальными группировками; 3) колумбийскими наркокартелями; 4) китайскими триадами; 5) японской якудзой.

Криминальный бизнес SCU состоит из: а) контрабанды практически всего, начиная от сигарет, товаров народного потребления, и заканчивая некачественными продуктами питания; б) незаконного оборота наркотиков; в) нелегального оборота оружия; г) нелегальной сексуальной индустрии; д) отмывании денег и других незаконных финансовых операций; е) вымогательства; ж) коррупции вообще и политической коррупции в частности.

SCU наиболее тесно связана с организованной преступностью из Албании. Отсюда становится понятна сила и влияние албанских преступных группировок, которые сегодня закрепились в Европе. Представители ФБР в США считают, что члены SCU проявляют активность в штатах Иллинойсе, Флориде и, возможно, Нью-Йорке.

Расцвет криминального бизнеса SCU пришелся на начало 2000-х годов. Способствовало этому прежде всего то, что об организации мало кто знал, и происходила неизбежная путаница с тем, кто стоит за теми или иными видами криминального бизнеса. В настоящее время актуальность контрабанды из Албании исчерпана. После периода расцвета SCU испытывает сильнейшие внутренние противоречия, вызванные дефицитом криминальных доходов. Многие объединения уличных банд вышли из-под контроля и начали действовать самостоятельно.

Однако практика свидетельствует, что криминальные организации никогда не исчезают бесследно.

Китайские транснациональные преступные организации

Триады. Китайские триады, как и все другие ТНПО, овеяны мифами и легендами. Она из главных мистификаций китайский триад заключается в их возрасте. Общепринятым считается, что китайские триады насчитывают тысячелетнюю историю. Однако все это не более, чем очередная манипуляция общественным сознанием, целью которой является глобальная мифологизация организованной преступности во всем мире. Если можно говорить просто и понятно — это запудривание мозгов обывателям.

Первые упоминания о триадах относят к периоду правления императора Цинь Ши Хуанди (221–210 гг. до н. э.), что буквально означает в переводе — «великий император Основатель династии Цинь (настоящее имя — Ин Чжэн). В летописи говорится об объединении пиратов и работорговцев в преступную группировку под названием «Тень лотоса». Однако, вряд ли можно всерьез говорить о существовании в то время мощных криминальных структур, с присущими современным триадам особенностями получения криминальных сверхдоходов.

Согласно другой легенде, придуманной, скорее всего, представителями самой триады, в 1644 г. всадники-кочевники маньчжурской династии Цин захватили Китай и разрушили знаменитый монастырь Шаолинь. В живых остались лишь трое монахов. Эти три монаха основали первую «триаду» — «Союз Земли, Человека и Неба во имя справедливости».

Название «Триада» (三合會) означает треугольник — тройственный союз неба, земли и человека. Согласно экспертным оценкам в триады входят около 1 млн. 200 тысяч человек, объединенных в различные преступные группы, точное количество которых неизвестно. Говорится о не менее, чем нескольких тысячах ОПГ под эгидой триады. При этом в современном Китае существуют две конкурирующие между собой династии триады.

Действительное становление триад произошло в период Боксерского восстания в Китае в 1850–1864 гг. Китайские триады оказывали помощь лидерам освободительного движения и выступали на стороне революционеров, в том числе с оружием в руках. После объединения Китая в 1949 г., коммунистическое руководство страны приняло политическое решение покончить со всеми подпольными организациями страны, включая триады. Принадлежность к триадам влекла уголовную ответственность, вплоть до смертной казни.

После этого триады полностью прекратили свою деятельность на материковой части Китая, и те из членов триады, кто уцелел в развернувшейся чистке, поспешно эмигрировали в Гонконг, на Тайвань и на Макао. Таким образом, карательные меры коммунистического Китая способствовали распространению триад по всему миру и, прежде всего, в США.

В настоящее время триады известны как организованная китайская этническая преступность на Тайване, Макао, в США и других центрах китайской иммиграции, включая Российскую Федерацию. Например, в Гонконге насчитывается около 50 ОПГ, входящих в триады, и 160 000 членов. Особенностью устойчивого развития триады за пределами мест их исторического становления, в том числе в России является лингвистические характеристики китайского языка и крайняя сложность внедрения в эти преступные организации. Триады контролируют вывоз из России леса, обеспечивают игровые зоны в Гонконге и Макао проститутками из России и стран постсоветского пространства и, наоборот, переправляют в Россию десятки тысяч нелегальных эмигрантов.

Основные виды криминального бизнеса триады: а) традиционный рэкет (вымогательство); б) незаконный оборот наркотиков; в) незаконный оборот оружия; г) предоставление криминальных услуг (криминальное покровительство или так называемая «крыша»); д) организация незаконной миграции; е) организация проституции и; ж) организация азартных игр. Не случайно в Гонконге, на Тайване и особенно на Макао игровой бизнес является одним из существенных секторов экономики. При этом известно, что игровые казино всегда и везде являются полулегальными местами отмывания криминальных доходов. За границей триады облагают данью в первую очередь китайских бизнесменов. В настоящее время триады занимают первое место среди других ТНПО по ввозу героина в США и в Западную Европу. Считается, что триады обеспечивают ¼ часть всей нелегальной торговли наркотиками в Азии.

Триады сурово наказывают тех, кто отказывается с ними сотрудничать. В конце каждого месяца к китайским бизнесменам приходят представители триады, которые отвечают за финансовую отчетность организации. Они лично проверяют документы о прибыли, чтобы получить причитающуюся триаде 15%. При любой попытке обмануть триаду наступает наказание. Магазин или предприятие китайского бизнесмена будут сожжены, а сам он — убит.

Структура триад построена по известному принципу пирамиды и характеризуется жестким подчинением и строгим выполнением указаний вышестоящих руководителей. При этом лица, занимающие значительные позиции в этой преступной организации, обозначаются трехзначной цифрой, начинающейся с 4, что соответствует старинной китайской легенде о том, что мир окружают четыре моря.

Тонги являются вышестоящими организациями по отношению к уличным бандам, обеспечивая им возможности криминальных заработков на своей территории.

Структуре триад коррелирует субординация их руководителей.

1. Лидеры. «Сан шу», «лунг тао» (голова дракона) или «тай ло» (большой брат). Формально их власть ничем не ограничена. В их подчинении находятся четыре ранга нижестоящих руководителей, отвечающих за конкретные виды криминальной деятельности. Имеют символическое обозначение – 489.

Лидеры объединяются в некоторое подобие советов, которые являются ядром и мозговым центром триады. Они планируют крупные криминальные операции и определяют необходимость внедрения новых способов и методов совершения преступлений. Подобные советы представляют собой симбиоз феодально-патронимической организации, что в целом соответствует общим принципам функционирования всех ТНПО.

Традиционно власть в триадах переходит по наследству от отца к сыну. Впрочем, не является исключением из правил, когда лидером триады назначаются дочери бывших руководителей.

2. Руководители. «Фу шан шу». Отвечают за конкретные виды криминального бизнеса. Имеют номер 438.

3. Специальные представители. Имеют номер 432. Делятся на:

3.1. вербовщиков («синг фунг») – обеспечивают приток новых членов ОПГ;

3.2. переговорщиков («шо хай») – отвечают за взаимоотношения с другими ОПГ и ТНПО.

4. Финансовые советники и эксперты по административным вопросам. «Пак тсе син». Имеют номер 415.

5. Командиры боевых отрядов. «Унг кван». Имеют номер 426.

6. Рядовые члены, или солдаты. «Сей коу джай». Имеют номер 49.

В структуре каждой триады имеются, как правило, следующие отделы: 1) обеспечения защиты; 2) сбора и анализа информации (разведка и кон-

тразведка); 3) по связям (причем, как с другими преступными организациями, так и со средствами массовой информации); 4) отдел вербовки и воспитания.

Члены триад связаны между собой сложной системой ритуалов, клятв, паролей и смешением крови. Они безошибочно узнают друг друга по различного рода условным сигналам, особенностям рукопожатия, татуировкам и другим знакам, невидимым для посторонних глаз.

Еще одной особенностью триады является известная гибкость сетевой системы боевых отрядов. Их командиры, одновременно безусловно подчиняясь вышестоящим начальникам, имеют большие возможности по изменению не только методов и способов совершения преступлений, но и по изменению видов криминальной деятельности. Членство в триаде означает наивысшее доверие каждому бойцу, который может обратиться непосредственно к любому представителю организации, вне зависимости от занимаемой должности вплоть до руководителя – головы дракона или большого брата. Пользуясь этим лидеры триады вводят в заблуждение молодых начинающих членов организации и под видом особенного расположения поручают им совершение преступлений, связанных с убийством конкурентов, заведомо обрекая их на верную смерть. Такие члены триады называются – одноразовые бойцы.

Современные триады выступают против уличной преступности. Лидеры триады поддерживают государственную политику открытости страны. Чем больше в Китай будет приезжать иностранцев, тем больше денег будет у китайских бизнесменов, тем больше они смогут платить триаде. Особенностью триады также называют безусловное возвращение полученных в результате криминального бизнеса за рубежом денег обратно в экономику Китая. Триада заинтересована в развитии собственной страны. Впрочем, это похоже на пропаганду и создание очередного образа ложных романтических героев. Известно, что в случае малейшего неповиновения члены триады безжалостны и беспощадны к провинившимся.

В то же время преувеличивать роль и значение триады в Китае не следует. В стране продолжают действовать суровые законы против организованной преступности, и представители триады находятся под постоянным вниманием правоохранительных органов. Регулярно проходят масштабные полицейские операции, которые на определенный период времени парализуют деятельность триад в Китае. Поэтому для триады характерна центробежная сила влияния – чем дальше ОПГ, входя-

щие в триаду, находятся от Китая, тем большее влияние они имеют [4].

По данным Верховного Народного Суда КНР, с начала 2006 г. по делам об организованной преступности в Китае было осуждено 12 796 человек. Велась следственная работа по 108 тыс. уголовных дел, в которых фигурировали 13 000 банд, в которые входило более 89 000 человек. В суд было передано 1171 дело. Более 400 из них связаны с криминальной деятельностью в строительстве, горнодобывающем бизнесе и на транспорте. Ущерб превысил 4 млрд. юаней (588 млн. долларов США). Большая часть преступлений сопровождалась насилием, в том числе убийствами. Около 46% осужденных получили наказания в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет и смертной казни [5].

Японские транснациональные преступные организации

Якудза. Особенностью якудза (ヤクザ, やくざ) является то, что эта влиятельная ТНПО действует в стране, в которой традиционно очень низкий уровень преступности. Якудза осуществляет свою криминальную деятельность в странах Юго-Восточной Азии, в Южной Корее, на Гавайских островах, в США и России. Якудза является естественным конкурентом триады. Основная сфера деятельности якудзы связана с: а) незаконным оборотом наркотиков, включая производство и контрабанду на Гавайские острова и в штат Калифорния в США синтетических наркотиков; б) незаконной торговлей оружием, включая контрабанду оружия из США; в) нелегальной сексуальной индустрией, которая постепенно переходит в работоторговлю, включая ввоз в Японию проституток со всего мира и контроль над бизнесом гейш; г) киноиндустрией, включая производство и распространение порнографических фильмов; д) индустрией развлечений, включая казино и другие азартные, прежде всего, карточные игры; е) контролем над всеми видами лотерей; ж) теневыми сторонами профессионального спорта; з) незаконными финансовыми операциями, включая криминальное коллекторство (collector — устройство для сбора), что в действительности является банальным «выбиванием» долгов, и махинации в сфере страхования; и) контрабандой биоресурсов; к) строительным бизнесом и махинациями с недвижимостью.

В августе 2018 г. был вынужден покинуть свой пост глава Федерации любительского бокса Японии, которого обвинили в подготовке договорных матчей и связях с якудзой. Незаконная

торговля наркотиками приносила якудзе 44% всех криминальных доходов, а игорный бизнес — около 17%. Как все другие ТНПО, якудза вкладывает отмытые криминальные средства в легальный бизнес.

Якудза также называют термином «борекудан». По этому поводу среди криминологов нет единой точки зрения, поскольку: а) одни считают, что «борекудан» — это ОПГ, которые входят в якудзу; б) другие полагают, что всех членов якудзы зовут борекудан; в) третьи говорят, что термины «борекудан» и «якудза» являются синонимами.

Якудза сложилась в результате особенностей японского общества, которое представляет собой строгую иерархическую организацию с традициями межличностного общения, нарушение которых недопустимо ни при каких обстоятельствах. До сих пор правилом и хорошим тоном считается работа японца на одном месте в течение всей жизни. Перемещения с одного места работы на другое не приветствуются. Из-за этого, люди, выпадающие по каким-либо причинам из традиционного общественного уклада, становятся изгоями. При этом изгои (отверженные) также насильственно вписывались в уклад японского общества. Таким образом, одними из первых официальных отверженных были признаны: а) странствующие торговцы («текия»), у которых не было собственного дома и которые кочевали между деревнями, и б) профессиональные, в основном карточные, игроки («бакуто»). Позже к ним присоединились те, кто потерял работу.

Эти группы отверженных объединились для криминальной деятельности. Первыми видами такой деятельности стали: а) обкладывание данью деревень; б) предоставление защиты от других банд (криминальное покровительство или «крыша»); в) рэкет; г) устранение неугодных лиц (убийства по найму).

Таким образом, якудза была вписана в структуру японского общества и выполняла социальную функцию своеобразного устройства людей, не имеющих полноценной семьи и/или работы.

Слово «якудза» произошло от сленга, на котором разговаривали профессиональные карточные игроки бакуто. В карточной игре ойте-кабу есть комбинация, в которой «я» означает число «восемь», «ку» — «девять», «дза» — «три», что в сумме составляет двадцать или самую плохую итоговую комбинацию. Другой вариант названия этой комбинации — «свинья». Из-за этого словом «якудза» стали называть всех бакуто, как никчемных и бесполезных людей. Впоследствии словом «якудза» стали называть не только бакуто, но и текия, а за-

тем и всех, кто занимался организованной криминальной деятельностью.

В отличие от других ТНПО якудза действительно имеет серьезные исторические корни. Известно, что японские феодалы прибегали к услугам самураев для борьбы со своими противниками. В свою очередь самураи использовали всех, кто мог держать оружие в руках, вне зависимости от того, какого происхождения были люди и чем они занимались. Среди таких помощников было много настоящих преступников. При этом преступники научились действовать исподтишка, создавая себе имидж исполнителей, которые возникают ниоткуда и исчезают в никуда. В основном традиции и законы якудза сложились в так называемый период Эдо (1603–1868), начало которого было положено самураем Сегунат Тогукава.

Одним из первых известных лидеров якудзы был самурай, который жил в XVII в. Он потерял покровительство феодала и стал разбойником, собрав вокруг себя наиболее отчаянных людей из числа отверженных японским обществом. Интересно, что первый криминальный бизнес якудзы заключался в нелегальном найме рабочей силы для строительства замков и дорог. Якудза таким образом заставляла проигравшихся картежников отрабатывать долги, забирая причитающуюся им заработную плату. Примечательно, что строительный бизнес до сих пор остается в сфере интересов якудзы.

Известно, что в 1871 г. управляющий двором японского императора договорился с якудзой для оказания помощи во время разгона бунтующей городской и сельской бедноты. Следовательно, связи якудзы с представителями государственного аппарата также имеют давние традиции.

Укреплению силы и влияния якудзы способствовал мировой экономический кризис 1930-х годов. Якудза захватила всю сферу развлечений, начиная от кинотеатров и заканчивая публичными домами и ресторанами. Якудза прямо поддержала японских бизнесменов и, тем самым, косвенно — официальное правительство страны. ОПГ якудзы не только выступили против бастующих рабочих, но, действуя в своем стиле исподтишка, убили многих лидеров профсоюзного движения. При этом, с молчаливого согласия полиции все было представлено как действия уличных хулиганов.

Начиная с 1950-х годов японские правоохранительные органы ведут учет всех ОПГ якудзы. Если до Второй мировой войны ОПГ включали в себя обычно 50 человек и состояли из лидера и членов банды, то затем в некоторые ОПГ якудзы входили до тысячи так называемых «братьев». Пик расцвета якудзы пришелся на начало 1990-х годов,

когда общее число членов ТНПО составляло по разным данным от 90 до 110 тысяч человек. При этом в стране существовало около 2,5 тысяч ОПГ якудзы.

Согласно данным полиции в 2016 г. численность якудза составила 39 100 тысяч человек. Это один из самых низких показателей численного состава данной преступной организации за всю историю ее существования.

Необходимо особо отметить, что до сих пор якудза существует в Японии практически легально. Штаб-квартиры якудзы украшены неоновыми символами, наподобие товарных знаков известных фирм, представители организации носят эмблемы в виде соответствующих значков или нашивок на своей одежде. Адреса якудзы можно встретить в телефонных справочниках. В 2013 г. в течение года одна из ОПГ якудзы даже выпускала собственный журнал. Якудза не держит в секрете собственную внутреннюю иерархию, в том числе численный состав организации. Руководители якудзы всем известны.

Структура якудзы обладает определенными особенностями. Организация состоит из двух параллельных подсистем и обычно представляется в следующем виде.

1. Руководители.

1.1. *Оябун*. Лидер или глава клана. Обладает полной властью, является единственным распорядителем средств ОПГ. На нем лежит обязанность заботиться обо всех членах организации и обеспечивать защиту от внешних врагов.

1.2. *Кумите*. Старший начальник или верховный босс. В якудзе, по сути, это две равнозначные должности, поэтому в каждой ОПГ есть либо оябун, либо кумите.

2. Руководящее интеллектуальное звено.

2.1. *Сайко комон*. Администратор. Заведует организационными вопросами.

2.2. *Санро-кай*. Руководитель старшими советниками.

2.3. *Камбу-ацукай*. Старший советник.

2.4. *Со-хомбуте*. Руководитель штаба.

2.5. *Сингиин*. Главный юридический советник.

2.6. *Кайкей*. Бухгалтер.

3. Руководящее звено исполнителей.

3.1. *Вака-гасира*. Старший лейтенант. Координирует работу нескольких ОПГ.

3.2. *Фуку-хомбуте*. Помощник старшего лейтенанта.

3.3. *Сятэй-гасира*. Младший лейтенант. Руководит одним или двумя ОПГ.

3.4. *Сятэйгасира-хоса*. Помощник младшего лейтенанта.

4. Исполнители.

4.1. *Кедай*. Старшие братья.

4.2. *Сятэй*. Братья.

4.3. *Вакасю*. Младшие братья.

4.4. *Дэката или Кобун*. Рядовые бойцы.

4.5. *Куми-ин*. Новички.

4.6. *Сансита*. Стажеры, которые находятся на испытательном сроке.

В якудза существует четкое разграничение между ее членами, включая тех, кто: а) посвящен и не посвящен в секреты организации; б) прошел и не прошел специальную церемонию посвящения; в) находится в процессе принятия в члены организации.

Все члены якудзы считаются по отношению к оябуну – кобунами, т.е. приемными сыновьями.

Новичками якудза, как и раньше, становятся выходцы из низших слоев общества, которые либо имеют криминальное прошлое, либо не могут легальным образом добиться хорошей работы и общественного признания. Средний возраст новичков якудзы – 20 лет. Нередко это бывшие спортсмены, у которых не сложилась карьера.

Кроме того, в якудзу рекрутируются агрессивные гонимые на мотоциклах, которых называют босодзоку, и члены уличных молодежных банд, которых называют хангурэ. В эти неформальные и часто криминальные объединения входят до 42 500 тысяч человек. Якудза не только рекрутирует новичков из этих молодежных группировок, но с некоторыми из них перманентно конфликтует.

Территория, которую контролирует та или иная ОПГ якудзы, называется «якудза-сима» (остров якудза). В якудза не принято строго охранять пределы собственной территории, поэтому нередко рядовые бойцы оказываются в зоне влияния других ОПГ. Очевидно, что в результате подобных действий между разными кланами якудзы постоянно вспыхивают конфликты.

До 90 % всех членов якудзы входят в исторические ОПГ: а) бакуто; б) тэкия; в) гурэнтай.

Членами ОПГ *бакуто* становились бывшие вассалы феодалов, которых их хозяева выгнали со своих земель. К ним примыкали деклассированные воины, в том числе самураи, а также простые бродяги, занимавшиеся карточным шулерством. Структура бакуто состоит из пяти уровней: 1) оябун; 2) высший штаб; 3) низший штаб; 4) рядовые бойцы; 5) стажеры. Кроме традиционных отношений «отец–сын», среди бакуто широко распространены горизонтальные отношения криминального братства одного уровня.

ОПГ *тэкия* сложилась как сообщество разбойников и профессиональных воров, трансформи-

ровавшихся из бывших странствующих торговцев. Структура тэкия состоит из четырех уровней: 1) оябун; 2) штаб; 3) рядовые бойцы; 4) стажеры. В тэкия сохранились пережитки феодальных вассальных отношений. Здесь принято пожизненное членство и крепки горизонтальные отношения криминального братства.

ОПГ *гурэнтай* самая поздняя из известных криминальных организаций якудзы. Сложилась в период урбанизации и промышленной индустриализации страны в XX в. Строго говоря, это не ОПГ, а достаточно сплоченные банды, которые предоставляют криминальные услуги, связанные с насилием тем, кто больше платит. Они первыми стали брать дань с проституток. Структура двухуровневая: 1) оябун; 2) рядовые бойцы. В отличие от других ОПГ якудзы здесь царствует единоначалие. Среди членов гурэнтай распространены крайне правые националистические взгляды.

Многие члены якудзы не скрывают своих правых взглядов, основанных на недовольстве итогами Второй мировой войны. Интересно, что согласно официальным данным численный состав японских праворадикальных политических партий составляет около 100 000 человек, что близко к численности якудза. Конституция Японии гарантирует свободу самовыражения своим гражданам, поэтому членов праворадикальных партий нельзя арестовывать, так как это может быть расценено как преследование по политическим мотивам. Очевидно, что якудза этими правовыми предписаниями умело манипулирует. Кроме того, в японском обществе крайне правые взгляды, особенно по вопросам спорных территорий с Россией, весьма популярны.

Региональные ОПГ якудзы объединяются в криминальные синдикаты. В свою очередь синдикаты строятся либо по принципу жесткой вертикали, либо по принципу федерации криминальных кланов.

В основу структуры якудза положены традиционные ценности японского института семьи с очень строгой регламентацией места и роли каждого ее члена и безграничной преданности отцу семейства. При этом в отличие от других ТНПО, якудза не опирается на родственные связи.

Таким образом, псевдосемейные отношения гарантировали якудза устойчивые связи не только между руководителем и его подчиненными (отношения «отец–сын», построенные по вертикали), но и не менее устойчивые связи между другими членами ОПГ (отношения старших и младших братьев между собой, построенные по горизон-

тали и основанные на идее самопожертвования ради друг друга).

Якудза культивирует разработанные положения кодекса справедливости и долга — кодекс дзинги. Многие положения кодекса очевидно переписаны с учетом специфической деятельности якудзы из кодекса бусидо — кодекс самурая (путь воина).

Борьба с якудзой как с криминальной системой, своеобразным образом вписанной в структуру японского общества, началась в 1993 г. после принятия закона, направленного против отмывания криминальных доходов. Этим законом были расширены полномочия правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью. Якудза вынуждена была начать заниматься конспирацией и прекратила обмен информацией с полицией.

В 2006 г. был установлен нормативный запрет оказывать социальную помощь представителям ОПГ якудзы. Многие рядовые члены организации перестали получать социальные пособия и лишиться финансовых льгот.

В 2007 г. Правительство Японии ввело ограничения на любые виды сотрудничества с якудзой, в том числе со стороны бизнесменов. В результате якудза лишилась многих выгодных контрактов.

В 2008 г. был принят новый закон, в соответствии с которым к ответственности привлекались не только конкретные исполнители преступлений, но также те, кто давал прямое указание совершать преступление, и, главное, те, кто формально не был причастен к преступлениям, но принимал участие в разработке криминальных планов ОПГ якудзы.

В 2011 г. был принят закон, запретивший выплату любых вознаграждений якудзе со стороны компаний, даже если эти выплаты являлись следствием шантажа.

В 2012 г. в США были введены финансовые санкции против наиболее влиятельных кланов якудзы. Счета и активы членов этих ОПГ были заморожены, а лицам, уличенным в связях с якудзой, был запрещен въезд на территорию США.

Руководители и другие члены якудзы арестовывались постоянно, но после 2000 г. эти аресты стали проявлением системной борьбы с организованной преступностью. В результате к различным срокам лишения свободы были приговорены некоторые лидеры якудзы, их заместителей, а также известные руководители ОПГ.

Кроме активных действий полиции, ослаблению якудзы способствуют межклановые войны. В ноябре 2015 г. в Йоккайти был убит один из ру-

ководителей ОПГ якудзы. Причем перед смертью его жестоко пытали. В марте 2016 г. офис якудзы в Кобе протаранили самосвалом. Кроме того, в Кобе с осени 2015 г. до осени 2017 г. произошло более 100 столкновений, в том числе вооруженных, между ОПГ, входящими в различные кланы якудзы.

Простые японцы в последнее время стали открыто выражать свое недовольство действиями якудзы, чего никогда не было. Известны манифестации протеста против якудзы в Хамамацу и Куруме. В эту протестную борьбу включились бизнесмены, которые при поддержке официальных властей предлагают рабочие места и программы реабилитации для членов якудзы, которые захотели покончить со своей криминальной деятельностью.

Первоначально якудза ответила на протесты насилием и убийством некоторых активистов и бизнесменов, отказавшихся от сотрудничества с ней. Затем якудза перешла к зарекомендовавшим себя видам деятельности, связанным с предоставлением защиты обиженным официальными структурами членам японского общества и трудоустройством деклассированных элементов. Выживанию якудзы в современных сложных условиях способствуют националистические взгляды их представителей, которые очень популярны в Японии.

Колумбийские транснациональные преступные организации

Колумбийские наркокартели. Наиболее известными наркокартелями (*cartel de drogas*) Колумбии являются: а) Медельинский; б) Калийский; в) Картель Северной долины и; г) Картель Северного побережья [6].

По сравнению с другими ТНПО колумбийские наркокартели являются наиболее высокоорганизованными криминальными корпорациями, основанными на эффективных принципах управления и разделения труда. Колумбийские наркокартели являются основными производителями и поставщиками кокаина на мировом рынке незаконного оборота наркотиков. Это во многом связано с тем, что сырье для кокаина (*растение кока — вид кустарниковых растений из рода Эритроксилум семейства Эритроксилловые (Erythroxylaceae)*) произрастает только в трех странах: Колумбии, Перу и Боливии. При этом в Колумбии, которая географически находится в более выгодных условиях, чем Перу и Боливия, быстрее откликнулись на изменение потребительского спроса населения США в пользу кокаина в конце 1960-х — начале 1970-х гг.

По состоянию на 2011 г. Колумбия оставалась крупнейшим производителем кокаина в мире.

В 1978 г. один из колумбийских так называемых наркобаронов предложил президенту Колумбии Альфонсо Лопес Микельсену выплатить внешний долг страны в обмен на отказ от признания действия Закона США Фрэнсиса Б. Харрисона о налоге на наркотики, который был принят еще в 1914 г. (*Закон О налоге на наркотики (The Harrison Narcotics Tax Act) 1914 г. регламентировал запретительные налоги на производство, импорт и распространение наркотической продукции. Закон предусматривал регистрацию всех лиц, которые производят, импортируют, производят, смешивают, продают, продают, распространяют или раздают опиум, листья коки, их соли, производные или препараты, а также для других целей, с целью сбора внутренних доходов и введения специального налога*).

Термин наркобарон (в английском языке — drug lord, в испанском capo de la droga) скорее всего происходит от соответствующего названия руководителей цыганских таборов, которые имели неограниченную власть над всем кланом и которым принадлежало все имущество табора. Кроме того, цыгане всегда и во всех странах приторговывали наркотиками.

Как правило, наркокартели имеют следующую структуру.

1. *Наркобароны (Capos)*. Лидеры (вожди) наркокартеля. Обладают неограниченными властными полномочиями. Надзирают за производством наркотиков, назначают руководителей территориальных ОПГ, заключают всевозможные союзы, устанавливают коррупционные связи с политиками и представителями правоохранительных органов, отдают приказы всем нижестоящим членам организации, в том числе приказы об убийстве конкурентов, политиков и проштрафившихся членов наркокартеля.

2. *Лейтенанты (Lugartenientes)*. Занимаются контролем за боевиками и так называемыми «соколами» (halcones) на подчиненной им территории. Имеют право карать смертью подчиненных им членов ОПГ за совершенные провинности без согласования с наркобаронами.

3. *Боевики (Sicarios)*. Члены вооруженных отрядов наркокартеля. Исполняют любые приказы вышестоящего начальства, в том числе приказы на совершение убийств, похищение и пытки людей. Кроме этого, занимаются вымогательством (рэкетом), предоставлением криминальной защиты (крышеванием) подконтрольным бизнесменам, обеспечивают вооруженное сопротивление по-

лицейским обалавам, защиту от военных операций и от проникновения конкурентов.

4. *Соколы (Halcones)*. Занимают низшую ступень в наркокартеле, но их деятельность имеет большое значение для организации. Основная задача — разведка и информирование о действиях полиции, армии и конкурентов.

Структура колумбийских наркокартелей строилась по вертикальному корпоративному принципу.

1. *Головной офис*. В офисе есть исполнительный директор и ряд вице-директоров для обеспечения выполнения следующих видов криминальной деятельности: производство наркотиков, их транспортировка, реализация и обеспечения безопасности членов организации.

2. *Нижние уровни организации*. Представляют собой узкоспециализированные и изолированные друг от друга ОПГ, состоящие из родственников и соседей. Каждая ОПГ возглавляется так называемым «caleno» и состоит только из тех, кого руководитель данной ОПГ знает лично. Заработная плата членов ОПГ поступает на специальные счета, контролируемые головным офисом. Любые провинности и ошибки, совершаемые на уровне нижних ОПГ, должны караться их руководителем максимально сурово в назидание другим участникам ОПГ. Просчеты caleno караются специальными выездными криминальными отрядами головного офиса. Причем смертный приговор, поступающий из головного офиса, применяется не только к провинившемуся члену ОПГ, но и ко всей его семье. Родственники членов ОПГ, следовательно, играют роль заложников. Они служат страховкой безопасности деятельности организации на случай непредвиденных событий или ареста кого-либо из участников наркокартеля.

3. *Зарубежные филиалы*. Функционируют на основе прямых и жестких распоряжений, поступающих из головного офиса. Заняты в основном импортом продукции. Их деятельность подвергается постоянному контролю проверяющими из головного офиса.

Таким образом, безопасность наркокартеля обеспечивается внутренним взаимным контролем, основанном на страхе за собственную жизнь и за жизнь своих близких, а также жестким ограничением информации как об организации в целом, так и о конкретной ОПГ и ее членах в частности. Такой модульный (капсульный) подход позволяет ограничить ущерб, который может быть нанесен деятельности наркокартеля правоохранительными органами.

Медельинский картель. Штаб-квартира располагалась в городе Медельине. Согласно экспертным данным Медельинский картель в период своего расцвета контролировал 80% мировой торговли кокаином, зарабатывая более 60 млн. долларов США в день. В середине 1980-х годов Медельинский картель контролировал практически все сферы жизнедеятельности колумбийского общества. Его лидер дружил с высшим руководством страны, с ним заискивали все ведущие политики Колумбии. Он построил небольшие города со всей положенной инфраструктурой для членов ОПГ нижнего уровня. В его собственности было 34 поместья, 500 тысяч гектаров земли, 40 раритетных автомобилей, собственный зоопарк с самыми редкими животными на планете, а также личная тюрьма. Фактически Медельинский картель был едва ли не самостоятельным государством внутри государства Колумбия.

Президент США, обеспокоенный масштабами поставок кокаина на территорию страны, объявил в середине 1980-х гг. о начале полноценной полицейской и военной операции против колумбийских наркокартелей. Между политическим руководством США и Колумбии было достигнуто соглашение об экстерриториальности американских законов по отношению к колумбийским наркобаронам и их экстрадиции в США. В ответ на это руководители Медельинского картеля развязали в стране настоящую гражданскую войну, в которую за деньги была вовлечена (фактически нанята) партизанская леворадикальная террористическая организация «Движение 19 апреля» (Movimiento 19 de Abril, сокращенно М-19). 6 ноября 1985 г. боевики М-19 захватили в столице Боготе Дворец Правосудия. В результате террористической атаки погибли 97 человек, в том числе 11 судей Верховного суда Колумбии, включая его председателя Альфонсо Рейес Эчандия. При этом были уничтожены все подготовленные документы об экстрадиции наркобаронов в США. После этого от рук наемных убийц Медельинского картеля погибли еще один судья Верховного суда, полковник полиции и видный колумбийский политик. Перед очередными выборами президента Колумбии в Боготе в течение 2-х недель прогремели 7 взрывов, в результате которых погибли 37 человек и 400 получили тяжкие увечья.

Правительство Колумбии было вынуждено признать свое поражение в войне с Медельинским картелем после того, как его руководитель взял в заложники несколько богатейших и влиятельных людей. Экстрадиция медельинского наркобарона была отменена, но взамен он согласился

отбыть назначенное ему заочно судом наказание в его собственной тюрьме. После того, как политическая ситуация в Колумбии стабилизировалась, было принято решение о переводе наркобарона в настоящую тюрьму. Наркобарон бежал и в декабре 1993 г. во время задержания был убит.

Калийский картель. Был создан в 1970-е годы в городе Кали. Возглавившие его братья были из богатых семьи и имели хорошее образование. Из-за этого Калийский картель называли также «Джентльмены из Кали». Калийский картель не прибегал к жестоким репрессиям и никогда не ссорился с правительством Колумбии. Преследуя собственные цели, руководители наркокартеля помогали правительству разгромить Медельинский картель. Более того, криминальный бизнес наркокартеля был легализован в виде химических и фармацевтических компаний. Тем не менее, в 1995 г. руководство Калийского картеля было арестовано, а затем их экстрадировали в США.

Картель Северной долины. Был образован во второй половине 1990-х гг. на севере департамента Валье-дель-Каука. Руководители наркокартеля тесно сотрудничали с партизанской организацией правого толка – Объединение сил самообороны Колумбии (АУС), которая в США была признана террористической (о ней говорилось выше). В 2003 г. внутри наркокартеля началась междоусобная война. В результате в период с 2003 по 2004 г. было убито более 1 тысячи человек. После этого колумбийские полицейские арестовали 100 наиболее опасных бойцов наркокартеля (все – профессиональные убийцы). Судьба наркобаронов наркокартеля была предreshена, и вскоре все они оказались в местах лишения свободы, причем большинство – в США. Во время ареста одного из лидеров наркокартеля при нем оказалось более 100 миллионов долларов США.

Картель Северного побережья. Был образован в городе Барранкилья на побережье Карибского моря в середине 1990-х годов. Поставки кокаина в США осуществлялись через порты Северного побережья. В 1998 г. руководитель наркокартеля был арестован в результате совместной операции Управления по борьбе с наркотиками США и Национальной полиции Колумбии. В 2000 г. его экстрадировали в США, где он договорился, что признает себя виновным в незаконном обороте наркотиков. Тем самым ему удалось избежать наказания за организацию убийств, к которым он был причастен.

В течение последних 10 лет в Колумбии ежегодно арестовывали или экстрадировали в США более 100 наркобаронов. В настоящее время офи-

циально считается, что производство наркотиков в Колумбии снижается. Согласно данным полиции в 2010 г. производство кокаина сократилось на 60%. Насколько эти данные соответствуют действительности, сказать невозможно.

Однако криминологи убеждены, что на смену известным наркокартелям пришли более мелкие ОПГ, бороться с которыми стало труднее из-за их лучшей конспирации, а также в связи с использованием ими более традиционных способов ведения криминального бизнеса, — установление коррупционных связей с представителями правоохранительных органов, отмывание криминальных доходов и вкладывание денег в легальные сектора экономики. Шантаж и применение насилия сейчас применяется только в исключительных случаях. Эксперты насчитывают примерно 20 относительно крупных наркокартелей, действующих в Колумбии. Сколько существует относительно небольших ОПГ сказать сложно, в том числе потому, что многие политические движения Колумбии, как леворадикального, так и праворадикального направления, через своих представителей занимаются производством и продажей кокаина. Поэтому согласно расчетам криминологов производство кокаина в Колумбии выросло с 463 тонн в 2001 г. до 610 тонн в 2006 г. При этом число убийств в стране в период 1995–2011 составило 33,4 на 100 тысяч населения, и многие эти убийства прямо связаны с незаконным оборотом наркотиков.

Американские транснациональные преступные организации

Американская организованная преступность.

Организованная преступность в США не имеет собственного оригинального названия. Чаше всего ОПГ в США называют: «офис» (office), «семья» (famiglia), «предприятие» (outfit), «наше дело» (Il Nostro Business или La Cosa Nostra), «Национальный синдикат» (National Syndicate). Сложившаяся ситуация объясняется просто — Североамериканские Соединенные Штаты, как самостоятельное государство, складывалось путем превосходства силы, а не путем определения нормативных правил поведения. В лучшем случае эти нормативные правила поведения сначала устанавливались правом силы, а уже потом обретали формы законов. Во 2-й поправке Конституции США закреплено: «Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться».

Организованная преступность в США начала складываться конце XIX в. 15 октября 1890 г. в Но-

вом Орлеане был убит полицейский. В убийстве были обвинены эмигранты из Сицилии. В результате было арестовано более 100 человек, 19-ти из них предъявили обвинение в убийстве. Но вскоре всех сицилийцев отпустили из-за отсутствия доказательств. Возмущенные жители города устроили самосуд над ними (так называемый Суд Линча), уверенные, что в городе действует хорошо организованная банда. *(Внесудебная расправа над преступником (казнь осуществлялась гражданами через повешение) под названием «Суд Линча» получила соответствующее наименование в честь американской судьи Чарльза Линча, который практиковал превентивные меры в виде телесных наказаний преступникам без судебного следствия во время войны за независимость с Британией. Позже фермеры проигравшего в Гражданской войне Юга США начали практиковать казнь пойманым на месте преступления бывшим рабам, которые уничтожали их поселения из мести).* Из 19 первоначально арестованных человек, 2 были повешены гражданами Нового Орлеана, 9 были расстреляны, остальные 8 сумели скрыться.

После этого сицилийцы, многие из которых действительно были связаны с мафией, переселились в Нью-Йорк, где образовался целый квартал, названный Маленькой Италией. Здесь были образованы первые американские ОПГ, которые стали называть «семьями». Согласно данным Президентской Комиссии США по изучению организованной преступности, которая выступила перед журналистами на итоговом брифинге в 1986 г., существует более 20 подобных криминальных «семей», состоящих из выходцев из Италии (большой частью из Сицилии), объединяющих 1700 членов ОПГ. *(Одна из первых Президентских комиссий по организованной преступности работала еще в 1967 г., хотя формально изучала только проблемы гангстеризма).*

Однако нельзя утверждать, что организованная преступность в США образовалась исключительно из эмигрантов из Италии. Значительную роль в начале XX в. играли ОПГ, в которых доминировали евреи. Считается, что именно эти ОПГ первыми в США наладили незаконную торговлю наркотиками в качестве самостоятельного вида криминального бизнеса.

В то же время с еврейскими и итальянскими ОПГ конкурировали банды, состоящие из ирландцев, а также интернациональные банды, в которые входили выходцы из разных стран.

Наряду с национальным признаком формирования ОПГ в США всегда имел значение признак территории. В зависимости от ситуации эти при-

знаки либо дополняли друг друга, либо исключали друг друга.

Несомненно, расцвету организованной преступности в США способствовало принятие 17 декабря 1917 г. 18-й поправки Конституции, запрещающей производство, продажу, транспортировку спиртного внутри страны, импорт спиртного в страну или же экспорт из страны (так называемый «сухой закон»).

Кроме того, в 1922 г. в Италии власть захватил фашист Бенито Муссолини, который ввел на Сицилии военное положение. Многие члены мафии оказались в тюрьме, некоторые были расстреляны, остальные бежали в разные страны, в том числе в США. По времени эти два события удивительным образом совпали.

Таким образом, современная организованная преступность в США сложилась из сплоченных семейных банд, членами которых были эмигранты из Сицилии, которые первыми осознали возможности и перспективы нелегального оборота алкогольной продукции. При этом наладить подобный оборот можно было только создав хорошо структурированные преступные сообщества с точным разделением обязанностей каждого ее члена и организовав некое подобие криминального конвейера, где каждый собирает отдельный узел продукта и только директор видит все изделие целиком. Следовательно, отличие организованной преступности в США от организованной преступности в других странах заключается в том, что здесь с самого начала создавались сложные криминальные сообщества, по типу производственных предприятий, которые справедливо называют криминальными корпорациями. Американский криминолог Ларри Дж. Сигел правильно называет такую преступность – организованной производственной преступностью [7, с. 433].

В 1920-е годы произошло становление основных криминальных семей в США. Как и в других странах, этот процесс сопровождался криминальными войнами и поглощениями одних ОПГ другими. В результате в Нью-Йорке, как главном городе США, были созданы пять криминальных семей, между которыми было достигнуто соглашение о разделении сфер криминального влияния.

Основными видами криминальной деятельности, помимо незаконного оборота алкогольной продукции (бутлеггерство – bootlegging), в то время были: а) строительный бизнес; б) финансовые мошенничества, в том числе с пенсионными фондами и страховыми компаниями; в) картельные сговоры; г) внедрение в профсоюзное движение; д) контроль за азартными играми, прежде всего за

казино; е) киноиндустрия, в том числе весь шоу-бизнес; ж) отмывание и легализация криминальных доходов; з) рэкет.

Именно тогда в Чикаго появилась сеть прачечных самообслуживания, которая в США популярна до сих пор, и схема, благодаря которой добытые преступным путем деньги превращались в деньги, полученные, якобы, законным образом, т.е. грязные деньги были отмыты.

Организованная преступность в США с самого начала своего существования очень быстро реагировала на изменения в конъюнктуре криминального рынка. Как только был отменен сухой закон (18 поправка к Конституции США была отменена 5 декабря 1933 г.) криминальные семьи немедленно поставили под собственный контроль всю индустрию развлечений. Сразу после окончания Второй мировой войны организованная преступность в США занялась незаконным оборотом наркотиков. В течение долгого времени криминальные семьи были связаны с контрабандой кубинского сахара и даже построили на вырученные деньги огромные отели в Гаване, намереваясь превратить остров в одно большое казино. При этом крестные отцы ОПГ США были лично знакомы с диктатором Фульхенсио Батистой, и в этом смысле они продвигали интересы официальной политики США. Только кубинская революция и решительные действия Фиделя Кастро, который буквально в течение суток выгнал всех представителей американской организованной преступности из Кубы, не позволили осуществиться этим планам.

Однако, криминальные семьи сумели диверсифицировать свою деятельность и во многом на их преступные доходы был создан и процветает Лас-Вегас, как центр мировой индустрии развлечений. Между прочим, многие города в США построены на деньги, вложенные криминальными семьями.

Особенности организованной преступности в США связаны с постоянными нововведениями, своеобразными ноу-хау криминальной деятельности. Криминальные семьи США первыми в мире придумали как: а) получать криминальные сверхдоходы; б) налаживать устойчивые коррупционные связи с представителями правоохранительных органов и руководителями органов управления на разном уровне; в) отмывать и легализовывать криминальные капиталы; г) участвовать в лоббистской, в том числе политической деятельности; д) заниматься разведкой и контрразведкой. Не будет преувеличением сказать, что благодаря организованной преступности в США незаконный оборот наркотиков, незаконная торговля оружием, а также секс-индустрия превратились в самые

высокодоходные криминальные виды деятельности в мире. Строго говоря, организованная преступность в США сумела сделать из преступности широкомасштабный глобальный криминальный бизнес-проект. При этом по количеству членов, непосредственно входящих в ОПГ, организованная преступность в США является одной из самых малочисленных в мире.

Структура криминальной семьи в США может быть представлена следующим образом.

1. *Крестный отец* или *Дон* (*padrino*). Возглавляет всю криминальную корпорацию. Является ее мозговым центром. Ведет переговоры с руководителями других криминальных корпораций. Обеспечивает коррупционные связи с правоохранительными органами, чиновниками и политиками. Избирается голосованием.

2. *Руководитель (boss) объединения семей* (*saro di carì* или *saromafioso*). Обеспечивает контроль за определенным ему крестным отцом криминальным округом, в котором на разных территориях действовали, как правило, три семьи. Может избираться голосованием, может назначаться временно единоличным решением крестного отца.

3. *Младший босс* или *заместитель босса (руководителя)*. Назначается боссом. Несет ответственность за действия всех криминальных командиров и за действия подчиненных им рядовых бойцов. В случае ареста или смерти босса, обычно становится действующим боссом.

4. *Советник криминальной семьи (consigliere)*. Человек, посвященный в тайны семьи, к мнению которого прислушивается даже крестный отец. Выступает посредником при разрешении спорных вопросов, в том числе является формальным представителем от криминальной семьи для политических, профсоюзных деятелей или для полицейских, сотрудников ФБР и судей. Представляет также семью на встречах с другими криминальными семьями. Нередко консье́ры имеют хорошее образование и собственный легальный бизнес, например, адвокатскую контору.

5. *Руководитель* или *капо* боевого отряда (команды) семьи (*saro* или *saroregime* – капитан). Отвечает за определенный вид криминальной деятельности на определенной территории. Как правило, в криминальной семье насчитывается 6–9 боевых отрядов, в которые входят до 10 участников (солдат). Капо подчиняется боссу и младшему боссу. Капо назначается боссом по рекомендации младшего босса.

6. *Лейтенант (tenente)*. Является прямым помощником капо. Если капо арестовывают или он погибает, то лейтенант становится капитаном отряда.

7. *Солдат (regime)*. Входит в семью либо после обязательного испытания, например, убийства, совершенного по указанию босса, либо по рекомендации одного или нескольких капо. Назначается капо в определенный отряд.

8. *Соучастник (socio)*. Не входит в криминальную семью. Обычно выполняет функции внешнего разведчика и контрразведчика, а также посредника в криминальных сделках. Выступает в роли провокатора в профсоюзном движении, обеспечивает семью важной информацией о внутренних конфликтах в конкурирующей криминальной корпорации.

В американской организованной преступности еще существует термин гангстер (*англ.* – *gangster*). По поводу этимологии этого слова существуют различные точки зрения, от *gun* – пистолет, до *gang* – банда. В любом случае словом «гангстер» принято обозначать любого наиболее опасного представителя организованной преступности США.

Известны следующие криминальные семьи США: чикагская (иллинойская), кливлендская (огайская), даллаская (техасская), денверская (колорадская), детройтская (мичиганская), лос-анджелеская (калифорнийская), канзас-ситийская (миссурийская), милуокская (висконсинская), ново-английская, нью-джерсиская, ново-орлеанская (луизианская), северо-восточная (пенсильванская), филаделфийская (пенсильванская), питсбургская, сизтлская (вашингтонская), сент-луисская, тампская (флоридская) и криминальные семьи Нью-Йорка.

Наиболее влиятельными и одновременно наиболее опасными были пять криминальных семей Нью-Йорка.

В 1935 г. во многом из-за расцвета криминальной деятельности организованной преступности Эдгардом Джоном Гувером было создано Федеральное бюро расследований (ФБР), которое было призвано бороться с многочисленными бандами и возросшим числом ограблений банков на среднем западе США. Воспользовавшись сложной криминологической обстановкой, Гувер сумел добиться существенного расширения полномочий для ФБР, что позволило арестовать целый ряд известных гангстеров.

Одна из наиболее тайных страниц в истории организованной преступности США, это ее связь с ФБР и ЦРУ. Некоторые криминологи утверждают, что криминальные семьи Нью-Йорка причастны к планировавшемуся в ЦРУ убийству Фиделя Кастро. Не все очевидно с убийством Президента США Джона Кеннеди 22 ноября 1963 г. в Далла-

се. Существует никем не опровергнутая версия, что это убийство явилось результатом совместной операции ФБР и организованной преступности.

Интерес к американской организованной преступности обусловлен не только новыми видами и формами ее деятельности, но теми законодательными решениями, которые в США принимаются против нее.

В 1951 г. сенаторы США (Верхняя палата Конгресса) инициировали показ по телевидению истории преступлений, совершенных организованной преступностью. В 1953 г. ФБР начало реализацию программы по сбору информации о деятельности организованной преступности в США. 20 января 2011 г. прокуроры Министерства юстиции США предъявили 16 обвинительных заключений в отношении боссов американских ОПГ. Было арестовано больше 110 руководителей криминальных семей.

Одним из самых заметных и наиболее действенных механизмов борьбы против организованной преступности не только в США, но и во всем мире стал принятый 15 октября 1970 г. Федеральный закон *The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act*, сокращенно — закон RICO. Закон формально направлен против инвестирования полученных от рэкета капиталов в легальный бизнес [8]. В действительности сфера его применения была расширена, и вскоре он стал применяться как закон, направленный против всей организованной преступности. Закон RICO направлен на преследование не только отдельных физических лиц, но и на преследование организаций, связанных с ОПГ. Наказания, предусмотренные законом, являются более строгими, по сравнению с аналогичными наказаниями за преступления, совершенные вне действий ОПГ. Пользуясь этим, прокуроры вынуждают представителей организованной преступности идти на сотрудничество со следствием в обмен на свидетельские показания против крестных отцов и боссов криминальных семей.

В результате целенаправленной борьбы с организованной преступностью в США криминальным семьям нанесен существенный ущерб. Босс семьи Бонанно с 2013 г. находится в тюрьме. Один из боссов наиболее влиятельной в криминальном мире семьи Нью-Йорка убит 13 марта 2019 г. Другой босс Нью-Йоркской криминальной семьи отбывает пожизненное тюремное заключение. Один из последних боссов Нью-Йоркской семьи осужден в 2017 г. и также отбывает наказание.

Вместе с тем, организованная преступность в США продолжает функционировать. Обуслов-

лено это прежде всего тем, что здесь сосредоточены все финансовые инструменты, которые определяют направления мирового экономического развития.

С большой долей вероятности можно предположить, что организованная преступность США либо установила, либо пытается установить контроль за объектами интеллектуальной собственности, а также за всеми элементами цифровой экономики в мире. Это сулит не только получение огромных криминальных доходов, но и неиссякаемый источник важной информации, которую можно продавать и которую можно использовать для шантажа и рэкета.

Основные формы организованной преступности в США могут быть представлены в следующем виде.

1. Зарубежные филиалы наркокартелей. Обеспечивают отчеты о наркотрафике перед своими руководителями. Самостоятельной роли не играют.

2. Русская организованная преступность (так называемая «русская мафия»). Первые сообщения о русской организованной преступности в США начали поступать в 1994 г. В 2008 г. сотрудничество между русской мафией и криминальными семьями было оформлено специальным соглашением. Под контроль русской мафии были переданы некоторые небольшие грузовые перевозки. Русская мафия (объединения русскоговорящих преступников) насчитывает около 300 тысяч человек и является третьей преступной организацией в мире, после итальянской и китайской организованной преступности.

3. Латиноамериканская организованная преступность. Тесно связана с наркокартелями, но имеет собственное влияние и значение, особенно в южных штатах, где количество представителей испаноговорящего населения с каждым годом неуклонно возрастает.

4. Арабская организованная преступность. На сегодняшний день связана с политическим терроризмом. Но можно предположить, что в ближайшее время будет переориентирована на сугубо криминальные виды деятельности.

5. Криминальные семьи. Все в большей степени становятся интернациональными и назвать их исключительно итальянскими вряд ли теперь возможно.

Мексиканские транснациональные преступные организации

Мексиканская организованная преступность. Мексиканская ТНПО занимается следующими видами криминального бизнеса: а) незаконной торговлей наркотиками; б) незаконной торговлей

оружием; в) контрабандой контрафактных товаров; в) незаконным перемещением нелегальных мигрантов в США; г) секс индустрией, в том числе сексуальным туризмом для бизнесменов с участием несовершеннолетних мексиканок; д) рэкетом; е) махинациями в области телекоммуникационной связи; ж) похищением людей и работоторговлей.

Особенностью мексиканской организованной преступности является объединение ОПГ в крупные криминальные картели. Именно картели и являются сегодня ТНПО в Мексике.

Наиболее доходным для мексиканских ТНПО является бизнес по нелегальной торговле наркотиками. Мексика является естественным перевалочным центром наркотрафика со всех стран мира в США.

Криминальный бизнес, связанный с незаконным оборотом наркотиков, сложился в Мексике вскоре после окончания Второй мировой войны. Мексиканские фермеры из штата Синалоа (Sinaloa – официальное название Свободный и Суверенный Штат Синалоа) вдруг поняли, что выращивать марихуану значительно проще и главное выгоднее, чем сельскохозяйственные продукты. В 1960-х годах в Мексике стали культивировать кустарники коки. В 1980-х годах Мексика стала крупнейшим перевалочным пунктом для колумбийских наркокартелей. После ликвидации основных колумбийских наркокартелей Мексика обрела статус единственного пути для доставки кокаина в США. В настоящее время мексиканские криминальные картели являются монополистами поставок кокаина в США. Сеть мексиканских ОПГ покрыла все южные регионы США и проникает дальше на север. В наше время, благодаря мексиканским криминальным картелям, США занимает первое место в мире по употреблению кокаина и марихуаны. Руководители мексиканских криминальных картелей зарабатывают от 25 до 40 миллиардов долларов США в год. 30% сельскохозяйственных предприятий Мексики, особенно расположенных вблизи с границей США, занимаются выращиванием наркосодержащих культур. Почти 90% кокаина, потребляемого в США, идет через Мексику.

Криминальный бизнес, связанный с похищением людей с целью получения выкупа, является для мексиканских ТНПО вторым по доходности после торговли наркотиками. Согласно данным криминологов в Мексике 0,9 случаев похищений на 100 000 населения. Мексика занимает первое место в мире по количеству совершений такого рода преступлений. Криминальные картели организовано похищают: бизнесменов, политиков,

представителей других картелей, и даже туристов. Выкуп может составлять от 3–5 тысяч до сотен тысяч и даже до миллиона долларов США. Особая опасность этих преступлений заключается в том, что похищенных людей освобождают крайне редко. Обычно криминальные картели, получив деньги, убивают похищенных людей, причем перед этим жертвы подвергаются издевательствам и пыткам.

В Мексике действует пять крупных криминальных картелей. Удивительно, но в их распоряжении имеется тяжелое вооружение, включая танки, бронетранспортеры и вертолеты. Фактически это относительно небольшие Вооруженные силы, не подчиняющиеся правительству. Солдатами криминальных картелей становятся представители безработной молодежи, деклассированные элементы из трущоб. В период с 2000 по 2006 г. из мексиканской полиции и Вооруженных сил уволилось около 100 тысяч человек. Криминологи уверены, что все они пополнили ряды криминальных синдикатов. Более того, утверждается, что некоторые боевые отряды картелей целиком состоят из бывших бойцов мексиканского спецназа GAFE (Grupo Aeromovil de Fuerzas Especiales). Кроме того, никто не знает, сколько среди действующих сотрудников полиции и Службы федеральной защиты Мексики секретных информаторов криминальных картелей. Один из руководителей криминального картеля цинично заявил, что победить их невозможно, поскольку они знают, как работают власти, а об их работе никто ничего не знает.

А.И. Коробеев и Д.В. Лобач говорят, что в 1980-х годах и вплоть до начала XXI в. мексиканские криминальные синдикаты представляли собой сложные вертикальные организации с бюрократической моделью управления. В XXI в. эти организации трансформировались в сетевые сообщества, состоящие из различных ОПГ, которые выполняют строго определенные задачи, но при этом обладают большой свободой выбора вариантов криминальной деятельности. Ключевые решения принимаются коллегиально лидерами ОПГ, а должность главного лидера во многих картелях исчезла. Сетевая организация картелей является более эффективной, поскольку физическое уничтожение или арест лидера ОПГ не ведет к ее ликвидации.

Структура мексиканских криминальных картелей, таким образом, по мнению А.И. Коробеева и Д.В. Лобача, выглядит следующим образом.

1. *Национальные криминальные картели.* Являются наиболее опасными криминальными ор-

ганизациями, преступная деятельность которых охватывает большую часть страны. Их основной криминальный доход образуется за счет сборов с промежуточных и региональных картелей. Они осуществляют контроль за движением наркотиков по определенным внутригосударственным и транснациональным маршрутам. Ведут постоянные войны с другими картелями за северные территории, которые граничат с США. Осуществляют диверсификацию преступной деятельности.

2. *Промежуточные или региональные криминальные картели.* Большую часть доходов получают в результате постоянных сборов с локальных (местных) ОПГ. Незаконный оборот наркотиков является главным видом их криминальной деятельности. Занимаются в основном транспортировкой наркотиков в другие части страны, в первую очередь в США. Действуют самостоятельно и формально не подчиняются другим организациям. В то же время вынуждены отдавать часть прибыли картелям.

3. *Локальные ОПГ.* Несмотря на название, их криминальная деятельность простирается от нескольких смежных населенных пунктов до нескольких государств. Выступают в роли дистрибьюторов наркотиков при взаимодействии с региональными и национальными картелями. Могут являться структурными ячейками более крупных картелей, а могут выступать в собственном качестве относительно самостоятельных ОПГ. Фактически являются представителями национальных картелей с расширенными полномочиями по доведению наркотиков до потребителей и взаимодействию с другими ОПГ. Кроме этого, оказывают определенные криминальные услуги крупным картелям в части участия в конфликтах, обеспечения охраны определенных маршрутов движения наркотиков, сбора и предоставления информации, т.е. выполняют функции разведки [9].

Как и везде, между мексиканскими криминальными картелями происходит перманентная борьба за сферы влияния. Видимо, по этой причине картели объединились и сегодня представляют два больших враждующих между собой клана. В этой борьбе используются самые изощренные криминальные способы. Например, пойманных боевиков из противоположного клана жестоко убивают, расчлениают, а затем части тела подбрасывают в ночные развлекательные клубы, рестораны и торговые центры. Практикуются также массовые похищения членов семей боевиков и даже руководителей картелей, включая детей.

В 1996 г. в Мексике были внесены изменения в Конституцию с тем, чтобы руководителей мексиканских криминальных картелей можно было экстрадировать в США.

В 2006 г. Президент Мексики достиг соглашения с Президентом США об организационной и финансовой помощи и объявил о начале антикриминальных операций против криминальных картелей. С 2006 по 2012 г. в Мексике шла полномасштабная гражданская война с применением тяжелой боевой техники и авиации. В результате правительственным войскам удалось занять крупные населенные пункты вдоль границы с США и привлечь к административной и уголовной ответственности полицейских, уличенных в связях с картелями. Были конфискованы тонны кокаина, тысячи единиц оружия и миллиарды наличных долларов США. Основные известные руководители картелей были либо убиты, либо арестованы. Некоторые из них эмигрировали из страны. Одновременно были увеличены размеры заработной платы военным и полицейским. Считается, что эти меры нанесли криминальным картелям серьезный урон. При этом за шесть лет противостояния с обеих сторон погибли более 45 тысяч человек.

Аресты лидеров мексиканских ТНПО происходят регулярно. Так, 12 января 2010 г. в штате Нижняя Калифорния был пойман один из самых разыскиваемых главарей мексиканских наркокартелей. В 2012 г. был арестован другой лидер криминального картеля.

Насколько все эти меры имеют продолжительный эффект, можно судить по тому, что в 2016 г. более 30 тысяч мексиканцев пропали без вести. Большая часть из них пропали в местах, которые традиционно контролируют криминальные картели.

Более того, отправленный в 2005 г. в тюрьму руководитель одного картеля, продолжал, как выяснилось позже, полностью контролировать подчиненные ему ОПГ. После того, как в январе 2008 г. в городе Кульякан (столица штата Синалоа — родины мексиканских криминальных картелей) арестовали еще одного лидера криминального картеля, был убит комиссар федеральной полиции Эдгар Эусебио Миллано Гомес. На этом боевики картелей не остановились. В столице Мексики Мехико они убили еще несколько высокопоставленных чиновников. Затем они прикололи к двери мэрии список из 17 полицейских офицеров, которых картель приговорил к смерти. Спустя несколько месяцев десять из них были убиты. В начале февраля 2009 г. был похищен и убит

после истязаний и пыток один из самых популярных мексиканских военных – генерал в отставке Мауро Энрике Тельо Кинонес.

Пабло Родригес, который считается одним из специалистов по изучению мексиканских криминальных картелей, признается, что у него нет иллюзий по поводу победы официальных структур над ними в ближайшее время. «Есть только одно средство, которое, к счастью, никогда не будет применено, – печально пошутил Родригес. – Сбросить атомные бомбы на Веракруз, Тобаско, Кампече, два десятка других мексиканских городов, а также на Колорадо, Детройт, Техас, Калифорнию и Нью-Джерси, – только в этом случае криминальные картели перестанут функционировать».

В этой черной шутке содержится признание масштабов распространения деятельности мексиканской организованной преступности.

Другие современные ТНПО

Нигерийская организованная преступность. Появилась в начале 1980-х годов, вследствие глобального экономического кризиса в стране. В Нигерии в тот период произошло падение цен на нефть, что серьезно повлияло на дезорганизацию экономики страны.

Нигерийские ОПГ специализируются на незаконном обороте наркотиков и разного рода мошеннических операциях. Криминологи утверждают, что нигерийские ОПГ находятся на втором месте по ввозу героина в США, уступая по объему лишь китайским триадам. Кроме того, они занимаются: а) вымогательством; б) мошенничеством; в) подделкой кредитных карт и других финансовых документов; г) подделкой различных удостоверений для получения социальных льгот; д) мошенничествами со страховыми выплатами; е) организацией нелегальной проституции, причем в разных странах, включая, например, Японию.

Наиболее известными способами мошенничества нигерийских ОПГ является рассылка так называемых «нигерийских писем счастья». В этих письмах сообщается о неожиданном наследстве, которое досталось получателю письма. Для получения наследства на выставленный счет необходимо перечислить определенную сумму в качестве, якобы, налогового платежа.

Вьетнамская «Змея». Имеет исторические корни и разветвленную сеть по всему миру, чему способствовала миграция вьетнамцев в результате многолетней войны Северного и Южного Вьетнама при активном участии США. Представляет собой хорошо структурированные ор-

ганизации, причем структура отличается в зависимости от вида криминальной деятельности. Например, ОПГ, занятые в сфере торговли, состоят из: 1) «зан ден» (черные люди) – мелкие торговцы; 2) «тю ханг» (хозяева товара, хозяева рынка и хозяева общежитий) – оптовые торговцы; 3) «сахой ден» (теневое общество) – люди, занимающиеся легализацией полученных в результате криминальной деятельности доходов; 4) «зить ву» (услуги) – люди, занимающиеся установлением коррумпированных связей с чиновниками.

«Вьетнамская змея» имеет хорошо налаженные международные связи с ОПГ практически во всех странах мира, включая, например, США, Австралию, Россию, Корею, в том числе Северную Корею. Вьетнамские ОПГ эффективно сотрудничают с китайскими триадами.

Косовские и албанские преступные организации. Не имеют единого руководящего органа управления. Катализатором их формирования и чрезвычайно быстрого распространения по всему миру стала гражданская война в Югославии, в том числе межэтническая война в Косово. Албанские ОПГ наладили безопасный транзит героина через зону боевых действий из Турции в Европу. При этом представители албанских ОПГ воспользовались возможностью получения статуса беженцев и массово расселились сначала в Германии и Швейцарии, а затем и в других европейских странах. Таким образом, была образована албанская ТНПО, специализирующаяся сначала на транспортировке, а затем и на производстве и продаже героина в Европе (первоначально) и в США (в настоящее время).

Помимо незаконного оборота наркотиков албанские и косовские ОПГ занимаются торговлей людьми, нелегальной проституцией и незаконной торговлей оружием. Согласно данным криминологов албанские и косовские ОПГ вовлекают в нелегальную проституцию молдаванок (62%), румынок (19%), украинок (9%), болгарок (8%). Жертв этого криминального бизнеса перепродают от 3 до 6 раз. Из-за того, что в Албании было накоплено огромное количество, прежде всего, стрелкового оружия, в настоящее время косовские и албанские ОПГ наладили эффективные пути и способы его нелегальной продажи по всему миру.

Вывод

Таким образом, основные ТНПО в мире, несмотря на внешние различия, в том числе обусловленные национальными особенностями и функционированием на определенной терри-

тории, имеют значительно больше общих черт, чем различий.

Среди этих общих черт можно назвать следующие:

- 1) вертикальная структура организации;
- 2) насаждение определенной криминальной субкультуры (солидаризируясь с философами, называю это — антикультурой);
- 3) мифологизация и криминальная романтизация деятельности;
- 4) наличие харизматического лидера;
- 5) криминальный бизнес и получение нелегальных сверхдоходов.

Вместо заключения.

Русская организованная преступность за рубежом (русская мафия)

Первые публикации о русских ОПГ появились в США в 1980-е годы. Представители американских правоохранительных органов заявили, что русские ОПГ буквально за несколько лет сумели встроиться в организованную преступность США и занять в ней заметную нишу. Более того, всерьез высказывалось предположение, что проникновение русских ОПГ в США и в другие страны мира, это был тайный проект Комитета государственной безопасности СССР с целью подорвать экономику и социальный строй западных стран.

В ряду многочисленных мистификаций о ТПНО, мистификация о русской мафии не является исключением из общих правил. Прежде всего необходимо отметить, что русская мафия в действительности представляет собой относительно самостоятельные ОПГ, в которых как отдельно, так и вместе действуют представители всех бывших республик Советского Союза. Всех их объединяет только то, что они говорят преимущественно на русском языке. В действительности русская мафия — одна из самых интернациональных по своему этническому составу организованная преступность. Кроме того, в русской мафии никогда не было ни семейных кланов, ни родственных связей, как основы построения ОПГ. Наконец, русские представители криминальных организаций действовали в США наряду с другими преступниками задолго до 1980-х годов. Их влияние на развитие организованной преступности в США обусловлено малочисленностью эмигрантов из России, а также их специфическим составом, поскольку в отличие от представителей других стран, в США из России уезжали люди, добившиеся успеха на родине, с хорошим образованием и часто с новыми прорывными идеями в области высоких технологий. Никакой необ-

ходимости заниматься криминальными видами деятельности, чтобы выживать, у них не было. Втягивание в криминальную деятельность было либо вынужденное (оказание услуги, просьба близких друзей), либо по неосторожности (использование «в темную»).

О современной русской мафии слагаются целые легенды. Их авторами являются, как обычно, представители правоохранительных органов. Например, руководитель отдела по борьбе с организованной преступностью при Генеральном прокуроре Мексики Луис Васконселос в свое время утверждал, что русские преступники являются криминальными профессионалами и чрезвычайно опасны. Глава отдела разведки американской Федеральной администрации по борьбе с наркотиками Стивен Кастил говорил, что русская мафия помогает мексиканской организованной преступности отмывать криминальные доходы. При этом, по его словам, за этот вид криминального бизнеса они получают не менее 30% от вырученных средств. Операции по отмыванию криминальных доходов русская мафия проводит в офшорных зонах на Гаити, на Кубе, в Доминиканской республике и Пуэрто Рико. Кроме этого, русская мафия обеспечивает транспортировку крупных партий наркотиков, которые они переправляют в США сухопутным путем из Мексики и морским путем из других стран.

Стивен Кастил делает правильные выводы, что русская мафия окрепла в результате процессов глобализации. Способствует этому криминальный опыт и традиции преступников из России. В отличие от других, члены «русских» ОПГ молча делают криминальные дела и стараются без необходимости не попадаться на глаза представителям правоохранительных органов. Они перестали носить золотые цепи и пиджаки яркой расцветки (атрибут русских преступников 1990-х годов) и не совершают жестоких и демонстративных убийств. Криминолог из университета Майами Брюс Бейгли в то же время утверждает: «Но не стоит их недооценивать. Эти ребята — самые жестокие люди, которых вы себе только можете представить».

Однако преувеличивать роль и значение русской мафии среди других ТПНО нет никаких оснований. Очевидно, что в современных условиях, вскоре может возникнуть любая другая ОПГ, которая будет характеризоваться принадлежностью к какой-либо этнической группе из абсолютно любого уголка мира, и со временем, следуя проверенным правилам и традициям криминальной деятельности, дорастет до масштабов ТПНО.

Литература

1. Ланд П. Организованная преступность: тайная история самого прибыльного бизнеса в мире. М.: АСТ, 2005. 192 с.
2. Дикки Д. Cosa Nostra: история сицилийской мафии. М.: Эксмо, 2007. 528 с.
3. Мальцев О.В. Обманчивая тишина. Днепр: Середняк Т.К., 2018. 154 с.
4. Синь Янь, Яблоков Н.П. Борьба с мафией в Китае. М.: Норма, 2006. 192 с.
5. Сюй Кай. Организованная преступность и борьба с ней в КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010. 200 с.
6. Зарипов З.С., Мацкевич И.М. Наркотики в России и во всем мире. М.: Элит, 2009. 327 с.
7. Larry J. Siegel Criminology. 2006. 698 с.
8. Сокол Е.В., Сокол Ю.В. Особенности борьбы с организованной преступностью в США // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1. С. 37–41.
9. Коробеев А.И., Лобач Д.В. Мексиканская организованная наркопреступность в XXI веке: состояние, структура, тенденции развития // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 177–184.
10. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2017. № 4. С. 69–77.

References

1. Land P. Organizovannaja prestupnost': tajnaja istorija samogo pribyl'nogo biznesa v mire [Organized crime. The secret history of the world's most profitable business]. Moscow, AST Publ., 2005. 192 p. (In Russian)
2. Dikki D. Cosa Nostra: istorija sicilijskoj mafii [Cosa Nostra: A History of the Sicilian Mafia]. Moscow, Jeksmo Publ., 2007. 528 p. (In Russian)
3. Mal'cev O.V. Obmanchivaja tishina [Deceptive silence]. Dnepr, Serednjak T.K. Publ., 2018. 154 p. (In Russian)
4. Sin' Jan', Jablokov N.P. Bor'ba s mafiej v Kitae [Fighting the mafia in China]. Moscow, Norma Publ., 2006. 192 p. (In Russian)
5. Sjuj Kaj Organizovannaja prestupnost' i bor'ba s nej v KNR [Organized crime and the fight against it in the PRC]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Vladivostok, 2010. 200 p. (In Russian)
6. Zaripov Z.S., Mackevich I.M. Narkotiki v Rossii i vo vsem mire [Drugs in Russia and around the world]. Moscow, Jelit Publ., 2009. 327 p.
7. Larry J. Siegel Criminology. 2006. 698 p. (In English)
8. Sokol E.V., Sokol Ju.V. Osobennosti bor'by s organizovannoj prestupnost'ju v SShA [Features of fight against organized crime in the USA]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA], 2015, no. 1, pp. 37–41. (In Russian, abstract in English)
9. Korobeev A.I., Lobach D.V. Meksikanskaja organizovannaja narkoprestupnost' v XXI veke: sostojanie, struktura, tendencii razvitija [XXI century organized crime in Mexico: situation, structure, development trends]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology], 2014, no. 2, pp. 177–184. (In Russian, abstract in English)
10. Matskevich I.M. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost': ponyatie i priznaki [Transnational organized crime: concept and signs]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Bulletin of Moscow University. Series "Law"], 2017, no. 4, pp. 69–77. (In Russian, abstract in English)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ГЕРМАНИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА

Овчинникова Елизавета Олеговна

***Цель:** рассмотреть «концептуальный» подход в борьбе с экстремизмом, практикуемый разными государствами, в данном случае, Германией. Разобрать, каким образом можно организовать работу государственных и общественных институтов для отслеживания и сдерживания данного негативного явления.*

***Методология:** диалектический метод, социологический метод, лингвистический анализ, системно-структурный анализ, синтез.*

***Выводы.** В современной Германии, так же как в ряде других стран, сегодня очень остро стоит проблема экстремистских движений, которые стали перманентной угрозой для жизнедеятельности общества. Задачи государства в данной области можно условно разделить на три группы: 1) выявление и прекращение экстремистской деятельности; 2) «дерадикализация» преступников, занимающихся данным видом деятельности; 3) профилактика распространения радикальных идей среди обычных граждан.*

В числе различных методов и средств, используемых в последней группе, можно выделить «концептуальный» подход, который часто проявляется в государственно-политическом дискурсе (зд. информационное пространство, включая его субъекты). Такой подход направлен на формирование у людей национальной идеологической базы, на когнитивном уровне исключаяющей или сокращающей степень доверия другим идеологиям, в особенности провоцирующим вражду и насилие.

***Научная и практическая значимость.** Эффективность реализации данного подхода трудно определить в отрыве от остального комплекса превентивных мер, так как подход проявляется в определенной формулировке содержания различных информационных материалов. Также существует проблема определения временных границ, в пределах которых можно ожидать заметный результат, потому что восприятие человеком идеологии и реакция на нее сугубо индивидуальны и зависят от большого количества факторов. Однако данный подход заслуживает внимания вследствие его широкой практикуемости во всем мире, в частности, в Германии.*

***Ключевые слова:** экстремизм, концептуальный подход, дерадикализация, идеология, превентивные меры, государственная система, либеральная демократия, распространение пропаганды, вербальное воздействие, государственно-политический дискурс, зарубежная практика.*

Проблема экстремизма — это социально-политическая проблема, заключающаяся в стремлении человека или группы лиц противостоять существующим государственным реалиям с целью разрушить их частично или полностью. Деятельность можно считать экстремистской в том случае, если в процессе ее осуществления используются насильственные, противозаконные способы и методы.

Следует предположить, что принятие экстремистской идеологии происходит под влиянием

вербального воздействия информационно-пропагандистских материалов на эмоционально-психический фон человека. Нельзя сказать, что политические системы общества и уровень благосостояния населения оказывает решающее влияние на распространение экстремизма внутри государства, потому что события последних лет указывают на адаптивность данного явления как к уязвимым, так и обеспеченным слоям населения разных стран. Однако формы проявления экстре-

мизма все же неизбежно соответствуют политическому, социальному и культурному состоянию определенного государства и во многом определяются им. Стоит учитывать и то обстоятельство, что уровень развития технологий распространения идей и материалов экстремистского характера прямо пропорционален уровню развития определенного общества, а это замедляет процесс выявления и типизации закономерностей в применении мер «дерадикализации» и особенно усложняет проработку экстремизма в высокоразвитых государствах. Ведь чем больше нитей социальных взаимоотношений пронизывают общество, тем, с одной стороны, сложнее рассматривать каждую из них по отдельности, а с другой, в этом возникает все больше необходимости.

В данной статье автор делает попытку рассмотреть концептуальный подход в борьбе с экстремизмом, актуализируемый германским правительством. Центральная роль «концептуального» подхода заключается в идее, шире – идеологии, создаваемой и распространяемой государством в целях формирования базового и оценочного комплекса убеждений граждан.

Так, работая именно с субъективным мировоззрением, реализаторы программ по предупреждению экстремизма и «дерадикализации» отдельных субъектов стремятся заменить разнородные экстремистские тенденции мышления на единую либерально-демократическую. Следует оговориться, что «прививание» гражданам Германии либерально-демократической системы ценностей – это непрерывный процесс, который начался после Второй мировой войны в ФРГ (Западная Германия) и затем распространился на бывшую ГДР (Восточная Германия) после воссоединения страны в 1990 г. (менее явно это происходило и ранее). Демократизация коснулась всех общественных институтов, и сегодня ее «защита», «сохранение» и «распространение» являются приоритетными задачами государственной и массмедийной политики. Сдерживание экстремизма является лишь одной из многочисленных областей применения пропаганды либеральной демократии в контексте национальной политики, где либерализм – идеология, а демократия – политический режим государства.

Что включает в себе система либеральных ценностей? Среди различных трактовок можно выделить самоценность личности, наличие у нее неотъемлемых прав, свобод и других благ, равенство людей перед Законом и друг перед другом. Признание указанных установок и неуклонное следование им уже исключает возможность парал-

лельной практики экстремистской деятельности и любой другой формы насилия. Однако именно государство можно считать источником «легитимного» насилия, что было отмечено в очерке Макса Вебера «Политика как призвание и профессия» [1, с. 646]. В демократическом обществе оно применяется для контроля исполнения гражданами их обязанностей, сопутствующих их правам. Несмотря на естественность данного механизма, применение демократическим государством «законного насилия» во многих случаях может быть оспорено общественным мнением и стать синонимом покушения на Конституционные права граждан, что породит в обществе скептические настроения по отношению к существующему законному порядку вещей.

Когнитивная и моральная коллизия, вызываемая несоответствием теоретической основы идеологии и ее практического применения в условиях современной нестабильной государственной политики Германии в вопросах национального самоопределения, миграции, семейных отношений и пр., часто становится причиной появления девиантных экстремистских течений, целью которых якобы является восстановление «справедливости». Однако истинным мотивом экстремистов чаще всего становится продвижение своих материальных интересов и/или стремление к деструкции.

Несмотря на образовавшееся противоречие, либерально-демократическая система убеждений сохраняет роль идеологического оплота пестрого немецкого общества. Данный феномен формируется и поддерживается, в частности, высокой частотностью использования определенной терминологии в официальном дискурсе.

Например, в Германии существует Федеральная служба защиты Конституции (нем. Bundesamt für Verfassungsschutz, BfV), в полномочия которой входит выявление и нейтрализация экстремистских и террористических объединений и борьба со шпионажем. В должностной инструкции ведомства (*Amtsleitung // Bundesamt für Verfassungsschutz. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/de/das-bfv/amsleitung> (дата обращения: 05.02.2020)*) указана обязанность охранять страну, население и либерально-демократический порядок (*Freiheitliche demokratische Grundordnung*). В глоссарии BfV можно найти пояснение последнего термина, в котором акцент ставится на незыблемости высших принципов демократии, которые лежат в основе жизни государства и определяют законы федерального и локальных уровней. Далее перечисляются семь положений, состоящей из общей информации о наличии у людей прав, контроля

за властью и недопущению произвола с любой стороны. (*Glossar // Bundesamt für Verfassungsschutz. URL: https://www.verfassungsschutz.de/de/service/glossar/_1F#freiheitliche-demokratische-grundordnung (дата обращения: 05.02.2020)*).

Ведомство также публикует годовые отчеты (Verfassungsschutzbericht), где определяет себя как «незаменимый инструмент оборонительной демократии» (Verfassungsschutz – ein unverzichtbares Instrument der wehrhaften Demokratie) и ставит данную формулировку в оглавление введения доклада [2, с. 13–14]. В докладе приводится длинный список незаконных объединений и их характеристики, классифицируемых следующим образом:

Политически мотивированная преступность (Politisch motivierte Kriminalität (PMK));

Правый экстремизм (Rechtsextremismus);

«Рейхсбюргеры» и «Самоуправленцы» («Reichsbürger» und «Selbstverwalter»);

Левый экстремизм (Linksextremismus);

Исламизм / Исламистский терроризм (Islamismus/islamistischer Terrorismus);

Угрожающие безопасности и экстремистские тенденции иностранных граждан (кроме исламизма) (Sicherheitsgefährdende und extremistische Bestrebungen von Ausländern (ohne Islamismus));

Шпионаж и иная разведывательная деятельность (Spionage und sonstige nachrichtendienstliche Aktivitäten);

Охрана конфиденциальной информации и противодиверсионная защита (Geheim- und Sabotageschutz);

Сайентологические центры («Scientology-Organisation» (SO)).

Всему разнообразию запрещенных общественно-политических организаций и военизированных формирований противопоставлен демократический общественный порядок, о котором в одном только введении доклада упоминается 21 раз, включая верхний колонтитул [2, с. 14–21]. Всего термин «демократия» и производные от него слова встречаются в 388-страничном тексте 145 раз. Определенная доля употребления является составляющей названий группировок (например, ультраправая партия, признанная экстремистской, Nationaldemokratische Partei Deutschlands (NPD)). Однако в контексте доклада читателям дается понять, что такое использование данного термина неприемлемо и является одной из форм очернения демократических ценностей.

Посредством повтора определенных языковых единиц институтом исполнительной власти, которому большая часть населения страны доверяет, подсознательно формируется ассоциа-

тивная система эмоциональных предпочтений, определяющая систему устойчивых рациональных, сознательных убеждений. Таким образом, человек оказывается под контролем определенной идеологии, в данном случае либерально-демократической. Контроль настроений масс делает возможным управление «контекстом и моделями событий участников общества» [3 с. 293], то есть становится реальным создание, инициирование значимых событий (конференции, форумы, социальные программы, фестивали, дебаты, митинги, благотворительные акции и т.д.), подготовка отчетности: фиксация и интерпретация события в общедоступных ресурсах и ожидание предусмотренной, «просчитанной» реакции-результата.

Закономерно возникают вопросы: что дает возможность органам власти Германии эффективно использовать термины «демократия», «либерализм» и пр. и их дериватов в качестве регулятивного инструмента, если фактически либерально-демократическая идеология неоднозначно реализуется во многих общественных ситуациях и где-то даже оказывается явно несостоятельной и противоречивой? Как на самом деле следует трактовать «демократический» и недемократические общественные явления? От ответов на эти вопросы зависит понимание логики, которой руководствуются в процессе реализации программ по «дерадикализации» потенциальных экстремистов и профилактики данного явления.

Над феноменом диффузности, размытости смыслового содержания некоторых популярных слов размышлял психолог и социолог Г. Лебон в труде «Психология народов и масс». Ученый отмечал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл. Между тем, в них, несомненно, заключается сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию» [4, с. 159]. Действительно, объемность и расплывчатость семантического контура способна становиться особенно заметной в политическом дискурсе, в дебатах и мотивационном письмах. В этом случае выделяют «диффузность семантики как стратегию» [5, с. 41], поскольку размытость, неопределенность значения слова

позволяет обогащать интерпретациями его актуализуемый в определенном контексте смысл. Это является широко используемой техникой в рамках убеждающей риторики.

Из этого предположения можно сделать вывод, что при многократном введении в официальный дискурс данной терминологии не предполагается ее однозначная трактовка, но допускается индивидуальная. Целью подобной вербальной манипуляции становится создание у реципиентов чувства сопричастности к нечеткому, однако «правильному» и «справедливому» целому, которое государство совместно с его гражданами должны поддерживать для обретения социальной гармонии или максимальному приближению к ней. Так как для каждого понятие гармонии и безопасности сугубо субъективно (не считая удовлетворения базовых потребностей), то и форму выражения поддержки люди начинают искать вначале на интуитивном уровне. Важнее всего обретение индивидом интенции к ее выражению. Предложение конкретных форм реализации стремления отдельного человека помочь окружающему миру становится задачей государства и крупных общественных организаций, которые, однако, часто субсидируются государством.

Так, Федеральное правительство Германии (Bundesregierung) составило отдельную стратегию по предотвращению экстремизма и продвижению демократии (Strategie der Bundesregierung zur Extremismusprävention und Demokratieförderung). Под «продвижением демократии» германские власти понимают предложения, структуры и процедуры, которые укрепляют демократическое мышление и деятельность, способствуют демократической политической культуре, основанной на Конституционных ценностях, и стимулируют соответствующие образовательные процессы и формы участия [6, с. 11]. Комплексный план профилактики экстремизма состоит из следующих пунктов:

- политическая грамотность, межкультурное обучение и демократическая работа (Politische Bildung, interkulturelles Lernen und Demokratietarbeit);
- вовлеченность граждан (Zivilgesellschaftliches Engagement);
- консультирование, контроль и вмешательство (Beratung, Monitoring und Intervention);
- СМИ и интернет (Medien und Internet);
- научное исследование (Forschung);
- международное сотрудничество (Internationale Zusammenarbeit).

Примечательно, что в 62-страничном буклете термин «демократия» и образованные от него слова встречаются уже 232 раза.

В секции «Politische Bildung» перечислены основные цели работы правительства: внедрение инновационных подходов в педагогическую практику; приобретение навыков поведения в конфликтных ситуациях в контексте плюрализма факторов; объяснение политических ситуаций и стимулирование готовности к политическому сотрудничеству; укрепление демократического сознания и понимания демократических ценностей и прав человека [6, с. 19]. Координирующим органом данной деятельности является Федеральное агентство по политическому образованию (Politische Bildungsarbeit der BpB).

Согласно логике составителей материала, исторически-политическое образование следует предоставлять немецкой молодежи и взрослым под либерально-демократическим углом. Таким образом воспитывается личность, толерантная к отклоняющимся взглядам, однако осознающая справедливость и цельность именно своего мировоззрения.

В главе «Zivilgesellschaftliches Engagement» основной целью выступает поддержка политической инициативности граждан и усиления их демократизации для того, чтобы население могло бороться с экстремизмом. Задачи перечисляются в трех пунктах, в каждом из которых содержится термин «демократия» [6, с. 21].

В секции «Beratung» задачей органов власти является предоставление экспертной помощи жертвам экстремизма и расизма, а также лицам и родственникам лиц, стремящимся выйти из-под влияния группировок и идеологий, враждебных демократической (demokratiefeindlich) [6, с. 22].

Далее указывается, что работа с медиа-ресурсами, в частности, заключается в отслеживании распространения недетских и экстремистских материалов, а также целенаправленное создание опровергающего и оспаривающего контента [6, с. 24].

Научная деятельность должна быть направлена на изучения феномена экстремизма и повышения качества и разработку мер и систем по его предупреждению и развитию демократизации («demokratiefördernde Maßnahmen») [6, с. 26].

Международное сотрудничество, соответственно, направленно на обмен опыта в практике борьбы с деструктивным общественным явлением и распространении указанной идеологии.

Об использовании концептуального подхода при изложении информации свидетельствует регулярное употребление термина «демократия». Роли идеологии во многих видах общественной деятельности Германии — ведущая. Также на это

указывает и создаваемый термином ассоциативно-смысловой ряд, включающий в себя такие значимые абстрактные понятия, как законность, справедливость, равенство, государство, семья, сотрудничество, образование, безопасность, помощь и т.п. Способы практической реализации положительных устремлений граждан предлагаются государством уже после или во время выстраивания их идеологической базы.

В реализации государственной стратегии важное место занимают две федеральные программы: «Сплоченность благодаря участию» («Zusammenhalt durch Teilhabe») и «Живем демократично! Активное противостояние правому экстремизму, насилию и мизантропии» («Demokratie leben! Aktiv gegen Rechtsextremismus, Gewalt und Menschenfeindlichkeit»).

С 2010 г. Федеральное министерство внутренних дел Германии поддерживает посредством программы «Zusammenhalt durch Teilhabe» «уверенную в своих силах, яркую и демократическую культуру немецкого общества, в котором нет места экстремистским и антиконституционным течениям» (*Zusammenhalt durch Teilhabe // Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. URL: <https://www.bmi.bund.de/DE/themen/heimat-integration/gesellschaftlicher-zusammenhalt/zusammenhalt-teilhabe/zusammenhalt-teilhabe-node.html> (дата обращения: 07.02.2020)*). Целью проекта является предотвращение противозаконных тенденций и создание мирного и равноправного сосуществования посредством «обучения демократии» (*Hintergründe des Programms // Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. URL: <http://www.zusammenhalt-durch-teilhabe.de/ueberuns/141916/ueber-uns> (дата обращения: 07.02.2020)*). Обучать граждан готовы более 2000 «тренеров по демократии» (Demokratietrainer/-innen). Их миссия заключается в проработке конфликтных ситуаций, возникших на почве членовеноненавистничества, и просвещении граждан в принципах идеологии. То есть тренинги носят преимущественно психологический характер, обладают возможностью помочь в социализации «дерадикализированным» гражданам и жертвам вышеупомянутых конфликтов.

Программу «Demokratie leben!» с 2017 г. координирует Федеральное министерство по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи Германии (Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend). В ее рамках все участники конфликтных ситуаций, в т.ч. те, кто пытается дистанцироваться от «антидемократических» объединений, могут получить консультативную

помощь специалистов. Также проводится интегративная работа с мигрантами и осуществляется просветительская деятельность как с молодежью, так и взрослыми по политической и обществоведческой грамотности, в частности, разъясняются демократические основы общества [7, с. 9]. 12 страниц текста содержат 55 слов, связанных с «демократией».

К тому же существует общенациональный «Союз за демократию и толерантность – против экстремизма и насилия» (Bündnis für Demokratie und Toleranz – Gegen Extremismus und Gewalt (BfDT)), являющийся основным инициатором демократических гражданских инициатив. Союз поддерживает людей, руководствующихся в своих поступках демократическими ценностями, фиксирует разнообразное проявление идеологически-мотивированной деятельности и придает ей огласку. Ежегодно BfDT награждает активистов призом «Активно выступает за демократию и толерантность» (Aktiv für Demokratie und Toleranz), также называемым Призом толерантности (Toleranzpreis). С 2011 г. союз стал частью Федерального центра политического образования (Bundeszentrale für politische Bildung/bpb).

При частичном рассмотрении государственной системы профилактики экстремизма становятся заметны как масштаб реализуемых программ и реализующих их институтов, так и языковая политика, сопровождающая и делающая возможным эффективное распространение либерально-демократической идеологии. Подобный лингвистический феномен позволяет четко и ясно разделять социальные и политические явления на «положительные» и «отрицательные», «демократические» и «недемократические», причем под «защитой демократии» может также теоретически предполагаться практически любой комплекс мер, направленный на укрепление существующего порядка и устранение потенциальных и фактических угроз для него.

Несомненно, одного лишь концептуального подхода, предполагающего пропаганду «мирной» идеологии, недостаточно для «дерадикализации» лиц, которые умышленно избрали для себя преступный путь и сами разбираются в методике целенаправленного моделирования общественно-политического дискурса, в частности, через «вписывание» в него сенсационных событий и их описание под выгодным углом. Однако данный подход все же позволяет правительству регулировать функционирование общества посредством поддержания относительно универсальной ценностно-ориентировочной парадигмы, отража-

ющей (в то же время создающей), обобщающей и удовлетворяющей запросы этого общества. Таким образом, желание граждан поддерживать радикальные и экстремистские течения может сокращаться не вследствие его силового подавления, а благодаря непрерывному стимулированию сознательно-бессознательного предпочтения конструктивной формы взаимодействия с социумом.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Давыдова, П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Verfassungsschutzbericht 2018. HRG: Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. Red.: Bundesamt für Verfassungsschutz. Juni 2019. 388 с.
3. Ваттовани Ю.Б. Идеология и дискурс // Молодой ученый. 2019. № 43. С. 292–294.
4. Лебон Г. Психология народов и масс // СПб.: Макет, 1995. С. 311.
5. Леонтьева А.В. Рефлексия в ментальном и языковом конструировании действительности: предпосылки и грани семантической диффузности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 40–45.
6. Strategie der Bundesregierung zur Extremismusprävention und Demokratieförderung. Herausgeber: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend und Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. Juli 2016, 1. Auflage. 62 с.
7. Demokratie leben! Aktiv gegen Rechtsextremismus, Gewalt und Menschenfeindlichkeit. Herausgeber: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. November 2017, Nachdruck. 12 с.

References

1. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Translated from German by Yu.N. Davydov, P. Gaidenko. Moscow, Progress, 1990. 808 p. (In Russian)
2. Verfassungsschutzbericht 2018. Herausgeber: Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. Red.: Bundesamt für Verfassungsschutz. Juni 2019. 388 p. (In German)
3. Vattovani YU.B. Ideologiya i diskurs [Ideology and Discourse]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2019, no. 43, pp. 292–294. (In Russian)
4. Gustave Le Bon Psihologiya narodov i mass [Psychology of Peoples and Masses]. Saint-Petersburg, Maket Publ, 1995. 311 p. (In Russian)
5. Leont'eva A.V. Refleksiya v mental'nom i yazykovom konstruirovanii dejstvitel'nosti: predposylki i grani semanticheskoy diffuznosti [Reflection in the mental and linguistic construction of reality]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, no. 2 (43). pp. 40–45. (In Russian)
6. Strategie der Bundesregierung zur Extremismusprävention und Demokratieförderung. Herausgeber: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend und Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat. Juli 2016, 1. Auflage. 62 p. (In German)
7. Demokratie leben! Aktiv gegen Rechtsextremismus, Gewalt und Menschenfeindlichkeit. Herausgeber: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. November 2017, Nachdruck. 12 p. (in German)

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ: ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В ГЕРМАНИИ

БОРЬБА С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА КАК ЗАДАЧА МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Хелльманн Уве

Целью статьи является обоснование того, что борьба с терроризмом и финансированием терроризма является задачей, которая не может быть решена отдельными национально-правовыми системами, а требует применения единых принципов со стороны международного сообщества. В статье описаны международно-правовые основы и их имплементация в немецком уголовном праве.

Методология: формально-юридический метод; анализ исторического развития; анализ международно-правовых основ; анализ практической значимости.

Выводы. Эффективная борьба с терроризмом не должна начинаться после совершения конкретного деяния террористического характера. Необходимо принять меры против приготовления и любой формы финансирования терроризма. С терроризмом или финансированием терроризма следует бороться не только военными или уголовно-правовыми средствами. Нужно устранить причины и, при необходимости, провести переговоры, чтобы достичь соглашения.

Научная и практическая значимость. Введение в УУ переписанного состава преступления § 89c («Финансирование терроризма») вызвала большую критику в литературе, поскольку, тем самым, наступление уголовной ответственности переносится далеко в стадию приготовления преступлений террористической направленности. Также, с целью выполнения международных обязательств, финансирование так называемого террористического туризма тоже должно было быть уголовно наказуемым, следовательно, необходимо было внести дополнительные изменения в УУ, в УПК, а также в законы «О кредитной системе», «О борьбе с отмыванием денег» и «О страховом надзоре». Практическая значимость заключается в том, что правоохранительные органы смогут вмешиваться уже за стадии приготовления к совершению преступлений террористической направленности, чтобы предотвратить финансирование таких деяний.

Ключевые слова: преступления террористической направленности, финансирование терроризма, международно-правовые и европейские положения о борьбе с терроризмом и финансированием терроризма, рекомендации группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF).

В основе статьи лежит доклад, который был представлен автором на 8-й международной научной конференции на тему «Международное сотрудничество в предупреждении преступности и других форм со-

циальных отклонений», организованной Союзом криминалистов и криминологов в Ташкенте / Самарканде 10 мая 2019 г. Данная статья была переведена с немецкого языка научным сотрудником Потсдамского университета Саргисом Терзиканом, к.ю.н. (РАУ, Ереван), LL.M.

I. Введение

Термин «мировое сообщество» в названии статьи не относится к группе западных государств под руководством США, которая часто называет себя «мировым сообществом», чтобы придать своему политически скоординированному подходу в других государствах определенную легитимность. Скорее, термин должен пониматься всесторонне и подразумевает все государства, независимо от их членства в конкретной экономической или политической организации или военном союзе, тем более что террористические действия могут быть проведены в каждом государстве. Необходимо также определить термин «финансирование терроризма». Получение финансовых средств для планирования и проведения операций, а также оружия и взрывчатых веществ и т.д. осуществляется различными методами. Государства нередко, часто тайно, оказывают поддержку группам в другом государстве, которые используют силу для борьбы с их государственными институтами. С одной стороны, эти группы считаются террористами, а с другой — борцами за свободу. В последующем за основу берется определение террористических преступлений в соответствии с резолюцией 1566 (2004) Совета Безопасности ООН от 8 октября 2004 г., которая, согласно международному праву, имеет обязательную силу. В соответствии с ней, террористические преступления — это «преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» (*Resolutions und Beschlüsse des Sicherheitsrats vom 1. August 2004 bis 31. Juli 2005* // URL: https://www.un.org/depts/german/sr/sr_04-05/sr1566.pdf (дата обращения: 14.03.2020)). Эффективная борьба с терроризмом не должна начинаться после их совершения. Мировое сообщество должно принять меры против любой формы финансирования терроризма. Но нельзя отрицать, что предотвращение государственного финансирования террористических организаций и борьба с ним практически безнадежна, если терроризм поддерживается мощным государством.

Кроме того, с терроризмом или финансированием терроризма не следует бороться, в первую очередь, военными или уголовно-правовыми средствами. Необходимо устранить причины и, при необходимости, вести переговоры для достижения соглашения. Тот факт, что «войну с террором» так же трудно победить, как и «войну с наркотиками», показывает повседневная реальность. Нередко именно военные действия готовят почву для последующих терактов.

Тем не менее, нельзя отказываться, от применения уголовного права при преследовании и наказании террористических преступлений. Хотя уголовное право является инструментом национальных государств, оно может применяться только против деяний, совершенных на его собственной территории или в отношении своих граждан за границей или совершенных своими же гражданами за границей. Однако в свете глобальной деятельности террористических групп имеет смысл и необходимо преследовать их как можно более единообразными составами преступлений.

II. Международно-правовые основы и их реализация в Германии

Международно-правовое обязательство по борьбе с финансированием терроризма существует с 1999 г. посредством Международной конвенции ООН от 9 декабря 1999 г. (См.: *Resolution 54/109* // URL: <http://www.un.org/Depts/german/uebereinkommen/ar54109.pdf> (дата обращения: 11.03.2020)). Германия ратифицировала ее в 2004 году (См.: *BGBI. II 2003, с. 1923*). В соответствии со статьей 2 (абз. 1) этой конвенции преступление совершает «лицо, которое любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично», для совершения террористических преступлений, указанных в конвенции. Кроме того, ст. 2 (абз. 2 п. б) Рамочного решения Совета Европейского союза 2002/475/JI от 13 июня 2002 г. «О борьбе с терроризмом» (См.: *Abl. Nr. L 164 от 22. июня 2002, с. 3*) в редакции Рамочного решения Совета 2008/919/JI от 28 ноября 2008 года (См.: *Abl. Nr. L 330 от 9. декабря 2008, с. 21*), обязывает государства-члены Европейского союза устанавливать составы пре-

ступления против «участия в действиях террористических организаций, включая предоставление информационных или материальных средств, или любой формы финансирования ее деятельности, зная, что такое участие способствует преступной деятельности террористической группы». В целях реализации настоящей конвенции и Рамочного решения с помощью закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» от 30 июля 2009 года (См.: *BGBI. I 2009* от 3. августа 2009, с. 2437) в § 89a (абз. 2 п. 4) УУ старой редакции была внесена уголовная ответственность за сбор, получение и предоставление значительных имущественных ценностей (активов) для совершения «тяжких государственно опасных насильственных деяний», а также разрабатывались другие положения.

20 июня 2015 г. вступил в силу закон об изменении закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» (См.: *BGBI. I 2015*, с. 926). Этот закон ввел в УУ переписанный состав преступления § 89c («Финансирование терроризма»). Поскольку для выполнения международных обязательств финансирование так называемого «террористического туризма» тоже должно было быть включено, закон дополнил § 89a УУ («Подготовка тяжких государственно опасных насильственных деяний») абзацем 2a, который предусматривает уголовную ответственность за выезд и даже за попытку покинуть Федеративную Республику Германия с целью совершения тяжких государственно опасных насильственных деяний или подготовки в так называемых «террористических лагерях».

Кроме того, закон об изменении закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» содержит некоторые последовательные изменения в других законах, например, в УПК, а также в законе «О кредитной системе», в законе «О борьбе с отмыванием денег» и в законе «О страховом надзоре». Толчком для включения § 89c в УУ послужила Резолюция Совета Безопасности ООН 2178 (2014) от 24 сентября 2014 г. (См.: *Vereinte Nationen Sicherheitsrat / Resolution 2178 (2014)* // URL: http://www.un.org/depts/german/sr/sr_14/sr2178.pdf (дата обращения: 12.03.2020)), которая в пункте 6 (b) предусматривает преследование финансирования поездок в террористических целях, а также рекомендации группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Хотя данные рекомендации не влекут правовых последствий для нынешних 36 государств-членов (См.: *Financial Action Task Force* // URL: www.fatf-gafi.org/countries/#FATF (дата обращения: 12.03.2020)), однако соответствующие министры политически обязались реализовать их [3, с. 39 и последующие]. Помимо этого, Рамочное решение 2002/475/JI не полностью реализуется в § 89c (1) УУ, поскольку ст. 3 (п. «а» и «с») также требует классифицировать тяжкую кражу и выпуск поддельных административных документов, относящихся к «террористической деятельности», как «террористические преступления».

§ 89c УУ дополняется § 129a (абз. 5) УУ, который предусматривает наказание за поддержку террористических объединений, в том числе иностранных (§ 129b УУ): такую поддержку может представить из себя финансирование этих объединений (См.: *BGHSt 54, 69, колонцифра 138*) [2, § 129 15a]. К тому же финансирование терроризма действует вопреки § 18 (абз. 1) закона «О внешнеэкономической деятельности», который предусматривает уголовную ответственность за нарушение запрета на предоставление списков террористов ООН и ЕС. В состав включено «предоставление», т.е. прямое или косвенное предоставление имущественных ценностей (активов), чтобы указанное лицо могло непосредственно получить право распоряжаться ими, а также предоставление финансовых услуг такому лицу [3, с. 87 и последующие]. Таким образом, § 89c УУ создал не совершенно новую уголовно-правовую ситуацию, а скорее «независимый состав преступления по финансированию терроризма», который «значительно выходит за рамки узкой сферы применения» § 89a (абз. 2 № 4) УУ старой редакции, «предусматривая наказание за финансирование террористических преступлений в целом» (См.: *BT-Drucks. 18/4087*, с. 8).

III. Заключение

На данном этапе основные возражения против расширения уголовного права на борьбу с терроризмом на предшествующий приговорительной стадии момент [1, § 89a колонцифра 1], которые действовали бы также в отношении нового состава преступления финансирования терроризма, не могут и не должны подниматься [1, § 89a колонцифра 1 и последующие] (См. резкую критику *Raeffgen* в отношении составов преступлений, созданные законом «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний», с обширными подтверждениями других отрицательных мнений. *Raeffgen* видит в одобрении Федеральным правительством Резолюции 2178, «в духе современного американского правового мышления» расширение пути «в догматическое безумие», там же, колонцифра 5). Национальное

уголовное законодательство, безусловно, может внести лишь сравнительно небольшой вклад в борьбу с таким международным явлением, как терроризм. Для предотвращения «террористического туризма» в первую очередь требуются другие средства, однако использование уголовного законодательства для этой цели не является непригодным. Кроме того, нельзя отрицать, что немецкий законодатель ввиду обязательств по международному и европейскому праву не принимает решения о реализации в общем, а только решает вопрос «каким образом». Поднятая в отношении закона «О преследовании за подготовку тяжких государственно опасных насильственных деяний» претензия, что немецкий законодатель вышел далеко за рамки положений §§ 89a, 89b,

91 УУ [1, § 89a колонцифра 5], никак не относится к закону, внесшему изменения в данный закон. В п. 6 резолюции 2178 (2014) Совета Безопасности ООН содержится всеобъемлющее требование к введению таких составов преступлений, как «преднамеренное предоставление или сбор финансовых средств любыми методами, прямо или косвенно их гражданами или на их территории с умыслом или знанием того, что эти деньги будут использованы для финансирования поездок лиц, путешествующих в государство, не являющееся страной их проживания или гражданства, с целью совершения, планирования, подготовки или участия в террористической деятельности или подготовки террористов или обучения, чтобы стать террористами».

Литература

1. Nomos Kommentar zum StGB, 5. Auflage, 2017.
2. Schönke / Schröder, Strafgesetzbuch, 30. Auflage, 2019.
3. Sieber / Vogel, Terrorismusfinanzierung, 2015.

References

1. Nomos Kommentar zum StGB, 5. Auflage, 2017 (In German).
2. Schönke / Schröder, Strafgesetzbuch, 30. Auflage, 2019 (In German).
3. Sieber / Vogel, Terrorismusfinanzierung, 2015 (In German).

БОРЬБА С ПОДДЕЛКОЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И ГЕРМАНИИ

Штаге Диана

Целью статьи является представление актуальных правовых развитий в сфере борьбы с подделкой лекарственных средств в Европейском союзе и Германии. Для этого автор дает обзор торговли поддельными лекарственными средствами. Она рассматривает меры, принятые законодателями в Европейском союзе и в Германии для борьбы с подделкой лекарственных средств. Здесь автор изучает Директиву по защите от подделок (Директива 2011/62/EU) и Делегированное постановление (EU) 2016/161, которое регулирует вопрос, связанный со специфическими элементами защиты на упаковках лекарственных средств. Одним из основных направлений работы является представление системы, которая обеспечивает идентификацию и установление подлинности лекарственных средств посредством так называемого контроля «от начала и до конца». Кроме того, рассматривается вопрос о привлечение к уголовной ответственности за нарушение Делегированного постановления (EU) 2016/161.

Методология: формально-юридический метод; анализ мер, предпринятые законодателем; анализ практической значимости.

Выводы. Принятие Директивы 2011/62/EU, как и вступление в силу Делегированного постановления (ЕС) 2016/161 и Закона по большей безопасности в области обеспечения лекарственными средствами, являются важными шагами в борьбе с поддельными лекарственными средствами и повышении безопасности пациентов.

Научная и практическая значимость. В связи с борьбой с подделкой лекарственных средств вступили в силу новые составы административных правонарушений в законодательстве об административных правонарушениях, которые наука должна будет рассматривать в будущем. Практическая значимость, в частности, заключается в том, что посредством введения квалифицированных элементов защиты на упаковке лекарственных средств введение в оборот поддельных лекарственных средств должно быть существенно осложнено.

Ключевые слова: экономическое уголовное право, фармацевтическое уголовное прав, поддельное лекарственное средство, Директива по защите от подделок, Директива 2011/62/EU, Делегированное постановление (EU) 2016/161, контроль «от начала и до конца», индивидуальный опознавательный признак, устройство против манипуляции, санкции, Закон по большей безопасности в области обеспечения лекарственными средствами.

В основе статьи лежит доклад, который был представлен автором на 8-й международной научной конференции на тему «Международное сотрудничество в предупреждении преступности и других форм социальных отклонений», организованной Союзом криминалистов и криминологов в Ташкенте / Самарканде 10 мая 2019 г. Данная статья была переведена с немецкого языка научными сотрудниками Потсдамского университета Еленой Рудаковской, LL.M и Саргисом Терзиканом к.ю.н. (РАУ, Ереван), LL.M.

А. Термин «поддельные лекарственные средства»

Если происхождение таблетки связано с нелегальной продукцией, и в ней не содержится

вообще или содержится не только указанное количество действующего вещества или же действующее вещество содержится, но не том количестве, которое указано, то такая таблетка является под-

дельным лекарственным средством. О поддельном лекарственном средстве идет речь и в том случае, когда таблетки были украдены в большом количестве, а затем введены в легальную систему поставок через посредника. Подобным образом развивались события в рамках так называемого «Лунафарм-скандала», который в Германии 2018 году вызвал огромный общественный резонанс, в связи с чем министр здравоохранения федеральной земли Бранденбург ушла в отставку. Предприятием по оптовой торговле «Лунафарм» с местом нахождения в земле Бранденбург от греческой аптеки было получено дорогостоящее лекарственное средство по борьбе с раком, которое до этого предположительно было украдено в больницах Греции. Это лекарственное средство было введено в оборот в Германии через аптеки, оптовых торговцев и иных импортеров (*Федеральное министерство здравоохранения, Закон по большей безопасности в области обеспечения лекарственными средствами от 15 августа 2019 г.* // <https://www.bundesgesundheitsministerium.de/gsav.html> (дата обращения: 05.05.2020)). Однако само предприятие это отрицает (См.: *Интервью с управляющей предприятия «Лунафарм» Susanne Krautz-Zeitel, Im Fadenkreuz von Politik und Medien, доступно по ссылке <https://www.lunapharm.de/presse-dokumente/>; ср. также VG Köln, Beschluss от 04.10.2019 – 7 L 1017/19 –, juris (дата обращения: 05.05.2020)). Прокуратура Потсдама по крайней мере уже предъявила обвинение, в том числе против управляющей предприятия, из-за совместной торговли поддельными лекарственными средствами (§ 95 (абз. 1 Nr. 3а, абз. 3 Nr. 2) в совокупности с §§ 8 (абз. 2, 4, абз. 40 Nr. 3) закона «О лекарственных средствах» (далее – ЗоЛС) в виде промысла в 23 случаях (мера наказания: лишение свободы с одного года до десяти лет)) (См.: *Sucker-Sket Staatsanwaltschaft erhebt Anklage gegen Lunapharm-Geschäftsführerin, DAZ.online vom 23.10.2019.* // <https://www.deutsche-apotheker-zeitung.de/news/artikel/2019/10/23/staatsanwaltschaft-erhebt-anklage-gegen-lunapharm-geschaeftsfuehrerin> (дата обращения: 05.05.2020)). Здесь важно отметить, что следствие еще ведется и окончательное решение отсутствует. В другом случае в аптеках через оптовых торговцев появилось поддельное лекарственное средство «Омепразол» фирмы «Ратифарм», которое используется при изжоге и язве желудка (пример с пояснениями 2 // <https://www.deutsche-apotheker-zeitung.de/news/artikel/2018/07/20/was-ist-eigentlich-eine-arzneimittel-faelschung/chapter:1> (дата обращения: 05.05.2020)). Подделки были «очень хорошего качества, сравнимого с оригинальным*

лекарственным средством». Производителем капсул при этом являлся не «Ратифарм». Капсулы были упакованы в поддельную пластмассовую емкость с соответствующей этикеткой, которая в свою очередь находилась в картонной упаковке с поддельной инструкцией по применению. Через оптового торговца такие лекарственные средства попали в аптеки. Подделка была выявлена тогда, когда в одной из аптек заметили ошибку в инструкции по применению.

Понятие «подделка» в контексте лекарственных средств выходит за пределы общего понятия подделки и охватывает не только одну более или менее хорошую копию оригинала (как это, например, имеет место в случае поддельных денежных купюр). Достаточно, если оригинал товара содержит неверные сведения о его каналах сбыта (*Borsch Wann gilt ein Arzneimittel als gefälscht?, DAZ.online vom 23.07.2018.* // <https://www.deutsche-apotheker-zeitung.de/news/artikel/2018/07/20/was-ist-eigentlich-eine-arzneimittel-faelschung/chapter:1> und 2, (дата обращения: 05.05.2020)). Так, немецкий ЗоЛС дает определение понятию поддельного лекарственного средства как «лекарственного средства с поддельными данными о

1. его подлинности, включая упаковку, маркировку, обозначение и состав в отношении одной или нескольких составных частей, включая вспомогательные средства и содержание этих составных частей
2. происхождении, включая производителя, страну-производителя, страну происхождения и владельца разрешения на введение в оборот или владельца лицензии или
3. описанном в протоколах и документах пути реализации» (§ 4 (абз. 40) ЗоЛС; ст. 1 Nr. 33 Директивы 2001/83/EG, введен Директивой 2011/62/EU).

В. Торговля поддельными лекарственными средствами

Подделка лекарственных средств является мировой проблемой. Торговля поддельными лекарственными средствами является одним из важнейших расширяющихся нелегальных рынков. Группы организованной преступности из сферы торговли наркотиками все больше «обращаются» к преступности с лекарственными средствами [2, с. 8]. Это неудивительно, поскольку риск раскрытия таких преступлений относительно мал, как относительно малы и размеры наказания при очень высокой прибыли [2, с. 8 с дальнейшими ссылками на источники]: прибыль от торговли поддельными лекарственными средствами может быть даже выше, чем от торговли наркотиками [2, с. 8 и последующие с дальнейшими ссылками

на источники]. Так, на черном рынке за реализацию определенных субстанций можно получить выручку от 90.000 до 100.000 евро за килограмм, когда цена закупки действующего вещества составляет лишь 60 евро [2, с. 9 с дальнейшими ссылками на источники]. В отличие от этого выручка за реализацию кокаина и героина составляет «всего лишь» 65.000 и 50.000 евро соответственно. При этом в инвестиции в исходное сырье для кокаина и героина составляют около 1.470 или 7.190 евро. Согласно американскому исследованию, странами происхождения поддельных лекарственных средств в большинстве случаев являются Китай, Перу, Узбекистан, Россия и Украина [6, с. 62]. Независимо от происхождения поддельных лекарственных средств их распространение касается Европейского союза, включая Германию [4, с. 1185]. Экономический ущерб от торговли поддельными лекарственными средствами является весьма существенным [4, с. 1185]: по оценкам оборот поддельных лекарственных средств составляет 75 миллиардов долларов США [2, с. 53 с дальнейшими ссылками на источники; 4, с. 1185]. Помимо этого, подделка лекарственных средств представляет собой серьезный риск для здоровья пациентов [4, с. 1185].

С. Законодательные меры Европейского союза и Германии

В свете сложившейся ситуации для борьбы с подделкой лекарственных средств Еврокомиссией была принята Директива 2011/62/EU, так называемая Директива по защите от подделок (Директива 2011/62/EU, ABl. L 174 от 01.07.2011, 74; поправка ABl. L 238 от 09.08.2014, 31.). Целью Директивы является «гарантирование работы внутреннего рынка лекарственных средств и одновременно с этим обеспечение высокого уровня защиты здоровья общества от поддельных лекарственных средств» (преамбула 33 Директива 2011/62/EU). Европейские меры по борьбе с поддельными лекарственными средствами должны быть гармонизированы. Меры касаются производства действующего вещества, нелегальной торговли в Интернете, улучшения квалификации оптовой торговли и специфических элементов защиты лекарственных средств [10, с. 26]. Поскольку в 2019 году вступили в силу правила, касающиеся специфических элементов защиты, имеющие форму делегированного Постановления (EU) 2016/161 (далее – делегированное Постановление) [8, примечание 1], в центре внимания настоящей статьи должны находиться эти элементы защиты, которые могут быть представлены лишь в очень упрощенной форме.

1. Делегированное Постановление (EU) 2016/161

Постановление регулирует технические, организационные и временные рамки элементов защиты на упаковках лекарственных средств (ст. 2 № 1 делегированного Постановления). **Важнейшей мерой делегированного Постановления** является создание системы, которая обеспечивает идентификацию и установление подлинности лекарственных средств посредством так называемого **контроля «от начала и до конца»** (end-to-end verification) (преамбула 4, с. 1 делегированного Постановления). Для этого контролю подлежат два находящихся на упаковке лекарственного средства элемента защиты (преамбула 15 делегированного Постановления): индивидуальный опознавательный признак (unique identifier) и устройство против манипуляции (anti-tampering device) (ст. 10 и преамбула 1 делегированного Постановления; ср. также § 10 (абз. 1с) ЗоЛС).

Индивидуальный опознавательный признак позволяет проверять подлинность и идентифицировать упаковку лекарственного средства (ст. 3 № 2 lit. a делегированного Постановления). Он охватывает четыре элемента: код продукта, серийный номер, номер партии и дату истечения срока годности (ст. 4 lit. b делегированного Постановления; рис. ниже). Поскольку в Германии последний элемент содержится в коде продукта, его печать на упаковке не предусмотрена [1, с. 1256; 7, с. 11]. Благодаря сгенерированному случайным образом серийному номеру в комбинации с кодом продукта каждая упаковка становится уникальным экземпляром (ст. 4 lit. d делегированного Постановления) [1, с. 1255]. Производитель кодирует опознавательный признак в двухмерном штрихкоде, то есть в пригодной для машинного считывания матрице данных, и печатает штрихкод на упаковке (ст. 5 делегированного Постановления) [9, с. 1189].

Рис. 1. Образец упаковки с двухмерным матричным штрихкодом на передней стороне (См.: securPharm e.V. // <https://www.securpharm.de/pressematerial/> (дата обращения: 05.05.2020))

На основе устройства против манипуляции можно проверить, проводились ли манипуляции с упаковкой лекарственного средства (ст. 3 № 2 lit. b делегированного Постановления). Такими устройствами являются, например, полиэтиленовая пленка или этикетка [3, с. 257].

Если лекарственное средство содержит оба элемента защиты, то проведение контроля «от начала и до конца» возможно. В Германии система проверки подлинности была создана некоммерческой организацией securPharm e. V (См.: <https://www.securpharm.de/> (дата обращения: 05.05.2020)) (ср. ст. 31 № 1 делегированного Постановления). В настоящей статье система будет лишь кратко очерчена (см. главу III делегированного Постановления) [представление процесса верификации лекарственных средств по 8, с. 11 и последующие; 8, примечание 1]: в рамках контроля «от начала до конца» начало и конец логистической цепочки преследуют цель защиты. С одной стороны цепочки находится фармацевтическое предприятие, которое вводит лекарственное средство в оборот. С другой стороны, находится лекарственное средство (например, в аптеке), которое передается пациенту. Фармацевтическое предприятие маркирует упаковку лекарственного средства обоими элементами защиты и загружает данные индивидуального опознавательного признака в базу данных. Чтобы провести верификацию упаковки, работники аптеки сканируют двухмерный матричный штрихкод, находящийся на упаковке. При сканировании осуществляется контроль индивидуального опознавательного признака. Если последний оказывается подлинным и устройство против манипуляции не повреждено, то лекарственное средство передается пациенту, и передача фиксируется в базе данных. В ином случае

лекарственное средство не выдается пациенту, а происходит проверка потенциально поддельного лекарственного средства (этой теме посвящена глава IV и следующие за ней делегированного Постановления).

II. Преследование за нарушения делегированного Постановления (EU) 2016/161

Тот, кто умышленно или по неосторожности вводит в оборот лекарственное средство, не имеющее элементов защиты, совершает административное правонарушение (§ 97 абз. 2 № 4 в совокупности с § 10 абз. 1с ЗоЛС). За умышленное совершение предусмотрено вынесение административного денежного взыскания в размере до 25.000 евро, за совершение по неосторожности — до 12.500 евро (§ 97 абз. 3 ЗоЛС; сравн. § 17 абз. 2 Закона об административных правонарушениях). Кроме того, Закон по большей безопасности в области обеспечения лекарственными средствами от 9 августа 2019 г. (BGBl. I 2019, 1202) [5, с. 493 и последующие за ней] содержит предписания по преследованию нарушений норм делегированного Постановления.

D. Заключение

Издание Директивы по защите от подделок, как и вступление в силу делегированного Постановления и Закона по большей безопасности в области обеспечения лекарственными средствами, являются важными шагами в борьбе с поддельными лекарственными средствами и повышении безопасности пациентов. Посредством введения квалифицированных элементов защиты на упаковке лекарственных средств введение в оборот поддельных лекарственных средств должно быть существенно осложнено.

Литература

1. *Bergen/Hoferichter securPharm e. V. — der Schutzschild gegen gefälschte Arzneimittel*, BuGBI 2017. C. 1255–1260.
2. Bundeskriminalamt (BKA) (Hrsg.), *Arzneimittelkriminalität: Ein Wachstumsmarkt*, 2016.
3. *Fischer Der Manipulation keine Chance*, TechnoPharm 2016. 256 с.
4. *Keller-Stanislawski/Paeschke Arzneimittelfälschungen*, BuGBI 2017. 1185 с.
5. *Lietz/Zumdick Das Gesetz für mehr Sicherheit in der Arzneimittelversorgung*, PharmR 2019. 493 с.
6. *Mackey/Liang/York/Kubic Counterfeit drug penetration into global legitimate medicine supply chains: a global assessment*, Am. J. Trop. Med. Hyg., 92 (Suppl 6), 2015. C. 59–67.
7. SecurPharm e. V. (Hrsg.), *Statusbericht, 2018, Stand des Projektes zur Umsetzung der Fälschungsschutzrichtlinie*.
8. *Stage Delegierte Verordnung (EU) 2016/161 — Ein wichtiger Schritt zur Bekämpfung gefälschter Arzneimittel*, jurisPR-StrafR 6/2019 Anm. 1.
9. *Sträter Arzneimittelfälschungen, Maßnahmen der Gesetzgeber in der Europäischen Union und in Deutschland*, BuGBI 2017. 1188 с.

10. *Wittstock/Streit* Die Fälschungsschutzrichtlinie – ein Maßnahmenpaket zum Schutz von Patienten vor Arzneimittelfälschungen in der legalen Vertriebskette innerhalb der EU, Bulletin zur Arzneimittelsicherheit 3/2018. 26 c.

References

1. *Bergen/Hoferichter* securPharm e. V. – der Schutzschild gegen gefälschte Arzneimittel, BuGBI 2017, pp. 1255–1260. (In German)
2. Bundeskriminalamt (BKA) (Hrsg.), Arzneimittelkriminalität: Ein Wachstumsmarkt, 2016. (In German)
3. *Fischer* Der Manipulation keine Chance, TechnoPharm 2016. 256 S. (In German)
4. *Keller-Stanislawski/Paeschke* Arzneimittelfälschungen, BuGBI 201. 1185 p. (In German)
5. *Lietz/Zumdick* Das Gesetz für mehr Sicherheit in der Arzneimittelversorgung, PharmR 2019. 493 p. (In German)
6. *Mackey/Liang/York/Kubic* Counterfeit drug penetration into global legitimate medicine supply chains: a global assessment, Am. J. Trop. Med. Hyg., 92 (Suppl 6), 2015, pp. 59–67. (In English)
7. SecurPharm e. V. (Hrsg.), Statusbericht 2018, 2018, Stand des Projektes zur Umsetzung der Fälschungsschutzrichtlinie. (In German)
8. *Stage* Delegierte Verordnung (EU) 2016/161 – Ein wichtiger Schritt zur Bekämpfung gefälschter Arzneimittel, jurisPR-StrafR 6/2019 Anm. 1. (In German)
9. *Sträter* Arzneimittelfälschungen, Maßnahmen der Gesetzgeber in der Europäischen Union und in Deutschland, BuGBI 2017. 1188 p. (In German)
10. *Wittstock/Streit* Die Fälschungsschutzrichtlinie – ein Maßnahmenpaket zum Schutz von Patienten vor Arzneimittelfälschungen in der legalen Vertriebskette innerhalb der EU, Bulletin zur Arzneimittelsicherheit 3/2018. 26 p. (In German)

ЕВРОПЕЙСКОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Терзикян Саргис

Целью данной статьи является рассмотрение Директивы о Европейском распоряжении об осуществлении предварительного расследования по уголовным делам [1], которая была принята Европейским советом и Европейским парламентом 3 апреля 2014 г. Тем самым будет представлен правовой инструмент Европейского союза для взаимного признания процессуальных и следственных решений в ходе предварительного расследования. Основная цель этой статьи — изучение правил о взаимном признании трансграничных следственных мероприятий для государств-членов с целью обеспечения доказательств. В статье рассматриваются положения Директивы и их имплементация в немецком праве, а также некоторые вопросы, касающиеся обеспечения эффективной правовой защиты.

Методология: формально-юридический метод, анализ порядка реализации правовых предписаний.

Выводы. Несмотря на существующие проблемы и дискуссии, Европейское распоряжение и его реализация в национальном законодательстве должны привести к эффективности сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью. Европейское распоряжение должно сделать возможным и облегчить сбор и передачу доказательств по просьбе государства-члена (так называемого запрашивающего государства) на территории другого государства-члена (исполняющего государства). Кроме того, Европейское распоряжение является единым инструментом в ЕС, который помимо отмены старых соглашений, также вводит новые правила в вопросах взаимной правовой помощи, призванные ускорить предварительное расследование. Однако это предназначено не только для ускорения досудебного производства, но и для достижения взаимного соблюдения национальной правовой базы.

Научная и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы сотрудниками образовательных и исследовательских учреждений системы правоохранительных органов, а также учеными и студентами в области уголовного и особенно уголовно-процессуального права. Практическая значимость заключается также в том, что статья способствует дальнейшей разработке мер по оказанию правовой помощи по уголовным делам в борьбе с трансграничной преступностью в различных странах.

Ключевые слова: Европейское распоряжение об осуществлении предварительного расследования; Директива 2014/41/EU; предварительное расследование; запрашивающее государство; исполняющее государство; обеспечение доказательств; следственные действия; правовая помощь; взаимное признание; прерогатива судьи; правовая защита.

В основе статьи лежит доклад, который был представлен автором на 8-й Международной научной конференции на тему «Международное сотрудничество в предупреждении преступности и других форм социальных отклонений», организованной Союзом криминалистов и криминологов в Ташкенте / Самарканде 13 мая 2019 г. Данная статья была переведена с немецкого языка самим автором.

I. Введение

Европейское распоряжение об осуществлении предварительного расследования (далее — Евро-

пейское распоряжение) является судебным решением (абз. 1 предл. 1 Директивы), выданным или утвержденным правоохранительными органами

(например, судом, прокуратурой) запрашивающего государства с целью осуществления одного или нескольких конкретных следственных мероприятий в исполняющем государстве для получения доказательств. В целом, в сферу действия Директивы входят такие следственные действия, как обыски и выемки, допросы обвиняемых, экспертов и свидетелей, запросы по банковским счетам, контроль за почтово-телекоммуникационными переговорами и т.д. [2, с. 602]. Однако посредством Европейского распоряжения не могут быть назначены такие следственные мероприятия, как формирование совместных следственных групп и сбор доказательств в рамках такой следственной группы (ст. 3 Директивы) или трансграничное наблюдение, которое по-прежнему регулируется Шенгенским соглашением (ст. 40), или допросы обвиняемых с помощью телефонной конференции, так как это мероприятие согласно ст. 25 Директивы (ч. 1) предусмотрено только в отношении свидетеля или эксперта. Европейское распоряжение отличается от предыдущих процессов взаимной правовой помощи тем, что после принятия и передачи запрашивающим государством Европейского распоряжения исполняющему государству, оно признается и исполняется государством-исполнителем в определенные сроки (соответственно, в течение 30 и 90 дней, ст. 12 Директивы).

II. Положения Европейского распоряжения и их имплементация в немецкое право

Немецкий законодатель имплементировал Директиву введением в Закон о международной правовой помощи по уголовным делам (ЗоПП) § 91a и следующих за ним статей. Поправки к закону вступили в силу 22 мая 2017 г. и, как следствие, заменили существующие международные соглашения в этой области между государствами-членами Европейского Союза (далее – ЕС) [4, с. 1512]. Реализация этой Директивы призвана обеспечить единую правовую основу в национальных законодательствах, которая учитывает принцип взаимного признания досудебных предписаний [7, с. 1], а также облегчает и ускоряет уголовно-процессуальное обеспечение доказательств и их передачу в пределах Европейского союза [4, с. 1512].

Как формальное требование, соответствующая форма (§ 91d ЗоПП) должна быть сначала полностью заполнена и отправлена в правоохранительные органы государства-члена. Европейское распоряжение может быть выдано компетентным судьей, судом, следственным судьей или прокурором, а также любым другим, уполномоченным на это запрашивающим государством, органом

(ст. 2 Директивы). В Германии органом, выдающим соответствующее распоряжение в процессе сбора доказательств с государствами-членами, является соответствующая прокуратура, а полиция и другие следственные органы могут только подать соответствующее ходатайство [2, с. 603].

Запрашиваемое следственное действие должно соответствовать положениям немецкого законодательства, прежде всего предписаниям УПК, поскольку целью Европейского распоряжения не является расширение сферы полномочий правоохранительных органов [6, колонцифра 475; 2, с. 603]. В осуществлении Европейского распоряжения должно быть отказано, если соответствующее следственное действие отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве запрашиваемого государства или если оно в аналогичном внутрисудебном производстве при тех же условиях было бы запрещено, и если в уголовном производстве не предусмотрено следственное действие в качестве функциональной альтернативы (ст. 5 и абз. 1 ст. 10 Директивы).

Следовательно, необходимо, чтобы применение принудительных мер в государствах-членах ЕС утвердил немецкий суд, если назначение такой меры в немецком праве является прерогативой судьи, как, например, во время обыска квартиры [6, колонцифра 475; 2, с. 603]. В то же время в контексте принципа взаимного признания исполняющее государство имеет право запрашивать судебное разрешение на проведение следственных действий, если только этого требует национальное законодательство (ст. 2 (d) 2 предл. Директивы). К тому же запрашиваемые следственные меры должны быть доступны, если не требуется никаких особых усилий для получения доказательств, например: в случае уже существующей информации или доказательств, в той степени, в которой они могли быть получены в рамках уголовного процесса или для целей Европейского распоряжения в соответствии с уголовным законодательством исполняющего государства или в случае сведений из баз данных полиции или органов юстиции, к которым правоохранительные органы в рамках уголовного производства имеют непосредственный доступ и т.д. (абз. 2 ст. 10 Директивы).

Это следует из того, что принятие Европейского распоряжения должно быть необходимым и соразмерным для целей производства с учетом прав подозреваемого или обвиняемого лица (ст. 6 (а) Директивы). В соответствии с принципом соразмерности, Европейское распоряжение не может быть вынесено при совершении малозначительных деяний [2, с. 603]. Как правило, обоснован-

ность подозрений в совершении преступлений не подлежит проверке. Однако рассмотрение обоснованности подозрения становится актуальным, когда применяется следственная мера, которая в соответствии с немецким правом назначается судом [4, с. 1513].

Несмотря на то, что исполняющее государство, как правило, обязано признавать и исполнять распоряжения, но в конкретных случаях может отклонить запрос запрашивающего государства, например, если существуют веские препятствия в связи с допустимостью (§§ 91b, 91c ЗоПП) или дозволенностью (§ 91e ЗоПП) осуществления следственных мер. Эта ситуация имеет место, если между исполняющим государством и соответствующим лицом существуют особые доверительные отношения, особенно при наличии права на отказ от дачи свидетельских показаний и отказ в предоставлении сведений (§§ 52, 53, 55 УПК), а также в связи с защитой свободы прессы (массовой информации), свободы мнения или если речь идет о депутатах или лицах, которые в силу профессиональной деятельности должны хранить тайну (§ 91b абз. 1 ч. 2 п. а ЗоПП), или если следственная мера в национальном законодательстве применялась бы только в случае совершения особо тяжких преступлений (§ 91b абз. 1 ч. 1 ЗоПП). Если запрос отклоняется, то запрашивающий орган должен быть с обязательным разъяснением проинформирован исполняющим органом (§§ 91f (абз. 4), 91h (абз. 2 предл. 2) ЗоПП). Однако положения Директивы и их имплементация в немецком законодательстве часто были предметом научно-правовых дискуссий [5, с. 152; 7, с. 1; 4, с. 1512; 3, с. 388].

III. Требования к обеспечению эффективной правовой защиты

Проблемы правовой науки распространяются в том числе и на область правовой защиты заинтересованного лица. В частности, здесь рассматриваются такие вопросы, как организационное разделение между запрашивающим государством и исполняющим государством, интересы защиты, обязанность разъяснения и возможные запреты на использование полученной информации или доказательств. Таким образом предусматривается, что против следственных мер, назначенных Европейским распоряжением, могут быть поданы доступные в сопоставимом внутригосударственном деле средства правовой защиты (ст. 14 абз. 1 Директивы). В рамках сотрудничества между двумя государствами-членами в процессе получения доказательств правовая защита соответствующего лица в организационном плане разделена. На-

пример, вынесение Европейского распоряжения может быть оспорено только в запрашивающем государстве, тогда как в исполняющем государстве может быть подана апелляция против признания и исполнения Европейского распоряжения. Поскольку в исполняющем государстве нет всеобъемлющего правового рассмотрения обвинения и законности постановления, это означает, что возражения против этих вопросов могут быть представлены только в запрашивающем государстве [6, колонцифра 489].

Таким образом, с точки зрения правовой защиты организационное разделение обязанностей вызывает беспокойство, поскольку из-за сложности вмешательства в рассмотрение дел оно представляет собой еще одно препятствие для заинтересованного лица, особенно если последнее находится в исполняющем государстве или в третьей стране [9, с. 200]. В целях обеспечения эффективной правовой помощи, в частности, для защиты прав заинтересованных лиц и обеспечения справедливого производства, запрашивающие органы должны быть немедленно проинформированы в письменной форме о средствах правовой защиты (ст. 14 абз. 5 Директивы, § 91d абз. 3 предл. 2 ЗоПП).

Другой вопрос, в какой степени доказательства, полученные в других странах ЕС, могут быть использованы в уголовном судопроизводстве Германии [8, с. 566]. Если распоряжение было осуществлено в соответствии с положениями об обеспечении доказательств уголовно-процессуального законодательства Германии, а исполнение этого распоряжения было осуществлено в надлежащем порядке, то доказательства могут быть использованы [4, с. 1514]. В Директиве нет четких правил, запрещающих запрашивающему государству использовать полученные доказательства, однако, если определенные условия не были выполнены (например, обязанность проверки согласно ст. 6 абз. 1 Директивы, а также нарушение принципа справедливого судебного разбирательства согласно ст. 47 абз. 2 Хартии основных прав), то в использовании доказательств может быть отказано [6, колонцифра 487]. При оценке доказательств запрашивающее государство обязано обеспечить, чтобы полученные в рамках уголовного судопроизводства с помощью Европейского распоряжения доказательства, были добыты путем гарантирования прав на защиту и справедливое судебное разбирательство (ст. 14 абз. 7 предл. 2 Директива). В качестве дополнительной гарантии правовой защиты запрашивающие и исполняющие государства также обязаны передавать любую информацию о средствах правовой защиты, до-

ступных внутри страны (ст. 14 абз. 3 Директивы). Это должно создать некоторый противовес следственным мероприятиям. Решающим фактором является осуществление информирования и разъяснения как можно быстрее, чтобы заинтересованные лица также могли использовать средства правовой защиты, за исключением случаев, когда передача может поставить под сомнение конфиденциальность расследования [6, колонцифра 492].

IV. Заключение

Обобщая, необходимо отметить, что несмотря на существующие проблемы и дискуссии, Европейское распоряжение и его реализация

в национальном законодательстве должны привести к эффективности сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью. Кроме того, Европейское распоряжение является единым инструментом в ЕС, который помимо отмены старых соглашений, также вводит новые правила в вопросах взаимной правовой помощи, призванные ускорить предварительное расследование. Однако это предназначено не только для ускорения досудебного производства, но и для достижения взаимного соблюдения национальной правовой базы. Дальнейшее развитие и ясность новые правила должны получить в результате правоприменения и судебной практики.

Литература

1. Richtlinie 2014/41/EU des Europäischen Parlaments und des Rates vom 3. April 2014 über die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen, Amtsblatt der Europäischen Union L 130/1. 36 c.
2. *Ahlbrecht* Europäische Ermittlungsanordnung – Durchsuchung à la Europäischer Haftbefehl, StV 2018. C. 601–609.
3. *Brahms/Gut* Zur Umsetzung der Richtlinie Europäische Ermittlungsanordnung in das deutsche Recht – Ermittlungsmaßnahmen auf Bestellschein?, NStZ 2017, S. 388–395.
4. *Böhm* Die Umsetzung der Europäischen Ermittlungsanordnung, NJW 2017. C. 1512–1515.
5. *Böse* Die Europäische Ermittlungsanordnung – Beweistransfer nach neuen Regeln? ZIS 2014. C. 152–164.
6. *Eisenberg* Beweisrecht der StPO, 10. Auflage 2017. Spezialkommentar, C.H. Beck München. 1269 c.
7. *Leonhardt* Die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen. Umsetzungsanforderungen für den deutschen Gesetzgeber, 2016, Springer München.
8. Schuster, Verwertbarkeit von Beweismitteln bei grenzüberschreitender Strafverfolgung, ZIS 8/2016. C. 564–573.
9. *Schuster* Verwertung von unter Verstoß gegen Rechtshilfebestimmungen im Ausland erlangten Beweisen, StV 2014. C. 193–201.

References

1. Richtlinie 2014/41/EU des Europäischen Parlaments und des Rates vom 3. April 2014 über die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen, Amtsblatt der Europäischen Union L 130/1. 36 p. (In German)
2. *Ahlbrecht* Europäische Ermittlungsanordnung – Durchsuchung à la Europäischer Haftbefehl, StV 2018, pp. 601–609. (In German)
3. *Brahms/Gut* Zur Umsetzung der Richtlinie Europäische Ermittlungsanordnung in das deutsche Recht – Ermittlungsmaßnahmen auf Bestellschein?, NStZ 2017, pp. 388–395. (In German)
4. *Böhm* Die Umsetzung der Europäischen Ermittlungsanordnung, NJW 2017, pp. 1512–1515. (In German)
5. *Böse* Die Europäische Ermittlungsanordnung – Beweistransfer nach neuen Regeln? ZIS 2014, pp. 152–164. (In German)
6. *Eisenberg* Beweisrecht der StPO, 10. Auflage 2017. Spezialkommentar, C.H. Beck München. 1269 p. (In German)
7. *Leonhardt* Die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen. Umsetzungsanforderungen für den deutschen Gesetzgeber, 2016, Springer München. (In German)
8. *Schuster* Verwertbarkeit von Beweismitteln bei grenzüberschreitender Strafverfolgung, ZIS 8/2016, pp. 564–573. (In German)
9. *Schuster* Verwertung von unter Verstoß gegen Rechtshilfebestimmungen im Ausland erlangten Beweisen, StV 2014, pp. 193–201. (In German)

ЦИВИЛИСТИКА, ЭНЕРГЕТИКА И ЭКОЛОГИЯ

МЕРЫ АДАПТАЦИИ К КЛИМАТИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЯМ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ПАРИЖСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ ПО КЛИМАТУ

Редникова Татьяна Владимировна

***Цель:** доказать актуальность проблемы изменения климата. Рассмотреть сферы жизнедеятельности Российской Федерации, на которые данная проблема оказывает наиболее заметное негативное влияние.*

***Методология:** формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, дедукция, анализ.*

***Выводы.** В последнее десятилетие поиск средств для решения проблем, вызванных глобальным изменением климата, стал занимать важное место в государственной политике большинства развитых стран, в том числе Российской Федерации. Изменение экологических условий заметно отражается на жизнедеятельности нашей страны вследствие ее обширной территории и естественной зависимости от природных ресурсов. Для сдерживания всевозрастающей угрозы потенциального ущерба, который могут понести как население, так и ключевые секторы экономики страны, становится необходимым незамедлительное принятие адаптационных мер к климатическим изменениям.*

***Научная и практическая значимость.** В статье рассматриваются различные сферы российского общества и экономики, страдающие от климатических изменений. Им сопутствуют необратимые изменения в экосистемах и участвовавшее возникновение экологических аномалий, в том числе природных бедствий. Автором предлагаются пути решения данного комплекса задач при помощи принятия адаптационных мер и их поддержания. Анализ адаптационных мер предлагается с учетом положений Парижских соглашений по климату.*

***Ключевые слова:** климат, охрана окружающей среды, адаптация, природные ресурсы, климатические изменения, экология, риски, адаптационные меры.*

Российская Федерация является одной из стран в мире, наиболее подверженных воздействию климатических изменений. Это объясняется обширной территорией страны, большая часть которой находится в суровых климатических условиях Севера. Не последнюю роль здесь играет и большая протяженность береговой линии. По оценкам Росгидромета, скорость роста среднегодовой температуры в нашей стране превышает изменения мировой температуры в два раза, а в последние 20 лет отмечается количественный рост опасных

погодных явлений [1, с. 12]. Среди климатических изменений последних лет можно отметить такие, как отклонение температуры воздуха от климатической нормы, увеличение дней с экстремальными температурными значениями (очень морозных или жарких), изменение режима выпадения осадков, штормы в северных морях в зимний период, необычайно теплые зимы последних лет. Эти изменения отчетливо проявляются в контактных зонах соприкосновения природных сред (суша – море; суша – атмосфера и т.п.) и могут

приводить к крайне негативным последствиям. Климатические изменения наносят значительный экономический ущерб ключевым секторам экономики страны, инфраструктуре и строениям (просадка грунта из-за таяния вечной мерзлоты), угрожают стабильному существованию экосистем, изменяют рекреационный потенциал территорий, отрицательно влияют на здоровье и образ жизни населения [2, с. 138]. Повышение температуры воздуха и связанные с ними последствия оказывают существенное влияние на экосистемы. К примеру, отмечаются сдвиги в ареалах некоторых видов растений и животных, в сроках миграции птиц, наблюдается более раннее распускание листьев [3, с. 35]. Многим видам животных свойственны естественные, выработанные в процессе эволюции адаптационные возможности для осуществления миграции в районы с более благоприятными условиями. Таким образом, при изменении общих экологических условий вследствие изменений климата наиболее вероятным будет изменение территориального распространения видов, сдвиг высотной поясности распространения видов вверх по склонам и снижение численности наиболее уязвимых видов, к которым относятся редкие и эндемичные [4, с. 26].

Климатические и связанные с ними гидрологические изменения, приведшие к освобождению части участков суши, ранее покрытых постоянным ледяным покровом, и оттаиванию вечной мерзлоты, напрямую оказывают влияние на состояние экосистем. В первую очередь в высокогорных и полярных регионах. Эти изменения приводят к различным нарушениям в функционировании экосистем (распределение видов растений и животных, их численности и сезонной активности). За последнее столетие с отступлением ледников численность одних видов увеличивалась, ареал обитания смещался и закреплялся на новых территориях. Вместе с потеплением и таянием ледяного покрова в высокогорье более теплолюбивые виды «поднимаются» вверх по склону, их численность увеличивается. Тогда как более холодостойкие виды сокращают свою численность. Тем самым значительно повышается риск их исчезновения. В полярных и высокогорных районах изменилась сезонная активность видов в особенности в конце зимнего сезона и весной.

Одной из наиболее подверженных климатическим изменениям отраслей хозяйственной деятельности является сельскохозяйственное производство. Такие изменения, как увеличение среднегодовой и летней температур, уменьшение осадков в значительной степени сказывается

на урожайности сельскохозяйственных культур, является причиной изменения структуры земельного участка, в том числе в пользу увеличения объемов выращивания культур, урожайность которых в меньшей степени зависит от влияния погодных условий [5, с. 17].

Наиболее чувствительными к изменению климата регионами страны являются Арктическая зона РФ и континентальная Сибирь, в том числе и потому, что в этих регионах большую площадь занимают территории с многолетнемерзлыми породами, особо чувствительными к климатическим изменениям. Процесс потепления в Арктике по сравнению с другими регионами происходит гораздо быстрее, что вызывает ряд крайне негативных последствий. Так, таяние льдов приводит к сокращению их общей площади, образованию айсбергов и ледовых заторов. Наблюдается также учащение штормовой погоды. На континентальной части Арктической зоны РФ возрастает частота таких явлений, как снежные бури, метели, лавины и оползни. Необходимо отметить, что стихийные бедствия наносят наибольший ущерб в местах расположения населенных пунктов, труднодоступность и значительная удаленность многих из которых создают дополнительные сложности при организации аварийно-спасательных мероприятий и увеличивают объем финансирования ликвидации соответствующих последствий. Подобные экстремальные природные явления представляют угрозу безопасности населения, проживающего и осуществляющего хозяйственную деятельность в регионе. Значительно вырастают риски при осуществлении таких видов деятельности, как добыча полезных ископаемых, рыболовство, морской и наземный транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство [6, с. 177, 180], не говоря уже о сельском хозяйстве, и так являющемся для региона высокорисковым видом деятельности. Негативно они сказываются и на состоянии здоровья населения.

Одной из особенностей негативного воздействия климатических изменений на самые различные сферы жизнедеятельности человека и окружающую среду является его глобальный пространственный охват и повсеместность. При этом человечество имеет очень ограниченную способность оказать какое-либо влияние на процесс глобального потепления. Как справедливо отмечает М.В. Рыбакова, «феномен климатических изменений принципиально отличается от всех остальных проблем, стоящих перед человечеством, так как сочетает суровые лишения и недостаточность социального обеспечения с ограниченностью ин-

фраструктурных возможностей по снижению климатических рисков» [2, с. 137]. Именно поэтому адаптационные меры являются одним из наиболее эффективных способов их минимизации.

Адаптацию к изменениям климата можно рассматривать как участие в разработке технологий экологического развития. Состав адаптационных мероприятий зависит от специфики конкретного региона, набора его природно-экологических и социально-экономических особенностей. Так, как отмечает Е.Н. Никитина, вряд ли общие стандартные рецепты по адаптации в Арктике могут служить универсальной панацеей для всех северных провинций и муниципалитетов восьми арктических стран: их следует максимально адаптировать к местному контексту. Только тогда они смогут стать полезны [6, с. 183].

Климатические факторы и необходимость предотвращения негативного влияния климатических изменений должны учитываться при разработке документов стратегического планирования развития различных отраслей хозяйственной деятельности, а также стратегий обеспечения безопасности страны. Система действующего законодательства должна быть изменена с учетом обеспечения реализации адаптационных механизмов, в том числе должны быть разработаны и внедрены специальные экономические льготы и финансовые механизмы, стимулирующие внедрение прогрессивных адаптивных технологий.

Адаптация к климатическим изменениям является частью государственной политики Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды от негативных последствий потепления климата. Так, Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (*утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г. (документ опубликован не был), доступ СПС «Консультант-Плюс»*) осуществление мер, предусмотренных Климатической доктриной Российской Федерации и документами, направленными на ее реализацию, указывается как один из механизмов предотвращения и снижения негативного воздействия на окружающую среду (пп. «ж», п. 13). В 2016–2017 гг. в Распоряжение Правительства РФ от 25 апреля 2011 г. № 730-р «Об утверждении комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года» (*СЗ РФ. 2011. № 8. Ст. 2680*) были внесены изменения (*Распоряжение Правительства РФ от 16 сентября 2016 г. № 1957-р и от 31 января 2017 г. № 162-р*), закрепившие за профильными министерствами и ведомствами разработку сце-

нариев адаптации, комплекса мер по минимизации негативных последствий климатических изменений, в том числе возникающих в связи со смещением к северу южной границы зоны многолетней мерзлоты, увеличением количества осадков и подъемом уровня Мирового океана, деградацией горного оледенения и повышением риска опасных проявлений селевой и лавинной активности и др. Отметим, что в основу разрабатываемых стратегий адаптации может быть положена так называемая концепция зеленого роста, которая предполагает одновременное достижение тройной выгоды — экономической, экологической и социальной — и основывается на принципах экоэффективности (минимизации негативного воздействия на окружающую среду на всех этапах жизненного цикла [7, с. 36]), ресурсосбережения, согласованности действий всех участвующих в процессе субъектов, а также межсекторальности [8, с. 247].

Большое внимание необходимо уделять развитию адаптационных программ на региональном уровне. Специфика адаптационных мероприятий также различается в значительной степени на урбанизированных территориях и на территориях, в состав которых входят обширные природные зоны, затронутые хозяйственной деятельностью в гораздо меньшей степени. В адаптации к климатическим изменениям в первую очередь нуждаются такие отрасли экономики, как топливно-энергетический комплекс, жилищно-коммунальное хозяйство, сельское и лесное хозяйство.

Среди существенных мер, направленных на адаптацию к климатическим изменениям, можно выделить следующие: экологизация природопользования; общее увеличение площади зеленых насаждений; борьба с засухой и опустыниванием; увеличение доли возобновляемой энергетики в труднодоступных районах; борьба с наводнениями (в том числе путем модернизации защитной инфраструктуры, создания дополнительных защитных инженерных сооружений), а также перенесения черты застройки территорий вдоль русел рек на максимально безопасное расстояние; борьба с инфекционными заболеваниями (в частности, малярией, клещевым энцефалитом и другими, связанными с изменением ареала обитания переносчиков инфекций под влиянием климатических изменений); адаптация сельскохозяйственного производства (в том числе выведение новых сортов сельскохозяйственных культур, устойчивых к неблагоприятным погодно-климатическим явлениям [1, с. 15], борьба с новыми видами вредителей, изменяющих ареал

обитания, и др.); технологическая реконструкция промышленных производств (нефтепереработка, цементная промышленность, черная и цветная металлургия и др.) в целях снижения их отрицательного воздействия на климат; уменьшение водоемкости производственных процессов; модернизация предприятий топливно-энергетического комплекса. Большое значение для повышения уровня адаптации к климатическим изменениям имеет также создание системы информирования о происходящих и потенциальных угрозах, а также развитие системы экологического образования, внедрение инновационных способов получения и использования информации.

В качестве примеров конкретных адаптационных мер можно привести такие, как новые стандарты развития «зеленого» строительства (водонепроницаемые поверхности, зеленые крыши); совершенствование страховых схем, возмещения ущерба в результате засухи и/или наводнений; ограничение на создание населенных пунктов и развитие строительства в зонах риска, укрепление фундаментов зданий, создание устойчивой инфраструктуры в местах с высокой плотностью застройки, техническая защита от наводнений (сооружение плотин, дамб и иных защитных сооружений, укрепление береговых склонов, увеличение площадей и объемов водохранилищ, модернизация дренажных систем), естественное влагозадержание паводковых вод (восстановление поймы, изменение назначения использования земель, ландшафтное проектирование в целях улучшения водного баланса, снижение заиливания территорий) [2, с. 139]. Одной из мер может также служить освобождение русел рек от застройки в местах, где могут прогнозироваться их возможные разливы. Четкий контроль за нормами землепользования, строительства и расселения в паводкоопасных районах способствует снижению ущерба [6, с. 182].

В сфере охраны биологического разнообразия от негативного влияния климатических изменений можно отметить такие, как снижение всех видов антропогенной нагрузки на экосистемы и расширение сети особо охраняемых природных территорий, взаимосвязанных между собой, для обеспечения беспрепятственной миграции видов.

Традиционное значение в борьбе с климатическими изменениями играют лесоразведение и лесовосстановление. Восстановление лесов на максимально возможных территориях имеет многоаспектное положительное влияние: поглощение углерода из атмосферы, снижение риска наво-

днений, улучшение качества воздушной среды, борьба с эрозиями сельскохозяйственных земель, увеличение рекреационной привлекательности территорий, покрытых лесом.

Для реализации адаптационных программ требуются значительные технологические и финансовые ресурсы. Одним из направлений развития адаптационных программ является климатическое страхование [1, с. 18], особенно в таких областях, как борьба с последствиями разрушительных природных явлений и сельскохозяйственное производство. Как отмечает В.В. Устюкова, в правоотношениях по сельскохозяйственному страхованию, в том числе с государственной поддержкой, в особенности при рассмотрении споров, связанных с выплатой страхового возмещения, важное значение имеет гидрометеорологическая информация. Так, информация о погодных явлениях на конкретной территории в момент наступления страхового случая, полученная от органов гидрометслужбы, может подтвердить или опровергнуть факт его наступления [9, с. 777].

Проживающие на территории страны коренные малочисленные народы, традиционной основой жизнеобеспечения, занятости и культуры которых является природная среда и ее компоненты, также нуждаются в первую очередь в адаптации способов ведения традиционного хозяйствования и всего образа жизни к климатическим изменениям.

Эффективное осуществление адаптивных мер требует привлечения значительных финансовых, материально-технических, людских и иных ресурсов. В качестве источников их финансирования используются как государственные (целевые программы, субсидии, гранты), так и негосударственные источники (средства различных частных фондов) [10, с. 14].

Присоединение Российской Федерации в 2019 г. к Парижскому соглашению по климату (*Парижское соглашение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Париж, 12 декабря 2015 г.)*. URL: http://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 20.07.2020); постановление Правительства РФ от 21 сентября 2019 г. № 1228 «О принятии Парижского соглашения» // СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5430) послужило толчком к активизации научных и практических исследований в сфере разработки соответствующих адаптационных мер в стране, что вызывает необходимость совершенствования правового регулирования в сфере охраны окружающей среды. Согласно п. 3 ст. 5 Парижских соглашений адаптация представляет собой глобальный вызов,

стоящий перед всеми в местном, субнациональном, региональном и международном измерениях, и является ключевым компонентом долгосрочного глобального реагирования на изменения климата в целях защиты людей, средств существования, экосистем. Адаптационные меры должны быть основаны на использовании наилучших существующих научных знаний (а также традиционных знаний коренных народов), разрабатываться с учетом обеспечения прозрачности и участия всех заинтересованных сторон в целях надлежащей интеграции этих мер в соответствующие социально-экономические и природоохранные стратегии и решения (п. 5 ст. 5), обеспечивающие повышение сопротивляемости социально-экономических и экологических систем в том числе путем диверсификации экономики и устойчивого управления природными ресурсами [11, с. 19]. При этом необходимо подчеркнуть особую важность междисциплинарного подхода и максимально-

го учета достижений различных областей науки в этом процессе.

На сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений, что на нашей планете в настоящее время происходит глобальное потепление, приводящее к повышению частоты природных явлений, оказывающих негативное воздействие как на человека, так и на состояние природной среды. Ученые, осуществляющие исследования климата в различных отраслях науки, ведут многолетние споры о роли деятельности человека в ускорении этого процесса. И консенсуса по данному вопросу в настоящее время не наблюдается. В то же время необходимость адаптации к изменениям климата бесспорна, так как они несомненно происходят. Разработка эффективных адаптационных мер и правовая регламентация их реализации является одной из важнейших составляющих обеспечения национальной безопасности государств и их народов.

Литература

1. *Медведков А.А.* Адаптация к климатическим изменениям: глобальный эколого-экономический тренд и его значение для России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2018. № 4. С. 11–19.
2. *Рыбакова М.В.* Социокультурные аспекты изучения адаптации к климатическим изменениям // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 137–140.
3. *Обязов В.А.* Адаптация к изменениям климата: региональный подход // География и природные ресурсы. 2010. № 2. С. 34–39.
4. *Балбакова Ф.Н., Аламанов А.С., Липка О.Н.* Сохранение биоразнообразия и решение социально-экономических проблем в условиях климатических изменений: опыт проекта WWF в Центральном Тянь-Шане. Бишкек. Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2016. 32 с.
5. *Мухин Г. Д., Болданов Т.А.* Экологическая адаптация сельскохозяйственного землепользования в условиях изменения климата в Республике Бурятия // Аридные экосистемы. 2019. Т. 25. № 1. С. 10–19.
6. *Никитина Е.Н.* Изменение климата в Арктике: адаптация в ответ на новые вызовы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 177–200.
7. *Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Калинин В.Т., Редникова Т.В., Рерихт А.А.* Экологическая политика Европейского союза в сфере правового регулирования оборота продуктов и продукции // Экологическое право. 2008. № 2. С. 33–37.
8. *Терешина М.В., Дегтярева И.Н.* «Зеленый рост» и структурные сдвиги в региональной экономике: попытка теоретико-методологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 246–248.
9. *Устюкова В.В.* Роль гидрометеорологической информации в обеспечении устойчивого развития сельского хозяйства (правовой аспект) // Современные проблемы гидрометеорологии и устойчивого развития Российской Федерации. Сб. тезисов Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 776–778.
10. *Арефьева Е.В.* Об одном подходе эффективного распределения финансовых ресурсов для реализации мероприятий по адаптации к климатическим изменениям // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2017. № 2(33). С. 14–16.
11. *Дубовик О.Л., Аверина К.Н.* Значение Парижского соглашения для охраны климата: крупномасштабные планы и проблемы с их реализацией // Международное право и международные организации. 2018. № 4. С. 18–27.

References

1. *Medvedkov A.A.* Adaptacija k klimaticeskim izmenenijam: global'nyj jekologo-jekonomicheskiy trend i ego znachenie dlja Rossii [Adaptation to climate change: the global environmental and economic trend and its significance for Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: estestvennye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: natural sciences], 2018, no. 4, pp. 11–19. (In Russian, abstract in English)
2. *Rybakova M.V.* Sociokul'turnye aspekty izuchenija adaptacii k klimaticeskim izmenenijam [Socio-cultural aspects of studying adaptation to climatic changes]. *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological research], 2010, no. 5, pp. 137–140. (In Russian, abstract in English)
3. *Objazov V.A.* Adaptacija k izmenenijam klimata: regional'nyj podhod [Adaptation to climate change: a regional approach]. *Geografija i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 2010, no. 2, pp. 34–39. (In Russian, abstract in English)
4. *Balbakova F.N., Alamanov A.S., Lipka O.N.* Sohranenie bioraznoobrazija i reshenie social'no-jekonomičeskix problem v uslovijah klimaticeskix izmenenij: opyt proekta WWF v Central'nom Tjan'-Shane [Conservation of biodiversity and solution of socio-economic problems in the context of climate change: the experience of the WWF project in the Central Tien Shan]. Bishkek. Vsemirnyj fond dikoj prirody (WWF), 2016. 32 p. (In Russian)
5. *Muhin G. D., Boldanov T.A.* Jekologičeskaja adaptacija sel'skohozjajstvennogo zemlepol'zovanija v uslovijah izmenenija klimata v Respublike Burjatija [Ecological adaptation of agricultural land use in the context of climate change in the Republic of Buryatia]. *Aridnye jekosistemy* [Arid ecosystems], 2019, vol. 25, no. 1, pp. 10–19 (In Russian, abstract in English)
6. *Nikitina E.N.* Izmenenie klimata v Arktike: adaptacija v otvet na novye vyzovy [Climate change in the Arctic: adaptation in response to new challenges]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, parvo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2019, vol. 12, no., pp. 177–200. (In Russian, abstract in English)
7. *Dubovik O.L., Ivanova A.L., Kalinichenko V.T., Rednikova T.V., Rjoriht A.A.* Jekologičeskaja politika evropejskogo sojuza v sfere pravovogo regulirovanija oborota produktov i produkcii [Environmental policy of the European Union in the field of legal regulation of the turnover of products and products]. *Jekologičeskoe parvo* [Environmental law], 2008, no. 2, pp. 33–37. (In Russian, abstract in English)
8. *Tereshina M.V., Degtjareva I.N.* «Zelenyj rost» i strukturnye sdvigi v regional'noj jekonomike: popytka teoretiko-metodologičeskogo analiza [“Green growth” and structural changes in the regional economy: an attempt at theoretical and methodological analysis]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development], 2012, no. 5, pp. 246–248. (In Russian, abstract in English)
9. *Usjukova V.V.* Rol' gidrometeorologičeskij informacii v obespečenija ustojchivogo razvitija sel'skogo hozjajstva (pravovoj aspekt) [The role of hydrometeorological information in ensuring sustainable development of agriculture (legal aspect)]. In *Sovremennye problemy gidrometeorologii i ustojchivogo razvitija Rossijskoj Federacii. Sbornik tezisov Vserossijskoj nauchno-praktičeskij konferencii* [Modern problems of hydrometeorology and sustainable development of the Russian Federation. Collection of theses of the All-Russian scientific-practical conference]. Sankt Petersburg, 2019. Pp. 776–778. (In Russian, abstract in English)
10. *Arefeva E.V.* Ob odnom podhode jeffektivnogo raspredelenija finansovyh resursov dlja realizacii meroprijatij po adaptacii k klimaticeskim izmenenijam [On one approach to the effective allocation of financial resources for the implementation of measures to adapt to climate change]. *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashhity* [Scientific and educational problems of civil protection], 2017, no. 2(33), pp. 14–16. (In Russian, abstract in English)
11. *Dubovik O.L., Averina K.N.* Znachenie Parizhskogo soglashenija dlja ohrany klimata: krupnomasshtabnye plany i problemy s ih realizaciej [Significance of the Paris Agreement for climate protection: large-scale plans and problems with their implementation]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* [International Law and International Organizations], 2018, no. 4, pp. 18–27. (In Russian, abstract in English)

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО (ФЕРМЕРСКОГО) ХОЗЯЙСТВА

Устюкова Валентина Владимировна

Цель: рассмотреть спорные вопросы, касающиеся правового регулирования отношений по осуществлению крестьянскими (фермерскими) хозяйствами различных видов, и предложить варианты их решения.

Методология: анализ, синтез, диалектический, формально-логический и системный методы.

Выводы. Отношения по созданию хозяйств на базе имущества крестьянских (фермерских) хозяйств, действующих без образования юридического лица, хозяйственных товариществ или производственных кооперативов в соответствии со ст. 259 ГК РФ следует рассматривать как реорганизацию в форме преобразования. Однако некоторыми исследователями такой подход отрицается, поскольку в Гражданском кодексе РФ термины «реорганизация» или «преобразование» применительно к данной ситуации не используются. Этот вывод сделан на основе того, что в подобных случаях у вновь созданного юридического лица по всем обязательствам прежнего фермерского хозяйства возникает правопреемство, что отличает реорганизацию от ликвидации юридического лица. Вопрос о преобразовании КФХ — не юридического лица в юридическое лицо стал еще более актуальным в связи с включением в ГК РФ новой ст. 86.1, которая тоже не содержит термина «реорганизация» (в форме преобразования), а потому ее толкование в литературе также является неоднозначным. Что касается фермерских хозяйств — юридических лиц, то и здесь отношения по их реорганизации в различных формах законом также не урегулированы. В целях защиты прав фермерских хозяйств и их кредиторов предлагается внести в гражданское законодательство соответствующие изменения и на этой основе принять новый закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», в котором нормы ГК РФ получили бы свое развитие.

Научная и практическая значимость. Сформулированные в статье выводы развивают теорию аграрного и гражданского права, а высказанные на их основе предложения могут использоваться в целях совершенствования законодательства.

Ключевые слова: крестьянское (фермерское) хозяйство, имущество, членство, юридическое лицо, реорганизация, преобразование, правопреемство, обязательство, гражданское законодательство.

Нормы о реорганизации, как известно, содержатся в Гражданском кодексе РФ в параграфе 1 «Общие положения» главы 4 «Юридические лица». Статья 57 ГК РФ так и называется — «Реорганизация юридического лица», т.е. Гражданский кодекс РФ формально не предусматривает возможности реорганизации индивидуальной предпринимательской деятельности или крестьянского (фермерского) хозяйства, действующего без образования юридического лица, в какую-либо форму юридического лица.

Вместе с тем еще до внесения изменений в ГК РФ, подготовленных в соответствии с Концеп-

цией развития гражданского законодательства, в Кодексе была ст. 259 (да она и осталась), согласно которой члены крестьянского (фермерского) хозяйства (далее также — КФХ или фермерское хозяйство) на базе имущества этого хозяйства могли создать хозяйственное товарищество или производственный кооператив.

Применительно к данной статье в юридической литературе также обсуждался вопрос о том, можно ли подобные действия рассматривать как реорганизацию в форме преобразования одной организационно-правовой формы (предпринимательства без образования юридического лица)

в другую (в юридическое лицо определенного вида). Различные точки зрения по этому вопросу подробно проанализировал Н.Н. Мельников [1, с. 169–190]. В частности, он приводит мнение Т.Л. Левшиной, согласно которому товарищество или кооператив образуется не на базе фермерского хозяйства, а на базе его имущества, а потому это не может быть названо реорганизацией [2, с. 47]. Сам Н.Н. Мельников ограничился при анализе этой позиции лишь комментарием, что автор, к сожалению, не указала, имеет ли место в этом случае правопреемство [1, с. 170].

У нас возникают вопросы и иного рода: в чем отличие создания товарищества (кооператива) на базе *фермерского хозяйства* от его создания на базе *имущества* этого хозяйства? Мы здесь принципиальной разницы не видим, ведь собственниками имущества фермерского хозяйства являются его члены, и если они создают на базе этого имущества новое юридическое лицо, то одновременно члены хозяйства — как собственники имущества — становятся учредителями этого нового лица. Если доводить рассматриваемую позицию до логического завершения, то получается, что на базе имущества хозяйства создается товарищество или кооператив, но и само фермерское хозяйство остается (без имущества!). При этом у хозяйства, если оно осуществляло сельскохозяйственную деятельность, сохраняются какие-то обязательства. Но тогда неясно, как это хозяйство будет работать дальше (без имущества) и чем оно будет отвечать перед кредиторами.

На наш взгляд, очевидно, что описанная ситуация вряд ли возможна, а потому приведенное высказывание Т.Л. Левшиной — не более, чем игра слов. А если это так, и можно считать, что товарищество или кооператив создаются *на базе хозяйства (а не только его имущества)*, то тогда такие действия вполне можно назвать реорганизацией, поскольку новое юридическое лицо становится правопреемником по обязательствам КФХ.

Статья 259 ГК РФ имеет очевидные недостатки, касающиеся перечня организационно-правовых форм, которые можно создать на базе имущества существующего КФХ, о которых мы писали ранее, комментируя данную статью ГК РФ [3, с. 718–720]. В частности, если рассматривать вариант создания на базе имущества КФХ хозяйственного товарищества, то из двух видов товариществ в лучшем случае может быть создано коммандитное товарищество (товарищество на вере, далее — ТнВ), поскольку из всех членов КФХ только глава по прежней редакции ст. 23 ГК РФ «признается», а по действующей редакции —

«является» предпринимателем. То есть остальные члены КФХ могут быть в ТнВ только вкладчиками (коммандитистами). Однако такое «распределение ролей» противоречит сути фермерского хозяйства, где все члены действуют совместно, в общих интересах и равноправны при принятии решений. Если же на базе хозяйства будет создано ТнВ, то решения будет принимать только глава хозяйства как полный товарищ (предприниматель). Нельзя также не учитывать, что как полное товарищества, так и товарищества на вере на самом деле не очень востребованные практикой организационно-правовые формы.

Что касается создания на базе имущества КФХ производственного кооператива, то это в принципе возможно. Да и характер отношений в кооперативе более понятен и близок членам хозяйства (принятие решений общим собранием на основе принципа «один член кооператива — один голос», распределение прибыли в зависимости от трудового участия и т.п.). Вместе с тем, КФХ, в которых менее пяти членов, создать кооператив не смогут, так как согласно п. 5 ст. 3 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.) минимальное количество членов для производственного кооператива — пять физических лиц.

Если же фермерское хозяйство состоит из одного лица, а Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.) это допускает, то на базе имущества хозяйства не может быть создано ни хозяйственное товарищество, ни производственный кооператив. Создание же хозяйственных обществ на базе имущества КФХ ст. 259 ГК РФ не предусмотрено.

Тем не менее есть судебная практика «преобразования» КФХ в общество с ограниченной ответственностью. В частности, по заявлению КФХ А.Г. Мельникова, решением Арбитражного суда Волгоградской области признано незаконным решение Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 6 по Волгоградской области (далее — Инспекция) в форме уведомления по оставлению без рассмотрения документов, представленных для внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о том, что КФХ А.Г. Мельникова находится в процессе реорганизации в форме преобразования.

В кассационной жалобе в Федеральный арбитражный суд Поволжского округа Инспекция просила это решение отменить, поскольку в силу ст. 259 ГК РФ не допускается преобразование крестьянского (фермерского) хозяйства в обще-

ство с ограниченной ответственностью, а только в хозяйственное товарищество или производственный кооператив, однако эта жалоба была оставлена судом без удовлетворения. Из материалов дела усматривается, что данное КФХ было зарегистрировано в качестве юридического лица на основании норм Закона РСФСР от 22 ноября 1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (*Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 324.*), правовой статус не изменяло. Данное КФХ создано одним членом, являющимся главой хозяйства. В связи с этим суд указал, что ссылка Инспекции на ст. 259 ГК РФ является несостоятельной, поскольку она распространяется на фермерские хозяйства, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. А КФХ — юридическое лицо может быть реорганизовано в форме преобразования в общество с ограниченной ответственностью в соответствии со ст. 57 ГК РФ (*Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 2 марта 2010 г. № А12-17658/2009.*)

Обратим внимание, что Инспекция ФНС хотя и неверно ссылается на ст. 259 ГК РФ, но у нее все же нет сомнений, что в этой статье говорится о *преобразовании* как форме реорганизации, хотя в самой статье нет этого термина. Но, на наш взгляд, вопрос не в терминах. И это не просто чисто теоретическая проблема — можно ли считать реорганизацией такие действия, поскольку в них принимает участие хозяйство без образования юридического лица, или нельзя, коль скоро в ГК РФ это не предусмотрено. Этот вопрос имеет и существенное практическое значение, поскольку связан с другим вопросом — есть или нет *правопреемство, которое имеет место при реорганизации (в отличие от ликвидации)* вновь созданного юридического лица по обязательствам хозяйства, действовавшего без образования юридического лица.

По нашему мнению [3, с. 719], разделяемому Н.Н. Мельниковым и рядом других авторов [1, с. 170–172], подобные юридические действия можно рассматривать как реорганизацию в форме преобразования в иную организационно-правовую форму, поскольку в данном случае должно иметь место правопреемство (*Представляется, что как реорганизацию можно было рассматривать и при введении с 1995 г. правового статуса фермерского хозяйства — юридического лица в соответствии с нормами ГК на основе статьи 7 Федерального закона от 30 ноября 1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 1994. № 32. № 3302.). Ведь «изме-*

нение правового статуса КФХ», о котором говорит данная статья, было возможно либо путем преобразования КФХ — юридического лица в хозяйство без образования юридического лица, либо в одну из организационно-правовых форм юридических лиц — коммерческих организаций (кроме государственных и муниципальных предприятий)). Да, ГК РФ это прямо не предусмотрено, но и не запрещено, тем более что фермерское хозяйство без образования юридического лица представляет собой нетипичную (особую) форму предпринимательства.

Стоит также напомнить, что законом допускается применение норм гражданского законодательства по аналогии (п. 1 ст. 6 ГК РФ), и она здесь вполне уместна, так как условия о правопреемстве в соответствующих правоотношениях не противоречат существу отношений, складывающихся между прежним хозяйством без образования юридического лица, и созданным на базе его имущества новым юридическим лицом, а, напротив, отвечают интересам фермеров, поскольку в противном случае нужно было бы ликвидировать КФХ без образования юридического лица и создавать новое юридическое лицо «с чистого листа». Но в этом случае ст. 259 ГК РФ вообще теряет смысл, так как если какое-то юридическое лицо создается заново (а не путем реорганизации), то не имеет значения, на базе какого имущества оно создается. Это определяют только его учредители.

После внесения в Гражданский кодекс РФ изменений, в соответствии с которыми в главу о юридических лицах была включена ст. 86.1 «Крестьянское (фермерское) хозяйство», этот вопрос стал еще более актуальным. Преобразования по ст. 259 ГК РФ носили единичный характер, поскольку фермеры не хотели терять статус фермерского хозяйства, а после создания на базе имущества КФХ хозяйственного товарищества или производственного кооператива прежняя организационно-правовая формы — фермерское хозяйство — исчезало. Это могло влечь для фермеров утрату льгот, адресованных именно фермерским хозяйствам. Да и само наименование «фермерское хозяйство» для многих было важным. Теперь же ст. 86.1 ГК РФ прямо предусматривает, что фермерское хозяйство — юридическое лицо может быть создано именно гражданами, совместно ведущими совместную деятельности в области сельского хозяйства без образования юридического лица. И, исходя из буквального прочтения п. 1 ст. 86.1, КФХ — юридическое лицо может быть создано только таким способом — путем *преобразования* КФХ без образования юридического лица в юридическое лицо. В этой связи мы не разде-

ляем мнение А.В. Габова, что норму ст. 86.1 ГК РФ можно рассматривать как указание главного способа создания крестьянского (фермерского) хозяйства — юридического лица — путем его учреждения указанными лицами (*автор имеет в виду лиц, ведущих фермерское хозяйство без образования юридического лица на основе соглашения между ними*) и исключение реорганизации как способа создания [4, с. 85]. Ведь здесь также не обсуждается проблема правопреемства, а у действующего хозяйства без образования юридического лица просто не может не быть обязательств перед торговыми организациями, которым они реализуют свою продукцию, перед банками, перед страховыми организациями и т.п.

По нашему мнению, о создании КФХ путем учреждения можно было бы говорить, если бы ГК РФ допускал возможность создания КФХ «обычными» гражданами, а не гражданами, уже ведущими фермерское хозяйство. Но коль скоро в ст. 86.1 в настоящее время предусмотрен иной порядок, то имеется в виду именно *реорганизация* прежнего КФХ в форме его преобразования в КФХ — юридическое лицо.

Подчеркнем, что в этой части указанная статья 86.1 ГК РФ нуждается в изменении и дополнении. Прежде всего, следует закрепить возможность образования фермерского хозяйства гражданами «напрямую» (путем учреждения). Это необходимо сделать, поскольку для лиц, имеющих намерение вести фермерское хозяйство, двухэтапный вариант, о котором пишет В.А. Майборода (*сначала граждане заключают соглашение и создают КФХ без образования юридического лица по Закону 2003 г., а затем регистрируют это КФХ в качестве юридического лица* [5, с. 20–24]) совершенно нерационален. Первый этап в этой «схеме» явно лишний. Вместе с тем, для граждан, которые реально на протяжении длительного времени уже ведут фермерское хозяйство, целесообразно сохранить и тот вариант, который предусмотрен в ст. 86.1 ГК РФ сейчас. Однако эти действия следует ясно обозначить как реорганизацию в форме преобразования, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений на этот счет.

Такое четкое и определенное правовое регулирование важно для того, чтобы граждане, ведущие КФХ, действовали юридически грамотно: предупреждали кредиторов о преобразовании, составляли передаточный акт о том, что все обязательства прежнего КФХ без образования юридического лица переходят к вновь созданному КФХ — юридическому лицу и т.п. Однако здесь могут возникнуть сложности в связи с нередко имеющим место на практике отождествлением

КФХ как якобы неправосубъектного объединения с его главой, ведь нередко даже в хозяйствах, основанных на членстве (т.е. состоящих не из одного лица) договоры оформляются не на КФХ, а на главу хозяйства. Но эта проблема требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, наибольшие сложности и противоречивые подходы к реорганизации связаны с фермерскими хозяйствами без образования юридического лица вследствие неопределенности их статуса. Однако и в хозяйствах с правами юридического лица могут быть свои проблемы. Как уже отмечалось, А.В. Габов посвятил им обстоятельную статью, однако не со всеми его суждениями мы можем согласиться.

Для начала отметим, что позиция автора несколько противоречива. С одной стороны, А.В. Габов говорит, что ст. 86.1 ГК норм о реорганизации КФХ не содержит, что формально не препятствует возможности проведения реорганизации КФХ — юридического лица в любой из предусмотренных сегодня гражданским законодательством форм (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование). С другой стороны, такой вывод, по его мнению, нельзя признать в полной мере корректным, поскольку общего запрета (ограничения) реорганизации действительно нет, но надо учитывать скрытые ограничения на использование большинства ее форм [4, с. 85]. В этой части автор, безусловно, прав: скрытые ограничения на реорганизацию КФХ действительно есть, но мы видим их совсем в ином.

В частности, нам неясно, на чем основан вывод А.В. Габова, что статья 86.1 ГК РФ исключает не только реорганизацию как способ создания КФХ (об этом уже говорилось выше), но и «имплицитно ограничивает возможность использования всех тех форм реорганизации, последствием которых является создание нового юридического лица», т.е. слияния, разделения, выделения, а потому единственно доступной на сегодняшний день формой реорганизации для КФХ — юридического лица является присоединение [4, с. 87].

По нашему мнению, из ст. 86.1 этот вывод совершенно не следует. Ограничения на *разделение* и *выделение* как способы реорганизации КФХ вытекают из особенностей данной формы хозяйствования. Так, в п. 2 ст. 258 ГК РФ закреплено, что земельный участок и средства производства, принадлежащие крестьянскому (фермерскому) хозяйству, при выходе одного из его членов из хозяйства разделу не подлежат. Вышедший из хозяйства имеет право на получение денежной компенсации, соразмерной его доле в общей собственно-

сти на это имущество. Аналогичное положение предусмотрено и в п. 1 и 2 статьи 9 Федерального закона № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

Конечно, нам могут возразить, что эти нормы рассчитаны на КФХ, осуществляющие деятельность без образования юридического лица. Однако аналогичные положения (о неделимости хозяйства) содержались и в ранее действовавшем одноименном законе РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1, в соответствии с которым КФХ обладали правами юридического лица. Таким образом, принцип неделимости земли и основных средств производства всегда рассматривался как отличительный признак КФХ, независимо от того, действовало оно с правами или без прав юридического лица. Наконец, еще одно соображение: согласно п. 3 ст. 23 Закона № 74-ФЗ, нормы данного Закона распространяются и на КФХ – юридические лица, созданные по Закону РСФСР 1990 г., если иное не вытекает из федерального закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации или существа правоотношения. Этот принцип должен распространяться (по аналогии) и на КФХ – юридические лица, которые создаются по ст. 86.1 ГК РФ. В противном случае будет существовать неоправданная разница между КФХ – юридическими лицами, созданными в разное время в соответствии с разными законами, действовавшими в момент их создания.

Что касается слияния КФХ, то А.В. Габов никак не поясняет, почему он считает его неприем-

лемой для КФХ формой реорганизации. На наш взгляд, слияние двух КФХ, как и присоединение КФХ к какому-либо другому КФХ, вполне возможны (*Как правильно указывается в литературе, возможность участия КФХ – юридического лица в смешанной реорганизации (когда в реорганизации участвуют юридические лица разных организационно-правовых форм) однозначно исключена [4, с. 86].*). Однако для их осуществления эти хозяйства должны быть расположены компактно, на небольшом расстоянии друг от друга, в противном случае ведение сельскохозяйственной деятельности в таких КФХ будет весьма затруднительно.

В заключение отметим, что регулирование отношений по реорганизации – только один из вопросов, который не решен в ст. 86.1 ГК РФ, а существуют и другие, в связи с чем предусмотренное в ней правовое регулирование неоднократно подвергалось критике, в том числе и нами [6, с. 277–279]. Поэтому данная статья нуждается в срочной корректировке, равно как существует настоятельная потребность в скорейшем принятии нового Закона о крестьянском (фермерском) хозяйстве, который будет регулировать отношения по созданию и деятельности как КФХ без образования юридического лица, так и КФХ – юридических лиц. Пока этого не будет сделано (и сделано качественно, а не «кое-как»), правовое регулирование в данной сфере так и останется, по меткому определению А.В. Габова, в «подвешенном» состоянии [4, с. 91].

Литература

1. Мельников Н.Н. Правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства по законодательству России и СНГ. М.: Городец, 2010. 400 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / отв. ред. О.Н. Садиков. М.: Юринформцентр, 1995. 448 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт, 2004. 1069 с.
4. Габов А.В. Реорганизация крестьянского (фермерского) хозяйства – юридического лица // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 79–95.
5. Майборода В.А. Правовое разграничение фермерского и крестьянского хозяйств применительно к формам корпоративного и индивидуального хозяйствования // Юрист. 2016. № 5. С. 20–24.
6. Публичные и частные интересы в земельном и аграрном праве: теория и практика / отв. ред. В.В. Устюкова. М.: Институт государства и права РАН, 2019. С. 277–279.

References

1. Mel'nikov N.N. Pravovoe polozhenie krest'yanskogo (fermerskogo) khozyaistva po zakonodatel'stvu Rossii i SNG [Legal status of a peasant(farmer) economy under the laws of russia and the CIS]. Moscow, Gorodets Publ., 2010. 400 p. (In Russian)

2. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti pervoi [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part one]. Ed. O.N. Sadikov. Moscow, Yurinformtsentr Publ., 1995. 448 p. (In Russian)
3. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part one]. Ed. T.E. Abova, A.Ju. Kabalkin. Moscow, Jurajt Publ., 2004. 1069 p. (In Russian)
4. *Gabov A.V.* Reorganizatsiya krest'yanskogo (fermerskogo) khozyaistva – yuridicheskogo litsa [Reorganization of a Peasant (Farm) Entity Functioning as a Legal Entity]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual Problems of the Russian Law]*, 2020, vol. 15, № 5, pp. 79–95. (In Russian, abstract in English)
5. *Mayboroda V.A.* Pravovoe razgranichenie fermerskogo i krest'yanskogo khozyaistv primenitel'no k formam korporativnogo i individual'nogo khozyaistvovaniya [Legal Differentiation between Farm Enterprises and Peasant Households in Relation to Corporate and Individual Business Patterns]. *Yurist [Jurist]*, 2016, no. 5, pp. 20–24. (In Russian, abstract in English)
6. Publichnye i chastnye interesy v zemel'nom i agrarnom prave: teoriya i praktika [Public and private interests in land and agrarian law: theory and practice]. Ed. V.V. Ustjukova. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 2019, pp. 277–279. (In Russian)

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Гольцер Татьяна Александровна,
Сорокина Кристина Анатольевна

Цель: проведение криминологического анализа неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего как преступления, предусмотренного ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации, и разработка системы мер предупреждения данного вида преступления на основе комплексного исследования его криминологических аспектов.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, диалектический метод, статистический метод, социологический метод.

Выводы. В результате проведенного исследования авторы установили причины совершения насилия в отношении несовершеннолетних, изучили условия, препятствующие их нормальному физическому, психическому развитию, а также определили меры по предотвращению жестокого обращения с детьми.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации, а также в учебном процессе и в научных исследованиях по данной проблеме. Разработанный авторами комплекс мероприятий может быть применен государственными организациями, правоохранительными органами для достижения положительных результатов по профилактике неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокого обращения с детьми.

Ключевые слова: криминологический анализ, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокое обращение, насилие, несовершеннолетние, родители, виктимность, ответственность, меры профилактики.

Защита прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних от преступных посягательств является важным направлением деятельности государства в силу уязвимого положения детей. Однако эффективно обеспечить благоприятную среду для их взросления, надлежащее нравственное и психическое развитие способны, в первую очередь, родители. В связи с этим Конституция Российской Федерации в ст. 38 закрепляет обязанность родителей по воспитанию своих детей и заботе о них. Кроме того, они должны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своего ребенка, что предусмотрено ст. 63 Семейного кодекса РФ. Данной обязанности корреспондирует право не-

совершеннолетнего на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов и всестороннее развитие, предусмотренное ч. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ. Однако реалии современной жизни показывают, что людьми, позволяющими себе неприемлемо обращаться с детьми вопреки морали, нравственности и закону, чаще всего оказываются самые родные и близкие, а их противоправное поведение способно привести к необратимым ухудшениям здоровья, изменению нормального психического развития ребенка.

Механизм воздействия на обеспечение законных прав и интересов подростков в России предусмотрен ст. 156 Уголовного кодекса РФ, согласно которому родители или иные лица за неисполне-

ние или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в сочетании с жестоким обращением подлежат уголовной ответственности.

Так, детей предшествующего и настоящего поколения продолжают «воспитывать» подзатыльниками и ударами ремнем. Такие методы воспитания являются нежелательными, но тем не менее умеренное применение силы родителями оценивается судом как малозначительное деяние. Таким образом, следует различать наказания, не причинившие вред здоровью и не свидетельствующие о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, от жестокого обращения, которое имеет оценочный характер в связи с отсутствием дефиниции в законе.

В теории уголовного права существуют различные точки зрения на природу понятия «жестокое обращение». Так, одни ученые определяют жестокое обращение как систему поведения виновного по отношению к несовершеннолетнему, выраженное в «нанесении побоев, истязании, лишения пищи, питья, крова, одежды, глумлении над личностью несовершеннолетнего, незаконном лишении свободы и причинении вреда здоровью» [1, с. 36]. Другие же отождествляют его не только с физическим насилием, но и психическим [2, с. 110]. Однако в правоприменительной практике по ст. 156 УК РФ помимо данных способов жестокого обращения с несовершеннолетними выделяют иные деяния, причиняющее нравственные страдания (например, оставление несовершеннолетнего одного на длительный период дома или на улице, препятствование обучению, свободному передвижению, эксплуатация и др.) [3, с. 164].

Помимо видов жестокого обращения следует определиться со систематическим характером неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Мы согласны с позицией таких ученых, как О.М. Шаганова [4, с. 20], В.М. Волошин [5, с. 13], которые полагают, что моментом окончания преступления будет совершение единичного акта жестокого обращения с несовершеннолетним, а по отношению к неисполнению или ненадлежащему исполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего — необходимо доказать систематический характер. Таким образом, конкретно неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка достаточно продолжительный процесс причинения физической боли и (или) нравственных страданий.

Согласно данным МВД России и Генеральной прокуратуры РФ, число зарегистрированных

преступлений по ст. 156 в 2015 г. составило 2 146, в 2016 г. — 1 824, в 2017 г. — 1 620 и в 2018 г. — 1 579, что составляет от 2,2% до 1,6% от общего количества преступлений против несовершеннолетних (См. *Число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних по данным МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации* // URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/5-1.xls> (дата обращения: 21.10.2019)). Эти данные за последние 4 года отражают динамику, свидетельствующую о небольшом спаде преступлений, что отражает состояние преступности по данной категории дел в стране, но, по нашему мнению, неполную. Так, причиной малого количества зарегистрированных преступлений следует выделить их латентность, слабый контроль со стороны исполнительных органов власти, а также недостатки уголовного законодательства, вследствие чего возникают проблемы на практике с толкованием, квалификацией преступлений.

За 2018 г. привлечено к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ 930 человек, большинству из которых назначены обязательные работы (319), штрафы (283), а лишены свободы — 39 человек (См. *Данные о назначенном наказании по статьям УК* // URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 21.10.2019)).

В данных условиях мы посчитали особенно важным проделать криминологическое исследование для изучения характеристик агрессора и жертвы жестокого обращения, причин и условий, способствующих неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, а также провести социологический опрос, результаты которого помогут выявить степень распространенности насилия, особенности проявления и познать общественное мнение по данной проблеме.

Согласно ст. 156 УК РФ субъектами, которые несут уголовную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, являются родители или иные лица, а равно педагогические работники или другие работники образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за детьми.

Как было отмечено ранее, большая часть преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ совершается родителями. С нравственно-психологической стороны, лица, не исполняющие обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, характеризуются асоциальным образом жизни, агрессивным поведением, деспотичностью, де-

фектами интеллектуального, психического развития, с неразвитой системой моральных и нравственных качеств. Действительно, многие из лиц, привлеченных к ответственности по ст. 156 УК РФ, систематически употребляют спиртные напитки и наркотические средства, нередко ранее судимые. Однако стоит упомянуть о том, что преступниками не всегда являются людьми с негативным опытом, с психическими заболеваниями или какой-либо зависимостью. Есть такой тип индивидуумов, которым для самоутверждения нужен кто-то другой, чтобы причинять ему боль и оказывать психологическое давление. Часто эти люди в обществе ведут себя вежливо, корректно являются успешными и авторитетными людьми, однако дома держат всю семью в страхе и напряжении, а также могут применять физическое и психологическое насилие.

У специалистов, работающих в образовательных, медицинских учреждениях, организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, причинами жестокого обращения могут стать собственные проблемы, например, эмоциональное выгорание, характеризующееся усталостью, хронической раздражительностью, апатией, эмоциональной отстраненностью от профессиональных обязанностей, обостренной злобой или чувством подавленности, переживанием из-за неудовлетворенности собственной эффективностью и качеством жизни.

Насилие в отношении несовершеннолетних данные сотрудники могут проявить и из-за вызывающего поведения детей. Учитывая то, что большинство детей, проживающих в детских домах или школах-интернатах, живущих с попечителями и опекунами, имеют психологические травмы, возможно не способны любить или испытывать чувство вины, то они всячески сопротивляются любому контролю извне, стремятся сами манипулировать другими людьми. В таком случае для агрессоров жестокое обращение становится своеобразным способом справиться с раздражением или гневом.

Таким образом, характеристика личности лица, не исполняющего обязанности по воспитанию несовершеннолетнего в семьях, учреждениях, осуществляющих работу с несовершеннолетними, позволит более эффективно выработать меры профилактики этого явления.

В России законодательство направлено на обеспечение и охрану законных прав и интересов подростков, потому что дети в силу уязвимого положения чаще становятся жертвами преступления. Так, жертвой насилия или пренебрежения

потребностями следует считать ребенка, физическое, психическое здоровье либо благополучие которого подвергаются или могут подвергнуться вредному воздействию в результате неисполнения, ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних со стороны родителей или других лиц, отвечающих за уход за ребенком. Уголовная ответственность применяется к лицам за совершенное преступление по ст. 156 УК РФ, если действие или бездействие со стороны родителей или воспитателей причинили ему серьезный вред или чтобы он подвергнулся высокому риску причинения серьезного вреда, которые привели к необратимым ухудшениям здоровья, изменению нормального психического развития ребенка.

В науке выделяют социально-демографические, особенные физические и психические признаки, которые подвергают несовершеннолетнего стать жертвой насилия.

Так, в проведенном опросе приняли участие 69,2% респондентов женского пола и 30,8% — мужчин, более 80% из которых в возрасте от 19 до 25 лет. Среди этих людей с жестоким обращением в детстве сталкивались 42,3% опрошенных, из которых 75,3% — девочки и 24,7% — мальчики.

Согласно проведенному исследованию, более 35% респондентов столкнулись с жестоким обращением именно в семье. Так, чаще всего близкие люди проявляют наиболее изощренные формы насилия. Такие явления случаются в силу материальной и психической зависимости детей от родителей. Часто малолетние расценивают такое обращение как обычное поведение, не понимая характера действий в силу возраста, испытывая перед ними чувство вины, стыда за случившееся.

Кроме того, респонденты отметили, что с ними жестоко обращались в образовательной организации (26,9%), в медицинской организации (5,5%), в организации, оказывающей социальные услуги (4,9%), в иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним (2,7%), а 50% опрошенных ответили, что данная ситуация к ним не относится.

Больше половины респондентов указали, что к ним применяли физическое наказание (шлепки, пощечины, удары, подзатыльники и др.). Следует обратить внимание на то, что физическое насилие применяли в исключительных случаях к 37,8% опрошенных, а систематически — к 23,1%. Известно, что ребенок слишком уязвим в криминальных ситуациях уже потому, что он физически слабее преступника. Из-за дефектов в развитии, психических отклонений и различных хронических

заболеваний дети также нередко подвергается жестокому обращению в силу своей беспомощности.

Психическое насилие — способ воздействия родителей (и иных субъектов воспитания) на психику ребенка, что вызывает появление психических травм, ограничивает свободу волеизъявления. В силу таких особенностей психики, как эмоциональность, доверчивость, повышенной внушаемости, беспомощности в конфликтных ситуациях несовершеннолетние подвержены большому риску стать жертвами насилия. К тому же, согласно опросу, к 45,6% респондентам родители использовали резкие замечания, унижения, оскорбляли и угрожали им.

На вопрос «Пренебрегали родители Вашими потребностями в еде, одежде, внимании?» 8,8% ответили положительно. Как мы уже отмечали, пренебрежение жизненными потребностями ребенка относится к деяниям, причиняющим нравственные страдания несовершеннолетним, потому что малолетние не способны самостоятельно обеспечивать свои нужды, соответственно заведомо для виновного находятся в беспомощном состоянии.

Однако негативное, вызывающее поведение несовершеннолетнего, пристрастие к алкоголю, наркотикам также могут стать катализатором к проявлению жестокого обращения с подростком. В возникающих конфликтных ситуациях родители и иные лица не находят ничего лучше, чем наказать ребенка с помощью физической силы, психологического давления или лишениям.

Для того, чтобы выявить причины преступности, необходимо выделить мотивационные аспекты противоправного поведения, в первую очередь, со стороны родителей в отношении несовершеннолетних, потому что дети сталкиваются с насилием чаще всего дома.

В проведенном нами исследовании большинство респондентов в вопросе, где можно было выбрать 3 фактора, повышающие риск жестокого обращения в семье, указали наличие у одного или обоих родителей алкогольной или наркотической зависимости (83,4%), криминальное прошлое родителей или других взрослых членов семьи (51,4%), низкий уровень образования и культуры внутри семьи (47,5%).

В большинстве ситуаций причиной жестокого обращения с ребенком являются неблагоприятные условия жизни в семье, низкая культура внутрисемейных отношений, «бытовые проблемы, тяжелое материальное положение, конфликт с супругом и т.п.» [6, с. 205]. В то же время жестокому обращению со стороны педагогических работников, сотрудников медицинской организации, детского

дома или иной организации часто предшествуют жизненные обстоятельства агрессора или жертвы.

Надо сказать, что предопределять жестокое обращение могут факторы, которые остались далеко в прошлом. Они могут находиться за пределами конкретной семьи или в другой семье, в которой рос и был воспитан преступник. Очевидно, что у ребенка, подвергшегося физическому насилию в детстве складывается определенная модель поведения родителей по отношению к нему, и вполне возможно, что в будущем он именно ее будет применять к своему ребенку.

Существуют другие причины и условия, способствующие неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего:

- рост неполных, малообеспеченных семей;
- асоциальный образ жизни, низкий уровень образования и культуры, нравственная деформация отдельных групп населения;
- криминальное прошлое родителей или других взрослых членов семьи;
- процессы разрушения семей, сопровождающиеся существенными изменениями традиционных родственных отношений, в том числе по воспитанию детей;
- отсутствие постоянного места работы;
- наличие у одного или обоих родителей алкогольной или наркотической зависимости;
- слабая деятельность специальных учреждений, призванных осуществлять защиту несовершеннолетних и другие.

В целях предотвращения жестокого обращения с несовершеннолетними одной из значимых мер профилактики данного рода преступлений следует выделить информирование о способах обращения за помощью детям, подвергшимся жестокому обращению и осуществление эффективной работы психологических служб и служб доверия по помощи детям, пережившим насилие. В связи с чем мы задали респондентам вопрос «Знаете ли Вы государственные органы, учреждения, общественные организации, фонды в которые можно обратиться за помощью?», на который меньше половины ответили положительно (40,7%). Затем опрошенные должны были указать знакомые им учреждения, оказывающие помощь несовершеннолетним жертвам насилия. Так, чаще всего называли органы опеки и попечительства, ОМВД, центры помощи и фонды поддержки детей, телефоны доверия и горячие линии психологической помощи, реже отмечали Уполномоченного по правам ребенка, комиссии по делам несовершеннолетних, государственные центры социально-правовой и психологической помощи населению.

Однако на вопрос «Обращались ли Вы за помощью из-за жестокого обращения в специальные учреждения?» только 1,1% опрошенных ответили «Да». Также следует обратить внимание, что всего лишь 2,2% респондентов в принципе сообщали родным или близким им людям, что они сталкивались с жестоким обращением в семье, образовательной, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие государственной поддержки, а также негосударственных организаций, потерпевшие зачастую замалчивают любую агрессию по отношению к ним, не обращаются за помощью или не считают нужным это делать. Причинами могут быть страх, недостаточная информированность об альтернативных видах помощи, стыдливость, недоверчивость или русская традиция «не выносить сор из избы». Для того, чтобы минимизировать данные аспекты нужно проблему сделать видимой, сообщать и ознакомлять детей о способах обращения за помощью, а также должным образом реагировать на любые сведения о попытках применении насилия, предотвращая повторные покушения и совершение новых преступлений.

И для достижения положительных результатов по профилактике неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокого обращения с детьми, мы предлагаем комплекс дополнительных не менее важных мероприятий, которые могут проводиться по предупреждению правонарушений:

- неукоснительное подчинение законам, обеспечение их соблюдения;
- своевременное выявление и привлечение к ответственности родителей и иных лиц, указанных в законе, не занимающихся воспитанием детей, а также жестоко обращающихся с ними;
- проведение целенаправленных бесед с родителями, воспитателями, педагогами о том, как им уберечь детей от преступных посягательств, а также о недопустимости грубого и нетактичного обращения с детьми, применения к ним недопустимых приемов воспитания и жестоких наказаний;

- установление несовершеннолетних, занимающихся бродяжничеством, попрошайничеством, систематически убегающих из дома или воспитательных учреждений;

- создание и поддержание безопасной среды для детей в частных и государственных учреждениях, а также на улице;

- применение государственных мер по повышению дохода и улучшению экономического положения семей для повышения уровня расходов на нужды детей.

В образовательных, медицинских организациях, учреждениях, оказывающих социальные услуги и иных организациях, обязанных осуществлять надзор за детьми следует предусмотреть следующие меры, стимулирующие создание безопасной среды для детей:

- принятие локальных актов, регулирующих порядок реагирования в случае выявления жестокого обращения, конфликтов, самовольных уходов детей;

- осуществление кадровой политики во избежание рисков жестокого обращения и конфликтов между детьми и сотрудниками;

- постоянное повышение квалификации сотрудников организаций, чтобы они эффективно реагировали и противостояли рискам, связанным с жестоким обращением в отношении несовершеннолетних;

- мониторинг деятельности педагогов и сотрудников иных организаций;

- разработка и реализация программ профилактики жестокости в учреждениях.

В заключении хотелось бы отметить, что в рамках проведенного криминологического анализа неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, предусмотренного ст. 156 УК РФ, при расследовании различных обстоятельств, влияющих на личностные характеристики преступника и жертвы, в том числе причин, обуславливающих совершения насилия в отношении подростков, определенно ясно, что в современном мире остается актуальна данная проблема, в связи с чем следует повысить эффективность реализации рассматриваемой уголовно-правовой нормы и применить профилактические меры, чтобы обеспечить всестороннюю защиту прав, свобод и законных интересов детей.

Литература

1. Мусеибов А.Г. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (квалификация и расследование): учебно-методическое пособие. М.: ФГУ «ВНИИ МВД России», 2011. 69 с.
2. Авдеева Л.А. Уголовно-правовая охрана семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 201 с.

3. *Шаганова О.М.* Характеристика объективной стороны неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Мат-лы девятой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. Ч. 1. С. 163–165.

4. *Шаганова О.М.* Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 26 с.

5. *Волошин В.М.* Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 18 с.

6. *Саттарова Г.И.* Криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S3–2 (38). С. 205–206.

References

1. *Museibov A.G* Neispolnenie obyazannostei po vospitaniyu nesovershennoletnego (kvalifikatsiya i rassledovanie): Uchebno-metodicheskoe posobie [Non-performance of duties on education of the minor (qualification and investigation): the educational and methodical manual]. Moscow, FGU «VNII MVD Rossii» Publ., 2011. 69 p. (In Russian)

2. *Avdeeva L.A.* Ugolovno-pravovaya okhrana semeinykh otnoshenii [Criminal law protection of family relations]. Dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Saratov, 2009. 201 p. (In Russian)

3. *Shaganova O.M.* Kharakteristika ob"ektivnoi storony neispolneniya obyazannostei po vospitaniyu nesovershennoletnego [Characteristics of the objective side of non-performance of duties for the upbringing of a minor]. In *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: Mat-ly devyatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konf-tsii [Actual problems of combating crimes and other offenses: Materials of the ninth international scientific and practical Conference]*, Barnaul, BYuI MVD Rossii Publ., 2011, part 1, pp. 163–165. (In Russian)

4. *Shaganova O.M.* Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostei po vospitaniyu nesovershennoletnego [Criminal liability for failure to perform duties on the upbringing of a minor]. Avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Омск, 2014. 26 p. (In Russian)

5. *Voloshin V.M.* Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostei po vospitaniyu nesovershennoletnego Nauk [Criminal liability for failure to perform the duties of raising a minor]. Avtoreferat dis. ... kand. jurid. 12.00.08. Stavropol', 2002. 18 p. (In Russian)

6. *Sattarova G.I.* Criminological characteristics of failure to fulfill the duties of education of a minor [Criminological characteristics of non-performance of duties for the upbringing of a minor]. *Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Yugra State University Bulletin]*, 2015, no. S3–2 (38), pp. 205–206. (In Russian)

КОРРУПЦИЯ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Митрофанов Никита Владиславович

Цель: изучить некоторые вопросы, касающиеся коррупции в сфере высшего российского образования. Для достижения поставленной цели потребовалось реализовать ряд задач: проанализировать понятие «коррупция» и дать его общую характеристику; выявить основные причины и условия совершения коррупционных преступлений в сфере высшего образования; рассмотреть личность преступника и жертвы коррупции; провести опрос среди студентов и преподавателей по данной теме.

Методология: диалектический и исторический метод познания, анализ, синтез, дедукция, опрос.

Выводы. В ходе проведенного исследования сделаны следующие выводы.

1. Коррупция в сфере образования – это относительно новый вид преступлений, появившийся в российской действительности в конце XX в.
2. Проблема коррупции в сфере образования сегодня в России стоит очень остро, и ее причины пересекаются с причинами коррупции как социально-негативного явления в целом.
3. Личность коррупционного преступника в сфере высшего образования складывается из совокупности специфических черт и индивидуальных особенностей, отличающих его от иных преступников и законопослушных граждан.
4. Выявлена существенная разница в оценке масштабов распространения коррупции в сфере высшего образования со стороны преподавателей и студентов: в ходе опроса только один из педагогов сталкивался с коррупцией в сфере высшего российского образования, в то время как каждый третий студент заявил, что лично давал деньги преподавателю.

Научная и практическая значимость. В ходе исследования проанализировано большое количество нормативных правовых актов, посвященных коррупции в сфере высшего образования. В частности, к ним можно отнести: УК РФ, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и др. Коррупция – явление многоаспектное, и рассматривать его одностронне не представляется возможным. Так, в разное время понятие «коррупция» давали такие люди, как Карл Иоахим Фридрих (немецкий политолог), Алексей Иванович Рарог (российский ученый-правовед), Елена Евгеньевна Румянцева (российский экономист) и другие известные ученые.

Настоящее исследование, особенно в части результатов проведенных опросов, может быть полезно преподавателям и студентам вузов, представителям Минобрнауки России, а также политологам, которые занимаются вопросами оценки коррупционных и политических рисков в современной России.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, причины коррупции, высшее образование, Минобрнауки, личность преступника, жертвы коррупции, преподаватели, студенты, социологическое исследование.

Введение

Проблема коррупции в высшем образовании является острой темой для России. В других странах подобные вопросы не являются пред-

метом дискуссии, поскольку там действуют механизмы, позволяющие сделать прозрачными все этапы получения высшего образования – от момента поступления, до момента получения

необходимых образовательных кредитов и выдачи диплома.

О том, что в нашей стране вопросы коррупции в образовании остаются актуальными, свидетельствует факт возбуждение уголовного дела против руководства и профессорско-преподавательского состава Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД. Согласно предварительным данным в вузе была создана целая система денежных поборов от курсантов и слушателей.

Понятие и общая характеристика коррупции

На наш взгляд наиболее краткое (и точное) из определений такого явления как коррупция (от латинского слова *corrumpere* — «портить», «растлевать») звучит следующим образом — это злоупотребление публичной властью ради частной выгоды.

Стоит отметить, что имеется легальное определение понятия «коррупция», которое дано в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: Коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами (*СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.*)

Теоретических понятий коррупции в науке было предложено огромное количество. Коррупция в этих определениях обозначалась как правовое, социальное, экономическое и политическое явление.

А.И. Парог считает, что коррупция представляет собой общественно опасное, негативное социально-правовое явление, которое представляет угрозу национальной, общественной и экономической безопасности и системе межгосударственных связей.

По мнению доктора экономических наук и эксперта по коррупции в российских СМИ Е.Е. Румянцевой, «коррупция — это зло в философском понимании, а также бандитизм, криминал в условиях криминализации управления в коррупционных странах» [1, с. 17].

В юридической науке выделяются различные классификации коррупции. Например, J.C. Coleman (ирландский географ) различает

коммерческое взяточничество и политическую коррупцию.

Самое распространенное разделение коррупции в России на виды связано с определенными социальными группами. Так, коррупция бывает: бытовая — связанная с взаимодействием граждан и чиновников; деловая — проникающая во власть и бизнес; и в области верховной власти — заключающаяся в недобросовестном использовании своих полномочий политическими элитами [2, с. 140].

Что касается бытовой коррупции, то стоит сказать, что она охватывает разные сферы жизни человека: медицина, образование, прохождение военной и гражданской службы. Наибольший интерес вызывает сфера образования, так как это является важнейшим этапом в жизни человека, от которого зависит получение хорошей профессии и его дальнейшая судьба.

Преступления коррупционной направленности, совершаемые в высших учебных заведениях, отличаются высокой латентностью. На наш взгляд, огромное количество учебных заведений на территории Российской Федерации предоставляет некачественное поверхностное образование, что связано, в первую очередь, с нелегальным теневым «вознаграждением» для преподавателей за различные образовательные услуги.

Образовательная сфера включает в себя коррупцию не только внутри вузов, но и в детских садах, других дошкольных учреждениях, школах, гимназиях и лицеях. Однако наибольшее количество преступлений коррупционной направленности совершается именно в высших учебных заведениях.

Что касается исторического аспекта коррупции необходимо отметить, что в России это явление исходит со времен первых русских князей. Так, в Древнерусском государстве легально существовало «кормление» — переросшее затем в «мздоимство».

Первую серьезную борьбу с коррупцией начал Иван Грозный. Примером этого может послужить политика «опричнины», введенная государем, в том числе и для борьбы с казнокрадами.

Прорыв произошел во времена Петра I. За «лихоимство» (взяточничество) была введена смертная казнь. Хотя многим известно, что один из сподвижников первого российского императора А.Д. Меншиков был известным коррупционером.

В российской истории можно привести еще массу примеров различных правителей, при которых коррупция как расцвела, так и была очень низкого уровня. В сфере образования рассматриваемая проблема появилась относительно недавно. Во времена Российской империи образова-

ние (тем более высшее) могли получить далеко не все. В Советском Союзе впервые в истории была предоставлена возможность получить высшее образование бесплатно.

Таким образом, можно сделать первый вывод, что коррупция в сфере образования – новый вид преступлений, появившийся в российской действительности в конце XX в.

Причины и условия совершения коррупционных преступлений в сфере высшего образования

Коррупция, как и любое преступление, имеет политические, экономические, и социальные причины. В отношении коррупционных преступлений в сфере высшего образования стоит сказать, что главным мотивом совершения таких деяний выступают финансовые вопросы и корыстная мотивация. Для лица, получающего денежные средства, такой поступок является большой нелегальной «прибавкой к зарплате». Лицо, дающее взятку, рассчитывает в будущем получать хорошую заработную плату после получения высшего образования и тем самым компенсировать понесенные затраты. Следовательно, коррупция выступает своеобразным инструментом для получения хорошей профессии.

Для того чтобы подробнее разобраться в причинах и условиях совершения коррупционных преступлений необходимо обратиться к данным различных авторитетных источников. Говоря о коррупции как явлении в целом, можно сказать, что традиция «кормления», о чем говорилось выше, была отправной точкой возникновения взяточничества в России. Однако, исторические причины возникновения коррупции применительно к высшему образованию значения не имеют.

Эксперты Всемирного банка выделяют четыре главные причины развития коррупции: 1) неэффективность работы систем управления и невозможность развития легальным путем; 2) низкая вероятность разоблачения, в том числе ввиду устных форм оказания коррупционного давления и слабости органов правопорядка; 3) плохая мотивация труда у лиц, формирующих коррупционные доходы из нелегальных, как правило, запрещенных законом источников; 4) неуважение норм права населением из-за бессилия что-либо изменить (См.: *Официальный сайт ООН на русском языке. Материалы Всемирного банка «Коррупция» // URL: <http://www.un.org/ru/youthink/corruption.shtml> (дата обращения: 01.04.2020)*).

Из рассмотренных причин коррупции экспертами Всемирного банка к высшему образованию можно применить, преимущественно, первые две.

Неэффективность работы систем управления будет самой малозначительной причиной коррупции в сфере образования, так как единственный вариант, при котором руководство вуза может действительно негативно повлиять на развитие рассматриваемого явления – это поощрение за взятки. Действительно, в некоторых учебных заведениях существует механизм, при котором неуспевающий студент в целях закрытия своих «долгов» оплачивает в кассе вуза так называемые «дополнительные курсы», которые на самом деле даже не проводятся. В результате студент допускается до сдачи зачета или экзамена, и все, таким образом, получают материальную выгоду (преподаватель и управленческий персонал вуза).

Низкая вероятность разоблачения проявляется во многих аспектах. Это связано как с самонадеянностью самих преступников, ввиду возможных дружеских связей и отношений с другими преподавателями, так и с боязнью руководства в некоторых учебных заведениях, так как обнаружение факта коррупции, по мнению некоторых лиц, может привести к падению авторитета вуза и снижению его рейтинговых показателей.

По мнению авторов учебника по противодействию коррупции под общей редакцией Е.В. Охотского, из огромного количества причин коррупции выделяются, прежде всего, причины политического характера, связанные с формой государственного устройства, государственного правления и особенностями политического режима [3, с. 115]. Нельзя не согласиться с данным суждением. Например, в странах с авторитарным или тоталитарным политическим режимом уровень коррупции крайне низок, так как за данные деяния в большинстве случаев предусматривается наказание в виде смертной казни.

На наш взгляд, можно выделить следующие основные причины коррупции в сфере высшего российского образования: 1) низкий уровень заработной платы преподавателей и обслуживающего персонала (инспекторов, методистов, деканов); 2) отсутствие дополнительного академического вознаграждения преподавателей; 3) недостатки морального воспитания.

Все перечисленные причины относятся, в первую очередь, к получателям взятки, так как основной мотив лица, дающего взятку понятен – получение зачета, экзамена, образования в целом.

Первая причина вполне очевидна, так как ввиду нехватки финансовых средств некоторые преподаватели готовы нарушить закон.

Академическое вознаграждение во многих европейских вузах является одной из составляющих

оплаты труда педагога, наряду с заработной платой. Академическое вознаграждение создает условия для самореализации, позволяет иметь гибкий рабочий график, заниматься педагогической деятельностью в нескольких учебных заведениях, иметь свободное время для повышения уровня и качества педагогического мастерства [4, с. 67]. В нашей стране, к сожалению, это слабо распространено.

И, наконец, низкий уровень морали связан с воспитанием человека и является индивидуальной характеристикой каждого преподавателя.

По отношению к условиям совершения коррупционных преступлений стоит сказать, что во многом они пересекаются с причинами. Однако отдельно можно рассматривать обстановку, при которой развивается коррупция. Так, гораздо сложнее раскрыть факт совершения такого преступления, если в вузе (или на кафедре) берут взятки абсолютно все. Таким образом, некоторые студенты, под страхом исключения из вуза «прогибаются под систему» и готовы платить деньги на условиях, которые перед ними выдвигаются.

Таким образом, второй вывод заключается в том, что коррупция в сфере образования является очень острой проблемой и ее причины пересекаются с причинами коррупции как явления в целом.

Криминологическая характеристика личности преступника и потерпевшего

Совершение преступлений коррупционной направленности в вузах можно считать явлением социально-правовым. Исходя из этого, можно сделать вывод, что понятия личности преступника и потерпевшего в данной категории деяний также должны иметь социально-правовое содержание.

Правовой признак понятия личности преступника не вызывает особых сомнений, так как его суть достаточно проста и сводится в основном к совершению преступлений конкретным лицом, наделенным определенными полномочиями. Гораздо сложнее обстоит дело с социальными признаками этого понятия. Есть ли социальные характеристики преступника, которые конкретно отделяют его от законопослушного гражданина? Мы считаем, что негативные социальные свойства есть не только у лиц, совершивших преступление, но и у ряда законопослушных граждан, никогда не совершавших преступлений, но, возможно, расположенных к этому. И наоборот, некоторые преступники, искренне раскаявшись, утрачивают то самое негативное социальное качество, которое побудило их совершить противоправное деяние.

Из этих рассуждений можно сделать промежуточный вывод: нет черт личности человека, от

которых фатально зависит его будущее. Негативные социальные характеристики любого человека формируются в течение длительного периода времени в ходе общественных отношений, его связей, материального статуса и положения в обществе.

Для того чтобы дать криминологическую характеристику преступника, совершившего коррупционное преступление в вузе, нужно провести анализ общественных отношений, в которые личность действительно включена, поскольку именно эти отношения определяют отдельные элементы, характеризующие личность.

Условно мы можем выделить три блока характеристик личности преступника [5].

1. Социально-типологическая характеристика, которая заключается в социальной позиции, то есть в принадлежности личности к определенной социальной группе. В данном случае, наиболее полное представление этой характеристике выражается в социально-демографических признаках: пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, место жительства.

2. Социально-ролевая характеристика — это конкретная деятельность, которая вытекает из социальных позиций, занимаемых личностью.

3. Нравственно-психологическая характеристика личности выражается в отношении преступника к обществу в целом, к принятым в нем ценностям и нормам. Основу данной характеристики личности преступника составляет ее мотивационная сфера. Это обусловлено тем, что главной детерминантой преступления является мотив, то есть потребности и стимулы личности к криминальному поведению.

Г.С. Гончаренко считает, что характеристика личности преступника, который совершает коррупционные преступления, состоит из нескольких групп с присущими им чертами [6, с. 26].

Во-первых, социально-демографическая характеристика: в основной массе это лица мужского пола (80%). Преступления коррупционной направленности в основном совершаются социально-зрелыми лицами. Возрастной показатель составляет от 40 до 50 лет (57%), от 50 лет (6%), от 20 до 30 (45%), а лица до 20 лет такие преступления не совершают. Высокий уровень образования также является отличительной чертой коррупционных преступников, высшее образование имеют 82% этих лиц, общее среднее 7%. По месту жительства и с места работы 97,3% осужденные за преступления коррупционной направленности получили положительную характеристику, у 11,3% из них были государственные награды и почетные звания Российской Федерации.

Во-вторых, уголовно-правовая характеристика: коррупционные преступления совершают физические лица, вменяемые, достигшие возраста уголовной ответственности. Достаточно часто отмечается также рецидив коррупционных преступлений.

В-третьих, нравственно-психологическая характеристика: коррупционные преступления совершают лица с глубокими искажениями нравственности и морали, отличающиеся стойкой корыстной направленностью и негативным отношением к уголовно-правовым запретам на совершение таких преступлений, деформацией сознания и укоровившимися пороками.

Таким образом, третий вывод состоит в том, что под личностью коррупционного преступника понимается совокупность специфических черт и индивидуальных особенностей, отличающих его от иных преступников и законопослушных граждан.

Что касается лиц, которые стали жертвами рассматриваемой категории преступлений, то чаще всего это обманутые или лишенные той или иной возможности граждане. Ни для кого не секрет, что за деньги сегодня можно на так называемой платной основе поступить практически в любое высшее учебное заведение страны. К сожалению, можно просто купить диплом (чаще всего поддельный). Из-за этого фактора страдает действительно одаренная молодежь, без «толстой финансовой подушки под боком».

Взяточничество внутри вуза ограничивает конкуренцию и профессорско-преподавательского состава, и студентов, что существенно снижает качество образования. Кроме того, коррупция в вузах приводит к тому, что рейтинг его студентов на рынке труда значительно снижается: коррупционная репутация образовательных организаций имеет серьезные негативные последствия для его выпускников.

На наш взгляд, можно выделить три категории лиц, которым наносится ущерб от преступлений данной категории.

Первая «жертва» — это государство. «Специалисты», покидая стены коррумпированных высших учебных заведений, не представляют никакой ценности для экономики страны. Получается, что государство несет финансовые затраты на обучение каждого студента (имеется в виду, обучение на бюджетной основе), а отдачи — никакой. Даже если студент учится на платной основе, то он только компенсирует затраты на обучение. Все равно государство «в минусе».

Второй «потерпевший» — это сам вуз. Факт коррумпированности скрыть не удастся, ведь

студенты сами делятся информацией о возможности сдать зачеты и экзамены за деньги со своими одногруппниками. А выпускники нередко вообще, «хвастаются» вариантами получения оценок, а иногда и приобретения диплома за взятку всем, кому интересна эта информация. Следовательно, репутация вуза неизбежно страдает, как и его престиж.

Наконец, третий «пострадавший» — это студент. На момент обучения, ни один студент увы не хочет думать о будущем, его задача краткосрочна и сводится к одному — «закрывать» сессию. Но если бы студент думал на долгосрочный период, то понял бы, что его дела обстоят плачевно. Осознание собственных ошибок приходит только после окончания вуза, когда он понимает, что квалифицированный специалист из него так и не получился. Даже если удастся устроиться на работу, в ближайшее же время профессиональная непригодность такого выпускника вуза становится очевидна. В лучшем случае новоиспеченный работник останется на той должности, которую он получил при трудоустройстве на работу. О карьерном росте в будущем не может идти и речи.

Таким образом, нами была дана криминологическая характеристика, как возможного преступника, так и его жертвы от деяний коррупционной направленности в сфере получения высшего образования.

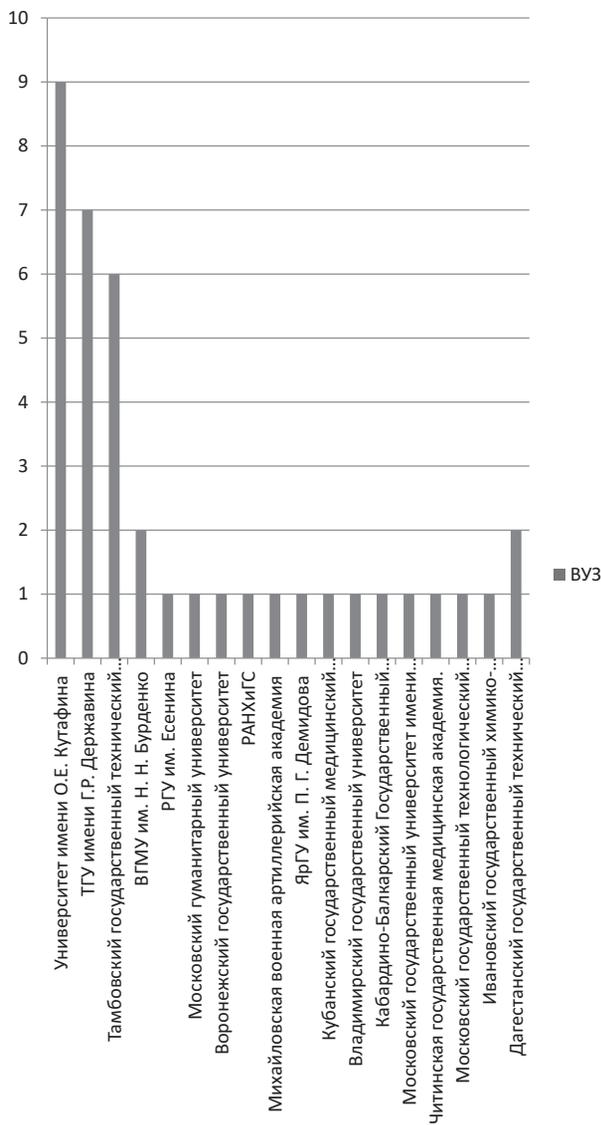
Социологическое исследование

На основании некоторых сведений, полученных по результатам рассмотрения основных вопросов, связанных с коррупцией в сфере высшего образования, был проведен социологический опрос.

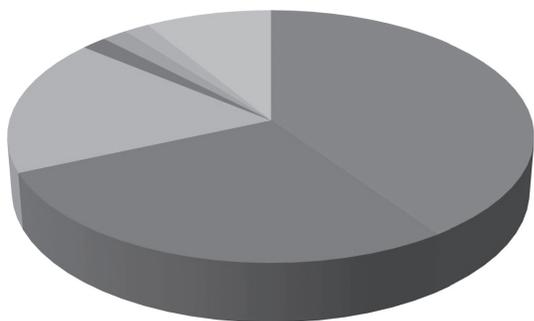
За исключением общих вопросов, связанных с характеристикой самого лица, проходившего опрос, нами была поставлена задача, выяснить мнение респондентов по ключевым моментам проблемы коррупции в сфере высшего образования.

Всего было опрошено 40 человек. Гендерный признак в расчет не принимался. Что касается пола, то здесь примерное равенство по опрошенным лицам — 52,5% мужчин против 47,5% женщин. Респондентами исследования были две категории людей — студенты в возрасте от 18 до 25 лет и преподаватели вузов в возрасте от 28 до 50 лет. Из них, 85% опрошенных — это студенты и 25% — это преподаватели вузов. Также, стоит отметить достаточно широкую «географию» по опрошенным лицам — 12 субъектов Российской Федерации.

ВУЗ

В какой сфере Вы лично сталкивались с коррупцией?

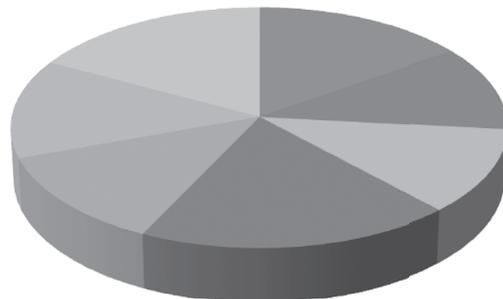

- Здравоохранение
- Образование
- Бизнес
- Госуслуги
- ГАИ
- Правоохранительные органы
- Не сталкивались с коррупцией

По итогам данного опроса выяснилось, что:

1. Подавляющее большинство респондентов (80%) считает наиболее понятным легальное определение «коррупции». Определение, которое дал Рарог А.И., посчитали правильным 17,5% опрошенных лиц. Лишь один респондент выбрал третий вариант – определение Румянцевой Е.Е.
2. Из всех сфер общественной жизни, охватываемых коррупцией, по мнению респондентов, образование занимает второе место – 40%, сразу после здравоохранения – 57%.
3. С проявлениями коррупции в вузах сталкивалось более одной трети всех опрошенных – 37,5%.
4. По отношению к причинам коррупции, мнения опрашиваемых лиц разделились (это связано и с возможностью выбора нескольких вариантов ответа). Большинство респондентов считает, что проблемы связаны с неэффективностью работы систем управления в вузе (50%) и недостаточностью морального воспитания преподавателя (45%). Лишь на третьем месте низкий уровень заработной платы преподавателей – 40%.

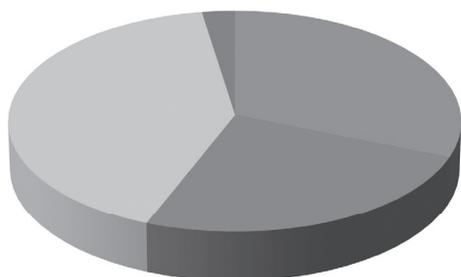
Почему, на Ваш взгляд, в настоящее время коррупция "процветает"?

- Низкий уровень зарплаты у преподавателей
- Отсутствие академического вознаграждения преподавателей
- Причины политического характера
- Неэффективность работы системы управления
- Низкая вероятность разоблачения
- Неуважение норм права
- Недостаточность морального воспитания

5. Больше всего проявлений коррупции, по мнению респондентов, наблюдается во время сессии (прием зачетов, экзаменов), причем взятки даются как деньгами, так и в виде и товаров и услуг. Примерно у такого же количества опрошенных случаев коррупции вообще не было. К иным ситуациям относятся: взятка при поступлении в вуз и навязывание платных курсов.
6. 72,5% опрошенных лиц лично не были жертвами коррупции в сфере высшего российского образования. Двое респондентов косвенно были жертвами коррупции. Одиннадцать человек пострадали от коррупции в вузах.

Какими способами (методами) можно бороться с коррупцией в сфере высшего образования в настоящее время?

- Ужесточение уголовной ответственности
- Повышения зарплаты преподавателям
- Полный запрет на трудовую деятельность с сфере образования, в случае выявления коррупции в их работе
- Другие способы (изменение системы образования, самосуд, тотальный контроль за учебным процессом извне, менять менталитет)

7. Главным способом борьбы с коррупцией в сфере высшего российского образования является повышение заработной платы преподавателям (50%). На втором месте – ужесточение уголовной

ответственности (37,5%). Также к важным методам борьбы с коррупцией можно отнести полный запрет на трудовую деятельность в сфере образования тем лицам, которые были замечены в коррупции – 30%.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что коррупция в сфере высшего образования относительно новое явление. Вопросам, касающимся коррупции в сфере высшего образования, уделено внимание в значительном количестве нормативных правовых актов. Анализ результатов проведенного социологического опроса, позволил выявить ряд любопытных деталей. Особенно это касается различий в ответах студентов и преподавателей на одни и те же вопросы. Так, только один из педагогов сталкивался с коррупцией в сфере высшего российского образования. Совсем другая ситуация со студентами. Почти каждый третий из них в той или иной степени лично «имел дело» с коррупцией в вузах. Это можно назвать нашим четвертым выводом.

Литература

1. Румянцева Е.Е. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 267 с.
2. Фиалковская И.Д. Коррупция: понятие, признаки и виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 137–142. (In Russian)
3. Левакин И.В., Охотский Е.В., Охотский И.Е., Шедий М.В. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2020. 427 с.
4. Любкина Н.А., Лубский Р.А. Коррупция в сфере высшего образования: основные проблемы и способы их разрешения в современном российском обществе // Юристы-Правоведь. 2018. № 3. С. 64–69.
5. Землин А.И., Землина О.М., Корякин В.М., Козлов В.В. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 197 с.
6. Гончаренко Г.С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника // Конференция по проблеме противодействия коррупции. Адвокатская палата Ростовской области. С. 23–28.

References

1. Rumyantseva E.E. Protivodeistvie korruptsii: Uchebnik i praktikum dlya vuzov [Combating corruption: Textbook and workshop for universities]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 267 p. (In Russian)
2. Fialkovskaya I.D. Korruptsiya: ponyatie, priznaki i vidy [Corruption: concept, signs and types]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevsky* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2018, no. 1, pp. 137–142. (In Russian)
3. Levakin I.V., Okhotskii E.V., Okhotskii I.E., Shedii M.V. Protivodeistvie korruptsii: Uchebnik i praktikum dlya vuzov [Combating corruption: Textbook and workshop for universities]. The 3rd edition. Moscow, Yurait Publ., 2020. 427 p. (In Russian)
4. Lubkina N.A., Lubsky R.A. Korruptsiya v sfere vysshego obrazovaniya: osnovnye problemy i sposoby ikh razresheniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Corruption in the field of higher education: the main problems and ways to solve them in modern Russian society]. *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Legal scholar], 2018, no. 3, pp. 64–69. (In Russian, abstract in English)

5. *Zemlin A.I., Zemlina O.M., Koryakin V.M., Kozlov V.V.* Pravovye osnovy protivodeistviya korrupszii: Uchebnik i praktikum dlya vuzov [Legal foundations of anti-corruption: Textbook and workshop for universities]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 197 p. (In Russian)

6. *Goncharenko G.S.* Kriminologicheskii analiz lichnosti korrupsionnogo prestupnika [Criminological analysis of the personality of a corrupt criminal]. In *Konferentsiya po probleme protivodeistviya korrupszii. Advokatskaya palata Rostovskoi oblasti* [Conference on the problem of anti-corruption. Rostov Regional Chamber of Advocates], pp. 23–28. (In Russian, abstract in English)

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ КАРШЕРИНГА КАК НОВАЯ УГРОЗА СОВРЕМЕННОСТИ

Молчанова Виктория Андреевна

Цель: выработка характеристики киберпреступности в сфере каршеринга, анализ данного вида преступления и формирование мер по противодействию киберпреступности в области каршеринговых услуг.

Методология: аналитический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, синтез.

Выводы: в результате проведенного исследования автор делает вывод, что каршеринг как относительно новый вид услуг становится новой нишей киберпреступности и нуждается в правовом регулировании: определении общих положений о каршеринге, его месте в транспортной инфраструктуре и стандартизации оказания услуг в данной сфере, в том числе определении мер защиты персональных данных и способов идентификации пользователей.

Научная и практическая значимость: по итогам исследования автор выявляет такую нишу киберпреступности, как киберпреступность в сфере каршеринга, формулирует ее понятие, признаки, дает подробную классификацию, описывает разработанные им меры по предупреждению возможных проявлений киберпреступности в сфере каршеринга в будущем, что может быть использовано для развития науки и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: киберпреступность, каршеринг, предупредительные меры, личность киберпреступника, причины киберпреступности в каршеринге, криминология.

Введение

Преступления в области киберпространства в XXI в. уже не редкость и мало у кого вызывают удивление. В феврале 2019 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации сообщила, что количество киберпреступлений в России за шесть лет выросло почти в 16 раз – до 174 тысяч, из них расследовано около 43 тысяч (См.: МВД в 2018 году было зарегистрировано // URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2019/03/03/149695-mvd-v-2018-godu-bylo-zaregistrirvano-bolee-206-tysyach-kiberprestupleniy> (дата обращения: 01.11.2019)). Статистика в данной сфере является достаточно условной и не отражает полную картину происходящего, так как многие преступления данной категории либо не фиксируются, либо квалифицируются по другим составам правонарушений.

Исследуемая в данной работе разновидность киберпреступлений в сфере каршеринга мало

разработана, в связи с чем не имеет достаточного массива информации и статистики для изучения, однако это не делает данную тему менее актуальной. Напротив, в настоящее время в связи с внедрением каршеринга в транспортную систему городов по всему миру преступность в данной области растет и вызывает опасения у современного сообщества.

Для начала стоит разобраться, что же из себя представляет каршеринг, с чем связано появление криминогенности в сфере каршеринга и какие уязвимые места можно выявить в данном виде транспортных услуг. Итак, каршеринг – это сервис краткосрочной аренды автомобиля с поминутной или почасовой оплатой. В систему московского каршеринга входят следующие операторы: «Делимобиль», Car5, YouDrive, BelkaCar, Яндекс. Драйв, др. В настоящее время стоимость аренды автомобиля варьируется в среднем от 8 до 11 руб. за минуту езды, в эту сумму входят затраты на

бензин, парковку и др. Для аренды автомобиля необходимо зарегистрироваться на сайте или в мобильном приложении каршеринговой компании. Для регистрации обычно необходимы фотография пользователя, копии паспорта и водительских прав, а также для оплаты услуг – сведения о банковской карте.

В России первые каршеринг-сервисы появились в 2013 г. В Москве начала работу компания AnyTime, а в Санкт-Петербурге – Street Car. Однако о возможности аренды автомобиля на несколько минут в нашей стране еще никто не знал, и активное развитие рынка каршеринга пришлось на 2015 г., когда был осуществлен запуск нового оператора московского каршеринга «Делимобиль», который стал активно сотрудничать с мэрией Москвы, получив для каршеринга льготные условия и тем самым пробив дорогу развитию новому для страны транспортному бизнесу. После этого на рынке каршеринговых услуг начали появляться новые игроки, что было связано с появлением спроса на новый вид транспортных услуг. Уже в 2016 г. свою работу начали такие операторы, как Car5 и BelkaCar. С 2017 г. в базах автопарков каршеринговых сервисов стали появляться автомобили премиального класса, что так же вызвало активный интерес со стороны пользователей.

Доступность данного вида транспортной услуги для широкого круга пользователей, простота в его использовании, удобство и его новизна привлекли большое количество клиентов, что и стало новой платформой для развития деятельности злоумышленников. Уже в 2017 г. СМИ начали «бить тревогу» по поводу появления новой угрозы – преступлений в области каршеринговых услуг. Публичный резонанс эта история приобрела не сразу, а с накоплением негласной статистики преступлений и покушений на их совершение. С каждым годом криминогенность обстановки в транспортной сфере услуг набирает все новые обороты. Однако этого еще недостаточно, чтобы выработать устойчивую статистику по данному вопросу и сформировать эффективные предупредительные меры.

Киберпреступность – это область преступлений, которая на данный период времени остается малоизученной и плохо поддается какой-либо аналитике. Большой интерес к данной проблеме проявляет современное научное сообщество, в том числе и криминологическое, о чем свидетельствует большое число публикаций, посвященных киберпреступности. Но во всех таких публикациях нет одного – сведений о более-менее реальном

состоянии данного вида преступлений, так как получить такие сведения из общедоступных источников сбора эмпирической информации невозможно. Такими сведениями не располагают даже сотрудники специализированных оперативных подразделений правоохранительных органов, так как особый механизм совершения киберпреступлений относит их к числу не просто высоклатентных, а сверхвысоклатентных [1, с. 44–47].

Киберпреступления в сфере каршеринга можно определить как совокупность преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий посредством использования интерактивных платформ операторов каршеринговых услуг.

Данную категорию преступлений можно охарактеризовать следующими общими признаками:

- высокая латентность;
- стремительный рост;
- удаленность преступника от преступления;
- анонимность преступления;
- анонимность преступника;
- доступность совершения преступления любым слоям населения;
- ощущение безнаказанности;
- каллизионность правового регулирования;
- использование Интернета и других компьютерных сетей.

К разновидностям киберпреступлений в сфере каршеринга можно отнести следующие:

- создание фальшивых аккаунтов/взлом аккаунтов пользователей для аренды транспортных средств за чужой счет;
- взлом аккаунтов пользователей/создание фальшивых аккаунтов с дальнейшей их продажей третьим лицам;
- регистрация фальшивых аккаунтов/взлом аккаунтов пользователей для дальнейшего угона транспортного средства;
- кража персональных данных пользователей посредством взлома аккаунтов/сетевой платформы сервиса.

Следует дать краткую характеристику каждому выделенному виду киберпреступления в сфере каршеринга.

Создание фальшивых аккаунтов в приложениях операторов каршеринговых услуг сейчас является довольно распространенным явлением, так как защита приложений от такого рода мошенничества является ненадежной. Результаты проведенного опроса показали, что 60% респондентов считают систему приложений сервисов каршеринга уязвимой при регистрации аккаунтов. Дистанционность сотрудничества компаний с клиентами вызывает затрудненность идентификации насто-

ящего пользователя транспортным средством по договору краткосрочной аренды. К регистрации аккаунтов по персональным данным других лиц, полученных чаще всего незаконным путем, а также к взлому уже существующих аккаунтов прибегают для пользования каршерингом за счет третьих лиц (т.е. списание средств за поездку производится со счета лица, чьи данные указаны в мобильном приложении, а также списание денежных средств за нарушение ПДД). Кроме безвозмездности оказания услуг каршеринга злоумышленники могут преследовать и такую цель, как сохранение анонимности личности настоящего пользователя аккаунта. Связана данная потребность может быть со следующими факторами:

- отказ сервиса в предоставлении автомобиля для аренды;
- отсутствие прав на управление транспортным средством;
- недостижение 18-летнего возраста;
- занесение пользователя каршеринга в «черный список» оператора.

Взлом аккаунтов пользователей или создание фальшивых аккаунтов с дальнейшей их продажей третьим лицам является разновидностью киберпреступления коммерческой направленности. Подталкивает злоумышленников на совершение такого преступления имеющийся спрос среди потенциальных пользователей каршеринга, связанный с наличием определенных правил и запретов каршеринговых сервисов, предотвращающих доступ к услуге отдельных категорий лиц. Покупатели таких аккаунтов никак не застрахованы от проблем, которые в дальнейшем возникают в период их эксплуатации. Чаще всего при покупке аккаунта пользователя настоящий владелец замечает постороннюю активность в собственном аккаунте, а именно списание денежных средств и получение уведомлений об использовании транспортных средств каршеринговых сервисов. В дальнейшем владелец блокирует банковский счет и аккаунт в приложении, оставляя покупателя данного аккаунта «с рук» ни с чем. Многие такие пользователи даже не задумываются о происхождении продаваемых аккаунтов в сети и считают это вполне обычной практикой. Так, по результатам проведенного нами опроса 5,3% респондентов пользовались сторонним аккаунтом в сервисе каршеринга.

Угон транспортных средств каршеринговых сервисов в настоящее время набирает обороты. Злоумышленники используют различные методы для угона автомобилей, начиная от таких примитивных, как угон транспортного средства по

месту его расположения, так и более изощренные – угон каршеринговых авто посредством регистрации фальшивых аккаунтов или взлома аккаунтов пользователей, в результате чего вычислить настоящего злоумышленника становится гораздо сложнее. Так, в 2012 г. из-за действий мошенников был вынужден прекратить свою деятельность американский стартап HiGear, который специализировался на каршеринге класса люкс. HiGear стал жертвой криминальной группы, которая за короткий срок угнала четыре автомобиля общей стоимостью \$400 тыс. Мошенники использовали украденные водительские удостоверения и кредитные карты при регистрации аккаунтов (См. *Мошенники осваивают каршеринг: технологии и медиа: Газета РБК // URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/09/07/59aec3869a7947b18eb23374> (дата обращения: 01.11.2019)*).

Многих пользователей услугами каршеринга в настоящее время волнует и такая проблема, как кража их персональных данных посредством взлома аккаунтов/сетевой платформы сервиса. Результаты проведенного нами опроса показали, что 40% респондентов считают использование каршеринга через приложения небезопасным. Были опрошенные, которые заявляли, что и сами становились жертвами злоумышленников, утратив доступ к своим аккаунтам в связи с компьютерным взломом. При этом треть пострадавших, сталкивались с этой проблемой не единожды. Все пострадавшие не получили должной поддержки от служб безопасности сервисов, а некоторые заявили об утечке своих персональных данных. Украденные персональные данные пользователей сервисов каршеринга находят различное применение в руках киберпреступников (списание средств с банковского счета, использование паспортных и водительских данных в своих целях). В связи с наличием угрозы такого характера 85,3% опрошенных видят острую необходимость в усовершенствовании системы безопасности приложений каршеринга от злоумышленников.

Каждая категория преступлений возникает неспроста и обусловлена характерными причинами их совершения. Изучив специфику киберпреступлений в сфере каршеринга, можно выделить причины социального, экономического, правового, организационного и технического характера.

Социальные причины:

- повсеместная и масштабная компьютеризация всех сфер общества (в том числе транспортной сферы);
- ненадежность мер безопасности каршеринговых услуг (возможность обойти систему защи-

ты персональных данных и персонализации аккаунтов) – посредством предоставления ложных данных с целью использования транспортного средства и перекалывания преступником персональной ответственности на владельцев аккаунтов;

– доступность и открытость услуг (способность использования непрофессиональным субъектом).

Экономические причины: быстрый и относительно безопасный способ получения выгоды (оплата услуг пользования транспортным средством за счет средств владельца аккаунта, оплата штрафов за нарушение ПДД владельцем аккаунта).

Правовые причины:

– несовершенство законодательства в области уголовной, административной ответственности (отсутствие составов преступлений, характерных для киберпреступлений в области каршеринга, иных приложений);

– высокая естественная латентность (латентность киберпреступлений составляет более 99%);

– отсутствие единых стандартов безопасности компьютерных программ (в т.ч. приложений).

Организационные причины:

– неполная квалификация преступлений в данной области (преступления в сфере компьютерной информации претендуют лишь на дополнительную квалификацию к основным киберпреступлениям – кражам (ст. 158 УК РФ), мошенничествам (ст. 159.6 УК РФ). Но в практической деятельности правоохранительных органов киберпреступления, как правило, квалифицируются только по основному составу;

– нехватка квалифицированных кадров правоохранительных органов, занимающихся расследованием киберпреступлений.

Технические причины:

– отсутствие надежных способов идентификации пользователя при каждом использовании услуг каршеринговых сервисов;

– ненадежность системы защиты электронных хранилищ персональных данных пользователей каршеринга.

Для выработки эффективных мер предупреждения киберпреступлений в сфере каршеринга необходимо не только понимать природу данного вида преступления, возможные механизмы махинаций и причины их совершения, но так же и определить категорию лиц, потенциально входящих в группу киберпреступников в данной области. Под личностью киберпреступника в криминологической науке понимается совокупность социально-демографических, нравственно-

психологических и уголовно-правовых свойств личности, определяющих преступное поведение индивида, выражающееся в совершении киберпреступлений (См.: *Личность киберпреступника – криминология* // URL: https://studme.org/155128/pravo/lichnost_kiberprestupnika (дата обращения: 01.11.2019)).

По возрастным характеристикам наиболее криминально активными в киберпреступности являются возрастные группы 18–24 лет (39,6%) и 25–29 лет (30,6%). На возрастную группу 50 лет и старше приходится около 3% преступников от общего числа осужденных киберпреступников, что, видимо, связано с меньшей «компьютеризацией» лиц старшего поколения (См.: *Личность киберпреступника – криминология* // URL: https://studme.org/155128/pravo/lichnost_kiberprestupnika (дата обращения: 01.11.2019)).

Киберпреступников в изучаемой области можно классифицировать по различным основаниям, одним из которых является уровень профессиональности киберпреступника.

Первая категория киберпреступников относится к хакерам, специализирующимся на совершении отдельных категорий киберпреступлений, обладающих «профессиональными» техническими знаниями, необходимыми для совершения преступлений данного рода. Встретить данную категорию киберпреступников можно при взломе аккаунтов пользователей сервисов каршеринга с целью продажи данных аккаунтов, личного использования или кражи персональных данных пользователей с дальнейшим их использованием в различных целях.

Ко второй категории киберпреступников в зависимости от уровня профессиональной подготовки можно отнести среднестатистических пользователей сети Интернет, не обладающих какими-либо специальными знаниями в области киберпространства. К ним относятся лица, занимающиеся созданием фальшивых аккаунтов приложений сервисов каршеринга, то есть осуществляющих ввод в систему персональных данных других лиц или сведений с использованием поддельных документов с целью продажи таких аккаунтов или личного использования.

Также потенциальных киберпреступников в сфере каршеринга можно подразделить в зависимости от используемой среды преступления:

– киберпреступники, осуществляющие деятельность только в рамках киберпространства (создание фальшивых аккаунтов/взлом аккаунтов пользователей с их дальнейшей продажей третьим

лицам, кража персональных данных пользователей посредством взлома аккаунтов/сетевой платформы сервиса);

– киберпреступники, осуществляющие деятельность в киберпространстве в сочетании с преступными действиями в реальной жизни (создание фальшивых аккаунтов/взлом аккаунтов пользователей для аренды транспортных средств за чужой счет, регистрация фальшивых аккаунтов/взлом аккаунтов пользователей для дальнейшего угона транспортного средства).

Существенным криминогенным фактором психологического характера, присущим киберпространству, является возможность сохранения полной анонимности пользователя устройства или Сети (за исключением технической информации о подключении к Сети, способы сокрытия которой также существуют). Анонимность позволяет не только не быть идентифицированным в определенный момент времени, но также, как следствие, предоставлять о себе ложную информацию, вступать в социальное взаимодействие, представляясь другим лицом. Очевидно, что в условиях анонимности любой человек ощущает возможность безнаказанно совершать поступки отрицательного характера [2, с. 87–94]. Посредством анонимности киберпреступника и достигается высокий уровень латентности преступлений данной категории. Однако, сверхлатентными чаще всего являются преступления в сфере каршеринга при их совершении только в рамках киберпространства, то есть в данном случае злоумышленник не обличает себя. При совершении преступления в сфере каршеринга смешанным способом (в среде киберпространства с дальнейшим выходом в реальную среду) преступник повышает риск обнаружения самого себя. Однако по сравнению с рядовыми категориями преступлений в данной области (кража, угон) злоумышленник имеет большую степень защищенности.

Также психологическим фактором, характеризующим исследуемый вид киберпреступников, выступает фактор отстраненности от совершения данного вида преступления с последующей возможностью перекалывания ответственности на владельцев аккаунтов сервисов каршеринга за совершенные правонарушения. Примерами могут служить случаи взлома аккаунтов пользователей каршеринговых сервисов и использование их при аренде транспортным средств с дальнейшим их угоном или нарушением ПДД.

Таким образом, можно сделать вывод, что личность киберпреступника в сфере каршеринга обладает общими характерными чертами для ки-

берпреступника в целом, однако имеет важные специфические особенности, обусловленные спецификой преступлений с области услуг каршеринга.

В связи с образовавшейся тенденцией появления и роста киберпреступности в сфере каршеринга необходимо выработать эффективные меры предупреждения преступлений в данной области. На данный момент времени официальная статистика по данной категории преступлений отсутствует, но сведения из источников средств массовой информации и результаты проведенного нами опроса свидетельствуют о наличии данного рода проблемы в обществе и необходимости с ней бороться уже на раннем этапе, пока киберпреступность в исследуемой области не приняла глобальные масштабы. Согласно опросу 50,5% респондентов встречались с информацией о случаях мошенничества в сфере каршеринга с использованием компьютерных технологий и Интернета или же сами становились жертвами данного вида преступности. Подавляющее большинство (85%) опрошенных убеждены в необходимости усовершенствования системы безопасности сервисов каршеринга для предупреждения преступлений в данной области.

Каршеринговые компании, сталкиваясь с угрозами безопасности своих сервисов, стараются бороться с данной проблемой собственными силами, локально предотвращая совершение преступлений или уже их последствия. Например, при подделке аккаунтов в мобильных приложениях и предоставлении ненастоящих персональных данных аккаунт пользователя может быть заблокирован, при каждой новой установке приложения на смартфон система требует заново загрузить фото паспорта, фото водительского удостоверения и дополнительно снимок, на котором изображено лицо и рядом развернутый паспорт.

Однако для эффективного предупреждения киберпреступлений в сфере каршеринга необходимо принять комплекс мер по различным направлениям деятельности. В первую очередь необходимо ввести правовое регулирование услуг каршеринга на федеральном уровне, а именно определить общие положения о каршеринге, его месте в транспортной инфраструктуре и стандартизировать оказание услуг в данной сфере, в том числе определить меры защиты персональных данных и способы идентификации пользователей.

Для создания рабочего механизма идентификации пользователей возможно внедрение следующих альтернативных друг другу механизмов.

Работа первого механизма основывается на установлении системы Face ID (сканера объемно-пространственной формы лица человека) для сличения реального пользователя автотранспортного средства и личности владельца аккаунта сервиса каршеринга внутри самих транспортных средств, предоставляемых операторами.

Второй возможный механизм идентификации пользователя каршеринга заключается в модернизации прошивки мобильных приложений с появлением функции обязательного фотографирования пользователя перед каждым использованием автомобиля. При этом пользователь сможет сделать фотографию только в онлайн режиме с исключением возможности загрузки фото из галереи мобильного устройства с целью предотвращения подлога. Автоматизированная программа будет сличать отправленное на сервер фото с ранее прикрепленным фото владельца аккаунта. В случае возникновения проблем при идентификации пользователя в связи с независимыми от него обстоятельствами такое фото будет отправлено на ручную обработку оператора сервиса.

В каждой из представленных выше технологий есть как плюсы, так и минусы. К плюсам технологии Face ID, установленной внутри транспортного средства, относятся высокая точность идентификации лица, минимизация подлога (датчик может отслеживать личность водителя в течении всей поездки). Минусом такой технологии является ее дороговизна для операторов каршеринга, которым будет необходимо установить такие датчики в каждом автомобиле.

Сильной стороной модернизации прошивки мобильных приложений каршеринга выступает относительная бюджетность данного решения, однако минусом может стать заторможенность процесса обработки данных.

При внедрении таких мер защиты при идентификации личности необходимо учитывать фактор конкуренции каршеринговых компаний на рынке, так как при усложнении условий пользования каршерингом клиенты будут пользоваться услугами компаний с более простыми способами идентификации личности, что вытиснит конкурентов с более сильной системой защиты с рынка услуг. В связи с чем необходимо повсеместное установление единых способов идентификации пользователей каршеринга. Также это позволит не оставлять возможность для использования злоумышленниками компаний с более уязвимой системой защиты.

Для надежной защиты персональных данных возможно внедрение хранения информации по-

средством распределенной системы блокчейн, которая смогла зарекомендовать себя во многих областях хранения и использования информации.

Также в целях расследования преступлений в области киберпространства и их предотвращения необходима подготовка квалифицированных кадров правоохранительных органов всех уровней, чтобы добиться высокого уровня раскрываемости киберпреступлений, а также их предотвращения не только государственного масштаба, но и совершенных в отношении простых граждан. Для этого необходимо создать комплекс образовательных программ, на стыке гуманитарных и технических (информационных) наук с целью выпуска специалистов, способных в полной мере противостоять преступным проявлениям в киберпространстве.

Исследуемая тема в настоящее время приобретает актуальность, что непосредственно связано со стремительным развитием информационных технологий и внедрением каршеринга в транспортную логистику каждого современного города. Преступность также реагирует на изменения в обществе и моментально подстраивается под новые тенденции. К сожалению, такого же эффекта не достигается правовой системой и правоохранительными органами, для изменения которых необходимо время. В этом нет ничего удивительного, ведь только опытным путем можно установить все потенциально уязвимые места системы, каковой и стала индустрия каршеринговых услуг. Однако часто бывает, что ответная реакция на преступные проявления становится чрезмерно заторможенной, что и приводит к развитию негативных последствий для человека и общества в крупных масштабах. С целью предотвращения данного упущения мной было проведено исследование, в результате которого удалость выявить такую отдельную нишу киберпреступности, как киберпреступность в сфере каршеринга, обозначить ее понятие, признаки, виды с их характеристикой, разработать меры по предупреждению возможных проявлений преступности в дальнейшем, а также провести социологический опрос с целью выявления вовлеченности фокусной группы в обозначенную проблематику и определения окраски отношения респондентов к отдельным компонентам исследуемой области. Результаты опроса способствовали проведению объективного анализа состояния киберпреступности в сфере каршеринга в настоящий период времени и как следствие выработке мер реагирования на криминогенные проявления в данной области.

Литература

1. Чекунов И.Г., Шумов Р.Н. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 10. С. 44–47.
2. Косенков А.Н., Черный Г.А. Общая характеристика психологии киберпреступника // Всероссийский криминологический журнал. 2012. С. 87–94.

References

1. Chekunov I.G., Shumov R.N. Sovremennoe sostoyanie kiberprestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [Modern condition of cybercrime in the Russian Federation]. Rossiiskii sledovatel' [Russian Investigator], 2016, no. 10, pp. 44–47. (In Russian)
2. Kosenkov A.N., Chernyi G.A. Obshchaya kharakteristika psikhologii kiberprestupnika [General characteristics of a cybercriminal's personality]. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology], 2012, pp. 87–94. (In Russian, abstract in English)

ТОРГОВЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Ринов Роберт Беккович

Цель: разобраться в понятии, а также сущности торговли несовершеннолетними, изучить характеристику личности субъекта данного преступления, проанализировать причины возникновения и условия торговли несовершеннолетними, в результате чего предложить варианты предупреждения преступления, рассматриваемого в данной статье.

Методология: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, системный подходы, методы логического, а также структурного анализа.

Выводы. Современное российское общество еще не в полной мере понимает те масштабы распространения и ту общественную опасность торговли детьми, в которую входят не только гражданско-правовые сделки, но и осуществляемая под прикрытием процедура иностранного усыновления, сопряженная с вывозом несовершеннолетних граждан России за рубеж.

Кроме того, до настоящего времени толкование термина «купля-продажа» является неоднозначным и вызывает ряд вопросов не только среди ученых, но и среди сотрудников правоохранительных органов, что мешает привлечению виновных к уголовной ответственности и восстановлению социальной справедливости.

Научная и практическая значимость. Состояние уголовно-правовой защиты несовершеннолетних жертв торговли не соответствует общепризнанному правовому принципу приоритетной защиты государством прав и законных интересов детей, не учитывает возрастающей общественной опасности сложившейся и прогнозируемой криминальной ситуации в сфере преступных посягательств на нормальное развитие детей. В связи с этим, а также учитывая несовершеннолетие и наличие огромных пробелов в регламентации в действующем Уголовном законе Российской Федерации ответственности за торговлю несовершеннолетними, именно эта актуальная тема была выбрана автором для исследования.

Ключевые слова: несовершеннолетние, дети, торговля людьми, уголовно-правовая защита несовершеннолетних, купля-продажа ребенка.

Свобода человека является одной из главных ценностей в современном мире, поэтому в законодательстве большинства стран свобода характеризуется в качестве главного права человека и гражданина. Одним из врагов свободы является такой незаконный вид «предпринимательства», как торговля людьми. Более того, очень часто в лапы торговцев людьми попадают несовершеннолетние, в виду того, что являются менее защищенными, чем взрослые. В этой связи, на международном правовом поле, торговля несовершеннолетними признана экстрадиционной, иными словами, лицо осуществляющее торговлю несовершеннолетними будет выдано другому государству как при нали-

чии двустороннего договора об оказании правовой помощи, так и в его отсутствие. Кроме того, международное законодательство при осуществлении сотрудничества на уровне правоохранительных и судебных органов призывает государства и далее разрабатывать, и дополнять национальное законодательство, устанавливающее ответственность за торговлю несовершеннолетними, и предусматривать, если это необходимо, особые формы инкриминирования [1].

Однако, несмотря на принятые международные Декларации и Конвенции (Конвенция о правах ребенка 1989 года), которые запрещают торговлю людьми независимо от возрастных ха-

рактических, уголовный закон Российской Федерации, установив ответственность за торговлю несовершеннолетними, оставил факты торговли людьми за рамками криминализации, в то время как она приобрела масштабный характер.

Более того, можно с полной уверенностью сказать, что вносимые в последние годы изменения и дополнения в действующее уголовное законодательство нередко не улучшают, а, наоборот – ухудшают ситуацию с обеспечением должной правовой защиты несовершеннолетних, которые стали жертвами торговли людьми.

Чего стоит только принятие Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс [4] Российской Федерации». Данным нормативным правовым актом была криминализована торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), в качестве квалифицирующего признака предусмотрена торговля заведомо несовершеннолетними (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ). Параллельно с этим была исключена специальная норма – статья 152 УК РФ (Торговля несовершеннолетними), тем самым законодатель вывел за рамки уголовно-правового преследования значительную часть сделок в отношении несовершеннолетних, которое международное право, а также статья 152 УК РФ ранее признавали преступными.

По мнению некоторых российских ученых (В.В. Лунеева, А.Н. Трайнина, А.А. Станской), основная причина существования торговли несовершеннолетними кроется в том, что существующее законодательство, в том числе и уголовная политика противодействия торговле людьми, призванные выступать одним из важнейших регуляторов различных сфер, не способствуют решению данной проблемы [7, с. 332].

Помимо несовершенства законодательства в данной области существуют иные факторы, порождающие рассматриваемый вид преступной деятельности. Как было отмечено ранее, торговля несовершеннолетними – прибыльный бизнес, что, несомненно, выступает ведущим фактором, способствующим ее распространению со стороны криминальных организаций. «...Являясь одним из способов извлечения криминальных доходов, торговля несовершеннолетними ежегодно приносит прибыль транснациональным преступным синдикатам около 3 миллиардов долларов».

Наряду с этим очень важно отметить, что торговля несовершеннолетними связана, как правило, с неблагополучной экономической ситуацией в стране-экспорте. Причиной этого служат низкий материальный достаток населения и, как причина

этого явления – безработица, в условиях которой люди вынуждены прибегать к любым источникам заработка, не видя никакой перспективы выхода из нужды [6].

Среди факторов, оказывающих влияние на распространение данного вида преступлений, следует назвать семейное неблагополучие, проявляющееся в безнадзорности, утрате связей с семьей и родителями, моральной и материальной поддержки со стороны родных и близких. Это, в свою очередь, порождает довольно широкое распространение в последнее время торговли несовершеннолетними. Об этом свидетельствуют данные МВД России и других стран [2].

В связи с этим особый интерес представляет личность субъекта такого преступления, как торговля несовершеннолетними, о которой можно сказать следующее. По половому признаку среди лиц, которые являлись субъектами торговли несовершеннолетними, перевес имеют женщины, а не мужчины (98% к 2%). Более того, мужчины в большинстве случаев (95%), как правило, являются сожителями или мужьями женщин, которые торгуют несовершеннолетними, тем самым мужчины выступают в роли соучастников [5].

Что касается возраста лиц, которые осуществляют куплю-продажу несовершеннолетних, то можно заметить весьма серьезный разброс. Так, пик криминальной активности приходится на возраст от 20 до 31 года. Как видно, это лица с уже сложившимся характером, моральными принципами, убеждениями, ценностными ориентациями и достаточно предприимчивые, активные. Кроме того, в данную группу входят и те лица, которые осуществляли своих собственных детей. В числе мотивов совершения данного деяния совместно проживающие пары, которых большинство (80%), указывали на отсутствие жилья, материальные трудности, а также отсутствие постоянного места работы.

Немаловажным для характеристики личности субъектов рассматриваемого в данной исследовательской работе деяния является уровень образования, а также сведения о роде занятий лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 152 и п. «б» ч. 2 ст. 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

Итак, проанализировав материалы уголовных дел, а также судебные решения, можно прийти к выводу, что женщины, продающие детей, имеют невысокий образовательный уровень (86%). В основном женщины, имеющие основное общее и среднее специальное образование, продавали собственных несовершеннолетних детей. Инте-

ресным является тот факт, что в ходе исследования было установлено, что среди преступников, которые имели высшее образование, преобладают лица мужского пола – 95%. Кроме того, в большинстве случаев данные мужчины принимали участие или непосредственно возглавляли фонды агентств общественных центров, связанных с социально-экономической помощью многодетным семьям [5].

Также нельзя не обратить внимания на ассоциативность продавцов несовершеннолетних, которая была вызвана в силу алкогольной деградации. Как мужчины, так и женщины, данного типа вели аморальный образ жизни, вступали в беспорядочные половые связи, а также злоупотребляли спиртными напитками, вследствие чего лишались жилья и в конечном итоге занимались бродяжничеством. Именно поэтому несовершеннолетний ребенок являлся для указанных лиц ненужной обузой, к которому они не успели привыкнуть, вследствие чего его продажа решала сразу несколько проблем, во-первых, являлась простым выходом в их создавшейся ситуации, а также способом получения денег на приобретение спиртных напитков. Более того, порядка 40% виновных лиц совершали исследуемые деяния в состоянии алкогольного опьянения [2].

Завершая настоящую работу, стоит отметить следующее, стоит сказать несколько слов о том, какие действия необходимо притворить в жизнь для предупреждения торговли несовершеннолетними.

А именно возложить на органы государственной власти и должностных лиц, чья деятельность непосредственно связана с защитой материнства и детства: 1) разработку государственных программ по укреплению семьи; 2) определение и детальное обоснование демографической политики государства на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу; 3) создание оперативных служб реагирования на изменения демографической ситуации в стране, как на общероссийском, так и на региональном уровне; 4) разработку и осуществление системы мероприятий по защите материнства и детства, которые будут направлены на стимулирование рождаемости детей [8].

Учитывая изложенное выше, стоит отметить, что современное российское общество еще не в полной мере понимает те масштабы распространения и ту общественную опасность торговли детьми, именно поэтому, срочно, необходимы разработка и усовершенствование уголовно-правовых правовых средств, связанных с противодействием торговли несовершеннолетними.

Литература

1. *Афанасьева О.Р.* Криминология и предупреждение преступлений: учебник и практикум для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2019. 360 с.
2. *Буряк М.Ю.* Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 205 с.
3. *Капинус О.С.* Криминология. Особенная часть: в 2 т. Т. 1: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 312 с.
4. *Онхонова О.А.* Торговля несовершеннолетними // Молодой ученый. 2016. № 20. С. 546–548.
5. *Пашонин Г.И.* Проблема торговли несовершеннолетними в современном мире // Научное сообщество студентов: Материалы XIV Междунар. студенч. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 мая 2017 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 316–318.
6. *Сверчков В.В.* Курс уголовного права. Общая часть в 2 книгах: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.Т. Томина. М.: Юрайт, 2016. 815 с.
7. *Смирнов Г.К.* Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ) // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 1. С. 330–335.
8. *Шаповалова Д.А.* Международный и российский уголовно-правовой аспект торговли людьми / Д.А. Шаповалова, С.С. Медведев // Science time. 2015. № 4 (38). С. 930–933.

References

1. *Afanas'eva O.R.* Kriminologiya i preduprezhdenie prestuplenii: Uchebnik i praktikum dlya srednego professional'nogo obrazovaniya [Criminology and crime prevention: Textbook and workshop for secondary vocational education]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 360 p. (In English)

2. *Buryak M. Yu.* Torgovlya lyud'mi i bor'ba s nei (kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty) [Human trafficking and combatting it (criminological and criminal law aspects)]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2005. 205 p. (In English)
3. *Kapinus O.S.* Kriminologiya. Osobennaya chast' v 2 t. Tom 1: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Criminology. Special part in 2 volumes. Volume 1: Textbook for academic baccalaureate]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 312 p. (In English)
4. *Onkhonova O.A.* Torgovlya nesovershennoletnimi [Trafficking in minors]. *Molodoi uchenyi [The Young Scientist]*, 2016, no. 20, pp. 546–548. (In Russian)
5. *Pashonin G.I.* Problema torgovli nesovershennoletnimi v sovremennom mire [The problem of trafficking in minors in the modern world]. In *Nauchnoe soobshchestvo studentov: Materialy XIV Mezhdunar. studen. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 26 maya 2017 g.) [Scientific community of students: Materials of the XIV international studen. scientific-practical conference (Cheboksary, 26 May 2017)]*. Cheboksary, TsNS «Interaktiv plus» Publ., 2017, pp. 316–318. (In Russian)
6. *Sverchkov V.V.* Kurs ugovolnogo prava. Obshchaya chast' v 2 knigakh: Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [The course of criminal law. General part in 2 books: Textbook for bachelor's and master's degrees]. Ed. V.T. Tomin. Moscow, Yurait Publ., 2016. 815 p. (In Russian)
7. *Smirnov G.K.* Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovogo regulirovaniya torgovli lyud'mi (st. 127.1 UK RF) [Actual problems of improving the criminal law regulation of human trafficking (article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. «*Chernye dyry*» v *rossiiskom zakonodatel'stve [«Black Holes» in Russian Legislation]*, 2006, no. 1, pp. 330–335. (In Russian)
8. *Shapovalova D.A.* Mezhdunarodnyi i rossiiskii ugovolno-pravovoi aspekt torgovli lyud'mi [International and Russian criminal law aspects of human trafficking]. *Science time*, 2015, no. 4 (38), pp. 930–933. (In Russian)

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ГРАЖДАН

Таранков Олег Игоревич,
Порошкина Татьяна Сергеевна

Цель: провести анализ современных угроз при использовании биометрических данных граждан для их авторизации в различных электронных системах, а также разработать механизмы минимизации рисков.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы: В 21 веке технологии входят в повседневную жизнь очень быстро, что зачастую ставит под вопрос как корректную работу данных механизмов, так и их безопасность. Сегодня ряд государственных и коммерческих институтов предлагает доступ к своему инструментарию с помощью биометрической идентификации по отпечатку узоров пальцев рук, радужной оболочки глаза или голосу. Система кажется совершенной, ключ, который невозможно забыть, украсть или подделать открывает новые страницы в истории компьютерной безопасности. Но так ли надежна биометрическая аутентификация? Действительно ли данные граждан под надежной защитой? Существуют ли механические, электронные и юридические методы защиты? Авторы уверены, что подобные технологии несовершенны. Мировой опыт показывает, что биометрические данные, это такая же информация, хранящаяся в виде двоичного кода в базах данных, которые так же подвержены хакерским атакам. Одновременно с этим сложный механизм сбора этой информации создает ряд слабых мест, которыми могут воспользоваться злоумышленники. Авторы рассматривают совершенствование законодательной базы, позволяющее допустить до процедуры сбора, хранения и использования биометрических данных граждан лишь специализированные государственные организации как единственную возможность минимизации рисков кражи персональных данных.

Научная и практическая значимость. Выделение слабых мест в цепочке сбора, передачи, хранения и использования биометрических данных позволяет разработать механизм минимизации рисков при использовании данной технологии.

Ключевые слова: Россия, биометрические данные граждан, биометрическая идентификация, аутентификация, безопасность.

В последнее время тема биометрической идентификации личности находится в центре внимания российского сообщества, которое старается следовать мировым тенденциям в области защиты информации при помощи биометрических данных граждан как надежного способа идентификации их личности. Прорывом в области биометрической идентификации личности в России стало принятие Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2018. №1. Ст. 66.), который установил основы для развития в Российской

Федерации Единой биометрической системы. Говоря о востребованности и актуальности данной темы, стоит отметить, что Центробанк уже довольно давно прилагает усилия к тому, чтобы стимулировать банки к применению таких систем удостоверения личности.

Стоит упомянуть, что правовое регулирование биометрических данных граждан на данный момент проработано не в достаточной мере:

Исторически первое законодательное упоминание о биометрии содержалось в Федеральном законе от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда

в Российскую Федерацию» (*СЗ РФ. 1996. №34. Ст. 4029.*), где говорилось, что паспорта граждан «могут содержать электронные носители информации с записанными на них персональными данными владельца паспорта, включая биометрические персональные данные». Стоит, впрочем, заметить, что выдача заграничных паспортов с такими носителями фактически началась лишь через 10 лет после появления этого закона [1].

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (*СЗ РФ. 2006. №31. Ст. 3451.*). В нем имела статья 11 «Биометрические персональные данные», которая существует по сей день с некоторыми дополнениями. Изначально законодатели определили предмет статьи как «сведения, которые характеризуют физиологические особенности человека и на основе которых можно установить его личность». В актуальной на данный момент редакции (от 31.12.2017) сведения уже не только физиологические, но и биологические; кроме того, указано, что они не только позволяют установить личность, но и используются для этого. В общем случае обработка биометрических ПД разрешается лишь с письменного разрешения субъекта, хотя есть ряд исключений — в основном связанных с охраной порядка, противостоянием терроризму и оборонными задачами. Также авторы закона упомянули о биометрических данных в статье 19 «Меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке». Статья с тех пор была значительно расширена (с 4 пунктов до 11), но положения, связанные с биометрией, остались прежними: требования к хранению биометрических ПД устанавливаются Правительством РФ.

Далее в нормотворческий процесс включилась стандартизация: в 2007 году были введены в действие ГОСТ Р ИСО/МЭК 19795-1–2007 (*См.: URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200067413> (дата обращения: 27.10.2019)*) «Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Эксплуатационные испытания и протоколы испытаний в биометрии. Часть 1. Принципы и структура» и ГОСТ Р ИСО/МЭК 19784-1–2007 «Автоматическая идентификация. Идентификация биометрическая. Биометрический программный интерфейс. Часть 1. Спецификация». С тех пор постепенно переводились и утверждались разные части международных стандартов, имеющих отношение к сбору биометрических данных, их использованию и обработке. Одним из ключевых документов здесь можно назвать стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 19794, который определяет требования ко всем основным биометрическим пара-

метрам и к их измерению. Так, например, части 2–4 и 8 касаются отпечатков пальцев, часть 5 — изображения лица, а часть 14 — данных ДНК. Кстати, эта последняя часть относится к наиболее свежим — она утверждена в 2017 г. По названиям стандартов можно видеть, что все они идентичны международным.

Глобальная рамка информационного законодательства — Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» — изначально указаний на биометрию не содержал. 31 декабря 2017 г. он пополнился статьей 14.1 «Применение информационных технологий в целях идентификации граждан Российской Федерации», которая составляет фундамент для единой биометрической системы (ЕБС) и ее применения, а также увязывает ее с единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА), знакомой любому пользователю ресурсов электронного правительства. Установлено, что организации разного рода (например, банки) идентифицируют пользователя в его присутствии и с его согласия, а затем передают его биометрические ПД в ЕБС. Порядок этого процесса и состав сведений определяются Правительством РФ; оно же назначает государственный орган, ответственный за регулирование этой сферы и за разработку конкретных регламентов — обработки данных, их размещения, требований к техническим средствам и т. п. [2]. В этой же статье вводится понятие оператора ЕБС, функции которого возлагаются на крупного оператора связи (т.е. такого, который «занимает существенное положение» в 2/3 регионов страны). Закон требует применять криптографическую защиту информации при передаче биометрических ПД через интернет; если физическое лицо отказывается пользоваться такой защитой, то идентификацию без шифрования можно будет провести только с персонального компьютера и после уведомления о рисках. С мобильного устройства, в том числе планшетного компьютера, удаленная биометрическая идентификация без криптозащиты будет невозможна. Нарушение требований статьи 14.1 влечет гражданскую, административную или уголовную ответственность.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (*ред. от 31.12.2017*) в ст. 11 устанавливает понятие биометрических персональных данных и основания, по которым обработка персональных данных может осуществляться с согласия и без согласия носителей биометрических данных: Сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности

человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи. Обработка биометрических персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии, в связи с осуществлением правосудия и исполнением судебных актов, в связи с проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, а также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-розыскной деятельности, о государственной службе, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, о гражданстве Российской Федерации.

В современной правовой действительности, как было отмечено ранее, ведущим законом в сфере обработки и идентификации персональных данных является Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», так как он устанавливает правовые основания сбора биометрических персональных данных граждан РФ и их размещения в Единой биометрической системе, устанавливает механизмы идентификации физического лица без его лично присутствия с использованием информационных технологий (удаленная биометрическая идентификация).

Согласно вышеуказанному НПА на ФОИВ в зависимости от сферы применения возлагаются обязанности по сбору, хранению, надзору и дальнейшему использованию биометрических персональных данных: так, например:

1. Минкомсвязь России – является уполномоченным ФОИВ в сфере идентификации граждан РФ на основе биометрических персональных данных (постановление Правительства РФ от 28 марта 2018 г. № 335);

2. ПАО «РОСТЕЛЕКОМ» осуществляет функции оператора Единой биометрической системы (распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2018 г. № 293-р);

3. ФОИВ, в том числе МВД России, органы государственных внебюджетных Фондов имеют обязанность по направлению сведений о гражданах РФ в целях их обновления в ЕСИА в соответствии с порядком регистрации гражданина РФ в ЕСИА;

4. Центральный Банк РФ надзор за соблюдением банками порядка размещения и обновления сведений в ЕСИА, а также сведений, размещаемых в единой биометрической системе функции нормотворчества и правоприменительные [3].

В результате с начала июля 2018 г. в некоторых банках начала работать единая биометрическая система, созданная «Ростелекомом» по инициативе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и Центрального банка РФ. Единая биометрическая система была создана, чтобы сделать более доступными услуги, которые требуют юридически значимого подтверждения личности – в первую очередь для жителей отдаленных регионов и маломобильных граждан. Сервис удаленной идентификации, в основе которого лежит Единая биометрическая система, позволяет получать банковские услуги удаленно, при наличии смартфона или компьютера с интернетом. В настоящее время сферами применения ЕБС являются: социальные сервисы, телемедицина, торговля, образование, государственные и муниципальные услуги [4].

Однако, в настоящее время, в России безопасная и практичная ЕБС – это лишь «мечта», уровень защиты биометрических персональных данных граждан не на самом высоком уровне. Так, например, затрагивая банковскую систему: официальный представитель ЦБ России Артем Сычев, возглавляющий департамент информационной безопасности Банка России в одном из интервью сообщил, что «на данный момент Российские банки не смогут обеспечить тот уровень защиты биометрических данных граждан, который от них требуют власти. Вся проблема заключается в том, что у российских кредитных организаций просто нет оборудования для выполнения условия ФСБ – криптографической защиты на уровне государственной тайны» (См.: URL: <https://www.anti-malware.ru/news/2018-11-29-1447/28160> (дата обращения: 27.10.2019)).

Исходя из всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что вопрос регулирования биометрической идентификации персональных данных недостаточно проработан и имеет много пробелов, поэтому до сих пор в России нет отлаженного, а главное – безопасного, механизма биометрической идентификации личности. Поэтому, к сожалению, правоприменительная практика фикс-

сирует случаи хищения биометрических данных граждан с целью завладения чужим имуществом из корыстных побуждений.

За рубежом существует термин IDENTITY THEFT, грубо и дословно переведенный как «Кража личности». Он применяется для случаев хакерских атак, направленных на похищение личных биометрических данных человека, будь то отпечатки пальцев или радужная оболочка глаза, схема сосудов человека, модели лица или голоса.

В марте этого года издание The Wall Street сообщило, что в результате мошеннических действий в Великобритании пострадала крупная страховая компания. Хакер, воспользовавшись продвинутой программой для модуляции голоса, сумел подделать речевые образцы генерального директора предприятия. Это позволило злоумышленнику связаться с бухгалтерией организации и «подтвердить» личность. Далее были совершены три перевода денежных средств на австрийские банковские счета. В результате этих действий, со счета компании были украдены, по данным источника 234 тысячи долларов США. О произошедшем в самой компании узнали лишь после проведения очередной аудиторской проверки.

В силу меньшей распространенности и только растущей популярности, Российскую федерацию еще не потрясли известия об утечках личных биометрических данных граждан, не из государственных, не из коммерческих структур. Однако, случаи утечек паспортных и иных персональных данных, с последующим использованием их в корыстных целях не редки. А биометрия, какие бы надежды на нее не возлагались в последние годы, храниться в том же электронном виде на серверах в соответствующих информационных базах, которое могут быть подвержены хакерским атакам. Однако кража биометрических данных, этой «виртуальной модели человека», представляется куда более серьезной, нежели простая утечка логинов и паролей от банковских клиентов или клиентов для доступа к государственным услугам. Ведь, в случае похищения, злоумышленник будет иметь в руках универсальный ключ, который позволит от имени гражданина получить доступ к государственным услугам, банковским счетам, прочей информации защищенной самыми современными и казавшимися безопасными системами компьютерной безопасности.

Сторонники же введение повсеместной биометрической идентификации утверждают, что система установления личности по биометрическим данным, работает по весьма сложной схеме, менее подверженной взлому. В качестве доводов приводятся:

1. Использование биометрических данных, похищенных из одной биометрической системы, не позволит обмануть другую, так как они работают по разным методикам. В случае с распознаванием отпечатка пальца или радужки глаза, разные системы будут брать разные участки для сканирования и занесение в базу данных «эталонной модели». Однако данный принцип оставляет лазейку для использования украденных данных к системе, из которой они и были украдены. При этом в случае кражи целой виртуальной модели, например, схемы кровеносных сосудов, и предъявлении ее, система сможет провести аутентификацию необходимого ей участка.

2. Использовать данные, полученные из одной базы данных, для ее собственного обхода не получится, так как стопроцентное совпадение с «эталонной моделью» система будет автоматически отсеивать. Но современные технологии, а также понимание как работает конкретный механизм аутентификации, позволяют злоумышленнику внести незначительные изменения в украденный шаблон, чтобы система не выявила стопроцентного сходства.

3. Любая система запросит проверку «на живость». Предъявленный для сканирования палец должен иметь температуру близкую к температуре человеческого тела, сканируемая радужка глаза реагировать на свет, лицо – иметь объем. Все данные барьеры обходятся современным программным обеспечением, от дешевого китайского ЗАО позволяющее анимировать лицо компьютерного персонажа, обладающего всем чертами лица эталона, до более дорогих и совершенных.

Есть и другие «болезненные моменты» биометрической индикации в повседневной жизни. Главная из них (с которой вероятнее всего удастся побороться при введении Единой Базы Биометрических данных), разрозненность хранилищ таких данных на сегодняшний день, а соответственно многократный сбор биометрии. У человека, однажды принявшего участие в процедуре сдачи данных, может не возникнуть подозрения при поступлении нового предложения, которое в свою очередь может оказаться отправленным мошенниками для получения данных для незаконного использования. А также децентрализованность баз хранящих биометрические данные граждан, делает их более уязвимыми перед атаками хакеров, ведь не у каждой организации, занимающейся сбором данных, будут в распоряжении необходимое количество ресурсов для обеспечения безопасности [5]. А как мы уже определили, при должных навыках, похищенные в одном месте данные, могут стать

угрозой для их владельца в целом: банковские и государственные услуги, документация, участие в гражданском обороте окажутся под угрозой.

Не стоит недооценивать и человеческий фактор в сборе биометрических данных. Плохо подготовленный и некачественно обученный специалист, способен с легкостью совершить ошибку в этом процессе, как итог компьютерная биометрическая модель будет иметь изъян, который впоследствии превратится в лазейку для злоумышленника.

В рамках контекста данной работы мы провели открытый опрос для выявления осведомленности людей о самой технологии биометрической аутентификации, а также доверия к ней. При этом опрос был разделен на две части. В первой принимали участия специалисты, осуществляющие свою трудовую деятельность в сфере компьютерной безопасности, а также люди, обучающиеся по современной программе ИУ-10 – будущее специалисты данной сферы. Вторую часть опроса проходили лица, непричастные к теме защиты информации, в основном простые обыватели, обучающиеся и работающие в разных сферах. Суммарно в опросе поучаствовало более ста пятидесяти человек.

Общей чертой в ответах обеих групп можно выделить стопроцентное знакомство всех опрошенных с понятием биометрической идентификации. В первой группе так же все участники применяли ее в своей трудовой и повседневной деятельности. Среди второй группы данной технологией 17 процентов ответили, что используют ее регулярно, а 43 прибегали к ней хотя бы раз в жизни. Среди обеих групп лица, которые использовали биометрические данные для собственной идентификации, делали это в рамках государственных услуг, а также в банковской сфере, для получения доступа к банковским продуктам.

Наиболее разительно отличались ответы респондентов двух групп при ответе на вопрос, считают ли они сбор и дальнейшее применение биометрических данных безопасным. Среди ответов практикующих и будущих специалистов сферы компьютерной безопасности большая часть опрошенных (более 85 процентов) ответили, что это скорее безопасно, хоть и имеет ряд достаточно серьезных уязвимостей, устранение которых помогло бы развитию данной технологии. Остальные 15 процентов однозначно ответили, что данные системы ненадежны. Опрос же лиц, не связанных со сферой защиты баз данных, показал, что пока люди не доверяют сбору биометрических данных, и крайне неохотно используют биометрическую аутентификацию, менее половины опрошенных

использовали биометрическую идентификацию и лишь треть доверяет ей, считая ее достаточно безопасной. Респонденты обеих групп сталкивались с проблемами, описанными выше.

Сегодня цена биометрической аутентификации остается краеугольным камнем в вопросе ее повсеместного, а главное безопасного и эффективного применения. Всевозможная обеспечивательная аппаратура: ридеры, сканеры и идентификационные серверы для обработки биометрических данных стоят значительно дороже, чем применение привычных методов аутентификации. Это одновременно ставит под угрозу биометрические данные лиц, сдающих их в организации экономящих на безопасности, закупающих менее надежное и защищенное оборудование, и вместе с тем сдерживает популяризацию данной технологии, а соответственно и сдерживает распространение киберпреступников, желающих завладеть данными граждан. Во многом, именно благодаря тому факту, что аутентификация по биометрическим данным пользователя лишь набирает обороты в нашей стране, мы говорим о проблемах преступности в этой сфере по единичным случаям, рассматривая ее в большей степени как потенциальную. Однако меры по предупреждению возникающей проблемы стоит начать применять уже сейчас.

Таковыми мерами против возникающей угрозы кражи или подделки биометрических данных мы видим в комплексном подходе к данному вопросу. Вместе с созданием Единого государственного центра сбора и хранения персональных биометрических данных, необходимо ограничить доступ к данной деятельности со стороны коммерческих участников. Гражданину придется сдать биометрическую информацию один раз, в специализированный центр, что позволит как исключить некачественную фиксацию биометрических данных, так как будет использоваться качественное оборудование под управлением квалифицированного специалиста, так и гарантирует, что гражданин не станет откликаться на иные, предложения оставить биометрические данные. Так же, хранение баз данных содержащих биометрические сведения граждан в едином, максимально защищенном архиве, позволит свести риск утечек к минимуму.

Механизм же использования биометрической идентификации в данной модели будет выглядеть следующим образом:

Гражданин при авторизации, например, в банковском клиенте, проводит сканирование по биометрическим показателям (будь то голос, отпечатки пальцев или радужки глаза). Банк, для удостоверения клиента, связывается с единым

архивом, и передает туда полученные показатели. Они сравниваются с хранящейся в архиве эталонной моделью, и в случае совпадения, банк получает назад только удостоверение гражданина от самого архива. В этой цепочке организация не имеет непосредственного контакта с эталонной моделью биометрических данных гражданина, а значит и утечки с этой стороны быть не может. Сравнение представленных образцов с «оригиналом» также проходит вне организации, что позволит избежать ошибки на этом этапе.

Аутентификация человека при помощи биометрических данных уже совсем скоро плотно войдет в повседневную жизнь людей. Уже сегодня круп-

ные организации представляют своим клиентам возможности установления их личности с помощью данной технологии. Ее удобство трудно переоценить, однако России стоит обратить внимание на международный опыт, а также проблемы, с которыми уже столкнулись как организации, так и физические лица. Учитывая, что преступления в сфере компьютерной безопасности очень сложны для расследования, защита данных во многом строится именно на предупреждении. Грамотно составленная нормативно правовая база, рабочие механизмы реализации, позволят свести к минимум потенциальные угрозы и минимизировать возможный ущерб.

Литература

1. Покаместова Е.Ю. Правовая защита конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 204 с.
2. Кривогин М.С. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 80–89.
3. Попкова А.Р. Правовой режим использования биометрических персональных данных при удаленной идентификации физических лиц банками // Молодой ученый. 2020. № 1 (291). С. 183–185.
4. Заболотный Е.Ю. Перспективы развития средств аутентификации в банковской сфере // Право. Журнал «Инновационная наука». 2019. № 1. С. 25–28.
5. Рассолов И.М. Информационное право: учебник для магистров. М.: Юрайт, 2012. 444 с.

References

1. Pokamestova E. Yu. Pravovaya zashchita konfidentsial'nosti personal'nykh dannykh nesovershennoletnykh [Legal protection of the confidentiality of personal data of minors]. Dis. ... k.yu.n. 05.13.19. Voronezh, 2006. 204 p. (In Russian)
2. Krivogin M. S. Osobennosti pravovogo regulirovaniya biometricheskikh personal'nykh dannykh [Peculiarities of Legal Regulating Biometric Personal Data]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, 2017, no. 2. pp. 80–89. (In Russian, abstract in English)
3. Popkova A. R. Pravovoi rezhim ispol'zovaniya biometricheskikh personal'nykh dannykh pri udalenoii identifikatsii fizicheskikh lits bankami [Legal regime for the use of biometric personal data for remote identification of individuals by banks]. *Molodoi uchenyi [The young scientist]*, 2020, no. 1 (291), pp. 183–185. (In Russian)
4. Zabolotnyi E. Yu. Perspektivy razvitiya sredstv autentifikatsii v bankovskoi sfere [Prospects for the development of authentication tools in the banking sector]. *Pravo. Zhurnal Innovatsionnaya nauka [Law. Innovation science]*, 2019, no.1, pp. 25–28. (In Russian)
5. Rassolov I. M. Informatsionnoe pravo: Uchebnik dlya magistrrov [Information law: Textbook for the masters]. Moscow, Yurait Publ., 2012. 444 p. (In Russian)

РЕЦЕНЗИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ» / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «Юридическая фирма контракт», 2019. 424 с.

Михайлов Валентин Иванович

Рецензия посвящена коллективной монографии ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В рецензии анализируются суждения авторов монографии о новых направлениях развития уголовного законодательства стран, относящихся к разным правовым семьям, в частности, о криминализации различных проявлений эксплуатации детей, коррупции, киберпреступности. Кроме того, рассматриваются соотношение преступления, уголовного проступка и административного правонарушения, формы имплементации антикриминальных международных договоров в ткань национального права, особенности уголовной ответственности юридических лиц в разных государствах, альтернативные способы воздействия на преступность. По отдельным положениям монографии излагается мнение рецензента.

Ключевые слова: новые направления, развитие уголовного законодательства, соотношение преступлений и административных правонарушений, эксплуатация детей, борьба с коррупцией, киберпреступность, современное рабство, ответственность юридических лиц, альтернативные способы воздействия на преступность.

Характерной чертой современности является глобализация всех сфер общественной жизни. Этот процесс явился катализатором для придания международного характера некоторым видам традиционной преступности либо появления но-

вых видов преступности, затрагивающих интересы нескольких государств или носящих глобальный характер, а также повлек увеличение случаев причинения вреда публичным интересам деятельностью юридических лиц. Вместе с тем, главным

решающим элементом в противостоянии современной преступности выступают реализуемые государствами национальные политики противодействия преступности, базовыми элементами которых выступают их уголовное законодательство, являющееся материальной основой правовой помощи и выдачи по уголовным делам.

В связи с этим сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в последние годы издан ряд монографий, в которых подвергнуто анализу уголовное законодательство многих государств [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

При наличии такого количества изданий может показаться, что тема сравнительного правоведения в сфере борьбы с преступностью закрыта рассмотрением на многие годы. Однако издается очередная монография, на первый взгляд, по этой же теме. Однако, между ранее изданными работами и рецензируемым научным трудом имеется существенное отличие.

Если в первом случае научные изыскания, как правило, посвящались одному «виду» преступной деятельности и уголовно-правовым мерам противодействия им, либо законодательству одной страны, то в данной монографии избран иной подход. Рецензируемый научный труд представляет комплексное исследование, в котором систематизированы и обобщены основные направления развития уголовного законодательства стран, относящихся к разным правовым семьям, показаны формы имплементации антикриминальных международных договоров в ткань национального права, освещены механизмы уголовной ответственности юридических лиц, а также проанализированы альтернативные способы воздействия на преступность.

Книга содержит три главы, включающие 12 параграфов.

Такая структура работы позволила авторам не только дать общую характеристику последних изменений Особенной части уголовных законов государств, принадлежащих к семье общего права (Австралия, Великобритания, США и Канада), и государств, входящих в континентальную правовую семью (Польша, Франция, ФРГ, Чешская республика, Швейцария, Азербайджан, Грузия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Эстония), но и детально остановиться на наиболее актуальных с их точки зрения тенденциях.

В гл. 1 «Уголовное законодательство в правовой реальности XXI века» в двух первых параграфах излагается общая характеристика уголовного

законодательства государства, принадлежащего к семье общего права, и государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, соответственно.

При анализе уголовно-правовой системы Великобритании отмечается, что отсутствие административной ответственности за правонарушения в континентальном правовом понимании привело к тому, что любое самое малозначительное деяние (преследуемое в иных странах как уголовный или административный проступок) считается преступлением.

С.П. Кубанцев, являющийся автором соответствующего раздела, делает интересное замечание о том, что подход к реформированию уголовных законов в США всегда носил хаотичный характер. В отличие от других отраслей права, которые развивались более или менее постоянно, всплески законодательных инициатив, инициируемые резонансными преступлениями, накопившимися проблемами криминального характера (организованная преступность, коррупция и беловоротничковая преступность и т.д.) или существенными изменениями в жизненном укладе (переход к промышленному производству, постиндустриальная эпоха, компьютерная эра и т.п.), сменялись периодами затишья законодателя, поэтому на сегодняшний день можно говорить о том, что в США по сравнению с другими отраслями уголовное право является одним из наименее развитых и наиболее запутанных.

Развитие уголовного права других государств во многих случаях сталкивается со схожими проблемами. И приведенный в монографии материал убедительно подтверждает этот тезис. Так, реформа УК Польши, в 2015 г., которую в литературе именуют «реформой, изменившей философию наказания», еще на стадии разработки стала предметом активного резонансного обсуждения, в ходе которого стало очевидным отсутствие в среде польских правоведов и представителей правоохранительной системы единого понимания фундаментальных проблем современного польского уголовного законодательства. Следствием этого явились и определенные противоречия в оценке избранных законодателем решений. Однако потребность в ее проведении была объективной. В монографии, в частности, отмечается, что необходимость подобных изменений в уголовном законодательстве была продиктована не только обязательствами Польши как члена Европейского Союза и Совета Европы, но и не вполне адекватной внутривосточной ситуацией, сложившейся к тому времени. Польша возглавляла рейтинг по

количеству лиц, находящихся в местах лишения свободы. На 100 тыс. жителей в Польше 217 отбывали наказание в тюрьмах, что значительно больше, чем в иных европейских государствах. Реформа УК Польши 2015 г. предоставила судам и органам прокуратуры более широкий набор инструментов, позволяющих назначать наказание с большей степенью учета социальной опасности конкретного виновного лица и его «криминологического прогноза».

Как представляется, приведенная выше ситуация схожа с той критикой, которой были подвергнуты масштабные изменения, внесенные в УК России Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [12; 13; 14 с. 45–49; 15].

Российские специалисты в сфере уголовного права многократно указывали и на хаотичность в развитии российского уголовного права в последние десятилетия. Приведенное авторами монографии положение о состоянии уголовного законодательства в других государствах показывает, к сожалению, что эта проблема имеет глобальный характер.

В монографии на обширном фактическом материале убедительно показано множественность формальных источников норм уголовного права государств, входящих как в семью общего права, так и в семью континентального права. В этих государствах к формальным источникам норм уголовного права относятся, наряду с уголовными кодексами, также многочисленные иные законы и иные нормативные правовые акты, издаваемые центральными и местными органами власти. По мнению авторов монографии, благодаря этому, в частности, в Польше удается достичь адекватной и своевременной реакции на появление новых технологичных вызовов, а также актуализировать правовую основу для борьбы с противоправным поведением. Представляется, что это положение заслуживает внимания при оценке распространенного в теории российского уголовного права мнения о том, что в Российской Федерации единственным источником уголовного права выступает УК России.

В параграфе 3 «Современный этап экспансионизма уголовного права» гл. 1 на основе анализа развития уголовного законодательства Австралии, США, Канады, Франции, ФРГ, Швейцарии, Польши, Эстонии, Казахстана, Кыргызстана показано, что в этих государствах ежегодный прирост новых составов преступлений намного превышает число деяний, ответственность за ко-

торые была отменена. При этом авторы отмечают, что, процесс экспансионизма уголовного права не является равномерным, и в разных государствах он осуществляется различными темпами. Однако, увеличение количества уголовно-правовых запретов весьма значительно и несопоставимо с числом декриминализованных. Одна из причин этого сводится к тому, что современная уголовная политика многих государств продолжает формироваться путем интернационализации уголовного права на основе положений международных антикриминальных договоров, учета новых опасных преступлений, часто имеющих трансграничный характер.

В частности, рассматривая вопросы расширения сферы криминализации в ФРГ, авторы указывают, что одним из актов, изменившим направление уголовной политики ФРГ, стал Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях, ужесточающий уголовную ответственность за использование социальных сетей для распространения пропагандистских материалов антиконституционных организаций; использование эмблем антиконституционных организаций и др.

Глава 2 «Международные стандарты и их отражение в национальном законодательстве» содержит пять параграфов. Исходя из названия параграфа 1 «Влияние международных стандартов на формирование новых мер борьбы современным рабством, коррупцией и киберпреступлениями» ожидалось, что в нем найдут отражение международные стандарты уголовного-правового противодействия соответствующим направлениям преступной деятельности, будет дана их характеристика, раскрыты международно-правовые источники этих стандартов и показано их влияние на развитие национального законодательства.

Однако, к сожалению, следует признать, что материал параграфа просто предваряет другие параграфы этой главы, в которых вопросы уголовно-правовых мер, принимаемых соответствующими государствами для борьбы с современным рабством, коррупцией и киберпреступлениями, излагаются более полно. Такие важнейшие источники международно-правовых стандартов с коррупцией, как Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию не подвергнуты должному анализу, хотя выполнение их участниками всех стандартов, сформулированных в этих документах, все еще далеко от завершения.

Параграф 2 гл. 2 посвящен эксплуатации детей, как особой формы современного рабства. В нем на примере законодательства Австралии, США, Великобритании и Чехии показаны правовые меры борьбы с различными формами современного рабства (подневольное состояние, принудительный труд, насильственный брак) и торговлей людьми. В частности, отмечается, что несовершеннолетние лица становятся жертвами торговли в основном в целях вовлечения их в принудительный труд, в том числе для привлечения к работе в качестве домашней прислуги, в сельском хозяйстве, для вовлечения в занятие проституцией, для незаконного усыновления и для изъятия органов.

Вопрос о сексуальной эксплуатации детей стал предметом большой общественной озабоченности в связи с ростом числа подобных преступлений, обусловленным расширением цифровых технологий. В отношении преступлений, связанных с принуждением ребенка к действиям сексуального характера, в том числе с использованием онлайн-груминга (онлайн-приглашения детей для сексуальных целей), сексуальной эксплуатацией и связанных с ними преступных действий, государства ориентируется на международно-правовые документы: Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г., Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г., а также на документы Совета Европы о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией. В тоже время, уголовно-правовое регулирование борьбы с эксплуатацией детей в разных государствах имеет свои особенности. Авторы, в частности, подробно показывают опыт Великобритании, которая в связи с необходимостью искоренения всех форм насилия и эксплуатации (включая сексуальную эксплуатацию) в отношении детей потребовала кардинального изменения законодательных норм в сторону усиления уголовной ответственности за посягательства на детей.

Великобритания, приняв в 2015 г. первой из европейских государств комплексный Закон о современном рабстве, ввела уголовную ответственность за все формы эксплуатации, связанные со всеми формами эксплуатации людей, включая сексуальную эксплуатацию.

Все положения данного Закона без исключения распространяются на детей (в возрасте до 18 лет). Так, согласно Закону под понятие эксплуатации

подпадает вовлечение в принудительный или обязательный труд; сексуальная эксплуатация, включая изнасилование, проституцию и детскую порнографию, непристойные фотографии детей, а также изъятие органов, коммерческие операции с использованием человеческих органов для трансплантации, ограничение использования живых доноров; принуждение к попрошайничеству или магазинным кражам; использование услуг детей и уязвимых лиц (больных или инвалидов, либо состоящих с нарушителем в семейных отношениях), предоставлять которые взрослый и здоровый человек, а также не связанный семейными отношениями, вероятно, не стал бы.

В параграфе 3 гл. 2 авторы монографии анализируют новые направления антикоррупционной уголовной политики и отмечают, что наряду с принятием новых уголовно-правовых мер в рассматриваемых государствах создаются специальные органы, основной или существенной частью деятельности которых является борьба с коррупцией. В качестве примера приводится формирование в штате Виктория Австралии Независимой антикоррупционной комиссии и Викторианского инспектора, а в Польше – Центрального антикоррупционного Бюро.

Показано, что во многих государствах противодействие коррупции ведется на основе долгосрочных программ. Так, например, в Казахстане таким документом является прежде всего Послание Президента от 14 декабря 2012 г. «Стратегия Казахстан – 2050: новый политический курс состоявшегося государства» и ряд других документов; в Польше – Программа «Противодействие коррупции на 2018–2020 гг.», утвержденная Постановлением Совета Министров от 6 января 2018 г., в Великобритании – Стратегия по борьбе с иностранным взяточничеством, Стратегия по борьбе с коррупцией на 2017–2022 гг. и пр.

Важное место в системе мер противодействия коррупции, по мнению авторов, занимает конфискация имущества. Причем, во многих государствах происходит определенное смещение акцента с применения конфискации в связи с уголовным преследованием на так называемую конфискацию *in rem*, т.е. конфискацию, которая может быть произведена отдельно от уголовного судопроизводства либо параллельно с ним. При этом институт гражданской конфискации в свою очередь также начал претерпевать определенные изменения в сторону ужесточения и расширения круга лиц, имущество которых может быть конфисковано. Отмечается, что для единообразия законодательных норм Европейский парламент при-

нял Директиву, предусматривающую принятие странами Сообщества процедуры расширенной конфискации в случаях, когда стоимость имущества осужденного лица не может быть обоснована его легальными доходами, а также предусматривающую возможность конфискации имущества третьих лиц в случаях, когда фактические владельцы неправоммерно приобретенного имущества передают такое имущество другим (третьим) лицам.

При этом авторы обращают внимание на многообразие используемых механизмов конфискации имущества не только в глобальном масштабе, но даже в рамках законодательства одной страны. Примером этому может быть Казахстан, где институт конфискации имеет двойственный характер. С одной стороны, конфискации выступает дополнительным видом уголовного наказания, а с другой стороны, может применяться в специальном порядке – как мера уголовно-правового воздействия в ходе уголовного судопроизводства до вынесения приговора суда. Этот механизм заключается в возможности принудительного изъятия и обращения в доход государства имущества у лица, наделенного процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, на стадии досудебного расследования или после прекращения производства по уголовному делу. По мнению авторов, такой подход проистекает из положения подп. «с» п. 1 ст. 54 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2001 г. *(В соответствии с подп. «с» п. 1 ст. 54 «Механизмы изъятия имущества посредством международного сотрудничества в деле конфискации» Конвенции ООН против коррупции каждое Государство-участник в целях предоставления взаимной правовой помощи согласно ст. 55 данной Конвенции в отношении имущества, приобретенного в результате совершения какого-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией, или использованного при совершении таких преступлений, в соответствии со своим внутренним законодательством рассматривает вопрос о принятии таких мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы создать возможность для конфискации такого имущества без вынесения приговора в рамках уголовного производства по делам, когда преступник не может быть подвергнут преследованию по причине смерти, укрывательства или отсутствия или в других соответствующих случаях.)*

Надо отметить, что характеристику принимаемых государствами мер авторы иллюстрируют фактическими данными, показывающими их эффективность. Так, в монографии отмечено, что в масштабах Европейского Союза 40% получен-

ных от совершения преступлений средств являются результатом конфискации без обвинительного приговора и только 13% – следствие классической конфискации. В частности, в Польше только за первое полугодие 2018 г. на основе так называемой расширенной конфискации было получено около 200 млн злотых. При этом стоимость имущества, изъятого у третьих лиц, составила почти 122 млн злотых.

Авторы справедливо уделяют внимание такой актуальной и непростой с точки зрения нравственности меры, как использование в борьбе с коррупцией, в том числе и для целей конфискации института осведомителей. Показано, что в США институт осведомительства в отношении коррупционных преступлений сконструирован таким образом, что выгоднее и безопаснее сообщить о фактах коррупции, чем укрывать их. В целях соблюдения требований законодательства крупный и средний бизнес вынужден был разработать многоуровневые системы антикоррупционного мониторинга и соответствия.

Наряду с этим показан существующий в Казахстане механизм поощрения граждан, оказывающих содействие в противодействии коррупции, подчеркивается о гарантиях неприкосновенности таких лиц и обеспечение их конфиденциальности, которые закреплены в Законе Республики Казахстан «О противодействии коррупции». Информация о доносителях является государственным секретом и ее разглашение влечет уголовную ответственность по ст. 185 «Незаконное собирание, распространение, разглашение государственных секретов» УК РК.

В монографии также уделено внимание использованию результатов технического прогресса для обмена информацией в целях противодействия коррупции и организации антикоррупционного контроля.

Вместе с тем, к достоинствам работы следует отнести то обстоятельство, что авторы освещают и те меры, противодействия коррупции, которые не включены в международные стандарты и широко не освещаются в литературе, но применение которых может повысить эффективность антикоррупционных мер. К таким мерам можно отнести установление уголовной ответственности за укрытие уголовных правонарушений от регистрационного учета путем обмана, уговора, угроз и иных неправомысленных действиях, адресованных лицу, обратившемуся с заявлением о готовящемся или совершенном уголовном правонарушении, а равно в уничтожении либо сокрытии любым иным способом таких обращений; пожизненный

запрет занимать должности на государственной и муниципальной службе, а также в организациях, имеющих в уставном капитале долю государства (ч. 2 ст. 50 и ст. 433 УК Казахстана).

Обращает внимание комплексность в изложении антикоррупционных мер, принимаемых различными государствами. Авторы наряду положениями уголовного законодательства об уголовной ответственности за дачу и получение взятки, различные виды использования служебного положения, подробно останавливаются также на вопросах уголовной ответственности за легализацию преступных доходов, мошенничество и некоторые преступления, которые относятся Конвенцией ООН против коррупции и некоторыми иными международно-правовыми актами к коррупционным преступлениям.

Вместе с тем в рамках научной дискуссии возможно отметить, что авторы монографии не определились с понятием «уголовная антикоррупционная политика». Наличие такого определения не только умножило научность рецензируемого труда, но и позволило бы усилить внутреннюю стройность анализируемой части монографии, в том числе за счет сравнительного анализа уголовного законодательства различных государств об ответственности за преступления, которые предусмотрены в ст. 15–28 Конвенции ООН против коррупции и других международно-правовых актах.

В современных условиях преступность в информационной среде представляет собой угрозу, оказывающую значительное воздействие не только на безопасность отдельных государств, но и в целом на мировой правопорядок. В связи с этим вполне обоснованно в качестве одного из современных направлений развития уголовного права в параг. 4 гл. 2 монографии рассматривается противодействие киберпреступности. Авторы подвергли анализу законодательство в сфере цифровых технологий Австралии, Великобритании, США и ФРГ, а также некоторую практику его применения. Причем, в целях терминологической точности ими отмечается, что термин «киберпреступность» охватывает, во-первых, преступления, направленные против самих цифровых носителей и самой компьютерной информации (например, распространение вредоносных программ), и, во-вторых, традиционные преступления, но совершаемые с использованием цифровых технологий (например, мошенничество, распространение порнографии и т.п.). Зачастую киберпреступления носят трансграничный характер, что существенно осложняет возможность правоохранных ор-

ганов своевременно и в полном объеме получать доказательства при производстве уголовных дел. Однако, справедливо отмечают авторы, на международном уровне до сих пор не разработаны даже единые принципы или основания взаимодействия стран в рамках понимания природы и использования современных цифровых сущностей, что во многом обусловлено национальными различиями в сфере законодательного регулирования тех или иных вопросов, возникающих в сфере инноваций и валютно-денежных отношений.

Авторы отмечают, что одной из проблем является ненадлежащее нормативно-правое регулирование оборота криптовалюты (Bitcoin, цифровые деньги). Так, в Австралии вопросы использования криптовалюты регулируются Законом о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма. При этом под цифровой валютой понимается цифровое выражение ценности (value), используемое в качестве средства сбережения или платежа, не эмитируемое никаким правительством, могущее быть обмененным на обычные деньги и доступное широкому кругу людей. В ФРГ цифровая валюта признается финансовым инструментом, а в банковском законодательстве ФРГ частными денежными средствами и специфическими единицами финансового учета. При этом в ФРГ возобладал подход, соответствующий позиции Европейского суда, согласно которой для целей налогообложения транзакции с использованием криптовалют определены как платежные услуги, и, соответственно, не должны облагаться налогом на добавленную стоимость, но подлежат учету при расчете налога на доходы. Исходя из этого криптовалюта определяется как эквивалент законных средств платежа, а криптовалютные транзакции позиционируются в ФРГ как основанный на договоре альтернативный способ оплаты.

Вопросы ответственности юридических лиц как один из ключевых институтов современного права в последние годы привлекает к себе повышенное внимание ученых-правоведов, прежде всего в связи с необходимостью защиты публичных интересов от общественно вредной и опасной деятельности юридических лиц. По этой проблеме, в разных ее постановках, опубликован обширный перечень монографических работ, научных статей в юридических журналах, были подготовлены и защищены кандидатские и докторские диссертации, подготовлены соответствующие законопроекты.

Вполне естественно, что авторы рецензируемой монографии также уделили этому направлению развития законодательства Австралии, Велико-

британии, США, государств бывшей Югославии (Республики Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория, частично признанное государство – Республика Косово, а также государственных образований Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и округа Брчко Боснии и Герцеговины, имеющих, так же как Босния и Герцеговина, свои конституции и органы государственной власти), ФРГ, Азербайджана, Грузии, Молдовы, Чехии, Швейцарии, Эстонии и Кыргызстана.

В наименовании этого раздела монографии авторы не использовали термин «уголовная ответственность», обозначив предмет исследования гораздо шире – ответственность юридических лиц без привязки к конкретной отрасли законодательства. По-видимому, это сделано в связи с тем, что уголовное законодательство ФРГ, которому в этом параграфе также уделено внимание, не предусматривает юридических лиц ни в качестве субъекта преступления, ни в качестве субъекта уголовной ответственности. Тем не менее следует признать, что данный раздел монографии посвящен исключительно вопросам уголовной ответственности юридических лиц. О других видах ответственности юридических лиц, если и упоминается, то вскользь.

Очень наглядно и в тоже время лаконично многообразии подходов к конструированию оснований и порядка привлечения к уголовной ответственности юридических лиц показано на примере государств, образовавшихся на территории бывшей Югославии. Приведенные А.В. Федоровым, давно занимающимся вопросами нормативного регулирования уголовной ответственности юридических лиц в разных государствах [16, 17, 18, 19] и являющимся автором данного раздела монографии, данные показывают, что в одних государствах нормы об уголовной ответственности юридических лиц включены только в уголовные кодексы, в других – приняты специальные уголовные законы об ответственности юридических лиц, а в Уголовных кодексах отражена возможность привлечения к ответственности юридических лиц. Особенностью указанных специальных законов является их комплексный характер, так как они содержат нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Причем, А.В. Федоров органично используя метод «от общего к частному» вначале излагает общие закономерности, присущие группе государств, а затем в качестве примера приводит соответствующие страны. Это позволило избежать повторов и сделать текст простым и лаконичным.

Авторами монографии обоснованно обращается внимание на то, что при конструировании уголовной ответственности юридических лиц государства используют две модели: идентификационную модель и расширенную идентификационную модель. При идентификационной модели ответственность юридического лица наступает в результате совершения преступления физическим лицом, занимающим в нем руководящее положение (контролирующим лицом) или обладающим представительскими полномочиями. Расширенная идентификационная модель предусматривает уголовную ответственность юридического лица и в случаях, когда преступление совершено в интересах юридического лица иными лицами исходя из того, что совершение преступления физическим лицом стало возможным вследствие отсутствия должного контроля со стороны юридического лица в отношении своих работников (сотрудников).

В государствах также по-разному регулируется вопрос об объеме (перечне) преступлений, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц. В одних случаях, это любые преступления, а в других – только отдельные, специально оговоренные законом.

Система уголовных санкций, применяемых в отношении юридических лиц, включает в себя исчисляемые по разным методикам штрафы; конфискацию (изъятие) имущества; запрет на размещение ценных бумаг, принадлежащих юридическому лицу; запрет на осуществление юридическим лицом отдельных видов деятельности; постановку юридического лица, которому было вынесено условное осуждение, под надзор на определенное время; публикацию (афиширование) приговора (данная мера эффективна в отношении недобросовестных медицинских клиник, действующих в ущерб здоровью пациентов, фирм, создавших финансовые пирамиды, фабрик, загрязняющих природную среду); возложение судом обязанности на юридическое лицо разработать и осуществлять программы по предотвращению преступлений на срок от трех до пяти лет; ликвидация юридического лица (*В работах, посвященных уголовной ответственности юридических лиц, иногда ликвидацию юридического лица, приравнивают к такому виду головных наказаний, применяемых к физическим лицам, как смертная казнь. См., в частности [20].*

Таким образом, при определении видов ответственности у государств нет полного единообразия в их определении и системе, но есть содер-

жательное соответствие международным актам, предусматривающим уголовную ответственность юридических лиц.

Вместе с тем, авторы данного раздела монографии, который, как уже отмечалось, фактически посвящен рассмотрению вопросов уголовной ответственности юридических лиц, не посчитали возможным дать определение понятия «уголовная ответственность юридических лиц». Отсутствие понимания в этом важном вопросе позволяет авторам относить ФРГ к числу государств, в которых установлена уголовная ответственность юридических лиц. В общем-то с этим можно согласиться, но не потому, что правоприменители ФРГ «вводят в отношении компании-нарушителя меры уголовной ответственности, такие как конфискация и изъятие имущества, предусмотренные ст. 73 и 74 УК ФРГ, как отмечают авторы монографии (с. 276–281), а потому, что законодательство ФРГ об административных правонарушениях рассматривается как уголовное право в широком смысле [21, с. 159]. Кстати, Европейский суд по правам человека исходит из того, что соответствующие административные правонарушения, предусмотренные КоАП России, с точки зрения степени суровости возможного наказания входят в сферу уголовного законодательства. К лицам, привлекаемым к ответственности за такие правонарушения, применимы положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как к лицам, привлекаемым к ответственности за преступления (См.: *Пункты 92–95 Постановления ЕСПЧ от 09.03.2006 «Дело «Менешева (Menesheva) против Российской Федерации» (жалоба № 59261/00) // СПС КонсультантПлюс*). Поэтому КоАП России по характеру порождаемых им правоотношений, также является «источником уголовной ответственности» [22, с. 44–45].

Возвращаясь к вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ, отметим, что конфискация имущества не называется ни в гл. 1 «Наказания» разд. 3 «Правовые последствия» УК ФРГ, ни в гл. 6 «Меры исправления и безопасности» этого же разд. 3 УК ФРГ. Конфискации и изъятию имущества посвящена гл. 7 разд. 3 УК ФРГ. В ст. 73 и 74 УК ФРГ, на которые ссылаются авторы монографии, закреплены основания и порядок изъятия чего-либо, что исполнитель или участник приобрели от совершения правонарушения или посредством него (См.: *Уголовный кодекс ФРГ // <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-koдекс-фрг.html> (дата обращения: 18.03.2020)*). Данные нормы применимы к случа-

ям изъятия имущества, полученного в результате уголовного правонарушения, находящегося в том числе у третьих лиц, которыми могут быть и юридические лица. Правовые положения гл. 7 «Конфискация и изъятие имущества» разд. 3 УК ФРГ по смыслу аналогичны положениям гл. 15.1 «Конфискация имущества» УК России.

В монографии подробно анализируются положения Закона об административных правонарушениях ФРГ, позволяющие налагать на юридическое лицо ответственность в виде штрафа в случае, если лицо, представляющее интересы соответствующего юридического лица и действующее от его имени, совершит деяние в нарушение предписаний уголовного или административного закона.

При этом в монографии отмечается, что на современном этапе развития немецкого уголовного законодательства концепция уголовной ответственности юридических лиц отсутствует. Вместе с тем, как указывается в монографии, юридические лица могут быть привлечены к ответственности в виде штрафа в случаях совершения преступлений и административных правонарушений представителями их органов управления и надзорных органов. Наряду с этим указывается на возможность немецкого правоприменителя привлекать юридические лица к мерам уголовного воздействия, таким как конфискация и изъятие, что также, по мнению авторов, говорит в пользу фактического наличия института уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ. Исходя из этого авторы делают парадоксальный вывод — о «фактическом наличии института уголовной ответственности юридических лиц в ФРГ», понимая при этом уголовную ответственность лишь как ответственность, применяемую на основании ст. 73 и 74 УК ФРГ, то есть уголовную ответственность в строгом значении этого термина.

С таким утверждением согласиться нельзя. Решения судов ФРГ об изъятии в соответствии со ст. 73 и 74 УК ФРГ какого-либо имущества, приобретенного в результате совершения правонарушения и находящегося у юридического лица, не говорит о том, что в ФРГ в отношении юридических лиц установлена уголовная ответственность в строгом значении этого термина. Представляется, что заявление о наличии в ФРГ уголовной ответственности юридических лиц нуждается в дополнительном изучении.

Серьезный интерес вызывают те положения рецензируемой монографии, в которых рассматривается история становления теории уголовной ответственности юридических лиц в Вели-

кобритании, США и других государствах. Так, в частности, авторы отмечают, что в США ранние подходы к уголовной ответственности юридических лиц основывались на теории отождествления, которая подразумевала отождествление юридического лица с физическим. С течением времени акценты сместились на теорию замещающей ответственности, когда юридическое лицо выступает в качестве ответственного за действия своего сотрудника или агента.

Авторы объективно показывают, что для многих государств, особенно образовавшихся на территории бывших СССР и Югославии, включение норм об ответственности юридических лиц в уголовное законодательство обусловлено требованиями Совета Европы (СЕ), Европейского союза (ЕС) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а, отнюдь, не потребностями развития национальных правовых систем, так как традиционно существующие институты административной и гражданско-правовой ответственности позволяли обеспечивать публичные интересы в случаях их нарушения юридическими лицами.

В данном разделе содержится ряд интересных положений об уголовной ответственности юридических лиц в государствах, принадлежавших к разным правовым системам, которые вводятся в научный оборот в Российской Федерации. Вместе с тем, отсутствие материала, раскрывающего процедуру привлечения к ответственности, порядок международного сотрудничества, применение такой меры ответственности как ликвидация юридического лица и другие элементы механизма реализации уголовной ответственности юридических лиц, снижает общее положительное впечатление.

Понятно, что авторы в данном и других случаях ограничены объемом исследования, в связи с чем сосредоточили свое внимание на материальном праве, но процедурные вопросы, по нашему мнению, следовало хотя бы кратко оговорить.

Глава 3 монографии посвящена альтернативным мерам и способам воздействия на правонарушителей, принимаемых в разных государствах, и содержит четыре параграфа. Авторами монографии справедливо отмечается, что перед многими государствами, ежегодно затрачивающими значительные бюджетные средства на цели уголовного правосудия и содержание исправительных учреждений, стоит задача применения других механизмов, позволяющих сократить государственные издержки, в том числе путем выведения отдельных категорий правонарушений из сферы уголовной юстиции.

Надо сказать, что эта проблема актуальна и для России. Число осужденных в нашей стране стабильно сокращается. Если в 2010 г. число осужденных лиц (по основной статье УК России) по вступившим в законную силу приговорам составляло 845 071 чел., то в 2019 г. — 598 214 чел. (См.: *Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010–2019 г. соответственно* // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.03.2020)). На 1 января 2019 г. в исправительных колониях отбывали наказание 463 444 осужденных, что практически на четверть миллиона человек меньше, чем 10 лет назад. Но, тем не менее, вопрос об альтернативных мерах воздействия на преступность для Российской Федерации продолжает оставаться актуальным. В этой связи наличие в рецензируемой монографии главы, посвященной различным альтернативным мерам и способам воздействия на правонарушителей, представляет практический интерес.

Параграф 1 данной главы посвящен вопросам разграничения преступлений, уголовных проступков и административных правонарушений, в котором рассмотрено законодательство Австралии, Великобритании, Канады, США, ФРГ, Польши, Франции, Чехии, Швейцарии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Туркменистана и Кыргызстана.

Авторами отмечается, что во многих государствах предпринимаются попытки перевести правонарушения, не обладающие большой общественной опасностью (вредностью), из разряда преступлений в уголовные проступки и (или) административные правонарушения в целях уменьшения нагрузки на судей, рассмотрения таких дел как правило, в упрощенном порядке и, как следствие, снижение затрат бюджета.

Причем в государствах общего права (Австралии, Великобритании, Канады, США) в целях снижения уголовной репрессии и декриминализации отдельных малозначительных деяний используют гражданские и административные санкции, особенно когда речь идет о правонарушениях, преследуемых на основании подзаконных актов.

Не только практический, но и методологический интерес для российских исследователей представляют подготовленные Кубанцевым С.П. разделы монографии, в которых анализируются положения права США, в соответствии с которым одним из видов категоризации преступлений является выделение деяний *mala in se* и *mala prohibita*. К категории *mala in se* относятся деяния, являющиеся упречными по своей сути, когда не возникает никаких сомнений в их вреде для обще-

ства, учитывая нарушение норм морали и нравственности. При этом они не обязательно должны относиться к категории тяжких преступлений. Это убийство, причинение вреда здоровью или имуществу других лиц и некоторые другие. К категории *mala prohibita* относятся те наказуемые деяния, ответственность за которые формируется волей государства и подкрепляется ответственностью на уровне закона, вне зависимости от моральной упречности таких деяний. В основном это нарушение установленных правил техники безопасности, пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, некоторые виды нарушений личных неимущественных прав и т.д. Уголовные законы, действующие на территории США, содержат в себе как противоправные деяния категории *mala in se*, так и *mala prohibita*, в то время как административный кодекс (*По общему правилу Административный кодекс (закон) определяет ответственность государственных органов в случае нарушения прав и причинения вреда гражданам со стороны государственных органов (См.: стр. 308–309 рецензируемой монографии). В связи с этим представляется, что в данном случае правильнее бы говорить не об административном кодексе, а о кодексе (закон) об административных правонарушениях*) содержит только противоправные деяния категории *mala prohibita*, которые в большинстве своем являются преступлениями строгой ответственности, не требующими прямого доказывания *mens rea* (вины). Вторым явным отличием выступает то, что производство по административным делам может осуществляться полномочным должностным лицом (*hearing officer*) без присяжных заседателей, а в большинстве случаев и без участия лица, привлекаемого к административной ответственности.

Значимость данного замечания о используемой в теории уголовного права США категоризации преступлений проявляется в том, что в теории российского уголовного права такой подход широкого распространения не получил. Конечно, деление преступлений на преступления с материальными и формальными составами близко к тому, что используется в США. Но, представляется, что принятый в теории США подход позволяет более полно показать ту степень отличия так сказать «естественных преступлений» (преступлений с материальными составами) от «сконструированных государством преступлений» (преступлений с формальными составами).

В странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье, нормы об административной ответственности содержатся в законодатель-

стве о проступках или, как его еще называют «малом уголовном праве» либо «уголовном праве в широком смысле». Например, в ФРГ действует специальный Закон о проступках против общественного порядка состоящий из Общей и Особенной частей. Расследование (дознание) по делам о проступках проводится административными органами (органами управления. Разбирательство о проступке ведется на основе правил, закрепленных в УПК ФРГ.

Авторы монографии указывают, что регулирование ответственности за такие проступки в ФРГ близко по структуре к российской системе ответственности за административные правонарушения. При этом подчеркивается, что принципиальной разницей является то, что в России дела о таких проступках рассматриваются судами общей юрисдикции – для физических лиц и арбитражными судами – для лиц юридических, а в ФРГ такие дела расследуются и рассматриваются органами исполнительной власти (включая полицию), а в суды передаются прокуратурой в крайних случаях (когда содеянное по степени своей опасности ближе к преступлению, а не к проступку).

С данными утверждениями согласиться нельзя, так как в соответствии с гл. 22 КоАП России дела об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП России, рассматриваются не только судьями, но также федеральными органами исполнительной власти, их структурными подразделениями, территориальными органами и структурными подразделениями территориальных органов, иными государственными органами и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В государствах-участниках СНГ также применяются различные подходы к регламентации составов административных правонарушений и процедуры привлечения к административной ответственности. Причем, в одних государствах административные правонарушения (проступки) закреплены в Кодексах об административных, а судебная подведомственность споров, связанных с административно-правовыми отношениями, процессуальные принципы и правила рассмотрения и разрешения данных споров в суде определены в Административно-процессуальных кодексах. В других в едином Кодексе определены, какое действие (бездействие) является административным правонарушением, порядок производства по делам об административных правонарушениях, основания и условия административной ответственности, виды административного взыскания в отношении физических и юридических лиц.

В данном случае следует отметить, что в рецензируемой монографии имеется обширный материал о новеллах, которые вносят государства-участники СНГ в свое законодательство, как справедливо отмечает О.И. Семькина, являющаяся автором соответствующих разделов, зачастую под влиянием СЕ, ОЭСР и других международных организаций, а не в силу внутренних потребностей.

В параграф 2 гл. 3 рассматриваются механизмы замены и смягчения наказания для отдельных категорий физических лиц. Показано, что альтернативные меры являются составной частью канадского уголовного правосудия, которая представляет «собой сложную гибридную систему, основанную на двух разных философиях и практиках реагирования на преступление». Альтернативные меры могут быть применены на разных стадиях уголовного процесса, как до, так и после предъявления обвинения, до и после вынесения приговора, а также после отбытия наказания. Применять их также могут полиция, прокурор, суд, служба исправительных учреждений и служба пробации.

В соответствии с УК Канады такие меры могут быть применены к лицу, предположительно совершившему преступление, взамен предъявления обвинения, если это не противоречит принципу защиты общества и интересам потерпевшего, и с соблюдением определенных условий. Правонарушитель должен признать факт действия или бездействия, которое составляет основу предположительно совершенного преступления; выразить полное и добровольное согласие на применение альтернативных мер. Обычно такие меры применяются к лицам, совершившим впервые малозначительное правонарушение, преследуемые в упрощенном порядке. Соглашение об альтернативных мерах может содержать ряд условий, зависящих от конкретной ситуации, например, связанных с возвращением имущества или реституцией; принесением извинений жертве; работой на благо общества.

Авторы монографии вполне обоснованно обращают внимание на использование в США системы превентивных наказаний. Такая мера уголовного воздействия может быть применена к лицу, явно тяготеющему к преступному поведению либо совершающему мелкие правонарушения, которые вполне могут привести его на преступный путь. В качестве санкции превентивного наказания применяются все те же виды наказания, которые применимы к лицам, уже совершившим преступления. Суть его в том, чтобы оградить несовершеннолетнего от еще большего зла, которое он может причинить себе и окружающим.

В европейских государствах исторически и юридически ювенальное уголовное право и ювенальное уголовное судопроизводство взаимосвязаны. Изначально были приняты нормы материального права, которые предусматривали более мягкую ответственность несовершеннолетних, а впоследствии стали возникать специальные процессуальные нормы о правосудии по делам несовершеннолетних. В настоящее время в европейских странах наблюдается тенденция о включении в УПК специальных разделов об особенностях производства по уголовным делам в отношении лиц, не достигших 18 лет.

В монографии подробно раскрывается интересный опыт Кыргызстана, принявшего Кодекс «О детях», в отдельном разделе которого сформулированы понятие, принципы и гарантии ювенальной юстиции, в том числе для уязвимой группы несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом. При отправлении правосудия посредством уголовного судопроизводства в отношении этих групп детей гарантируются избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и наказания в виде лишения свободы только в качестве крайней меры; прекращение уголовного судопроизводства, если в ходе применения досудебных мер воспитательного воздействия ребенок исправился и утратил общественную опасность.

В Казахстане в систему иных мер уголовно-правового воздействия был включен принудительный платеж, что стало заключительным этапом формирования межотраслевого института возмещения вреда потерпевшим за счет государственных бюджетных средств. Потерпевший (его правопреемник) имеет право на получение за счет бюджетных средств денежной компенсации за имущественный вред, если у осужденного за особо тяжкое преступление отсутствует имущество, достаточное для возмещения причиненного этим преступлением ущерба. Формирование финансовых средств фонда осуществляется за счет принудительных платежей, взысканных с виновных лиц, совершивших преступления, а также от реализации конфискованного имущества, добытого преступным путем.

Параграф 3 гл. 3 посвящен медиации как средству разрешения уголовно-правового конфликта вне рамок механизмов уголовного преследования. В документах Совета Европы, специально посвященная применению медиации в уголовном процессе, даны ее определения и основные правила осуществления.

Для российской юриспруденции вопросы внедрения этого механизма разрешения конфликта, порождаемого преступлением, представляется как

практическое, так и теоретическое значение [23, 24]. В связи с этим авторы монографии отмечают, что медиация представляет собой иной подход к достижению справедливости, чем традиционная судебная система. В то время как суды обязаны применять карательные меры и не заботиться о потерпевших, восстановительное правосудие, в том числе с помощью медиации, сфокусировано на возмещении вреда, причиненного преступлением, возвращении правонарушителя в общество и предоставлении всем субъектам, пострадавшим от преступления, прямого голоса в процессе отправления правосудия.

Авторами показано, что медиация активно применяется в Австралии, США, ФРГ, Польше, Казахстане и некоторых других государствах. Освобождение от наказания или его смягчение мотивирует преступника на примирение с потерпевшим и полное добровольное возмещение вреда. Примирение между преступником и жертвой является естественной формой разрешения конфликта, единственно возможной без вмешательства государства, пришедшей на смену кровной мести.

Причем, освещение общих вопросов медиации сопровождается раскрытием опыта ряда государств. Так, отмечается, что в США применение медиации по уголовным делам, особенно в отношении несовершеннолетних, имеет тенденцию к росту. Как правило, такие процедуры применяются по менее тяжким преступлениям, но законом обычно не воспрещается медиация и по делам о более тяжких преступлениях.

Понятие медиации законодательно определяется как процесс, посредством которого нейтральный посредник помогает сторонам («прокурор» и «подсудимый») в достижении взаимоприемлемого соглашения по вопросам уголовного преследования и иным вопросам, рассматриваемым при разрешении уголовного дела. Соглашение может включать варианты вынесения приговора, решения о реституции, допустимость доказательств и любые другие вопросы, которые будут способствовать разрешению дела.

В правовых системах государств – участников СНГ только в Молдове, Казахстане и Киргизии медиация распространилась на уголовное судопроизводство. Согласно Закону Республики Казахстан «О медиации» соглашение об урегулировании конфликта при проведении медиации в ходе уголовного судопроизводства представляет собой письменный документ о заглаживании причиненного потерпевшему вреда и примирении правонарушителя с потерпевшим. Достижение

соглашения является обстоятельством, исключающим либо позволяющим не осуществлять уголовное преследование, но при этом не считается основанием, приостанавливающим производство по уголовному делу.

В заключительном параг. 4 гл. 3 рассматриваются особенности правового регулирования освобождения юридических лиц от уголовной ответственности. Авторы монографии, представляя опыт Великобритании, Канады, Австралии, Франции, Эстонии и Швейцарии, справедливо отмечают, что в основе предпринимаемых этими государствами мер лежит практика США.

В США одним из факторов, влияющих на решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности юридического лица за вменяемое ему правонарушение либо о смягчении ответственности, является наличие у соответствующего юридического лица программ соответствия (compliance). Как правило, эффективная программа является одним из факторов, которые учитываются при определении размера штрафных санкций, решения вопроса об инициации переговоров по урегулированию, а также смягчение обвинения или санкции. При этом в США в соответствии с Федеральными принципами уголовного преследования юридических лиц и руководством по назначению наказаний прямо предусматривается смягчение обвинения или санкции в том случае, когда есть работающая внутри компании система compliance.

Другим способом снижения уровня уголовной ответственности юридических лиц в США традиционно является заключение сделки о признании вины. С течением времени помимо традиционной формы признания вины сформировалось еще два вида соглашений, связанных с привлечением юридических лиц к уголовной ответственности (соглашение об отказе от уголовного преследования и отложение уголовного преследования). Приоритет на заключение данных соглашений отдается в том случае, когда компания добровольно раскрывает предполагаемое преступление, активно сотрудничает с правоохранительными органами при расследовании. При этом существенно выросло и количество собираемых штрафов.

Одним из существенных отличий традиционного соглашения от двух последних является то, что в последних случаях дело разрешается без судебного рассмотрения, а юридические лица не несут сопутствующих издержек, связанных с участием в уголовном процессе. Кроме того, требуется раскрытие третьим лицам информации об уголовном преследовании, что существенно сокращает репутационные потери компаний.

В свою очередь в Канаде к юридическим лицам, допустившим нарушение, сотрудничающим с Генеральным прокурором и Уполномоченным по вопросам конкуренции, возможно применение освобождения от наказания или его смягчения.

Авторами монографии отмечается, что современный этап в отношении юридических лиц можно охарактеризовать как тенденцию к глобальному расширению использования режимов, аналогичных применяемым в США. Примером тому приводится Франция, где с 2016 г. Законом о транспарентности, борьбе с коррупцией и модернизации экономической жизни предусмотрена также возможность заключения юридическим лицом, привлекаемым к ответственности, судебного соглашения.

В заключении полагаю возможным отметить, что рецензируемая работа содержит ряд интересных положений, отражающих новые направления развития уголовного закона. Они составляют добротный, хорошо аргументированный, выполненный со знанием дела материал для его изучения, оценки и возможного использования в нормотворческой деятельности в нашей стране. Анализ законодательства других государств основан на критическом изучении авторами существующей нормативной базы борьбы с преступностью в ряде государств, а также некоторой практики его применения. В целом монографии «Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование», в котором представлены основные направления развития уголовного законодательства стран, относящихся к семьям континентального и общего права, представляет серьезный научный и практический интерес.

Конечно, рецензируемая работа не свободна от существенных, на некоторые из которых ука-

зано в рецензии, и технико-редакционных недостатков. Так, в работе встречаются повторы. Например, на с. 19–20 монографии освещаются вопросы компетенции федерального парламента и штатов Австралии в сфере государственной службы, а также отмечается о создании в штате Виктория двух антикоррупционных органов. Фактически дословно эти же вопросы изложены на с. 158–160 рецензируемой монографии. В качестве замечания приходится отмечать и непоследовательность в использовании наименований одних и тех же нормативных правовых актов. Так, в частности, одна и та же Конвенция Совета Европы именуется как «Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Council of Europe Convention on Cybercrime)» (с. 219), «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г., с изм. от 28 января 2003 г.)» (с. 133) и «Будапештская конвенция 2001 г.» (с. 133). Такой разнобой в терминах существенно затрудняет восприятие в общем-то весьма интересного и полезного материала.

Однако указанные замечания ни в коей мере не снижают положительного впечатления от того объема фактического нормативного материала, который представлен в монографии. Многие из положений, приведенных в монографии, вводятся в научный оборот в российских изданиях впервые.

Работа безусловно будет полезна самому широкому кругу специалистов: от студентов, готовящих первые научные работы, до экспертов, готовящих проекты нормативных правовых актов в сфере борьбы с различными проявлениями преступности, и сотрудников органов юстиции и других государственных органов, осуществляющих международное сотрудничество с иностранными партнерами по вопросам правовой помощи и выдачи.

Литература

1. Хабриева Т.Я., Автономов А. С., Артемов В. Ю. и др. Национальное и международно-правовое регулирование противодействия торговле людьми и рабству в их современных формах. М.: ИЗИСП, 2019. 389 с.
2. Автономов А.С., Артемов В.Ю., Власов И.С. и др. Возмещение материального вреда потерпевшим: сравнительно-правовое исследование. М.: ИЗИСП, 2016. 304 с.
3. Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом. М.: ИНФРА-М, 2018. 318 с.
4. Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах. М.: ИЗИСП, 2017. 304 с.
5. Власов И.С., Власова Н.В., Голованова Н.А. и др. Ответственность за отмывание (легализацию) коррупционных доходов по законодательству зарубежных государств. М.: ИНФРА-М, 2017. 310 с.
6. Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ. М.: ИЗИСП, 2012. 496 с.

7. *Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др.* Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование. М.: ИЗИСП, 2014. 432 с.
8. *Лафитский В.И. и др.* Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы. М.: ИЗИСП. 2012. 528 с.
9. *Лафитский В.И. и др.* Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы. М.: ИЗИСП, 2012. 768 с.
10. *Лафитский В.И. и др.* Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2013. 704 с.
11. *Хабриева Т.Я., Федоров А.В., Беар-Туше М. и др.* Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции. М.: ИЗИСП, 2018. 193 с.
12. *Архипцев Н.И.* Уголовно-правовое законодотворчество: проблемы и перспективы совершенствования // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 55–59.
13. *Ечкало В.* Преступление и наказание, или Кто виноват (черный юмор законодателя // Законодательство. 2004. № 4. С. 86–87.
14. *Малков В.П.* Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Изд-во «Таглитат», 2006. 139 с.
15. *Маркунцов С.А.* О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18–26.
16. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц во Франции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1. С. 15–25.
17. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц // Закон. 2017. № 6. С. 62–69.
18. *Федоров А.В.* Уголовная ответственность юридических лиц на постюгославском пространстве // Российский следователь. 2018. № 11. С. 69–76.
19. *Федоров А.В.* Уголовные санкции для юридических лиц на постюгославском пространстве // Российский следователь. 2018. № 12. С. 72–80.
20. *Федоров А.В.* Смертная казнь (ликвидация) юридического лица как уголовное наказание и привлечение к уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности: зарубежный опыт // Юридический мир. 2020. № 4. С. 18–21.
21. *Майле А.Д., Старостин С.А.* Особенности германского административно-деликтного законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 1. С. 158–166.
22. *Михайлов В.И.* Уголовная ответственность в механизме противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 24. С. 44–45.
23. *Головки Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
24. *Сизова В.Н.* Медитация в уголовном праве: вопросы определения понятия // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2015. № 3. С. 156–158.

References

1. *Khabrieva T.Ya., Avtonomov A.S., Artemov V.Yu.* Natsional'noe i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodeistviya trgovle lyud'mi i rabstvu v ikh sovremennykh formakh [National and international legal regulation of combating human trafficking and slavery in their modern forms]. Moscow, IZISP Publ., 2019. 389 p. (In Russian)
2. *Avtonomov A.S., Artemov V.Yu., Vlasov I.S.* Vozmeshchenie material'nogo vreda poterpevshim: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Compensation of material harm to victims: a comparative legal study: Comparative legal research]. Moscow, IZISP Publ., 2016. 304 p. (in Russian)
3. *Artemov V.Yu., Vlasov I.S., Golovanova N.A.* Bor'ba s korrupsiei v pravookhranitel'nykh organakh za rubezhom [Fighting corruption in law enforcement bodies abroad]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 318 p. (In Russian)
4. *Artemov V.Yu., Vlasov I.S., Golovanova N.A.* Pravovaya zashchita poterpevshikh v zarubezhnykh stranakh [Law protection of victims of crimes in foreign countries]. Moscow, IZISP Publ., 2017. 304 p. (In Russian)
5. *Vlasov I.S., Vlasova N.V., Golovanova N.A.* Otvetstvennost' za otmyvanie (legalizatsiyu) korrupsionnykh dokhodov po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv [Responsibility for the laundering (legalization) of corruption proceeds under the laws of foreign countries]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 310 p. (In Russian)

6. *Vlasov I.S., Golovanova N.A., Artemov V.Yu.* Migratsiya i prestupnost': Sravnitel'no-pravovoi analiz [Immigration and crime]. Moscow, IZISP Publ., 2012. 496 p. (In Russian)
7. *Vlasov I.S., Golovanova N.A., Men'shikh A.A. i dr.* Ugolovno-pravovye mery po protivodeistviyu korruptsii za rubezhom: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Criminal law measures to combat corruption abroad: Comparative legal study]. Moscow, IZISP Publ., 2014. 432 p. (In Russian)
8. *Lafitskii V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy [Comparative Law: National Legal Systems], Vol. 1. Pravovye sistemy Vostochnoi Evropy [Legal systems in Eastern Europe]. Moscow, IZISP Publ., 2012. 528 p. (In Russian)
9. *Lafitskii V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy [Comparative Law: National Legal Systems], Vol. 2. Pravovye sistemy Zapadnoi Evropy [Legal systems in Western Europe]. Moscow, IZISP Publ., 2012. 768 p. (In Russian)
10. *Lafitskii V.I.* Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy [Comparative Law: National Legal Systems], Vol. 3. Pravovye sistemy Azii [Legal systems in Asia]. Moscow, Yurid. firma «Kontrakt» Publ., 2013. 704 p. (In Russian)
11. *Khabrieva T.Ya., Fedorov A.V., Bear-Tushe M.* Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossii i vo Frantsii [Criminal and administrative liability of legal persons in Russia and France]. Moscow, IZISP Publ., 2018. 193 p. (In Russian)
12. *Arkhiptsev N.I.* Ugolovno-pravovoe zakonotvorchestvo: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya [Criminal law: problems and prospects for improvement]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2004, no. 2, pp. 55–59. (In Russian)
13. *Echkalo V.* Prestuplenie i nakazanie, ili Kto vinovat (chernyi yumor zakonodatelya) [Crime and punishment, or Who is to blame (black humor of the legislator)]. *Zakonodatel'stvo [Legislation]*, 2004, no. 4, pp. 86–87. (In Russian)
14. *Malkov V.P.* Mnozhestvennost' prestuplenii: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie [The multiplicity of crimes: the essence, types, legal significance]. Kazan, Izd-vo «Taglimat» Publ., 2006. 139 p. (In Russian)
15. *Markuntsov S.A.* O masshtabakh permanentnoi novellizatsii Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [On the scale of permanent novelization of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2018, no. 2, pp. 18–26. (In Russian)
16. *Fedorov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits vo Frantsii [Criminal liability of legal entities in France]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation]*, 2017, no. 1, pp. 15–25. (In Russian)
17. *Fedorov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits [Criminal liability of legal entities]. *Zakon [The Law]*. 2017. № 6. Pp. 62–69. (in Russian)
18. *Fedorov A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits na postyugoslavskom prostranstve [The criminal liability of legal entities in the post-Yugoslav space]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2018, no. 11, pp. 69–76. (In Russian, abstract in English)
19. *Fedorov A.V.* Ugolovnye sanktsii dlya yuridicheskikh lits na postyugoslavskom prostranstve [Criminal sanctions for legal entities in the post-Yugoslav space]. In *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2018, no. 12, pp. 72–80. (In Russian, abstract in English)
20. *Fedorov A.V.* Smertnaya kazn' (likvidatsiya) yuridicheskogo litsa kak ugolovnoe nakazanie i privlechenie k ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskogo litsa posle prekrashcheniya ego deyatel'nosti: zarubezhnyi opyt [The death penalty (liquidation) of a legal entity as a criminal punishment and criminal prosecution of a legal entity after the termination of its activities: foreign experience]. *Yuridicheskii mir [Legal world]*, 2020, no. 4, pp. 18–21. (In Russian)
21. *Maile A.D., Starostin S.A.* Osobennosti germanskogo administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva [Features of the German administrative-tort legislation]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Courier of the university named after O.E. Kutafin (MSAL)]*, 2018, no. 1, pp. 158–166. (In Russian)
22. *Mikhailov V.I.* Ugolovnaya otvetstvennost' v mekhanizme protivodeistviya korruptsii [Criminal Liability in the Anti-corruption Mechanism]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2017, no. 24, pp. 44–45. (In Russian, abstract in English)
23. *Golovko L.V.* Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave [Alternatives to prosecution in modern law]. Saint-Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2002. 544 p. (In Russian)
24. *Sizova V.N.* Meditatsiya v ugolovnom prave: voprosy opredeleniya ponyatiya [Meditation in criminal law: questions of the definition of a concept]. In *Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii [Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2015, no. 3, pp. 156–158. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», gyulnaz_2000@mail.ru

Гольцер Татьяна Александровна – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), tatyanagolcer@gmail.com

Дубов Егор Игоревич – адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России, egordubov1997@yandex.ru

Князькина Анастасия Константиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, knyazkina_a@mail.ru

Коняхин Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заслуженный юрист РФ, vladkon54@mail.ru

Костенко Роман Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», rom-kostenko@yandex.ru

Кузнецов Александр Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления (филиал РАНХиГС), заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, arkuznetsov17@gmail.com

Лебедев Максим Владимирович – аналитик кафедры национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, 3g4g@mail.ru

Лозовский Денис Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии и правовой информатики Кубанского государственного университета, заслуженный юрист Республики Адыгея, dlozovsky@mail.ru

Лупарев Евгений Борисович – доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета КубГУ по научной работе, fin@law.kubsu.ru

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, президент Международного фонда поддержки правовых инициатив, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки РФ, mackevich2004@mail.ru

Митрофанов Никита Владиславович – студент 4-го курса института частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), naiketmitro98@mail.ru

Михайлов Валентин Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, vim2007@yandex.ru

Молчанова Виктория Андреевна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), molchvika@mail.ru

Овчинникова Елизавета Олеговна – студентка 3-го курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (МГПУ), ssverdlovskinbox@mail.ru

Порошкина Татьяна Сергеевна – студентка четвертого курса института прокуратуры Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), poroshkina1998@mail.ru

Потапенко Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», potapenkosv@yandex.ru

Прохоров Леонид Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии КубГУ, председатель комиссии по вопросам помилования на территории Краснодарского края, hooligang@mail.ru

Прохорова Марина Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии КубГУ, hooligang@mail.ru

Редникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, trednikova@yandex.ru

Ринов Роберт Беккович – студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета (МГЮА), robert_rinov@mail.ru

Руденко Александр Викторович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии и правовой информатики Кубанского государственного университета, заслуженный юрист Кубани, rudenkoalex@mail.ru

Семенов Владимир Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, scimpro@yandex.ru

Серебренникова Анна Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, sezebranna@hotmail.com

Сорокина Кристина Анатольевна – студентка Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), kristina1-8@mail.ru

Таранков Олег Игоревич – студент четвертого курса института прокуратуры Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Otarankiv@yandex.ru

Терзикян Саргис – кандидат юридических наук, магистр права, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Российское право» Юридический факультет, Потсдамский университет, LL.M., terzikyan@uni-potsdam.de

Устюкова Валентина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, ecolaw@igpran.ru

Хелльманн Уве – habilitированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права Юридического факультета Потсдамского университета, hellmann@uni-potsdam.de

Штаге Диана – доктор права, доцент, главный научный сотрудник кафедры уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, distage@uni-potsdam.de

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Adigezalova Gulnaz I. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Lehrstuhlleiterin für Verfassungs- und Kommunalrecht, Professorin am Lehrstuhl für Theorie und Geschichte von Staat und Recht der Staatlichen Kuban-Universität, gyulnaz_2000@mail.ru

Dubov Egor I. – Adjunkt an der Nischni Nowgorod Akademie des Innenministeriums Russlands, egordubov1997@yandex.ru

Goltser Tatyana A. – Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, tatyanaGolcer@gmail.com

Hellmann Uwe – Dr. jur. habil., Professor, Lehrstuhlinhaber für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, hellmann@uni-potsdam.de

Knyazkina Anastasia K. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie an der Staatlichen Kuban-Universität, knyazkina_a@mail.ru

Konyakhin Vladimir P. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafrecht und Kriminologie an der Staatlichen Kuban-Universität, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation, vladkon54@mail.ru

Kostenko Roman V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafverfahren der Staatlichen Kuban-Universität, rom-kostenko@yandex.ru

Kuznetsov Alexander P. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor Rechtsabteilung des Lehrstuhls für die Rechtssicherung der Nationalen Sicherheit des Nischni Nowgorod Instituts für Management – Zweigstelle (Filiale von RANEPА), Verdienter Anwalt der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, apkuznetsov17@gmail.com

Lebedev Maksim V. – Analyst des Lehrstuhls für Nationale Sicherheit an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, 3g4g@mail.ru

Lozovsky Denis N. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Rechtsinformatik der Staatlichen Kuban-Universität, Verdienter Jurist der Republik Adygeja, dlozovsky@mail.ru

Luparev Evgeniy B. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Prodekan der Juristischen Fakultät der Staatlichen Kuban-Universität für Wissenschaftliche Arbeit, fin@law.kubsu.ru

Matskevich Igor M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Professor an der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, Leiter des Labors für Anti-Kriminelle Forschung im Bereich der Energiesicherheit an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Präsident der Internationalen Stiftung für die Unterstützung der Rechtlichen Initiativen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, mackevich2004@mail.ru

Mikhailov Valentin I. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Chefforscher an der Abteilung für Straf- und Strafprozessgesetzgebung; Gerichtsaufbau des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung unter der Regierung der Russischen Föderation, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation, vim2007@yandex.ru

Mitrofanov Nikita V. – Student im vierten Jahr der 7 Gruppe am Institut für Privatrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), naiketmitro98@mail.ru

Molchanova Victoria A. – Student an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), molchvika@mail.ru

Ovchinnikova Elizaveta O. – Studentin des 3. Jahres am Institut für Geisteswissenschaften der Moskauer Städtischen Pädagogischen Universität (MCU), ssvverdlovskinbox@mail.ru

Poroshkina Tatiana S. – Bachelor-Studentin im vierten Jahr am Institut für Staatsanwaltschaft der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), poroshkina1998@mail.ru

Potapenko Sergey V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Zivilprozess und Völkerrecht, Dekan der A.A. Khmyrov-Fakultät für Recht der Staatlichen Kuban-Universität, potapenkov@yandex.ru

Prokhorov Leonid A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Vorsitzender der Begnadigungskommission der Region Krasnodar, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation, hooligang@mail.ru

Prokhorova Marina L. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Professorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, hooligang@mail.ru

Rednikova Tatiana V. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, trednikova@yandex.ru

Rinov Robert B. – Student, Institut für Staatsanwaltschaft Moskauer Staatliche Rechtsuniversität, robert_rinov@mail.ru

Rudenko Aleksandr V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Kriminologie und Rechtsinformatik der Staatlichen Kuban-Universität, Verdienter Jurist Kubans, rudenkoalex@mail.ru

Sementsov Vladimir A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafverfahren der Staatlichen Kuban-Universität, crimpro@yandex.ru

Serebrennikova Anna V. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, serebranna@hotmail.com

Sorokina Kristina A. – Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, kristina1-8@mail.ru

Stage Diana – Doktorin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Akademische Mitarbeiterin des Lehrstuhls für Strafrecht, insbesondere Wirtschaftsstrafrecht der Juristische Fakultät an der Universität Potsdam, distage@uni-potsdam.de

Tarankov Oleg I. – Bachelor-Student im vierten Jahr am Institut für Staatsanwaltschaft der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Otarankiv@yandex.ru

Terzikyan Sargis – Kandidat der Rechtswissenschaften, Master der Rechtswissenschaften an der Juristischen Fakultät der Universität Potsdam, Wissenschaftliche Hilfskraft an der Forschungsstelle “Russisches Recht”, LL.M., terzikyan@uni-potsdam.de

Ustyukova Valentina V. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Amtierende Leiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, ecolaw@igpran.ru

ABOUT THE AUTHORS

Adigezalova Gulnaz I. – Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law at Kuban State University, gyulnaz_2000@mail.ru

Dubov Egor I. – Adjunct at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, egordubov1997@yandex.ru

Goltser Tatyana A. – Student at O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), tatyanaGolcer@gmail.com

Hellmann Uwe – Dr. jur. habil., Professor, Head of the Chair of Criminal and Economic Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam, hellmann@uni-potsdam.de

Knyazkina Anastasia K. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, knyazkina_a@mail.ru

Konyakhin Vladimir P. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, vladkon54@mail.ru

Kostenko Roman V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure at Kuban State University, rom-kostenko@yandex.ru

Kuznetsov Alexander P. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Legal Support for National Security of the Nizhny Novgorod Institute of Management (Branch of RANEPa), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, apkuznetsov17@gmail.com

Lebedev Maxim V. – Analyst of the Chair of National Security at the National University of Oil and Gas «Gubkin University», 3g4g@mail.ru

Lozovsky Denis N. – Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminology and Legal Informatics at Kuban State University, Honored Lawyer of the Republic of Adygea, dlozovsky@mail.ru

Luparev Evgeniy B. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-Dean for Scientific Work of the Faculty of Law of Kuban State University, fin@law.kubsu.ru

Matskevich Igor M. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminology and Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of Lomonosov Moscow State University, Head of the Laboratory of Anti-Criminal Research in the Field of Energy Security at the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, President of the International Foundation for the Support of Legal Initiatives, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, mackevich2004@mail.ru

Mikhailov Valentin I. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal and Criminal Procedural Legislation; Judicial System at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, vim2007@yandex.ru

Mitrofanov Nikita V. – 4th Year Student of the 7th Group at the Institute of Private Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), naiketmitro98@mail.ru

Molchanova Victoria A. – Student at O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), molchvika@mail.ru

Ovchinnikova Elizaveta O. – 3-rd year Student at the Institute of Humanities of Moscow City Pedagogical University (MCU), ssvrdlovskinbox@mail.ru

Poroshkina Tatiana S. – 4th Year Bachelor Student at the Institute of Public Prosecution of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), poroshkina1998@mail.ru

Potapenko Sergey V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Civil Procedure and International Law, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov at Kuban State University, potapenkosv@yandex.ru

Prokhorov Leonid A. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Chairman of the Commission for Pardons of the Krasnodar Territory, Honored Worker of Higher School of Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, hooligang@mail.ru

Prokhorova Marina L. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, hooligang@mail.ru

Rednikova Tatiana V. – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Environmental, Land and Agrarian Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, trednikova@yandex.ru

Rinov Robert B. – Student, Institute of Public Prosecutions Kutafin Moscow State Law University (MSAL), robert_rinov@mail.ru

Rudenko Aleksandr V. – Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminology and Legal Informatics at Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban, rudenkoalex@mail.ru

Sementsov Vladimir A. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure at Kuban State University, crimpro@yandex.ru

Serebrennikova Anna V. – Doctor of Legal Sciences, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, serebranna@hotmail.com

Sorokina Kristina A. – Student at O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), kristina1-8@mail.ru

Stage Diana – Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Academic Assistant of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law at the Faculty of Law of the University of Potsdam, distage@uni-potsdam.de

Tarankov Oleg I. – 4th Year Bachelor Student at the Institute of Public Prosecution of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Otarankiv@yandex.ru

Terzikyan Sargis – Candidate of Legal Sciences, Master of Legal Sciences of the Faculty of Law at the University of Potsdam, Research Assistant at the Research Center “Russian Law”, Ph.D. in Law, LL.M., terzikyan@uni-potsdam.de

Ustyukova Valentina V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, ecolaw@igpran.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Die moderne Rechtswissenschaft an der Staatlichen Kuban-Universität

Potapenko S.V., Luparev E.B.

Ziel: der Artikel behandelt Fragen der Entwicklung der Richtungen der wissenschaftlichen Forschung als einzelne Wissenschaftler und wissenschaftliche Kollektive an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Kuban-Universität. Die Kombination der grundlegenden Rechtswissenschaft mit der praktischen Tätigkeit der Strafverfolgungsbehörden wurde veranschaulicht und die Perspektiven für die Erhöhung der wissenschaftlichen Erkenntnisse unter den Bedingungen der sich aktiv verändernden gesellschaftlichen Beziehungen sind angegeben.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Abzug, soziologische Methode, formell-rechtliche Methode, systemische Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommen die Autoren zu dem Schluss, dass verschiedene Forschungen der rechtlichen Regulierung der öffentlichen Beziehungen in der modernen Zeit an der Staatlichen Kuban-Universität, obwohl diese Forschungen im Rahmen der Allrussischen Trends der Entwicklung der juristischen Rechtswissenschaft durchgeführt werden, haben eine Reihe von Besonderheiten, die mit der Bildung von neuen, unverwechselbaren Forschungsrichtungen verbunden sind. Darüber hinaus wird betont, dass die wissenschaftlichen Schulen, die sich an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Kuban-Universität gebildet haben, den Herausforderungen der Zeit gerecht werden und auf das Niveau der internationalen wissenschaftlichen Zusammenarbeit kommen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die in dem Artikel begründeten Schlussfolgerungen und Vorschläge zielen darauf ab, die Wirksamkeit der koordinierenden Interaktion bei der Durchführung wissenschaftlicher Forschung sowohl in der Russischen Föderation als auch im System der internationalen wissenschaftlichen Zusammenarbeit zu erhöhen.

Stichwörter: Staatlichen Kuban-Universität, Juristische Fakultät, wissenschaftliche Schulen, Richtungen der Wissenschaftsforschung.

Schlichtungsverfahren im Russischen Strafprozess: Probleme der rechtlichen Regulierung und Trends bei der Entwicklung von Gesetzgebung

Adigezalova G.I., Potapenko S.V.

Ziel: der Prozess der Institutionalisierung alternativer Wege zur Lösung von Rechtskonflikten wird in der russischen Rechtspraxis und bei den Aktivitäten von Gesetzgebungsorganen und Strafverfolgungsbehörden beobachtet. Die Erfahrung mit der Ausweitung des Einsatzes von Schlichtungsverfahren in den letzten zehn Jahren zeigt, dass sie im Strafverfahren umgesetzt werden müssen. Die Tätigkeit der Schlichter wird nicht nur die Belastung der allgemein zuständigen Gerichte verringern, sondern auch eine effizientere Strafverfolgung ermöglichen, um die zerstörerischen Folgen des Konflikts zwischen dem Opfer und dem Verdächtigen zu minimieren.

Methodologie: die dialektische Methode, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, statistische Methode, formell-rechtliche Methode, systematische Methode.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie gelangt der Autor zu dem Schluss, dass Voraussetzungen für die Integration von Schlichtungsverfahren in das russische Strafverfahren bestehen. Eine Analyse der gesetzlichen Regelung der Schlichtung in anderen Bereichen des Verfahrensrechts sowie der Statistik ermöglicht es uns, mögliche Optionen für eine Änderung der Strafprozessregeln der Russischen Föderation zu ermitteln.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie identifiziert und entwickelt das komplexe und praktisch bedeutende Problem der Institutionalisierung der Schlichtungsverfahren des Strafverfahrens: Mediation, gerichtliche Versöhnung und andere Optionen für die Versöhnung. Der Autor begründet die Notwendigkeit der Einführung und der detaillierten normativen Verankerung von Schlichtungsverfahren, dem rechtlichen Status von Mediatoren im Strafverfahren unter Bezugnahme auf die Richtungen der staatlichen Politik in diesem Bereich, auf die Trends bei der Entwicklung des Verfahrensrechts und auf die unzureichende Wirksamkeit der bestehenden Methoden zur Lösung von Rechtskonflikten im russischen Recht, die darauf abzielen, diese Konflikte zu verhindern und optimal zu beenden.

Stichwörter: Rechtskonflikt, Strafprozesskonflikt, Strafverfolgung, Schlichtung, Mediation, Mediator, Schlichter, restaurative Justiz, gerichtliche Versöhnung, alternative Methoden der Streitbeilegung, Strafsache der privaten Strafverfolgung, außergerichtliche Verfahren.

Die Normativvorschriften des internationalen Strafrechts: Konzept, Arten, Struktur

Konyakhin V. P., Knyazkina A.K.

Ziel: die Entwicklung eines logisch abgeschlossenen und intern konsistenten Konzepts der wesentlichen Merkmale, Konzepte, Arten und Strukturen der Normativvorschriften des internationalen Strafrechts, das nicht nur eine bekannte Lehrücke schließen, sondern auch die Grundlage für die Bestimmung von Möglichkeiten zur weiteren Optimierung der wissenschaftlichen Forschung in dieser Richtung bilden würde.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche Dialektik sowie private wissenschaftliche Erkenntnismethoden – systemisch-strukturelle, logisch-rechtliche, rechtsvergleichende, historisch-rechtliche und spezifisch soziologische.

Schlussfolgerungen. Die Normendefinitionen und die Normativvorschriften des internationalen Strafrechts werden formuliert und in Abhängigkeit von der Regulierungsmethode und dem vorherrschenden Ziel der legalen Befestigung. Die Struktur solcher Normativvorschriften wird festgelegt. Die Merkmale ihrer Bestandteile werden hervorgehoben.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die erzielten Ergebnisse erweitern und vertiefen das theoretische Verständnis des Konzepts, der Klassifizierung und der Struktur der Normativvorschriften des internationalen Strafrechts. Diese Ergebnisse sind im Wesentlichen einer der ersten Versuche, die grundlegenden Bestimmungen der allgemeinen Rechtstheorie auf die spezifische “Materie” des internationalen Strafrechts zu extrapolieren.

Der angewandte Wert der Ergebnisse liegt in der Möglichkeit ihrer Verwendung in der Gesetzgebungstätigkeit bei der Umsetzung der Normativvorschriften des internationalen Strafrechts in die nationale Gesetzgebung Russlands. Sie können im Bildungsprozess an den Rechtsuniversitäten des Landes beim Unterrichten von Kursen zum Strafrecht und zum internationalen Strafrecht sowie zur Weiterbildung von Justiz- und Strafverfolgungsbeamten eingesetzt werden.

Stichwörter: internationales Strafrecht, Norm, Normativverschreibung, Arten der Normativvorschriften, Regulierungsmethode, dominantes Ziel, Struktur der Normativvorschriften, Hypothese, Disposition, Sanktion.

Am Anfang des Weges der Digitalisierung des russischen Strafverfahrens

Kostenko R.V.

Ziel: dieser Artikel untersucht das Problem der Digitalisierung der russischen Strafverfahren, zeigt die erfolgreiche Erfahrung einiger Länder in diesem Bereich und besagt auch, dass der russische Gesetzgeber es leider nicht eilig hat, das Strafverfahren zu digitalisieren.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formell-rechtliche Methode, systemische Methode.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Forschung kommt der Autor zu dem Schluss, dass der baldige Übergang des Russischen Strafverfahrens zur Digitalisierung, zu modernen digitalen Technologien gerechtfertigt ist. Die Einführung dieser Technologien wird dazu beitragen, das Hauptziel der Justiz bei der Betrachtung und Beilegung von strafrechtlichen Konflikten zu erreichen – die Schaffung von Gerechtigkeit für alle.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Schlussfolgerungen und Vorschläge in diesem Artikel zielen darauf ab, die Wirksamkeit des russischen Strafverfahrens zu verbessern.

Stichwörter: Digitalisierung von Strafverfahren, elektronischer Strafprozess, digitale Technologien in Strafverfahren.

Die Merkmale der Untersuchung von Straftaten im Zusammenhang mit Geldmittelentwendung beim Verkauf von Fahrzeugen in Autohäusern

Lozovsky D.N., Rudenko A.V.

Ziel: die Untersuchung von Straftaten im Zusammenhang mit Geldmittelentwendung beim Verkauf von Fahrzeugen in Autohäusern zu analysieren.

Methodologie: Analyse, systemisch-strukturelle Methode, Situationsansatz, Verallgemeinerung.

Schlussfolgerungen. Die Verbrechen der untersuchten Kategorie zeichnen sich durch ein hohes Maß an Latenz aus, da sie sich als zivilrechtliche Beziehungen tarnen. Die Bedingungen für die erfolgreiche Tätigkeit Nachweis von Geldmittelentwendung beim Verkauf von Fahrzeugen in Autohäusern sind die richtige Organisation des gesamten

Prozesses der Untersuchung, rechtzeitige Ernennung von forensischen Untersuchungen, effektive Interaktion mit den operativen Einheiten des russischen Innenministeriums, die ständige gegenseitige Austausch von Informationen zwischen den Ermittlern und operativen Mitarbeitern, koordinierte Planung von Ermittlungsmaßnahmen und operative Maßnahmen, hochwertige Ausführung der Aufträge des Ermittlers, kontinuierliche, vollständige und umfassende Untersuchung der Umstände des Strafverfahrens.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung wird durch die Möglichkeit der Verwendung der Materialien dieses Artikels in der Praxis der Strafverfolgungsbehörden bei der Untersuchung von Geldmittelentwendung beim Verkauf von Fahrzeugen in Autohäusern bestimmt; im Bildungsprozess bei der Lehre von Methoden der Untersuchung bestimmter Arten von Verbrechen.

Stichwörter: Betrug, Geldmittelentwendung, Verkauf von Fahrzeugen, Untersuchung, Begehung von Straftaten, Taktik der Produktion, einzelne Ermittlungsmaßnahmen.

Die Begnadigung in Russland: Probleme bei der Anwendung (im Lichte des Protokolls der gemeinsamen Sitzung des Präsidialamtes der Russischen Föderation und der Vertreter der Exekutivbehörden des Südlichen Föderalen Bezirkes)

Prokhorov L.A., Prokhorova M.L.

Ziel: der Artikel behandelt die Anwendung der Institution der Begnadigung in der Russischen Föderation, einschließlich im Lichte der Bestimmungen des Protokolls der gemeinsamen Sitzung des Präsidialamtes der Russischen Föderation und der Vertreter der territorialen Organe der Staatsanwaltschaft, der Exekutivbehörden des Südlichen Föderalen Bezirkes. Die komplexesten Probleme und umstrittensten Aspekte ihrer Umsetzung werden identifiziert. Die Maßnahmen zur Steigerung der Wirksamkeit dieser Institution auf der Grundlage der Ergebnisse einer kurzen Analyse der Arbeit der Begnadigungskommissionen auf dem Territorium der Subjekte der Russischen Föderation werden vorgeschlagen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formell-rechtliche Methode, Systemische Methode, statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommen die Autoren zu Schlussfolgerungen über die Richtigkeit der Existenz der Institution der Begnadigung als Manifestation des Humanismus, Barmherzigkeit für den Verbrecher, Vergebung durch seinen Staat; über die Zweckmäßigkeit, den Entscheidungen der Begnadigungskommissionen auf dem Territorium der Subjekte der Russischen Föderation mehr zu vertrauen. Solche Entscheidungen basieren auf einer ernsthaften Analyse der Art und des Grades der öffentlichen Gefahr des begangenen Verbrechens. Sie reflektieren auch die Studie des Charakters der verurteilten Person vor der Begehung des Verbrechens und während der Verbüßung der Strafe. Das Niveau der Korrektur eines Verurteilten infolge von Bildungsmaßnahmen der Verwaltung der Strafvollzugsanstalt wird dort festgelegt. Die Autoren glauben auch, dass es einen Bedarf für eine effektivere Anpassung der begnadigten Personen gibt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die in dem Artikel begründeten Schlussfolgerungen und Vorschläge zielen darauf ab, die Effizienz der Umsetzung der Begnadigungsinstitution in der Russischen Föderation zu erhöhen.

Stichwörter: Begnadigung, Amnestie, Petition des Verurteilten, soziale Anpassung, Vergebung des Täters, Korrektur der Verurteilten, Strafvollzugssystem, Verbüßung der Strafe, Strafpolitik, strafrechtliche Politik, Wirksamkeit der Institution.

Provokation des Verbrechens in der operativen und Suchtätigkeit

Sementsov V.A.

Ziel: das prozessuale, forensische und strafrechtliche Verständnis des Verbotes der Provokation eines Verbrechens in der operativen Suchtätigkeit (OST), unter Berücksichtigung der gerichtlichen Praxis des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte, des Verfassungsgerichts und des Obersten Gerichts der Russischen Föderation.

Methodologie: Analyse, Vergleich, Verallgemeinerung, formell-rechtliche Methode, Methode der interdisziplinären juristischen Forschung.

Schlussfolgerungen. Die Provokation eines Verbrechens in der OST wird als Handlungen seiner Themen definiert, die mit dieser Tätigkeit unvereinbar sind. Es wird behauptet, dass die Provokation ausgeschlossen wird, wenn das Ziel verfolgt wird, die Probleme der OST zu lösen und wenn es legitime Gründe gibt. Die Absicht des OST-Objekts soll auch unabhängig von der Wirksamkeit der operativen Mitarbeiter gebildet werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie der Provokation in der OST als Methode zur Bekämpfung der Kriminalität zeigte bestimmte Tendenzen in der gerichtlichen Praxis auf der Grundlage von Rechtspositionen. Sie erlaubte, die charakteristischsten Mängel in der Tätigkeit der OST-Behörde aufzudecken,

die an den festgelegten Parametern der Verbrechenserkennung interessiert sind. Die Studie erlaubte auch, Wege zu identifizieren, sie zu beseitigen.

Stichwörter: operativ-Suchtätigkeit, Provokation eines Verbrechens, Handlungen, Ungesetzlichkeit, rechtliche Positionen, gerichtliche Praxis.

Zwangsarbeit in der modernen russischen Gesetzgebung: strafrechtliche Forschung

Kuznetsov A.P.

Ziel: die Durchführung einer strafrechtlichen Forschung der Zwangsarbeit als Form der strafrechtlichen Bestrafung.

Methodologie: rechtsvergleichende, logisch-rechtliche, systemstrukturelle Methoden.

Schlussfolgerungen. Im Strafsystem nimmt die Zwangsarbeit einen besonderen Platz ein und stellt als wichtigste Form eine echte Alternative zur Inhaftierung dar: sie verringert die strafrechtliche Verfolgung; bezieht sich auf eine weniger kostspielige Form der Bestrafung; minimiert Sie die negativen Folgen einer Verurteilung des Verurteilten.

Der wesentliche Inhalt der strafrechtlichen Bestrafung in Form von Zwangsarbeit umfasst eine Reihe gesetzlicher Maßnahmen, die darauf abzielen, einem Verurteilten im Zuge der Vollstreckung einer Freiheitsstrafe Rechte und berechnete Interessen zu entziehen und einzuschränken.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung des Artikels besteht in der Offenlegung der wesentlichen Merkmale der Zwangsarbeit als eine Form der strafrechtlichen Bestrafung. Sie es ermöglicht, ihren sozialen, rechtlichen und wirtschaftlichen Inhalt zu überschätzen. Die Demonstration konzeptioneller Merkmale und der obligatorischen Arbeiteröffnen neue Horizonte für das weitere Verständnis und die Weiterentwicklung der Zwangsarbeit, die in das System der modernen Arten von Strafen einbezogen ist.

Stichwörter: Zwangsarbeit, Bestrafung, Kriminalpolitik, Staat, Prävention.

Strafrecht im digitalen Zeitalter

Serebrennikova A.V., Lebedev M.V.

Ziel: die wichtigsten Trends im Zusammenhang mit der Digitalisierung des Strafrechts in den am meisten diskutierten Bereichen zu analysieren und die Positionen der Forscher in Bezug auf die Gestaltung von Normen über die Verantwortung für Computerkriminalität im heimischen Strafrecht zusammenzufassen. Die Hauptbereiche der Verwendung von künstlicher Intelligenz im Prozess der Qualifikation von Verbrechen und Strafverfolgung zu reflektieren. Die Verwendung von Informationstechnologien im Bildungsprozess bei der Ausbildung von Spezialisten für die Strafverfolgung zu betrachten.

Methodologie: die wissenschaftlichen Methoden: Analyse, Synthese, Induktion, Abzug; privat-wissenschaftliche Methoden: formell-rechtliche und dialektische Methoden.

Schlussfolgerungen. Die Autoren kommen zu dem Schluss, dass die Fortschritte der letzten Jahre im Bereich der digitalen Technologie nicht nur eine Reihe neuer Kriminalitätsprobleme geschaffen haben, sondern auch zur Prävention, Identifizierung, Untersuchung, Strafverfolgung und Bestrafung von Straftaten beigetragen haben. Viele Fragen, die mit ihrer Verwendung im Strafrecht verbunden sind, blieben jedoch ungelöst. Heute steht die Wissenschaft des Strafrechts vor der Aufgabe, ein Modell der Systemaktualisierung der heimischen Strafgesetzgebung zu entwickeln, deren Wirksamkeit direkt von der Fähigkeit des Gesetzgebers abhängt, Trends auf dem Gebiet der Informationstechnologien und Kriminalitätsprobleme wahrzunehmen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Blick der Autoren auf das aktuelle Problem in der Kriminalwissenschaft wird präsentiert. Die Ergebnisse der Studie und die in diesem Artikel formulierten Schlussfolgerungen können im Bildungsprozess bei der Untersuchung der Wissenschaften des strafrechtlichen Zyklus an den Hochschulen verwendet werden.

Stichwörter: digitale Technologien, Strafrecht, Kriminalitätsqualifikation, künstliche Intelligenz, Digitalisierung, Computerkriminalität.

Sozioökonomische und rechtliche Konditionierung der Kriminalisierung der Tätigkeit der Schuldbetreibung in Russland

Dubov E.I.

Ziel: die Existenz der sozioökonomischen und rechtlichen Konditionierung der Kriminalisierung der Tätigkeit der Rückzahlung der überfälligen Schuld zu beweisen.

Methodologie: Analyse, Deduktion, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Unter der sozioökonomischen und rechtlichen Konditionierung der Kriminalisierung von Tätigkeit der Rückzahlung von überfälligen Schulden sollte das Folgende verstanden werden: das Vorhandensein einer Reihe von miteinander verbundenen Phänomene und Fakten der wirtschaftlichen, sozial-rechtlichen und anderen Charakter, die die Notwendigkeit der Erhöhung der Staatskontrolle durch rechtliche Instrumente, einschließlich der strafrechtlichen Art, bestätigen. Die Probleme der Tätigkeit der Schuldbetreibung in verschiedenen Bereichen der Gesellschaftlichkeit, die die Notwendigkeit der Kriminalisierung dieser Tätigkeit verursachen, wurden gefunden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die theoretische und rechtliche Analyse deckte die Bedeutung der sozioökonomischen und rechtlichen Konditionierung der Kriminalisierung von Handlungen im Bereich der Rückzahlung von überfälligen Schulden auf. Die Probleme rechtlicher Natur wurden identifiziert. Es gibt einen rechtlichen Konflikt, wenn eine Kreditorganisation die persönlichen Daten des Schuldners an Dritte weitergibt. Außerdem wurde die allgemeine soziale Problematik bemerkt, die die aktuellen Fakten der rechtswidrigen Mittel der Schuldentrückzahlung von gewissenlosen Schuldeneintreibern angeht. Als wirtschaftliche Argumente für die Kriminalisierung dieser Aktivitäten wurden die folgenden Fakten offenbart: über das dynamische Wachstum der Kreditvorgang von Einzelpersonen und dass das Einkommensniveau von einem Drittel der Kreditnehmer deutlich weniger ist als die Höhe der monatlichen Zahlungen eines Darlehens. All diese Fakten zeigen die Notwendigkeit der Verbesserung von bestehenden Normen und der Schaffung von neuen, die Verantwortung für kriminelle Handlungen stellen und mit der Rückkehr der überfälligen Schulden verbunden sind. Auch zeigen diese Fakten die Bedeutung der Entwicklung von einheitlichen Ansätzen zur rechtlichen Bewertung dieser Art von Übergriffen und zur Modernisierung der Gegenmaßnahmen.

Stichwörter: sozioökonomische Konditionierung, rechtliche Konditionierung, Kriminalisierung, überfällige Schulden, Tätigkeit der Schuldbetreibung, Kredit.

Denken Sie an alles über Transnationale kriminelle Organisationen: ein kriminologisches Essay

Matskevich I.M.

Ziel: die Unterschiede und Gemeinsamkeiten zwischen den modernen transnationalen kriminellen Organisationen zu analysieren. Neue Begriffe und Konzepte für die wissenschaftliche Nutzung vorzuschlagen.

Methodologie: historische und dialektische Methoden, Methoden der vergleichenden Analyse und Methoden der konzeptionellen Verbindungen.

Schlussfolgerungen.

Die Anzahl der Gemeinsamkeiten moderner transnationaler krimineller Organisationen übertrifft die Anzahl ihrer Unterschiede.

Transnationale kriminelle Organisationen sind zu einer globalen Bedrohung geworden.

Die internationale Zusammenarbeit transnationaler krimineller Organisationen ist viel schneller als die Entwicklung eines Modells der internationalen Zusammenarbeit bei der Bekämpfung ihrer illegalen Aktivitäten.

Die Entstehung neuer transnationaler krimineller Organisationen ist zu erwarten, die noch gefährlicher sind als zuvor bekannte.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In dem Artikel wird eine neue wissenschaftliche Abkürzung dargestellt – TNKO (auf Russisch: ТНКО) – «Transnationale kriminelle Organisation». Die Abkürzung vereinfacht die Beschreibung der betreffenden kriminellen Organisationen.

Es ist bewiesen, dass alle TKOs auf den gemeinsamen Prinzipien basieren.

Die Erfahrung zeigt, dass die Hauptsache im Kampf gegen TNKOs die Untergrabung ihrer gesellschaftlichen Basis ist. Die Basis besteht aus den ärmsten Bevölkerungsschichten und aus der Bestechlichkeit der Beamten.

Stichwörter: Kriminologie, Organisiertes Verbrechen, Syndikat, Kartell, kriminelles Geschäft, Drogenhandel, Sklavenhandel, Waffen, Erpressung, Korruption, Strafverfolgung, Prävention.

Linguistische Regulierung der Gesellschaft: Deutschlands Erfahrung in der Prävention von Extremismus

Ovchinnikova E.O.

Ziel: den «konzeptionellen» Ansatz zur Bekämpfung des Extremismus, den von verschiedenen Staaten, in diesem Fall Deutschland, praktiziert wird, zu betrachten. Herauszufinden, wie es möglich ist, die Arbeit von staatlichen und öffentlichen Institutionen zu organisieren, um dieses negative Phänomen zu verfolgen und zurückzuhalten.

Methodologie: dialektische Methode, soziologische Methode, linguistische Analyse, Systemstrukturanalyse, Synthese.

Schlussfolgerungen. Im modernen Deutschland, wie auch in einigen anderen Ländern, ist das Problem extremistischer Bewegungen heute sehr akut. Es ist zu einer ständigen Bedrohung für das Leben der Gesellschaft geworden. Die Aufgaben des Staates in diesem Bereich können in drei Gruppen unterteilt werden: 1. Identifizierung und Beendigung der extremistischen Aktivitäten; 2. «Deradikalisierung» von Kriminellen, die sich mit dieser Art von Aktivität beschäftigen; 3. Verhinderung der Verbreitung radikaler Ideen unter normalen Bürgern.

Wir können den «konzeptionellen» Ansatz als eine der verschiedenen Methoden und Ansätze, die in der dritten Gruppe verwendet werden, unterscheiden. Er manifestiert sich oft im politischen Diskurs (hier, Informationsraum und seine Akteure). Dieser Ansatz zielt darauf ab, eine nationale ideologische Basis unter den Menschen zu schaffen, die auf kognitiver Ebene das Vertrauen in andere Ideologien, insbesondere solche, die Feindseligkeit und Gewalt hervorrufen, ausschließt oder verringert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Wirksamkeit des konzeptionellen Ansatzes, isoliert vom Rest der Präventivmaßnahmen, ist schwer zu bewerten, weil der Ansatz in einer bestimmten Formulierung des Inhalts verschiedener Informationsmaterialien gezeigt wird. Es gibt auch das Problem der Festsetzung der Fristen, dafür ein spürbares Ergebnis erwartet werden kann. Die Wahrnehmung einer Ideologie und Reaktion eines Individuums auf sie sind rein individuell und hängen von einer Vielzahl von Faktoren ab. Allerdings verdient dieser Ansatz Aufmerksamkeit aufgrund seiner weltweiten Praxis, insbesondere in Deutschland.

Stichwörter: Extremismus, konzeptioneller Ansatz, Deradikalisierung, Ideologie, Präventivmaßnahmen, Staatssystem, liberale Demokratie, Verbreitung von Propaganda, politischer Diskurs, ausländische Praxis.

Bekämpfung der Terrorismusfinanzierung als Aufgabe der Internationalen Staatengemeinschaft

Hellmann U.

Ziel des Beitrags ist es, zu begründen, dass die Bekämpfung des Terrorismus und der Terrorismusfinanzierung eine Aufgabe ist, deren Bewältigung nicht durch einzelne nationalstaatliche Rechtsordnungen bewältigt werden kann, sondern einheitliche Grundsätze der Internationalen Staatengemeinschaft erfordert. Der Beitrag schildert die völkerrechtlichen Grundlagen und deren Umsetzung in das deutsche Strafrecht.

Methodologie: formell-rechtliche Methode; Analyse der historischen Entwicklung; Analyse der völkerrechtlichen Grundlagen; Analyse der praktischen Bedeutung.

Schlussfolgerungen. Eine wirksame Bekämpfung des Terrorismus darf nicht erst bei der Begehung einer konkreten terroristischen Tat ansetzen. Erforderlich ist, dass schon gegen die Vorbereitung und jede Art der Finanzierung des Terrorismus vorgegangen wird. Der Terrorismus bzw. die Terrorismusfinanzierung sollten nicht nur mit militärischen oder strafrechtlichen Mitteln bekämpft werden. Notwendig sind die Beseitigung der Ursachen und gegebenenfalls Verhandlungen, um eine Einigung zu erzielen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. die Einfügung des als "Terrorismusfinanzierung" überschriebenen Straftatbestands des § 89c in das StGB wird in der Literatur zum Teil heftig kritisiert, weil dadurch die Strafbarkeit weit in das Vorfeld terroristischer Straftaten vorverlegt wird. Da auch die Finanzierung des so genannten "Terror-Tourismus" zur Erfüllung völkerrechtlicher Verpflichtungen mit Strafe bedroht werden musste, waren weitere Änderungen des StGB, der Strafprozessordnung, aber auch des Kreditwesengesetzes (KWG), des Geldwäschegesetzes (GWG) und des Versicherungsaufsichtsgesetzes erforderlich. Die praktische Bedeutung besteht vor allem darin, dass die Strafverfolgungsbehörden bereits im Vorfeld terroristischer Straftaten eingreifen können, um die Finanzierung solcher Taten zu unterbinden.

Stichwörter: Terroristische Straftaten, Terrorismusfinanzierung, völkerrechtliche Regelung, europarechtliche Regelung; Bekämpfung des Terrorismus, Bekämpfung der Terrorismusfinanzierung, Empfehlungen der Financial Action Task Force (FATF).

Die Bekämpfung von Arzneimittelfälschungen in der Europäischen Union und in Deutschland

Stage D.

Ziel des Beitrags ist es, aktuelle rechtliche Entwicklungen im Bereich der Bekämpfung von Arzneimittelfälschungen in der Europäischen Union und in Deutschland darzustellen. Hierfür wird ein Überblick über den Handel mit gefälschten Arzneimitteln gegeben; zudem werden Maßnahmen der Gesetzgeber in der Europäischen Union und in Deutschland zur Bekämpfung der Arzneimittelfälschung näher betrachtet. Der Beitrag geht hierbei auf die

Fälschungsschutzrichtlinie (Richtlinie 2011/62/EU) und die delegierte Verordnung (EU) 2016/161, welche spezifische Sicherheitsmerkmale auf Verpackungen von Arzneimitteln regelt, ein. Einen Schwerpunkt des Beitrags bildet die Darstellung des Systems, das die Identifizierung und die Feststellung der Echtheit von Arzneimitteln durch eine End-to-End-Überprüfung (end-to-end verification) gewährleistet. Darüber hinaus wird auf die Ahndung von Verstößen gegen die delegierte Verordnung (EU) 2016/161 eingegangen.

Methodologie: formell-rechtliche Methode; Analyse der Maßnahmen der Gesetzgeber; Analyse der praktischen Bedeutung.

Schlussfolgerungen. Der Erlass der Fälschungsschutzrichtlinie (Richtlinie 2011/62/EU) sowie das Inkrafttreten der delegierten Verordnung (EU) 2016/161 und des Gesetzes für mehr Sicherheit in der Arzneimittelversorgung (GSAV) sind wichtige Schritte zur Bekämpfung gefälschter Arzneimittel und zur Erhöhung der Patientensicherheit. Durch die Einführung der qualifizierten Sicherheitsmerkmale auf den Verpackungen der Arzneimittel dürfte jedenfalls das in den Verkehr bringen von gefälschten Arzneimitteln in die legale Vertriebskette erheblich erschwert worden sein.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Im Zusammenhang mit der Bekämpfung von Arzneimittelfälschungen sind neue Tatbestände im Ordnungswidrigkeitenrecht in Kraft getreten, die künftig von der Wissenschaft noch näher zu untersuchen sind. Die praktische Bedeutung besteht insbesondere darin, dass durch die Einführung der qualifizierten Sicherheitsmerkmale auf den Verpackungen der Arzneimittel jedenfalls das in den Verkehr bringen von gefälschten Arzneimitteln in die legale Vertriebskette erheblich erschwert worden sein dürfte.

Stichwörter: Wirtschaftsstrafrecht, Arzneimittelstrafrecht, gefälschtes Arzneimittel, Fälschungsschutzrichtlinie, Richtlinie 2011/62/EU, delegierte Verordnung (EU) 2016/161, End-to-End-Überprüfung, end-to-end verification, individuelles Erkennungsmerkmal, Vorrichtung gegen Manipulation, Sanktionen, Gesetz für mehr Sicherheit in der Arzneimittelversorgung, GSAV.

Die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen

Terzikyan S.

Ziel des Aufsatzes ist die Betrachtung der Richtlinie über die Europäische Ermittlungsanordnung in Strafsachen (Richtlinie 2014/41/EU), die am 3. April 2014 vom Europäischen Rat und dem Europäischen Parlament verabschiedet wurde. Hiermit wird das Rechtsinstrument der Europäischen Union zur gegenseitigen Anerkennung von Ermittlungsanordnungen im Rahmen des Strafverfahrens, beziehungsweise des Ermittlungsverfahrens dargestellt. Hauptziel des Aufsatzes ist die Untersuchung der Regelungen zur Beweisgewinnung für die Mitgliedstaaten für eine gegenseitige Anerkennung sämtlicher grenzüberschreitender Ermittlungsmaßnahmen. Dabei werden im Aufsatz Vorschriften der Richtlinie über die Europäische Ermittlungsanordnung (RL EEA) und ihre Umsetzung ins deutsche Recht betrachtet sowie einige Bedenken zur Gewährleistung eines effektiven Rechtsschutzes erläutert.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, Analyse der Umsetzung von rechtlichen Anforderungen.

Schlussfolgerungen. Trotz der bestehenden Bedenken und Diskussionen soll die EEA und ihre Umsetzung ins nationale Recht zur Effektivität der Zusammenarbeit bei der Bekämpfung grenzüberschreitender Kriminalität führen. Die RL EEA soll die Erhebung und Übermittlung von Beweismitteln auf Ersuchen eines Mitgliedstaates, des sogenannten Anordnungsstaates, auf dem Hoheitsgebiet des anderen Mitgliedstaates, des Vollstreckungsstaates, ermöglichen und erleichtern. Außerdem bildet die EEA ein einheitliches Instrument in der EU, das neben der Abschaffung alter Abkommen, gleichzeitig neue Regelungen in Rechtshilfesachen einfügt, welche das Ermittlungsverfahren beschleunigen sollen. Dies soll jedoch nicht nur zur Verfahrensbeschleunigung beitragen, sondern auch die gegenseitige Einhaltung des nationalen Rechtsrahmens bezwecken.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung kann sowohl von Mitarbeitern der Bildungs- und Forschungseinrichtungen des Strafverfolgungssystems als auch von Strafrechtswissenschaftlern und Studierenden im Bereich des Straf- und insbesondere des Strafprozessrechts verwendet werden. Die praktische Bedeutung besteht auch darin, dass der Aufsatz eine Weiterentwicklung der Maßnahmen zur Rechtshilfe in Strafsachen bei grenzüberschreitender Kriminalitätsbekämpfung verschiedener Staaten fördert.

Stichwörter: Europäische Ermittlungsanordnung, Richtlinie, Ermittlungsverfahren, Anordnungsstaat, Vollstreckungsstaat, Beweisgewinnung, Ermittlungsmaßnahmen, Rechtshilfe, gegenseitige Anerkennung, Richtervorbehalt, Rechtsschutz.

Anpassungsmaßnahmen an den Klimawandel: Verbesserung der Umweltgesetzgebung der Russischen Föderation im Lichte des Beitritts zu den Pariser Klimaabkommen

Rednikova T.V.

Ziel: die Relevanz des Klimawandels zu beweisen. Die Bereiche des Lebens der Russischen Föderation, auf die dieses Problem den sichtbarsten negativen Einfluss hat, zu betrachten.

Methodologie: formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode, Abzug, Analyse.

Schlussfolgerungen. In den letzten Jahren hat die Suche nach Mitteln zur Lösung der durch den globalen Klimawandel verursachten Probleme einen wichtigen Platz in der Staatspolitik der meisten entwickelten Länder, einschließlich der Russischen Föderation, eingenommen. Die Veränderung der ökologischen Bedingungen wirkt sich aufgrund seines großen Territoriums und der vernünftigen Abhängigkeit von den natürlichen Ressourcen deutlich auf die Lebensaktivitäten unseres Landes aus. Um die zunehmende Gefahr potenzieller Schäden, die sowohl die Bevölkerung als auch die wichtigsten Wirtschaftssektoren des Landes erleiden können, einzudämmen, ist eine sofortige Annahme von Anpassungsmaßnahmen an den Klimawandel notwendig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel befasst sich mit verschiedenen Bereichen der Russischen Gesellschaft und Wirtschaft, die unter dem Klimawandel leiden. Sie werden von irreversiblen Veränderungen in Ökosystemen und dem häufigen Auftreten von ökologischen Anomalien, einschließlich Naturkatastrophen, begleitet. Die Autorin bietet Möglichkeiten, diesen Komplex von Aufgaben durch die Annahme von Anpassungsmaßnahmen und deren Aufrechterhaltung zu lösen. Die Analyse der Anpassungsmaßnahmen wird unter Berücksichtigung der Bestimmungen der Pariser Klimaabkommen vorgeschlagen.

Stichwörter: Klima, Umweltschutz, Anpassung, Natürliche Ressourcen, Klimawandel, ökologie, Risiken, Anpassungsmaßnahmen.

Die kontroversen Fragen der Reorganisation der Bauernwirtschaft

Ustyukova V.V.

Ziel: die kontroversen Fragen bezüglich der gesetzlichen Regelung der Beziehungen zwischen verschiedenen Bauernwirtschaften zu prüfen. Die Lösung dieser Fragen anzubieten.

Methodologie: Analyse, Synthese, dialektische, formell-logische und systemische Methoden.

Schlussfolgerungen. Beziehungen bei der Gründung von Farmen auf der Grundlage der Bauernwirtschaft-Eigentum, ohne Bildung der juristischen Personen, Geschäftspartnerschaften oder Produktionsgenossenschaften gemäß Artikel 259 des Zivilgesetzbuches sollte als die Reorganisation in Form von Transformation angesehen werden. Allerdings lehnen einige Forscher diesen Ansatz ab, da im Zivilgesetzbuch der Russischen Föderation die Begriffe "Reorganisation" oder "Transformation" in Bezug auf diese Situation nicht verwendet werden. Diese Schlussfolgerung beruht auf der Tatsache, dass in solchen Fällen die neu geschaffene juristische Person für alle Verpflichtungen des ehemaligen Bauernbetriebes Rechtsnachfolge hat. Das unterscheidet die Reorganisation von der Liquidation der juristischen Person. Die Frage der Transformation einer Bauernwirtschaft-nichtjuristische Person in eine juristische Person ist durch die Aufnahme eines neuen Artikels 86.1 in das Zivilgesetzbuch der Russischen Föderation noch relevanter geworden. Dieser Artikel enthält auch nicht den Begriff "Reorganisation" (in Form von Transformation). Daher ist seine Interpretation in der Literatur auch mehrdeutig. Was die landwirtschaftlichen Betriebe angeht, die juristische Personen sind, sind hier die Beziehungen zu ihrer Reorganisation in verschiedenen Formen durch das Gesetz auch nicht geregelt. Um die Rechte der Landwirte und ihrer Gläubiger zu schützen, wird vorgeschlagen, die Zivilgesetzgebung entsprechend zu ändern und auf dieser Grundlage ein neues Gesetz "Über die Bauernwirtschaft" zu verabschieden. In diesem Gesetz würden die Normen des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation entwickelt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die im Artikel formulierten Schlussfolgerungen entwickeln die Theorie des Agrar- und Zivilrechts. Die auf ihrer Grundlage geäußerten Vorschläge können verwendet werden, um die Gesetzgebung zu verbessern.

Stichwörter: Bauernwirtschaft, Eigentum, Mitgliedschaft, juristische Person, Reorganisation, Transformation, Nachfolge, Verpflichtung, Zivilrecht.

Kriminologische Analyse der Nichterfüllung von Verantwortlichkeiten für die Erziehung eines Minderjährigen

Goltser T.A., Sorokina K.A.

Ziel: die Durchführung einer kriminologischen Analyse der Nichterfüllung von Erziehungspflichten als Straftat nach Art. 156 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, sowie die Entwicklung des Maßnahmensystems für

Verhinderung einer solchen Straftat auf Grundlage einer umfassenden Untersuchung von ihren kriminologischen Aspekten.

Methodologie: *Analyse, Synthese, Deduktion, formale rechtliche Methode, dialektische Methode, statistische Methode, soziologische Methode.*

Schlussfolgerungen. *Als Ergebnis der Untersuchung stellten die Autoren die Ursachen von Gewalt gegen Minderjährige fest, untersuchten die Bedingungen, die normale körperliche und geistige Entwicklung der Minderjährige behindern, und stellten die Verhinderungsmaßnahmen gegen Kindermisshandlung auf.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse der Untersuchung können zur Verbesserung des Strafrechts der Russischen Föderation, sowie im Bildungsprozess und in der wissenschaftlichen Forschung zu diesem Thema verwendet werden. Dieses Maßnahmenpaket, das von den Autoren entwickelt wurde, kann von staatlichen Organisationen oder Strafverfolgungsbehörden um Verhinderung der Nichterfüllung von Erziehungspflichten oder Kindermisshandlung angewendet werden.*

Stichwörter: *kriminologische Analyse, Nichterfüllung von Erziehungspflichten, Mißhandlung, Gewalt, Minderjährige, Eltern, Viktimisierung, Verantwortung, vorbeugende Maßnahmen.*

Korruption in der russischen Hochschulbildung

Mitrofanov N.V.

Ziel: *die Studie der wichtigsten Fragen, die Korruption im Bereich der Russischen Hochschulbildung betreffen. Um dieses Ziel zu erreichen, war es notwendig, eine Reihe von Aufgaben zu realisieren: den Begriff «Korruption» zu analysieren und seine allgemeine Charakteristik zu geben; die Hauptgründe und Bedingungen der Begehung von Korruptionsverbrechen in der Hochschulbildung zu identifizieren; die Identität des Täters und des Opfers von Korruption zu betrachten; eine Umfrage unter Studenten und Lehrern zu diesem Thema veranstalten.*

Methodologie: *dialektische und historische Erkenntnismethode, Analyse, Synthese, Abzug, Umfrage.*

Schlussfolgerungen. *Während der Studie wurden die folgenden Schlussfolgerungen gezogen.*

Korruption in der Bildung ist eine relativ neue Art von Verbrechen, die in Russland am Ende des XX Jahrhunderts erschien.

Das Problem der Korruption in der Bildung in Russland ist heute sehr aktuell. Seine Ursachen überlappen sich mit den Ursachen der Korruption als allgemeines sozial negatives Phänomen.

Die Identität eines korrupten Verbrechens im Bereich der Hochschulbildung besteht aus einer Reihe spezifischer und individueller Merkmale, die ihn von anderen Verbrechen und gesetzestreuen Bürgern unterscheiden.

Es gibt einen signifikanten Unterschied in der Beurteilung des Ausmaßes der Korruption in der Hochschulbildung durch Lehrer und Studenten: in der Umfrage sah sich nur einer der Lehrer Korruption im Bereich der Hochschulbildung in Russland gegenüber, während jeder dritte Student sagte, dass er dem Lehrer persönlich Geld gab.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Studie analysierte eine große Anzahl von regulatorischen Rechtsakten, die Korruption im Bereich der Hochschulbildung betreffen. Insbesondere gehören dazu: das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation vom 13. Juni 1996 Nr. 63-FZ; das Föderale Gesetz vom 29. Dezember 2012 Nr. 273-FZ "Über die Bildung in der Russischen Föderation"; das Föderale Gesetz vom 25. Dezember 2008 Nr. 273-FZ "Über die Gegenwirkung der Bestechung" u.a. Korruption ist ein multidimensionales Phänomen und es ist unmöglich, es einseitig zu betrachten. So wurde zu verschiedenen Zeiten der Begriff der "Korruption" von Karl Joachim Friedrich (der deutsche Politologe), Alexej Iwanowitsch Rarog (der russische Rechtswissenschaftler), Elena Rumjantseva (die russische Wirtschaftswissenschaftlerin) und anderen bekannten Persönlichkeiten gegeben.*

Diese Studie, insbesondere in Bezug auf die Ergebnisse der Umfragen, kann nützlich sein für Hochschullehrer und Studenten, Vertreter des Russischen Ministeriums für Bildung und Wissenschaft, die sich mit der Bewertung der Korruption und politischen Risiken im modernen Russland beschäftigen.

Stichwörter: *Korruption, Arten von Korruption, Haushaltskorruption, Hochschulbildung, Ministerium für Bildung und Wissenschaft, Ursachen von Korruption, Identität des Täters, Opfer von Korruption, Lehrer, Studenten, soziologische Forschungen.*

Cyberkriminalität im Carsharing als neue Bedrohung der Moderne

Molchanova V.A.

Ziel: *die Entwicklung von Cyberkriminalität im Bereich Carsharing, die Analyse dieser Art von Verbrechen und die Bildung von Maßnahmen zur Bekämpfung der Cyberkriminalität im Bereich der Carsharing-Dienste.*

Methodologie: analytische, rechtsvergleichende, formell-rechtliche Methoden, Synthese.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommt die Autorin zu dem Schluss, dass Carsharing als relativ neue Art von Dienstleistungen zu einer neuen Nische der Cyberkriminalität wird und eine rechtliche Regelung braucht: die Festlegung der allgemeinen Bestimmungen über Carsharing, seinen Standort in der Verkehrsinfrastruktur und die Standardisierung von Dienstleistungen in diesem Bereich, einschließlich der Bestimmung von Schutzmaßnahmen für persönliche Daten und von Möglichkeiten zur Identifizierung von Benutzern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Nach der Studie identifiziert die Autorin eine Nische der Cyberkriminalität wie Cyberkriminalität im Carsharing-Bereich, formuliert deren Begriff, Anzeichen, gibt eine detaillierte Klassifikation, beschreibt die von ihr entwickelten Maßnahmen, um mögliche Ausprägungen von Cyberkriminalität im Bereich des Carsharings in Zukunft zu warnen, was für die Entwicklung der Wissenschaft und die Verbesserung der Gesetzgebung genutzt werden kann.

Stichwörter: Cyberkriminalität, Carsharing, Warnmaßnahmen, Identität des Cyberkriminellen, Ursachen der Cyberkriminalität im Carsharing, Kriminologie.

Handel mit Minderjährigen

Rinov R.B.

Ziel: das Konzept und des Wesens des Handels mit Minderjährigen zu verstehen, die Persönlichkeitsmerkmale vom Akteur dieses Verbrechens zu untersuchen, die Ursachen und Bedingungen des Menschen Handels mit Minderjährigen zu analysieren und als Ergebnis die Optionen für die Verhinderung des in diesem Artikel behandelten Verbrechens vorzuschlagen.

Methodologie: dialektische, historische, rechtsvergleichende, konkrete soziologische, systematische Ansätze, logische Analyse, strukturelle Analyse.

Schlussfolgerungen. Die moderne russische Gesellschaft versteht das Ausmaß der Verbreitung und die soziale Gefahr des Kinderhandels noch nicht vollständig. Dazu gehören nicht nur zivile Transaktionen, sondern auch das verdeckte Adoptionsverfahren für Ausländer, bei dem russische minderjährige Staatsbürger ins Ausland vertrieben werden.

Darüber hinaus ist die Auslegung des Begriffs "Kauf und Verkauf" bislang nicht eindeutig und wirft nicht nur bei Wissenschaftlern, sondern auch bei Strafverfolgungsbeamten eine Reihe von Fragen auf, die eine strafrechtliche Verfolgung und die Wiederherstellung der sozialen Gerechtigkeit verhindern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der strafrechtliche Schutz von jugendlichen Opfern des Menschenhandels entspricht nicht dem allgemein anerkannten Rechtsgrundsatz des vorrangigen Schutzes durch den Schutz der Rechte und berechtigten Interessen von Kindern. Er berücksichtigt nicht die wachsende öffentliche Gefahr der gegenwärtigen und prognostizierten kriminellen Situation im Bereich der kriminellen Angriffe auf die normale Entwicklung von Kindern. In diesem Zusammenhang und unter Berücksichtigung der Unvollkommenheit und des Vorhandenseins großer Lücken in der Regulierung der Verantwortlichkeit für den Handel mit Minderjährigen im aktuellen Strafrecht der Russischen Föderation hat der Autor genau dieses aktuelle Thema für seine Forschung ausgewählt.

Stichwörter: Minderjährige, Kinder, Menschenhandel, strafrechtlicher Jugendschutz, Kaufhandel eines Kindes.

Das Problem der Sicherheit bei der Nutzung von biometrischen Daten der Bürger

Tarankov O.I., Poroshkina T.S.

Ziel: die Analyse der modernen Bedrohungen bei der Nutzung der biometrischen Daten der Bürger FR Ihre Autorisierung in verschiedenen elektronischen Systemen Durchzuführen, sowie die Mechanismen der Minimierung der Risiken zu entwickeln.

Methodologie: Abzug, formell-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Im 21. Jahrhundert gehören Technologien sehr schnell in den Alltag, was oft sowohl die korrekte Arbeit dieser Mechanismen als auch deren Sicherheit in Frage stellt. Heute bieten eine Reihe von staatlichen und kommerziellen Institutionen Zugang zu ihrem Instrumentarium durch biometrische Indizierung durch die Fingerabdrücke, die Iris oder die Stimme. Das System scheint perfekt. Es ist wie ein Schlüssel, der unmöglich ist, zu vergessen, zu stehlen oder zu fälschen. Es öffnet neue Seiten in der Geschichte der Computersicherheit. Aber ist die biometrische Authentifizierung so zuverlässig? Sind die Daten der Bürger wirklich geschützt? Gibt es mechanische, elektronische und rechtliche Schutzmethoden? Die Autoren sind überzeugt, dass solche Technologien unvollkommen

sind. Die weltweite Erfahrung zeigt, dass biometrische Daten die gleichen Informationen sind, die als Binärcode in Datenbanken gespeichert sind, die genauso anfällig für Hackerangriffe sind. Gleichzeitig schafft ein komplexer Mechanismus zum Sammeln dieser Informationen eine Reihe von Schwachstellen, die Angreifer ausnutzen können. Die Autoren betrachten die Verbesserung des Rechtsrahmens, so dass nur spezialisierte Staatliche Organisationen den Zugriff auf das Verfahren der Sammlung, Speicherung und Nutzung von biometrischen Daten der Bürger haben als die einzige Möglichkeit, die Risiken des Diebstahls personenbezogener Daten zu minimieren

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Hervorhebung von Schwachstellen in der Kette der Erfassung, Übertragung, Speicherung und Nutzung biometrischer Daten ermöglicht die Entwicklung eines Mechanismus zur Minimierung von Risiken bei der Nutzung dieser Technologie.

Stichwörter: Russland, biometrische Daten der Bürger, biometrische Identifizierung, Authentifizierung, Sicherheit.

Die Rezension zur Monographie “Neue Richtungen für die Entwicklung der Strafgesetzgebung in ausländischen Staaten: eine rechtsvergleichende Studie” / V.Yu. Artemov, I.S. Vlasov, N.A. Golovanova U.A.; Herausgeber: N.A. Golovanova, S.P. Kubanetsev; Moskau: Das Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation; Anwaltskanzlei Vertrag, 2019. 424 S.

Mikhailov V.I.

Die Rezension ist einer kollektiven Monographie von Wissenschaftlern des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation gewidmet. Die Rezension analysiert die Meinungen der Autoren der Monographie zu neuen Bereichen der Entwicklung des Strafrechts von Ländern, die verschiedenen Rechtsfamilien angehören, insbesondere zur Kriminalisierung verschiedener Erscheinungsformen von Ausbeutung von Kindern, Korruption und Cyberkriminalität. Darüber hinaus werden das Verhältnis von Verbrechen, kriminellen Fehlverhalten und Ordnungswidrigkeiten, die Formen der Umsetzung von internationalen Antikriminalität-Abkommen in Rahmen des nationalen Rechts, die Besonderheiten der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von juristischen Personen in verschiedenen Staaten sowie alternative Möglichkeiten zur Beeinflussung der Kriminalität untersucht. Für einige Bestimmungen der Monographie wird die Meinung des Rezensenten angegeben.

Stichwörter: Neue Wege in der Entwicklung des Strafrechts, Verhältnis von Straftaten und Verwaltungsdelikten, Ausbeutung von Kindern, Bekämpfung von Korruption, Cyberkriminalität, moderne Sklaverei, Verantwortung juristischer Personen, alternative Möglichkeiten zur Beeinflussung der Kriminalität.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Modern legal science at Kuban State University

Potapenko S.V., Luparev E.B.

Mission: the article deals with the development of research areas for both individual scientists and research teams at the Faculty of Law of Kuban State University. The combination of fundamental legal science with practical activities of law enforcement agencies is illustrated, as well as the prospects for increasing scientific knowledge in the conditions of actively changing social relations are outlined.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal legal method, system method, statistical method.

Conclusions. As a result of the research, the authors come to the conclusion that various studies of the legal regulation of public relations in the modern period at Kuban State University, although these studies take place within the framework of all-Russian trends in the development of legal science, have a number of distinctive features associated with the formation of new, original research directions. In addition, it is emphasized that the scientific schools formed at the Faculty of Law of Kuban State University meet the challenges of the time and reach the level of international scientific interaction.

Scientific and practical significance. The conclusions and suggestions made in the article are aimed at improving the effectiveness of coordinative interaction in the implementation of scientific research both in the Russian Federation and in the system of international scientific interaction.

Keywords: Kuban State University, Faculty of Law, scientific schools, research areas.

Conciliation procedures in Russian criminal process: Problems of legal regulation and trends in improving legislation

Adigezalova G.I., Potapenko S.V.

Mission: the process of institutionalizing alternative ways of resolving legal conflicts is observed in Russian legal practice and in the activities of law-making and law-enforcement bodies. The experience of expanding the use of reconciliation procedures over the past decade demonstrates the need for their implementation in the criminal process. The activity of the conciliators will not only reduce the burden on the courts of general jurisdiction, but will also allow for more efficient criminal prosecution, to minimize the destructive consequences of a conflict between the victim and the suspect.

Methodology: dialectical method, abstraction, analysis, synthesis, deduction, statistical method, formal legal method, system method.

Conclusions. As a result of the study, the author concludes that there are prerequisites for the integration of conciliation procedures in the Russian criminal process. An analysis of the legal regulation of conciliation in other branches of procedural law, as well as statistics, allows us to identify possible options for amending the criminal procedure rules of the Russian Federation.

Scientific and practical significance. The study identifies and develops the complex and practically significant problem of institutionalizing the conciliation procedures of the criminal process: mediation, judicial reconciliation and other options for reconciliation. The author substantiates the need for the introduction and detailed normative consolidation of conciliation procedures, the legal status of mediators in the criminal process, referring to the directions of state policy in this area, the trends in the development of procedural law and the insufficient effectiveness of the existing methods of resolving legal conflicts in Russian law aimed at preventing them and their optimal completion.

Keywords: legal conflict, criminal procedure conflict, criminal prosecution, conciliation, mediation, mediator, conciliator, restorative justice, judicial reconciliation, alternative methods of dispute resolution, criminal case of private prosecution, extrajudicial procedures.

Legal norms of international criminal law: concept, types, structure

Konyakhin V.P., Knyazkina A.K.

Mission: creation of a logically complete and internally consistent concept of the essential features, definition, types and structure of legal norms of international criminal law, which should not only fill the gap in the doctrine,

but should also be used as fundamental basis to determine further ways of optimization of scientific researches in this direction.

Methodology: general scientific dialectic method, as well as private scientific methods of cognition such as systemic-structural, logical-legal, comparative-legal, historical-legal and concrete sociological.

Conclusions. This article formulates the definitions of legal norms of international criminal law. Their classification is carried out depending on the method of regulation and the dominant purpose of legal consolidation. The structure of such legal norms is determined. The features of its constituent elements are highlighted.

Scientific and practical significance. The obtained results expand and deepen the theoretical understanding of the concept, classification and structure of regulatory requirements of international criminal law. These results could be claimed as one of the first attempts to extrapolate the basic provisions of the general theory of law to the specific "matter" of international criminal law.

The applied value of the findings lies in the possibility of their use in legislative process during implementation of the regulatory requirements of international criminal law in Russian national legislation. They can be used in the educational process at law schools in the country when teaching criminal and international criminal law courses, as well as in courses of professional development for judicial and law enforcement officials.

Keywords: international criminal law, norm, legal norm, types of legal norms, method of regulation, dominant purpose, structure of legal norm, hypothesis, disposition, sanction.

At the beginning of digitalization of Russian criminal court proceedings

Kostenko R.V.

Mission: this article examines the problem of digitalization of Russian criminal court proceedings, shows the successful experience of some countries in this area. It also states that, unfortunately, the Russian legislator is not in a hurry to digitalize criminal court proceedings.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal legal method, system method.

Conclusions. As a result of the research, the author comes to conclusions about the validity of the early transition of Russian criminal court proceedings to digitalization, to modern digital technologies, since the introduction of these technologies will help to achieve the main goal of justice in the consideration and resolution of criminal law conflicts – the establishment of justice for all.

Scientific and practical significance. The conclusions and suggestions made in this article are aimed at improving the effectiveness of Russian criminal court proceedings.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, electronic criminal case, digital technologies in criminal proceedings.

Features of investigation of crimes related to theft of funds when selling motor vehicles in car dealerships

Lozovsky D.N., Rudenko A.V.

Mission: to analyze the activities of investigating crimes related to the theft of funds when selling motor vehicles in car dealerships.

Methodology: analysis, system-structural method, situational approach, generalization.

Conclusions. Crimes of the studied category are characterized by a high degree of latency, since they are disguised as civil relations. The conditions for successful activities to prove theft of funds when selling motor vehicles in car dealerships are the correct organization of the entire investigation process, timely appointment of forensic examinations, effective interaction with operational divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, constant mutual exchange of information between investigators and operational staff, coordinated planning of investigative actions and operational search activities, high-quality execution of the investigator's orders, continuous, complete and comprehensive investigation of the circumstances of the criminal case.

Scientific and practical significance is determined by the possibility of using the materials of this article in the practical activities of law enforcement officers in the investigation of theft of funds when selling motor vehicles in car dealerships; in the educational process when teaching methods for investigating certain types of crimes.

Keywords: fraud, theft of funds, selling motor vehicles, method of committing crimes, tactics of investigation, individual investigative actions.

Pardon in Russia: Problems of implementation (in the light of the minutes of the joint meeting of the Office of the President of the Russian Federation and representatives of Executive authorities of the Southern Federal District)

Prokhorov L.A., Prokhorova M.L.

Mission: the article discusses the implementation of the institution of pardon in the Russian Federation, including in the light of the provisions of the minutes of the joint meeting of representatives of the Office of the President of the Russian Federation and representatives of the territorial bodies of the prosecutor's office, the executive branch of the Southern Federal District. The most complex problems and debatable aspects of its realization are identified. Certain measures are proposed to increase the effectiveness of this institution based on the results of a brief analysis of the work of the commissions on pardon issues in the territories of constituent entities of the Russian Federation.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal legal method, system method, statistical method.

Conclusions. As a result of the study, the authors come to conclusions about the validity of the existence of the institution of pardon as a manifestation of humanism, mercy for the criminal, forgiveness by his state; on the feasibility of showing greater confidence in decisions taken by pardon commissions in the territory of the constituent entities of the Russian Federation. Such decisions are based on a serious analysis of the nature and degree of public danger of the crime committed. They also reflect the study of the characteristics of a convicted person before the commission of the crime and during the serving of the sentence. The level of a convict's correction as a result of educational measures conducted by the administration of the correctional institution is established there. The authors also believe that there is a need for more effective adaptation of pardoned persons.

Scientific and practical significance. The conclusions and suggestions substantiated in the article are aimed at increasing the efficiency of the implementation of the institution of pardon in the Russian Federation.

Keywords: pardon, amnesty, petition of the convict, social adaptation, forgiveness of the offender, correction of convicts, penal system, serving the sentence, punitive policy, criminal policy, effectiveness of the institution.

Provocation of a crime in operational-search activity

Sementsov V.A.

Mission: procedural, forensic and criminal legal understanding of the prohibition on provocation of a crime in operational-search activity (OSA). The judicial practice of the European Court of Human Rights, the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation is taken into account.

Methodology: analysis, comparison, formal legal method, method of legal multidisciplinary research.

Conclusions. Provocation of a crime in OSA is defined as actions of its subjects that are not compatible with this activity. It is stated that provocation is excluded if the goal is to solve the tasks of operational-search measures and if there are legal grounds. The intent of an OSA object must also be formed independently of the activities of operational staff.

Scientific and practical significance. The study of provocation in OSA as a method of fighting crime revealed certain trends in judicial practice based on legal positions. It allowed to reveal the most characteristic shortcomings in the activities of OSA bodies that are interested in the set parameters of crime detection. The study also allowed to identify ways to eliminate them.

Keywords: operational search activity, provocation of a crime, events, illegality, legal positions, judicial practice.

Compulsory works in modern Russian legislation: criminal law research

Kuznetsov A.P.

Mission: to conduct a criminal law study of compulsory works as a form of criminal punishment.

Methodology: comparative legal, logical-legal, system-structural methods.

Conclusions. In the penal system, compulsory works occupy a special place and is its most important type. It constitutes a real alternative to imprisonment: they reduce the level of criminal legal repression; relate to a less expensive form of punishment; allow to minimize the negative consequences of serving a sentence for the convict.

The essential content of criminal punishment in the form of compulsory works includes a set of legislative measures aimed at depriving and limiting the rights, legitimate interests assigned to a convicted person in the process of serving a sentence.

Scientific and practical significance. The article consists in the disclosure of the essential features of compulsory works as a form of criminal punishment. It allows to overestimate their social, legal and economic content.

Demonstration of conceptual features of compulsory works opens up new horizons in the further understanding and development of compulsory works included in the system of modern types of punishment.

Keywords: *compulsory works, punishment, criminal policy, state, prevention. alternative punishment.*

Criminal law in the Digital Age

Serebrennikova A.V., Lebedev M.V.

Mission: *to analyze the main trends related to the digitalization of criminal law in the most discussed areas. To analyze and summarize the positions of researchers regarding the construction of norms on responsibility for computer crimes in the domestic criminal legislation. To reflect the main areas of use of artificial intelligence in the process of qualification of crimes and in law enforcement activity. To consider the use of information technologies in the educational process when training specialists for law enforcement agencies.*

Methodology: *general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction; private scientific methods: formal legal and dialectical methods.*

Conclusions. *As a result of the research, the authors conclude that the achievements of recent years in the field of digital technologies have created not only a number of new problems with crime, but also contributed to the prevention, detection, investigation, prosecution of crime and punishment for it. However, many issues related to their use in criminal law have remained unresolved. Today, the science of criminal law is faced with the task of developing a model of systemic updating of domestic criminal legislation, the effectiveness of which directly depends on the ability of the legislator to perceive trends in the field of information technology and crime challenges.*

Scientific and practical significance. *The authors' view on the actual problem in criminal law science is presented. The results of the study and the conclusions formulated in this article can be used in the educational process when studying the sciences of the criminal law cycle at higher education institutions.*

Keywords: *digital technologies, criminal law, qualification of crimes, artificial intelligence, digitalization, computer crimes.*

Socio-economic and legal conditionality of criminalization of debt collection activity in Russia

Dubov E.I.

Mission: *to prove the existence of socio-economic and legal conditionality of criminalization of activities on repayment of overdue debts.*

Methodology: *analysis, deduction, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *Under the socio-economic and legal conditionality of criminalization of activities for the return of overdue debts should be understood: the presence of a set of interrelated phenomena and facts of economic, social, legal and other nature, confirming the need to increase the level of control by the state with the help of legal instruments, including those of a criminal law type. The problems of «debt collection activity» in various areas of public relations causing the need for criminalization of this activity are revealed.*

Scientific and practical significance. *Theoretical and legal analysis revealed the importance of socio-economic and legal conditionality of criminalization of acts in the field of repayment of overdue debts. The problems of legal character were revealed. A serious legal conflict appears when a credit organization transfers personal data of the debtor to the third parties. In addition, general social problems concerning the existing facts of «unlimited» methods of debt repayment by unscrupulous «collectors» were noted. As economic arguments of criminalization of this activity, the following facts were revealed: about the dynamic growth of crediting by individuals and that the income level of one third of borrowers is much less than the sum of monthly loan repayment. All these facts testify to the need to improve the existing and create new rules establishing responsibility for criminal acts involving the return of overdue debts, to develop common approaches to the legal assessment of such encroachments, to modernize measures to counteract them.*

Keywords: *socio-economic conditionality, legal conditionality, criminalization, overdue debt, collection activities, credit.*

Remember all about transnational criminal organisations: a criminological essay

Matskevich I.M.

Mission: *to analyze the differences and common features of modern transnational criminal organizations. To propose new terms and concepts for scientific use.*

Methodology: historical and dialectical methods, methods of comparative analysis and methods of conceptual connections.

Conclusions.

The number of common features of modern transnational criminal organizations prevails over the number of their differences.

Transnational criminal organizations have become a global threat.

International cooperation of transnational criminal organizations is much faster than the development of a model of international cooperation in countering their illegal activities.

The emergence of new and more dangerous transnational criminal organizations than those currently known is to be expected.

Scientific and practical significance. The article presents a new scientific abbreviation – TNCO (in Russian: ТНПО) – “Transnational criminal organization”. The abbreviation will simplify the description of the criminal organizations in question.

It is proved that all TNCOs are based on the common principles.

Experience shows that the main thing in the fight against TNCOs is the undermining of their social framework. The framework is structured on the poorest segments of the population and on the venality of officials.

Keywords: criminologist, organized crime, syndicate, cartel, criminal business, drug trade, slave trade, weapons, racketeering, corruption, law enforcement, prevention.

Linguistic regulation of the society: Germany’s experience in preventing extremism

Ovchinnikova E.O.

Mission: to consider the «conceptual» approach to combat extremism practiced by different states, in this case, Germany. To analyze the way the work of state and public institutions may be organized to monitor and restrain this negative phenomenon.

Methodology: dialectical method, sociological method, linguistic analysis, system-structural analysis, synthesis.

Conclusions. In modern Germany, as well as in a number of other countries, the problem of extremist movements is very acute today. They have become a permanent threat to the life of society. The state’s tasks in this area can be divided into three groups: 1. identification and direct termination of the extremist activities; 2. “deradicalization” of criminals engaged in this type of activity; 3. preventing the spread of radical ideas among ordinary citizens.

We can distinguish the «conceptual» approach as one of the various methods and approaches used within the third group. It is often manifested in the political discourse (here, information space and its actors). This approach is aimed at creating a national ideological basis among people, which at the cognitive level excludes or reduces the degree of trust in other ideologies, especially those that provoke hostility and violence.

Scientific and practical significance. The effectiveness of the conceptual approach is difficult to assess in isolation from the rest of the set of preventive measures, since the approach is shown in a certain formulation of the content of various information materials. There is also the problem of defining the time limits for which a noticeable result can be expected. An individual’s perception of an ideology and reaction to it are purely individual and depend on a large number of factors. However, this approach deserves attention because of its worldwide practice, in particular in Germany.

Keywords: extremism, conceptual approach, deradicalization, ideology, preventive measures, state system, liberal democracy, spreading propaganda, political discourse, foreign practice.

Combatting Terrorist Financing as a task for the International Community

Hellmann U.

Mission: this work’s aim is to argue that the fight against terrorism and terrorist funding is a task that cannot be accomplished by individual national legal systems, but requires uniform principles on the part of the international community of states. The article describes the principles laid down in international law and their implementation in German criminal law.

Methodology: formal legal method; analysis of the historical development; analysis of the practical relevance; analysis of the principles of international law.

Conclusion. To fight terrorism effectively, measures have to be taken at an early stage. It is not sufficient to only prevent a precise act of terrorism; the preparation of this act and its funding need to be blocked as well. Terrorism

and the funding of terrorism should not only be combatted by military or criminal law. It is necessary to eliminate the causes and, if necessary, to negotiate in order to reach an agreement.

Scientific and practical significance. *the incorporation of the § 89c German Criminal Code, titled as “Funding of terrorism”, has been criticised by the legal doctrine. It is stated that criminal liability is put into the preliminary stage of the actual act of terrorism. To fulfil obligations created by international law, so called “terror tourism” had to be put under the rules of criminal law. As a consequence, several other German laws had to be reformed, for example the Code of Criminal Procedure (StPO), the German Banking Act (KWG), the Money Laundering Act (GWG) and the Insurance Supervision Act. The main practical significance is that law enforcement authorities can intervene in advance of terrorist offences in order to prevent the funding of such acts.*

Keywords: *terrorist offences, funding of terrorism, European regulations, international regulations, combating terrorism, combatting terrorist financing, , Financial Action Task Force (FATF).*

Combating counterfeit pharmaceuticals in the European Union and in Germany

Stage D.

Mission: *this work’s aim is to present current legal developments in the fight against drug counterfeiting in the European Union and in Germany. For this purpose, an overview of the trade in counterfeit medicines is given; in addition, measures taken by legislators in the European Union and in Germany to combat the counterfeiting of medicines are examined in detail. The article deals with the Anti-Counterfeiting Directive (Directive 2011/62/EU) and the Delegated Regulation (EU) 2016/161, which regulates specific security features on pharmaceutical packaging. One focus of the paper is the presentation of the system that ensures the identification and authentication of medicinal products through end-to-end verification. In addition, the sanctions for violations of the Delegated Regulation (EU) 2016/161 are discussed.*

Methodology: *legal method; analysis of the measures taken by legislators; analysis of the practical relevance.*

Conclusions. *The adoption of the Anti-Counterfeiting Directive (Directive 2011/62/EU) as well as the entry into force of the Delegated Regulation (EU) 2016/161 and the German Act for the Security of Pharmaceutical Supply (GSAV) are important steps to combat counterfeit medicines and to increase patient safety. The introduction of qualified safety features on the packaging of medicinal products is likely to have made it considerably more difficult for counterfeit medicinal products to enter the legal distribution chain.*

Scientific and practical significance. *In connection with the fight against counterfeit medicines, new elements of the law on administrative offences have come into force. These laws will have to be investigated by jurists in the future.*

Keywords: *Commercial criminal law; pharmaceutical criminal law; counterfeit drugs; Anti-Counterfeiting Directive (Directive 2011/62/EU); Delegated Regulation (EU) 2016/161; end-to-end verification; individual distinctive feature; GSAV.*

The European Investigation Order in criminal matters

Terzikyan S.

Mission: *of the paper is to consider the Directive on the European Investigation Order in criminal matters (Directive 2014/41/EU), which was adopted by the European Council and the European Parliament on 3 April 2014. This represents the legal instrument of the European Union for the mutual recognition of investigation orders within criminal proceedings or preliminary investigation procedures. The main objective of the article is to examine the regulations for the Member States for a mutual recognition of all cross-border investigative measures for obtaining evidence. The article examines the provisions of the Directive on the European Investigation Order (Directive EIO) and their implementation into German law and explains some of the concerns to ensure effective judicial protection.*

Methodology: *legal method; analysis of the implementation of legal requirements.*

Conclusions. *Despite the existing concerns and discussions, the EIO and its implementation into national law should lead to effective cooperation in combatting cross-border crime. The Directive EIO aims to enable and ease the collection and transmission of evidence at the request of one Member State, the so-called issuing State, on the territory of the other Member State, the executing State. In addition, the EIO is based on a single instrument in the EU, which abolishes old agreements and simultaneously introduces a new regime of mutual assistance in legal matters that intends to accelerate the investigation procedure. However, this should not only contribute to the acceleration of proceedings, but also aims to achieve a mutual compliance with the national legal framework.*

Scientific and practical significance. This study can be used by employees of educational and research institutions of the criminal prosecution system as well as by criminal law scholars and students who work in the field of criminal law and, especially, criminal procedural law. The practical relevance of the paper also consists in promoting a development of measures of mutual assistance in criminal matters concerning the fight of different states against cross-border crime.

Keywords: European Investigation Order, directive, preliminary investigation, issuing State, executing State, obtaining evidence, investigative measures, mutual legal assistance, mutual recognition, judicial discretion, judicial protection.

Adaptation measures to climate change: improving the environmental legislation of the Russian Federation in the light of joining the Paris Climate Agreement

Rednikova T.V.

Mission: to prove the relevance of the problem of climate change. To consider the spheres of life of the Russian Federation that are most negatively influenced by this problem.

Methodology: formal legal method, comparative legal method, deduction, analysis.

Conclusions. Over the past decade, the search for solutions to the problems caused by global climate change has become an important part of public policy in most developed countries, including the Russian Federation. Changes in environmental conditions have a noticeable impact on the life of our country due to its vast territory and reasonable dependence on natural resources. In order to contain the growing threat of potential damage to both the population and key sectors of the country's economy, it becomes necessary to take immediate adaptation measures to climate change.

Scientific and practical significance. The article examines various spheres of Russian society and economy that are affected by climate change. They are accompanied by irreversible changes in ecosystems and the frequent occurrence of environmental anomalies, including natural disasters. The author suggests ways to solve this set of problems by taking adaptation measures and maintaining them. The analysis of adaptation measures is proposed taking into account the provisions of the Paris climate agreements.

Keywords: climate, environmental protection, adaptation, natural resources, climate change, ecology, risks, adaptation measures.

Controversial issues of the peasant farm economy reorganization

Ustyukova V.V.

Mission: to consider controversial issues related to the legal regulation of relations between peasant farm economies of various types. To offer solutions for these issues.

Methodology: analysis, synthesis, dialectical, formal logical and system methods.

Conclusions. Relations on creation of farms on the basis of the peasant farm economies property, operating without formation of legal entity, business partnership or production co-operatives in accordance with article 259 of the Civil Code should be viewed as the reorganization in the form of transformation. However, some researchers deny this approach. In the Civil Code, the terms "reorganization" or "transformation" in relation to this situation are not used. This conclusion is based on the fact that in such cases, the newly created legal entity has legal succession for all the obligations of the former farm. This distinguishes the reorganization from the liquidation of a legal entity. The question of transforming a peasant economy-non legal entity into a legal one has become even more relevant due to the inclusion in the Civil Code of the Russian Federation of a new article 86.1. It also does not contain the term "reorganization" (in the form of transformation). Therefore, its interpretation in the literature is also ambiguous. As for farms that are legal entities, the law also does not regulate relations connected with their reorganization in various forms. In order to protect the rights of farmers and their creditors, it is proposed to make appropriate changes to civil legislation. On this basis it is recommended to adopt a new law "On peasant farm economy". In this law, the norms of the Civil Code of the Russian Federation would be developed.

Scientific and practical significance. The conclusions formulated in the article develop the theory of agrarian and civil law. The proposals made on their basis can be used for improving legislation.

Keywords: peasant farm economy, property, membership, legal entity, reorganization, transformation, succession, obligation, civil legislation.

Criminological analysis of non-fulfillment of duties of upbringing of a minor

Goltser T.A., Sorokina K.A.

Mission: *the criminological analysis of non-fulfillment of duties of upbringing of the minor as the crime stipulated by article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation and the development of a system of measures to prevent this type of crime based on a comprehensive study of its criminological aspects.*

Methodology: *analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, the dialectical method, the statistical method, the sociological method.*

Conclusions. *As a result of the study, the authors established the causes of violence against minors, studied the conditions that impede their normal physical and mental development, and identified measures to prevent child abuse.*

Scientific and practical significance. *The results of the study can be used to improve the criminal legislation of the Russian Federation, as well as in the educational process and in scientific research on this issue. The set of measures developed by the authors can be applied by state organizations, law enforcement agencies to achieve positive results on the prevention of non-fulfillment of obligations to raise a minor, child abuse.*

Keywords: *criminological analysis, failure to fulfill the duties of upbringing of the minor, ill-treatment, abuse, minors, parents, victimization, responsibility, prevention measures.*

Corruption in Russian higher education

Mitrofanov N.V.

Mission: *to study the main problems related to corruption in the sphere of Russian higher education. To achieve this goal, it was necessary to perform a number of tasks: to analyze the term “corruption” and give its general characteristics; to identify the main reasons and conditions for committing corruption crimes in higher education institutions; to consider the identity of the criminal and the victim of corruption; to conduct a survey among students and teachers on this topic.*

Methodology: *dialectical and historical method of knowledge, analysis, synthesis, deduction, survey.*

Conclusions. *During to the research, the following conclusions were made.*

Corruption in education is a relatively new type of crime that appeared in Russia at the end of the XX century.

The problem of corruption in education in Russia today is very acute. Its causes overlap with the causes of corruption as a general socially negative phenomenon.

The identity of a corrupt criminal in the field of higher education consists of a set of specific features and individual characteristics that distinguish him from other criminals and law-abiding citizens.

There is a significant difference in the assessment of the extent of corruption in higher education by teachers and students: in the survey, only one of the teachers faced corruption in the field of higher education in Russia while every third student said that he personally gave money to the teacher.

Scientific and practical significance. *There is a large number of regulatory legal acts dedicated to the sphere of corruption. In particular, they include: the Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ; Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation”; Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ “On combating corruption”, etc. Corruption is a multidimensional phenomenon and it is impossible to consider it unilaterally. So, at various times, the concept of “corruption” was given by such people as Karl Joachim Friedrich (German political scientist), Alexey Ivanovich Rarog (Russian legal scientist), Elena Rumyantseva (Russian economist) and other famous personalities.*

This research, especially in terms of the results of the surveys, can be useful to teachers and students of higher education institutions, representatives of the Ministry of Education and Science of Russia, as well as political scientists who are engaged in assessing corruption and political risks in modern Russia.

Keywords: *corruption, types of corruption, domestic corruption, higher education, Ministry of Education and Science, causes of corruption, criminal identity, victims of corruption, teachers, students, sociological research.*

Cybercrime in the car-sharing as a new present threat

Molchanova V.A.

Mission: *development of a characteristic of cybercrime in the car-sharing, analysis of this type of crime and formation of measures to counter cybercrime in the field of car-sharing services.*

Methodology: *analytical, comparative-legal, formal-legal methods, synthesis.*

Conclusions. As a result of the conducted research, the author concludes that carsharing as a relatively new type of service is becoming a new niche of cybercrime. It needs legal regulation: the definition of general provisions on carsharing, its place in the transport infrastructure and standardization of the provision of services in this field, including the definition of measures to protect personal data and ways of identifying users.

Scientific and practical significance. As a result of the conducted research, the author identifies a niche of cybercrime in the carsharing, formulates its concept, signs, gives a detailed classification, describes the measures developed by him to prevent possible manifestations of cybercrime in the sphere of carsharing in the future, which can be used for the development of science and improvement of legislation.

Keywords: cybercrime, carsharing, prevention, identity of cybercrime, reasons for cybercrime in carsharing, criminology.

Trafficking in minors

Rinov R.B.

Mission: to understand the concept, as well as the essence of trafficking in minors, to study the personality characteristics of the subject of this crime, to analyze the causes and conditions of trafficking in minors, because of which to propose options for the prevention of the crime considered in this article.

Methodology: dialectical, historical, comparative legal, concrete sociological approach, systemic approach, logical analysis, structural analysis.

Conclusions. Modern Russian society still does not fully understand the scale of distribution and the social danger of trafficking in children, which includes not only civil law transactions, but also the undercover foreign adoption process involving the removal of Russian minor citizens abroad.

In addition, to date, the interpretation of the term “sale and purchase” is ambiguous and raises a number of questions not only among scientists, but also among law enforcement officials, which prevents criminal prosecution and the restoration of social justice.

Scientific and practical significance. The state of the criminal legal protection of juvenile victims of trafficking does not comply with the generally recognized legal principle of priority protection by the state of the rights and legitimate interests of children. It does not take into account the growing public danger of the current and predicted criminal situation in the field of criminal attacks on the normal development of children.

In this regard, and also taking into account the imperfection and the presence of huge gaps in the regulation of the responsibility for trafficking in minors in the current Criminal Law of the Russian Federation, the author has chosen exactly this relevant topic for his research.

Keywords: minors, children, trafficking in persons, criminal legal protection of minors, purchase and sale of a child.

The problem of security when using biometric data of citizens

Tarankov O.I., Poroshkina T.S.

Mission: to analyze modern threats when using biometric data of citizens for their authorization in various electronic systems, as well as to develop mechanisms to minimize risks.

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. In the 21 century technologies enter everyday life very quickly. This often calls into question both the correct operation of these mechanisms and their safety. Today, a number of government and commercial institutions offer access to their tools through biometric identification by fingerprint, iris or voice. The system seems perfect, the key that cannot be forgotten, stolen or forged opens new pages in the history of computer security. But is biometric authentication so reliable? Is the data of citizens under reliable protection? Are there mechanical, electronic and legal methods of protection? The authors believe that such technologies are imperfect. World experience shows that biometric data is the same information stored in the form of binary code in databases that are also susceptible to hacker attacks. At the same time, a complex mechanism for collecting this information creates a number of weaknesses that can be exploited by attackers. The authors consider the improvement of the legislative framework, allowing only specialized state organizations to have access to the procedure of collection, storage and use of biometric data of citizens as the only way to minimize the risks of personal data theft.

Scientific and practical significance. The identification of weaknesses in the chain of collection, transmission, storage and use of biometric data, allows us to develop a mechanism to minimize risks when using this technology.

Keywords: Russia, biometric data of citizens, biometric identification, authentication, security.

Review of the monograph “New Directions of the Development of Criminal Legislation in Foreign Countries: comparative law research” / V.Yu. Artemov, I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, etc; Executive editors N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev; Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law Firm Contract, 2019. 424 p.

Mikhailov V.I.

The review is devoted to a collective monograph by scientists of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. The review analyzes the opinions of the authors of the monograph on new directions in the development of criminal legislation in countries belonging to different legal families. In particular, on the criminalization of various manifestations of child exploitation, corruption, cybercrime. In addition, the relationship of crime, criminal misconduct and administrative offense, the forms of implementation of international treaties in the framework of national law, the peculiarities of the criminal liability of legal entities in different states, alternative ways of influencing crime are considered. For certain provisions of the monograph, the opinion of the reviewer is stated.

Keywords: *new directions, development of criminal legislation, the ratio of crimes and administrative offenses, exploitation of children, fight against corruption, cybercrime, modern slavery, responsibility of legal entities, alternative ways of influencing crime.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от **1 500 до 3 000 знаков**.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
<i>Scientific and practical significance.</i>	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)